DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/oktiabrskaiarevo11unse

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРВОЕ ПЯТИЛЕТИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И[illegible]ТЕ[illegible]ИНЫ
ХАРЬКО[illegible]

947.083
O41
t.1.

ВСЕУКРАИНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

▽ ▽ ▽

ПЕРВОЕ ПЯТИЛЕТИЕ

Государственное Издательство Украины
Харьков — 1922

Настоящее издание напечатано во второй Государственной типографии в количестве пяти тысяч экземпляров, из них тысяча именных

Набор и печать производились под наблюдением наборщика-инструктора Ю. Л. Левина

Обложка, заставки и концовки работы художника А. И. Страхова

Содержание

1917—1922

стр.

От Первого к Четвертому Конгрессу Коминтерна—Ф. Кона . 3

Международ. положен. Советских Республик—Х. Раковский 29

От Октября до Нэпа—И. Дашковского 41

Крестьянство в революции—Д. Лебедя 77

Бумажный рубль за пять лет революции— А. Гринштейна 83

К истории К. П. (б) У.—М. Яворского 93

Три года в истории развития профессионального движения на Украине—Б. Колесникова 131

Красные профсоюзы на Украине—Я. Соколина 151

Состояние К. П. (б) У. к пятилетию Октябрьской Революции—А. Гилинского 167

Октябрьская революция и Красная Армия—Н. Рабича . . . 185

Школа Революции—В. Затонского 191

Крушение мелкобуржуазной идеологии—В. Рожицына . . . 199

Украинская интеллигенция и Советская власть—С. Пилипенко 237

Церковное контр-революционное движение на Украине—И. Сухоплюева 259

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

Пять лет борьбы за признание Советской власти 279

Сельское хозяйство на Украине за годы революции 299

На пути к победе на промышленном фронте 323

Политика и практика внешней торговли У. С. С. Р. 357

Пять лет продовольственного дела на Украине 383

Финансы 397

Красная Армия на Украине 411

Просвещение на Украине за годы революции 435

Организация труда 461

Здравоохранение 471

Социальное обеспечение 487

Транспорт 497

Связь 505

Рабоче-Крестьянская Инспекция—Госконтроль 509

ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ.

стр.

Водоворот—А. Затонского 517
Памяти Перекопа и Чонгара—М. Фрунзе 537
Латышский Культурный Центр в Харькове--Бирзнека-Силина 575
Харьковские рабочие в борьбе с калединщиной и красновщиной—Бирзнека-Силина 579
Екатеринослав в 1917—1918 г.—В. Аверина 585
Как назревал в Одессе Октябрь—В. Б. 595
Большевики в Одессе накануне Октября—И. Кристаловского 607
Октябрь в Юзовке—Ф. Зайцева. 617
Луганск. История одной организ. компартии—И. Николаенко 631
Киевский арсенал в октябрьские дни—П. Горичева 635
Борьба за власть в Крестьянском уезде—И. Коваль 639
1917-18 годы на Полтавщине—С. Сметинича 645
Восьмая армия Румфронта—Я. Муравника 653
Четыре месяца борьбы на Юго-Западном фронте—Т. Симонов 659

РИСУНКИ.

Группа депутатов Государственной Думы—большевиков, сосланных в Сибирь за протест против империалистической бойни.

Центральный Комитет КП(б)У, избранный на 5-ой Всеукраинской Партконференции.

Центральный Комитет КП(б)У, избранный на 6-й Всеукраинской Партконференции.

Группа товарищей—руководителей революционного движения на Украине в период 1919 г.

Участники Октябрьского переворота в Харькове.

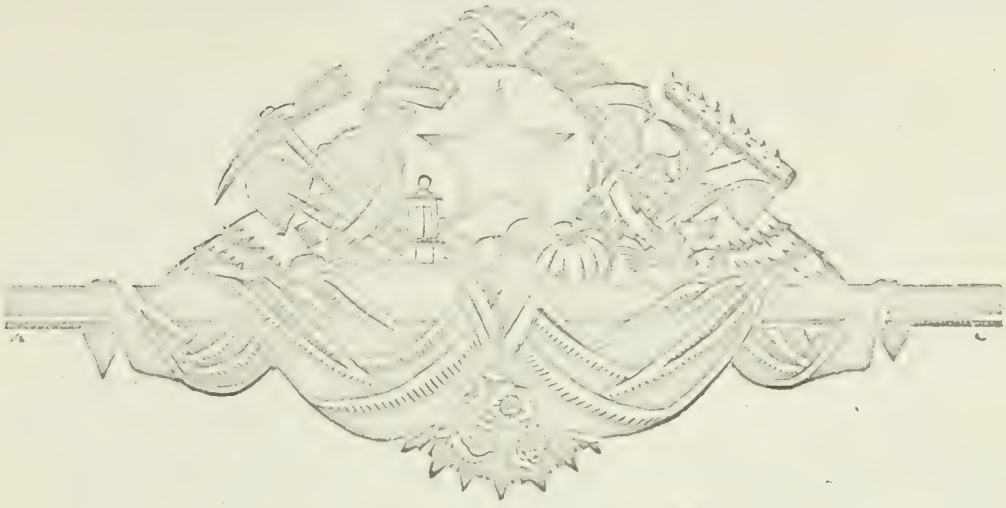
Группа Екатеринославских работников до-Октябрьского периода.

Наступление Харьковских рабочих против Каледина в 1918 г.—(Красно-Гвардейцы исправляют взорванный мост).

Наступление Харьковских рабочих против Каледина в 1918 г.—(у братской могилы на ст. Гуково).

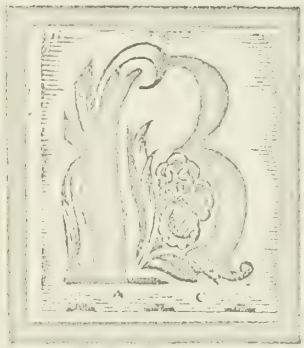
Общая редакция в лице т.т. Д. Лебедя и В. Затонского

1917–1922



От Первого к Четвертому Конгрессу Коминтерна

I



момент, когда над капиталистическим миром разразился гром Октябрьской Революции, со стороны пролетариата Запада не последовало немедленного отклика на нее, несмотря на наличность в каждой из европейских стран внутренних анти-империалистических сил. В значительной мере это об'ясняется тем обстоятельством, на которое еще в октябре 1918 г. указал тов. Ленин.

«Величайшая беда и опасность Европы—в том, что в ней нет революционной партии. Есть партии предателей в роде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Уэббов и К° или лакейских душ, в роде Каутского. Нет партии революционной.

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью [1])».

Вождь всемирного пролетариата уже тогда точно и ясно определил путь борьбы с этой «бедой и опасностью», призывая к поддержке революционных групп действительно интернационалистских пролетариев, которые есть во всех странах, и предсказывая, что пролетариат отвернется быстро от предателей и от ренегатов и пойдет за этими группами, воспитает себе из них своих вождей: недаром воет буржуазия всех стран о «мировом большевизме». «Мировой большевизм победит мировую буржуазию».

[1]) Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч. т. XV, стр. 429.

Эти прогнозы Владимира Ильича исполнились. Уже в начале марта 1919 года, т.-е. менее, чем через пять месяцев после опубликования цитированной нами статьи, в Москве по поручению ЦК РКП был открыт т. Лениным первый международный коммунистический Конгресс.

Приветствуя этот с'езд, на котором присутствовало всего 35 делегатов с решающим голосом, т. Ленин подчеркнул его великое всемирное историческое значение:

«Он (конгресс) доказывает крах всех иллюзий буржуазной демократии, не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, например, в Германии. Гражданская война стала фактом (курсив наш).

Буржуазия испытывает безумный страх перед ростом революционного движения пролетариата. Это станет понятным, если мы примем во внимание, что ход событий после империалистической войны неизбежно способствует революционному движению пролетариата, что международная мировая революция начинается и усиливается во всех странах.

Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Таковой является советский строй и диктатура пролетариата».

Указав на то, что «практическая форма диктатуры найдена рабочими массами», что она стала понятной для этих масс, благодаря Советской власти в России, что на лозунг Советов откликаются пролетарские массы в различных странах, т. Ленин, не предсказывая, конечно, ни момента наступления революции, ни темпа ее развития, закончил свое заявление словами:—«Пусть буржуазия свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих—победа всемирной коммунистической революции обеспечена».

В настоящее время, после пяти лет революции, когда Р. С. Ф. С. Р. все еще продолжает быть единственной Советской республикой в мире, особенно важно отметить, что ставшая фактом гражданская война, неослабевающая борьба пролетариата за власть, бессилие буржуазного мира, несмотря на все принимаемые им отчаянные меры, наладить довоенные отношения, ежедневные гигантские схватки труда с капиталом,—все это свидетельствует о правильности тогдашнего прогноза вождя мировой революции. И если развитие революции в мире идет медленнее, чем мы этого ожидали и желали,—идет неизмеримо медленнее, чем в России, то это происходит, в частности, от той причины, на которую указал Ильич еще 13 марта 1918 года в речи, произнесенной на заседании Московского Совета Р. К. и Кр. Депутатов.

«Враги, с которыми нам приходилось иметь дело до сих пор—Романовы, Керенский, мелко-буржуазные соглашатели, наша тупая, трусливая, неорганизованная буржуазия,—разве это враги? Ныне мы вступаем в борьбу с действительно опасным врагом, хорошо организованным, обладающим завоеваниями высокой техники,—с буржуазией международной».

С этой международной буржуазией русскому пролетариату, уже завладевшему властью в своей стране, было трудно справиться, и эта борьба обошлась ему, помимо цены крови, очень дорого, усугубив разруху, затормозив все попытки строительства.

Во сто крат труднее была эта борьба для пролетариата Запада.

«Гражданская война,—отметил в своем докладе на I конгрессе представитель Германии тов. Альберт,—будет вестись с таким ожесточением, какого не знает мировая история».

И это не были пустые слова.

«Когда пролетариат забастовками (в Германии) показал, что он не намерен допустить применения старых методов угнетения, соратники Эберта-Шейдемана вступили в решительный бой с пролетариатом и впервые обрушились на него на улицах Берлина с пулеметами и пушками. В декабре 1918 года на улицах Берлина против мирно демонстрировавших рабочих были направлены пулеметы и пушки. Много лучших товарищей было убито или тяжело ранено».

Это была первая схватка. 19 января 1919 года без какого-либо лозунга со стороны партии и без каких-либо директив с ее стороны рабочие заняли ряд типографий, первым долгом типографию «Форвертса», который уже давно был ненавистен рабочим. После нескольких дней борьбы социалисты большинства, руководившие правительством, ввели в бой белогвардейцев, которые должны были очистить Берлин. «Первые парламентеры, вышедшие из здания «Форвертс» просто были зарублены на смерть солдатами. 7 человек было убито. После подавления движения белогвардейцы стали арестовывать и бросать в тюрьму всех, примыкавших к союзу Спартак. Таким образом, попали в руки палачей наши лучшие вожди К. Либкнехт и Р. Люксенбург и были ими убиты на улице. Такая же судьба постигла и многих других спартаковцев: они были умерщвлены и зарыты фанатиками—солдатами и офицерами».

Такие же явления отмечены в отчетах почти всеми делегатами на конгрессе.

Тов. Платтен отмечает: «Швейцарский пролетариат думал, что сможет вести борьбу без оружия путем простого прекращения работы и путем проявления необходимой стойкости», но уже несколько дней спустя «рабочие поняли, что грядущие битвы нельзя будет вести таким образом, что это будут кровопролитные восстания». «За поражением последовала страшная реакция. Почти все товарищи, руководители движения, отданы под суд. Сотни железнодорожников, таким образом, предстанут перед военными следственными властями, так как они отказались исполнять свои служебные обязанности».

Представитель Финляндии тов. Сирола сообщает: «Ни храбрость, ни самопожертвование рабочих и работниц Красной Гвардии, ни неоценимая помощь наших русских товарищей не смогли отразить напор международных шаек белогвардейцев, находившихся под командой финских, шведских, германских и русских офицеров.

Всем известна варварская, кровожадная мстительность белых.

Целые месяцы свирепствовали «мясники», расстреливая сотни финских пролетариев вместе с русскими товарищами и инструкторами Красной Армии, не различая пола и возраста. По недавно опубликованным сообщениям финских газет, общее число убитых превышает 13 тысяч,—кроме того, постоянно печатаются дополнительные известия, сообщающие о расстреле в той или иной общине 100-300 и более пролетариев. Нужно прибавить к этим цифрам еще 15.000 человек, погибших в концентрационных лагерях от голода, болезней и истощения».

Представитель Голландии тов. Ретгерс указывает на такое же явление в своей стране: «В Голландии было несколько массовых демонстраций, при чем при столкновении с войсками были жертвы. Женская демонстрация, состоявшаяся по случаю годовщины русской революции, была разогнана полицией, причем была ранена тов. Роланд Хольст.

Как только вспыхнула первая Германская революция, в Голландии произошли демонстрации с убитыми и ранеными. Буржуазией овладела паника: общественные здания были обложены мешками с песком и по вечерам войска держались наготове».

Во всех других странах были такие же явления. Повсюду, по выражению тов. Ленина, «чувствуется дыхание нарастающей пролетарской революции», но повсюду же буржуазия не останавливается ни перед тем, чтобы кровью пролетариев залить революционный пожар, и повсюду, кроме России, предательство соглашателей и отсутствие подлинной революционной партии способствует подавлению пролетариата. Положение осложнилось тем, что рабочий класс, изверившись в своих вождях, стал скептически относиться вообще к партиям, в частности к таким организациям, как Интернационал, окончательно дискредитированный Вандервельде и иже с ним и во время войны, и во время революции.

«Рабочие,—заявил на конгрессе тов. Альберт—хотят сначала знать, кто с ними и кто за них; они хотят знать, на кого им можно будет положиться в будущей борьбе». «Ныне, когда пролетариат начал борьбу за свое освобождение, когда не о воззваниях, брошюрах и речах ставится вопрос, а о жизни и смерти, рабочие хотят знать, обладает ли имеющий быть созданным III Интернационал силой, нужной для поддержания их борьбы, будет ли он обладать ею?».

Конгресс должен был ответить на эти вопросы всемирного революционного пролетариата.

Выработка соответствующих тезисов была возложена на тов. Альберта и Бухарина. Охарактеризовав в этих тезисах капитализм и предательство II Интернационала, авторы иллюстрируют полнейшее банкротство теории гражданского мира и переходят к моменту, когда империалистическая война в некоторых странах превратилась в войну гражданскую, когда «рабочие повернули ружья, чтобы направить их против своих настоящих врагов-капиталистов собственной страны». «Во многих государствах борьба уже не ведется посредством брошюр, листовок и собраний; она ведется уже при помощи механических ружей и газовых гранат».

«Капитализм,—поясняет тезисы тов. Альберт—вел нас все дальше по пути к пропасти. Он превратил культурные европейские государства в кучу развалин и не в состоянии построить на этом базисе новый общественный порядок, и мы понимаем, что если, наконец, не наступит какая-либо перемена, то можно предвидеть полную гибель европейской культуры. И вот рабочие начинают искать выход из этой дилеммы. Выход один—революция. Захват власти наиболее значительным производящим классом—пролетариатом».

Возникает вопрос, что делать пролетариату для этой цели, какой выбрать путь?

Вопрос осложняется тем, что условия борьбы в каждой стране различны. «И все же,—говорит тов. Альберт,—должен быть найден путь, на котором мы сошлись бы, должна быть намечена средняя линия, на основе которой мы могли бы об'единиться друг с другом. Необходимо и важно, чтобы страны, ушедшие в своем развитии вперед, энергично поддерживали бы отсталые страны своим опытом и своей деятельностью». Основным положением является то, что пролетариат должен повсюду приступить к завоеванию политической власти и установить международное соглашение и об'единение с рабочими других стран. Только под этим знаком беспощадной борьбы против буржуазии и уничтожения ее политической силы пролетариат может победить. В этой борьбе не должно быть никаких колебаний, никаких полумер. Рабочие должны обезоружить представителей враждебного класса, упразднить весь аппарат государственной власти и организовать свою власть. А после того, как пролетариат и его организации возьмут власть в свои руки, явится насущной необходимостью разрушение государственного аппарата буржуазии и правящих классов. «Либо буржуазная демократия,—либо диктатура пролетариата—вот лозунг».

В условиях нашей русской действительности, когда после пяти лет революции, соглашатели всех оттенков, начиная с совсем очумевшего от демократического угара Мартова и кончая всевозможными Гоцами, Черновымм и Авксентьевыми, продолжают мямлить о демократии, мы считаем нужным привести полностью соответственный отрывок из речи т. Альберта:

«Пролетариат, поскольку он исповедывал социализм, всегда стоял на точке зрения классовой борьбы, всегда провозглашал беспощадную борьбу с буржуазией. И даже тогда, когда пролетариат возьмет в свои руки власть, не может быть и речи о том, чтобы отказаться от классовой борьбы. Тут то пролетариат и должен приняться за полное уничтожение старого общественного порядка. Но это может произойти лишь в том случае, если пролетариат отвергнет буржуазную демократию, если он откажется строить новое общество плечо к плечу с буржуазией и если, не считаясь с воплями буржуазии, он будет продолжать борьбу и провозгласит диктатуру пролетариата. А для этого нужно поставить на место старого государственного аппарата новую систему пролетарской массовой организации—систему Советов».

Тов. Альберт останавливается на вопросе, до сих пор актуальном на Западе, о совместной работе со вторым Интернационалом и с теми, кто

впоследствии образовал двухсполовинный Интернационал. «Мы не можем,— говорит он,—идти с людьми, уцепившимися за фалды буржуазии, видящими в ее сохранении необходимые условия для будущего развития».

Не следует при этом упускать из виду, что именно эти элементы составляют ту «чистую демократию», которая, по пророческому предсказанию Энгельса, об'единяет вокруг себя в момент революционной схватки всю реакцию.

Готовящемуся к революционным боям пролетариату необходимо точно формулировать, какие задачи связаны с приятием им власти в свои руки. Хотя то, к чему пришел Первый Конгресс, уже пережито сейчас нашим пролетариатом, не мешает напомнить хотя бы ретроспективно намечаемые им задачи. «Там, где пролетариат возьмет власть в свои руки, он должен приступить к экспроприации крупных капиталистов и помещиков; чтобы вступить на путь социализации, надо сперва переломить спинной хребет буржуазии, чтобы ей невозможно было оправиться вновь». Эта социализация—не дележка. Рабочий должен социализировать не для себя, а для всего пролетариата и в его интересах.

Тов. Бухарин в своем докладе дал теоретическое обоснование этих тезисов, указал на чисто-экономические и социальные противоречия капитализма, резко и четко представил, как в наше время, вопреки уверениям буржуазных ученых, «анархическая природа капитализма проявлется в гигантских размерах, а именно—в рамках всего капиталистического мирового хозяйства. И эта внутренняя противоречивая его природа привела его к полному крушению».

«Попытки капитализма преодолеть внутреннюю противоречивую социальную структуру при помощи установления гражданского мира, привели к обострению этих противоречий и тем самым к взрыву гражданской войны. Усилия мирового капитала справиться с этими препятствиями, сказавшиеся в создании пресловутой Лиги Наций, не привели ни к чему.

Крушение капитализма ставит на очередь дня коммунистическую революцию, завоевание политической власти пролетариатом. Это завоевание государственной власти связано с разрушением буржуазного государственного аппарата».

Переходя к второй основной мысли тезисов, т. Бухарин подчеркивает антитезу между формальной свободой в буржуазной демократии и материальным осуществлением свободы посредством пролетарской диктатуры, указав на то, что «до тех пор, пока материальная основа всецело находится в руках капиталистического класса, эти свободы для рабочих не осуществимы». Аналогичную антитезу представляет буржуазия и пролетарская диктатура. При первой пролетариат совершенно отстранен от государственного аппарата, при второй—«пролетариат не только принимает участие в выборах: он является самым деятельным членом всего государственного аппарата, этого великого механизма, определяющего всю жизнь страны».

Но политическая диктатура является лишь средством произвести экономический переворот, средством превратить капиталистическое общество в коммунистическое путем изменения экономической структуры современного

общества, путем изменения условий производства. Предлагаемое Каутским и его сторонниками восстановление разрушенных капиталистических отношений является утопией и было бы лишь продлением агонии старого общества, затягивая процесс разрушения и анархии и мешая восстановлению экономической жизни на новых основах. Возражение, что проводимый коммунизм является не коммунизмом производства, а лищь коммунизмом распределения, совершенно неосновательно. Рабочая сила является важнейшей производительной силой, «коммунизм распределения» т.-е передача того, что находилось раньше в руках капиталистов, в руки пролетариата, сохраняет пролетариат и дает возможность, именно благодаря сохранению этой силы, дальнейшего развития производительных сил и производственного коммунизма.

Необходимо остановиться на заключительном отделе тезисов, рассматривающих вопрос о «пути к победе». В числе этих путей—революционное использование буржуазного парламента, но исключительно в целях организации сил для вооруженного восстания, как высшей формы революционной массовой борьбы.

Это указание в том отношении характерно, что уже в марте 1919 года оно предусматривало тот уклон к левизне, который, не учитывая условий и соотношения сил, на словах был архи-революционен и призывал к восстанию, на деле же, отвергая участие в буржуазных парламентах, не организовывал силы и, не обладая этими силами, склонен был к всевозможным вспышкопускательствам, обходившимся весьма дорого рабочему классу.

Мы не останавливаемся на других пунктах порядка дня Первого Конгресса, первоначально конституированного, как конференция, несмотря на то, что в числе этих пунктов был доклад т. Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.

Только после того, как были установлены методы массовой борьбы с ее логическим концом—прямым столкновением в открытом бою с буржуазным государством и точно установлены враги (соглашатели) и союзники (часть синдикалистов) в этой борьбе, создалась почва для основания действительно революционного и действительно пролетарского Коммунистического Интернационала.

Тов. Раковским, Грубером, Гримлундом и Руднянским было внесено предложение об основании III Интернационала, которое было принято всеми участниками при 5 воздержавшихся.

В «Манифесте» Первого Конгресса к пролетариям всего мира III Интернационал характеризуется следующими словами:

«Если первый Интернационал предвосхищал будущее развитие и намечал его пути, если Второй Интернационал собирал и организовывал миллионы пролетариев, то Третий Интернационал явится Интернационалом открытого массового действия, Интернационалом Революционного осуществления, Интернационалом дела.

Социалистическая критика достаточно бичевала буржуазный миропорядок. Задача международной коммунистической партии состоит в том, чтобы опрокинуть его и воздвигнуть на его месте здание социалистического строя».

II

Возникновение III Интернационала и выработанная Первым Конгрессом платформа стала своего рода маяком в пролетарском море. Международный рабочий класс, из-за измены II Интернационала, лишенный руководства, бродивший ощупью, искавший путей и часто, за невозможностью сразу ориентироваться в тягчайших и сложнейших условиях, блуждавший, шедший по неправильному пути и оплачивавший кровью малейшую ошибку, обрел, наконец, надежного руководителя.

По образному сравнению т. Зиновьева, «как земля после долгой засухи ждет дождя, так рабочие всего мира с тех пор, как окончилась проклятая война, ждали международного об'единения». Это об'единение могло действенно проявиться только под знаменем Коммунистического Интернационала. Клич «в Москву»—стал всеобщим. И на созванный 19 июля—7 августа 1920 г. Второй Конгресс явились представители 37 стран: Англии, Германии, Швеции, Австрии, Испании, Венгрии, Болгарии, Юго-Славии, Италии, Мексики, Швейцарии, Турции, Польши, Восточной Галиции, Литвы, Белоруссии, Грузии, Латвии, Персии, Кореи, Америки, Голландской Индии, Норвегии, Дании, Финляндии, Эстонии, Чехо-Словакии, Голландии, Армении, Бельгии, Азербейджана и России.

Первый Конгресс, как мы видели, был весьма немногочислен. С'ехались лишь те, кто чувствовал необходимость внести луч коммунистического света в мрачную ночь гигантского предательства II Интернационала, кто чувствовал необходимость вновь зажечь факел борьбы и осветить им пути к победе пролетариата. Это был первый почин... Совещание вождей, сознававших, что есть армии, но нет штаба, нет об'единяющего центра, нет авторитетного в глазах масс института, который бы сбившихся с пути направил к надлежащей цели, внушило об'ятым недоверием массам веру, и блуждающий в беспорядке революционный пролетариат стал строиться в организованные ряды.

На Второй Конгресс уже явились отовсюду все те, кто порвал с традициями II Интернационала, но, однако, не все уже стали твердой ногой под знамя коммунизма. Часть представителей еще не отрешилась от синдикалистских и анархистских предрассудков, часть уже страдала болезнью «левизны». Была на Конгрессе и правая группа в лице Французской соц. партии, Германской независимой С.-Д. партии и Американской соц. партии.

Этот состав алчущих и жаждущих попасть в Коминтерн грозил Коминтерну засорением, влитием в него элементов, которые либо своим предательством, либо своей половинчатостью могли бы III Коммунистическому Интернационалу уготовить судьбу позорной памяти второго Интернационала.

Конгрессу пришлось решить вопрос, кого можно и кого нельзя принять в Коминтерн. И он решил открыть настеж двери Интернационала тем, кто горит желанием бороться против буржуазии, в расчете на то, что этим искренним революционерам Коминтерн поможет выйти на настоящую дорогу. Одновременно Коминтерн поставил 21 заграждение для тех, кто мог бы столкнуть его в болотную трясину оппортунизма.

Против этого необходимо было принять меры, и Коминтерн выработал 21 пункт условий приема в Коминтерн. «Как верблюду—сказал в заключительном слове на II Конгрессе тов. Зиновьев—не совсем легко пройти через игольное ушко, так сторонникам «центра», которые таковыми остаются, нелегко будет прошмыгнуть через те 21 условие, которые выставлены III Интернационалом».

Насколько были необходимы эти проволочные заграждения—свидетельствует происшедшее впоследствии обращение Серрати и Пауля Леви в старую веру соглашательства.

Наряду с этими, не отряхнувшими оппортунистического праха со своих ног, был целый ряд представителей течения «антипартийного», если его так можно назвать. Позорное падение второго Интернационала не могло не иметь своим последствием разочарования в партии вообще, что особенно сильно сказывалось в представителях рабочих синдикалистов и анархистов. Конгрессу необходимо было раз на всегда покончить с этим чреватым большой опасностью заблуждением. Необходимо было точно формулировать роль и значение коммунистической партии в пролетарской революции.

Основные пункты принятой Вторым Конгрессом резолюции по этому вопросу сводятся к следующему:

1.—Коммунистическая партия, являясь частью рабочего класса, есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата.

2.—До завоевания государственной власти пролетариатом Коммунистическая партия по правилу будет иметь в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих.

3.—Понятие партии следует строжайше отличать от понятия класса, в котором при определенных исторических данных возможны весьма многочисленные реакционные прослойки. Задача коммунизма состоит в том, чтобы не приспособляться, а наоборот, поднимать весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда. Смешение понятий партии и класса способно привести к величайшим ошибкам и путанице.

4.—Крах II Интернационала нельзя считать крахом пролетарской партийности вообще.

5.—Политическая власть может быть взята в руки, организована и направлена только партией. Классовая борьба требует об'единения в одном центре и общего руководства разнообразными формами движения пролетариата (профсоюзы, кооперативы, фабрично-заводские комитеты, культурно-просветительная работа, выборы и т. п.). Таким об'единяющим и руководящим центром может быть только партия. Наконец, классовая борьба пролетариата требует концентрированной агитации, освещающей различные этапы борьбы с единой точки зрения и сосредотачивающей внимание пролетариата в каждый данный момент на определенных общих для всего класса задачах.

6.—Важнейшая задача истинно-коммунистической партии состоит в том, чтобы быть в тесной связи с самыми широкими кругами пролетариата. (Беспартийные конференции и т. п.).

7.—Компартия внутри непартийных рабочих организаций неустанно должна убеждать рабочих, что идея беспартийности, как принцип, сознательно культивируется среди рабочих буржуазией, чтобы отвлечь их от организованной борьбы за социализм.

8.—Компартия, как организованный авангард рабочего класса, одинаково обслуживает интересы и экономической, и политической, и культурно-просветительной борьбы рабочего класса в целом. Она является душой и производственных союзов, и Советов Рабочих Депутатов, и всех иных форм пролетарской организации. Для того, чтобы Советы могли выполнить свою историческую миссию необходимо существование настолько сильной Компартии, чтобы она могла решающим образом воздействовать на их политику, заставить их отказаться от «приспособления» к буржуазии и белой социал-демократии, суметь через коммунистические фракции Советов вести Советы за компартией. «Советская идея» победит тем скорее, чем более сильную Компартию мы сумеем создать в каждой стране.

9.—Компартия нужна рабочему классу не только до и во время завоевания власти, но и после того, как власть перешла в руки рабочего класса.

10.—Партия и после захвата власти пролетариатом остается только частью рабочего класса, но она, организовавшая победу, руководит всей организацией строющегося нового государственного аппарата, живым примером ведя за собою большинство рабочего класса.

11.—Компартия растворится полностью в рабочем классе лишь тогда, когда коммунизм перестанет быть об'ектом борьбы и весь рабочий класс станет коммунистическим.

12—13—14.—По мнению Второго Конгресса, Коммунистичесская Партия в эпоху диктатуры пролетариата должна быть построена на основе демократического, но вместе с тем железного пролетарского централизма.

15.—При нелегальном существовании (в Западной Европе и Америке), за руководящим центром остается право в нужный момент принимать решения, обязательные для всех членов партии.

16.—Широкая «автономия» подрывает деятельность партии.

17.—В странах, где пролетариат еще не завоевал государственной власти, Компартия должна сочетать легальную работу с нелегальной. Нелегальная работа комфракции в парламенте и коммунистическое издательство проводятся под контролем и руководством ЦК Компартии.

18.—Основой всей работы должны быть коммунистические ячейки, организуемые всюду: в мастерских, советах, профсоюзах и т. д., подчиненные парторганизации и соподчиненные друг другу в строго иерархическом порядке.

19.—Компартия не должна ограничивать своей деятельности городом.

Организация и пропаганда должна вестись и в деревне среди сельскохозяйственных батраков и мелких и средних крестьян.

На Конгрессе, как мы уже упоминали, присутствовали и не коммунисты, были и представители революционного синдикализма.

Их нужно было убедить, что партия является основным стержнем революционного движения. И это было достигнуто. Представители этого течения голосовали за резолюцию о роли Компартии в пролетарской революции.

Но в числе с'ехавшихся на с'езд, кроме перечисленных нами выше, были и другие представители,—представители отсталых, мало культурных стран, парии среди париев, угнетенные и эксплоатируемые не только, как пролетарии, но и как представители низшей культуры, «низшей расы», как жертва колониальной системы, как об'ект «культуртрегерства» капитализма.

В этих странах, в общем, можно отметить два параллельно существующих движения: одно—буржуазно-демократическое, националистическое движение, ставящее себе целью достижение политической независимости при капиталистическом строе, другими словами, при сохранении за туземной буржуазией права на эксплоатацию туземного пролетариата и крестьянства,—права, которое у нее в значительной степени было отнято иноземной буржуазией, завоевавшей их страну; другое—движение темных и бедных крестьян и рабочих, стремящихся освободиться от всякой эксплоатации и, благодаря своей несознательности, использовываемых своей буржуазией в ее интересах.

Задачи Коммунистического Интернационала—освобождение пролетариата всех стран, независимо от окраски кожи и степени культурного развития. В менее культурных странах эта задача осложняется наличностью внешнего порабощения. Для достижения своей великой цели Коммунистическому Интернационалу приходится вступать во временное соглашение и даже союзы с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но, вступая в эти соглашения и союзы, нельзя упускать из виду цели, ради которой это делается, и с первого же момента необходимо группировать и воспитывать элементы будущих пролетарских партий. Эти элементы на первых порах не могут быть податливы на коммунистическую пропаганду. «Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистическими державами,—гласит резолюция II Конгресса Коминтерна,—оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большинством оффициальных вождей этого пролетариата в 1914—1919 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистами прикрывалась защита «права» своей буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, могло лишь усилить это вполне законное недоверие». Указывая на это, Конгресс предупреждает, что это недоверие и национальные предрассудки до низвержения капитализма могут изживаться только очень медленно, и призывает сознательный «коммунистический пролетариат всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств наиболее долго угнетавшихся стран и народностей, равным образом идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков».

Это недоверие и эти предрассудки должны быть преодолены. Народные массы неевропейских угнетенных стран неразрывно связаны с пролетарским движением в Европе, вследствие централизации мирового капитализма. Момент победы пролетариата будет моментом освобождения этих стран, а с другой стороны, борющиеся за свое освобождение от гнета колонии являются соратниками пролетариата в его борьбе с всемирным капиталом. И безусловно был прав т. Зиновьев, когда, подводя итоги II Конгрессу, заявил:

«Я считаю, что наш братский союз, который мы заключили на Конгрессе с представителями Индии, Кореи, Турции и целого ряда других угнетенных стран, явится величайшим ударом прямо в сердце международному капиталу. Это есть величайшее завоевание для рабочего класса».

События последних дней: победоносное шествие Турции, восстание Мессопотамии, волнения в Индии и т. д., и судорожная борьба за сохранение колоний со стороны европейских держав являются ярким доказательством правильности решения этого больного вопроса II Конгрессом Коминтерна. Европейский капитализм черпает свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений. Без колоний, столь необходимых для сбыта товаров и в то же время снабжающих метрополии сырьем, капитализм рухнул бы давным-давно. Но этого мало. Колонии способствуют ослаблению пролетарской борьбы и в метрополиях. «Путем эксплоатации населения колоний,—говорится в дополнительных тезисах,—европейский империализм в состоянии предоставить целый ряд подачек и компенсаций рабочей аристократии в Европе».

Отдает ли себе отчет в этом «рабочая аристократия», возглавляющая английские трэд-юнионы, ясно ли это для рабочих, до сих пор находящихся в рядах амстердамской желтой организации профессиональных союзов? Конечно, нет. Они продолжают коснеть в идеологии Второго Интернационала, который весьма терпимо, если не сказать больше, относился к буржуазной колониальной политике.

Эти союзы, в состав которых входят, главным образом, квалифицированные рабочие, наилучше оплачиваемые, возглавляемые союзными бюрократами, оторвавшимися от масс, сошли с позиции профессиональной борьбы с предпринимателями и заменили ее программой «мирной сделки с капиталистами во что бы то ни стало».

Эти союзы удерживают пролетариат от революции в то самое время, когда рабочие массы, доведенные до отчаяния бешеной дороговизной, вступают на путь борьбы и ради нее вливаются мощным потоком в эти союзы. Таким образом, рабочие массы, прорвавшие плотину замкнутости союзов, стремятся к одному, а руководящие этими союзами органы—к прямо противоположному.

При таких условиях перед III Интернационалом на II Конгрессе стал вопрос, какова роль коммунистов в профессиональном движении? И на этот вопрос был дан ответ. «Коммунисты должны во всех странах входить в профессиональные союзы для того, чтобы сделать из них сознательные органы борьбы за ниспровержение капитализма и за коммунизм». В тех

случаях, где это недостижимо, коммунисты не должны останавливаться даже перед расколом, но этот раскол должен проводиться в жизнь только тогда, когда коммунистам удастся беспрерывной борьбой против оппортунистических вождей и их тактики, живейшим участием в экономической борьбе убедить широкие массы, что раскол происходит не из-за непонятных им еще далеких целей революции, а из-за конкретных ближайших интересов рабочего класса в развитии его экономической борьбы.

Во всяком случае, раскол не должен быть отрывом от рабочих масс, изоляцией от них коммунистов. В странах, где рядом с оппортунистическими профсоюзами имеются, хотя и не коммунистические, но с революционными тенденциями союзы, коммунисты должны вступать именно в эти последние и воздействовать на них.

Ввиду той огромной роли, какую могут и должны играть профсоюзы в революционном движении, II Конгресс дал подробные и детальные раз'яснения и указания по этому вопросу.

Нельзя упускать из виду, что многое, что русским пролетариатом давным-давно в процессе революции пережито и усвоено, что вошло, так сказать, в его плоть и кровь, для пролетариата Запада является непонятным, и вследствие этого русские революционные учреждения, пересаживаемые на европейскую почву, часто получают, вследствие несознания сущности таковых, искаженное, а иногда и извращенное содержание. Ввиду этого II Конгрессу пришлось выработать подробную резолюцию о фабрично-заводских комитетах, которые, как известно, в последнее время в Германии начинают играть огромную роль, о взаимоотношении этих комитетов с профсоюзами о Советах рабочих депутатов, рассеивать недоумения представителей т. н. «левых» оттенков коммунизма, не уразумевших необходимости существования Компартии при существовании Советов.

Все это русскими товарищами давным-давно осознано, поэтому, не останавливаясь на данном моменте, перейдем к вопросу, весьма актуальному для западно-европейского пролетариата,—об отношении Компартии к парламентаризму. В этом вопросе замечались уклоны, свидетельствовавшие о непонимании переживаемой западно-европейским пролетариатом эпохи. Одни продолжали смотреть на парламент, как на арену борьбы за реформы, за улучшение положения рабочего класса, этим самым создавая в массах иллюзии относительно мнимой устойчивости капиталистического строя; другие ударялись в противоположную крайность и стали принципиальными противниками парламентаризма, ссылаясь на отвратительную традицию старой парламентской тактики.

В действительности же, как это на деле показала фракция большевиков в IV Думе и Карл Либкнехт в германском рейхстаге, на смену старому приспособленческому парламентаризму приходит новый, являющийся одним из орудий уничтожения парламентаризма вообще и замены его пролетарским «советизмом». Для коммуниста трибуна в буржуазном парламенте является одним из подсобных опорных пунктов, легальной позицией, использовываемой в целях революционизирования и организации масс и подготовки их к массовой борьбе.

Выборы в парламент, равно как во всякие буржуазные коммунальные и др. учреждения, должны быть использованы для того, чтобы взорвать их изнутри и извне. Участие коммунистов в парламенте по своему характеру должно быть прямо противоположно политиканству социал-демократов, поддерживающих парламентаризм, как «демократическое» учреждение, и вводящих в обман массы иллюзией о завоевании его, словно сохранение такого «всенародного учреждения» может составлять цель для революционного пролетариата. Отказ от участия, с другой стороны, это отказ от действия и борьбы, отказ от определенных позиций, которые могут быть использованы для углубления революции. Считаясь с этим, II Конгресс точно установил вехи, как с одной, так и с другой стороны, и эти руководящие указания были приняты всеми компартиями мира.

Мы подчеркиваем это обстоятельство, так как именно в этом принятии всеми компартиями мира директив Конгресса вся сила Интернационала, мы бы сказали—его существенное отличие от Второго Интернационала. В том Интернационале, на торжественных заседаниях принимались бумажные резолюции, оставляемые без исполнения, высказывались пожелания, с которыми считались «постольку, поскольку»—это все отвечало тактике оппортунистических вожаков каждой партии. Третий Интернационал выработал устав, являющийся, по меткому замечанию т. Зиновьева, «закреплением того факта, что мы создали одну, единую международную партию коммунистов, которая в различных странах имеет только свои отделения», что создано «международное товарищество рабочих, организация, спаянная кровью, централизованная в интернациональном масштабе. Верховным органом этого товарищества является Всемирный Конгресс, избирающий Исполнительный Комитет, являющийся руководящим органом Коммунистического Интернационала в периоды между Всемирными Конгрессами и подотчетный только Всемирному Конгрессу».

III

Установление органа, руководящего всеми секциями, имеет огромное значение. Рабочий вопрос в самых острых формах поставлен в порядок дня всего капиталистического мира. Пролетариат все время ведет борьбу. В частичных боях он то одерживает победы, то терпит поражения. Для успешности этой борьбы необходимо авторитетное руководство, необходимо, чтобы одна секция Интернационала своевременно выступила на поддержку другой, необходимо в каждой стране регулировать выступления. Преждевременные и неорганизованные, не опирающиеся на массу вспышки столь же опасны, как и промедление в момент, когда массы рвутся в бой. Революционному пролетариату нельзя ни преждевременно выступать, ни запаздывать с выступлением. Это может быть достигнуто только тогда, когда взвешены об'ективные условия, когда точно оценены силы борю-

щихся в мировом масштабе. А для этой оценки, для преподания авторитетных директив и указаний нужен компетентный орган, в котором сосредоточиваются все сведения, относящиеся к мировому пролетариату и к пролетарской борьбе.

Таким органом и является Исполком Коминтерна. Это революционный штаб, отдающий приказания всем разноплеменным пролетарским революционным отрядам, борющимся под одним знаменем, с общею целью свержения капитализма. И этот революционный штаб ныне обретен пролетариатом. Это стало очевидным еще до торжественного открытия III-го Конгресса на заседании Исполкома Коминтерна.

Перед Исполкомом стояли поседевшие в бою вожди пролетариата, делегированные различными странами на III-й Конгресс, они представляли отчет о своей годовой деятельности, раз'ясняя, почему ими сделано только достигнутое и какие об'ективные условия препятствовали осуществлению большего. И Исполком при содействии с'ехавшихся делегатов по поводу каждого доклада высказывал свое мнение, делал свои указания, предостерегал от опасных уклонов, как в сторону болезни «левизны», грозящей превратить Коммунистическую партию в сектантский кружок, так и против болезни «правизны», могущей заразить революционный пролетариат оппортунизмом, реформизмом и другими недугами, еще не изжитыми пролетариатом вообще, а его вождями, в течение десятков лет ведших парламентскую борьбу, в частности. И на одно и на другое Коминтерн реагировал тут же обращением к пролетариату данной страны с призывом быть на чеку и зорко наблюдать за чистотой и выдержанностью коммунистического движения. И представители стран выслушивали приговоры, представляли свои оправдания, но беспрекословно в конце-концов подчинились директивам Коминтерна и принимали указания Коммунистического Интернационала к строгому исполнению.

Значение этого явления почти нельзя оценить. Всемирный пролетариат впервые обрел Революционный штаб, обрел руководителя борьбы, и только с этого момента он стал Интернационалом Дела, Интернационалом Борьбы, Интернационалом Социалистического Осуществления.

Выступающий по указаниям Коммунистического Интернационала пролетариат данной страны может, по указаниям Коминтерна, быть обеспечен содействием пролетариата соседних с ним стран. Революционная борьба переходит в новую величайшую фазу. Насколько это важно, можно судить по тому, что на III-м Конгрессе III-го Коммунистического Интернационала было представительство не менее, чем 50-ти стран, и Конгресс, по удачному определению тов. Зиновьева, мог подитожить неоценимый опыт, накопленный пролетариатом этих стран. Если к этому добавить, что за истекший год коммунистическое движение во всем мире приняло гигантские размеры, что от Франции присутствовало представительство партии, насчитывавшей 120.000 членов, что в Чехо-Словакии было около 400.000 рабочих, организованных под знаменем Коммунистической партии, что в Англии партия насчитывала 40.000 членов, в Германии около полумиллиона, что в Америке, Польше

движение со дня на день нарастало, что Италия, несмотря на измену вождей, насчитывала до 100.000 членов, что революционный пожар уже начал захватывать Восток, который местами уже тогда выступил активно против своих поработителей,—то станет ясно, какое огромное значение имеет обретение революционного штаба. Для того, чтобы этот революционный штаб, избираемый на Конгрессе, мог исполнить великую возлагаемую на него задачу, было необходимо, чтобы Конгресс, как представительство пролетариата всего мира, дал ему авторитетные указания и директивы. Это предрешило порядок дня III-го Конгресса.

Эти директивы могли быть даны после всестороннего обсуждения вопроса о мировом хозяйственном кризисе и о тех новых задачах, которые вытекают из него для Коммунистического Интернационала.

В письме Исполкома Коминтерна к III-му Всемирному Конгрессу следующим образом комментируется значение этого пункта:

«Теоретики двухсполовинного Интернационала—Отто Бауер, Гильфердинг, Каутский и К-о—утверждают, что после окончания империалистической войны буржуазии удается установить новое экономическое равновесие, что Европа будто бы вступает в полосу длительного органического развития на основе мирного «обновления» капиталистической системы. Отсюда вожди «двухсполовинного» Интернационала, не говоря о представителях Второго, открыто предательского Интернационала—делают определенные практические выводы. Отсюда особенный переход всех этих партий, в роде германских независимых или французских лонгетистов, в лагерь заведомой контр-революции. III-му Всемирному Конгрессу предстоит задача, на основе точного учета фактов, после тщательного анализа экономического кризиса с его ужасами еще небывалой безработицы и невиданной нищеты масс, показать трудящимся всего мира всю неверность реформистских иллюзий, все тупоумие тех, кто верит в будущность обновленного капитализма, кто проповедует международному пролетариату мелко-буржуазную, мирно-обновленную тактику».

В настоящее время, полтора года спустя после составления этого письма, когда всемирный пролетариат из уст главарей империалистических держав на конференции в Генуе и Гааге услыхал о тех предсмертных судорогах, в каких уже находится капитализм, после тщательных поисков выхода из создавшегося и грозящего гибелью состояния капитализма, после того, как Германия изнемогает под бременем «репарационных платежей», а «победительница» Франция задыхается под тяжестью долгов, когда смертельно раненый медведь капитализма пытается нанести жестокий удар пролетариату и в лице фашизма пытается предотвратить свой неизбежный конец, а двухсполовинный Интернационал склонил свое знамя перед открытым предателем рабочего класса, II Интернационалом, и сливается с ним в одно органическое целое, вещее предсказание Исполкома Коминтерна становится для всех очевидным. Но во время, предшествовавшее III-му Конгрессу, чисто временное улучшение экономического положения могло смущать умы. Необходимо было доказать временный характер этого улучшения.

Это сделано было в докладе тов. Троцким и формулировано в тезисах, принятых III Конгрессом.

Указав, что за последние годы на Западе наблюдались явления экономического и политического характера, имеющие огромное значение, тов. Троцкий ребром поставил вопрос, верна ли занятая нами позиция расчитанная на мировую революцию?

Несомненно, в соотношении сил наступила перемена, внешне отрицательная для революции, последовало некоторое улучшение, некоторая, как-будто большая устойчивость европейского хозяйства сравнительно с 1919 годом. Но не следует забывать, что это было достигнуто благодаря тому, что государства, больше всего опасавшиеся перехода на мирное положение, «сохранили военное положение в обстановке мирного времени». Самым опасным моментом, по мнению английского проф. Эдвина Комона, был для буржуазии 1919 год. Тогда люди, вернувшиеся с войны, нетерпеливо ждали изменения экономического положения, «а нетерпение людей, только что вернувшихся с поля битвы, очень опасно».

«И тогда мы подготовились к этой опасности, пустив в оборот много денег, много новых миллионов. Государство оставалось по-прежнему самым большим искусственным рынком, рабочие получали в различных формах государственные прибавки к заработной плате и, таким образом, капитал миновал опасный период демобилизации».

Из этого видно, что кон'юнктура была только фиктивно-благоприятной, и что эта фикция, искусственно созданная, помогла капиталу сохранить свои позиции.

Это освещает вопрос о длительности и прочности улучшения.

Ход развития капитала не исчерпывается схемой: благоприятная кон'юнктура, затем напряжение, упадок, затем кризис и т. д. Капитал развивается в двух направлениях: «первичное его движение состоит в развитии производственных сил. Кривая поднимается, и этот под'ем сопровождается колебаниями и вспышками, это моменты кризисов и благоприятных кон'юнктур. Если мы будем наблюдать развертывающийся капитал, то мы встретим те же колебания, только кривая будет подниматься, если мы будем наблюдать разрушающееся капиталистическое общество, то кривая будет падать, но движение совершается всегда колебаниями» (курсив наш).

Проанализировав данные за 137 лет, т. Троцкий указал, что развитие капитализма слагается из первичного и вторичного движения, возникающего всегда на основании первичного: под'ем, падение или застой. Смена благоприятных кон'юнктур и кризисов сама по себе еще не говорит о том развивается ли капитализм или разрушается. Все сводится к тому, идет ли флуктуация (движение, течение) кон'юнктуры по повышающейся или по понижающейся линии.

Переходя к интересующему нас вопросу о современном мировом хозяйстве, тов. Троцкий указывает на то, что Европа больна, что ее производственный аппарат значительно скуднее, чем до войны, что

хозяйственный центр перенесен в Америку, но не путем постепенного развития, а благодаря эксплоатации Америкой военного рынка Европы и отстранения ее от мирового рынка. Этот факт дал возможность Америке пережить кратковременный период величайшего расцвета, но это явление больше повториться не может. Оно было создано искусственно, а в настоящее время разоренная Европа потеряла способность быть рынком. Этим об'ясняется кризис в Америке. После кратковременного, почти двухлетнего периода высокой благоприятной кон'юнктуры наступил вполне реальный кризис. Расцвет кончился вследствие того, что другие страны совершенно разорены, их покупная способность совершенно ослабела. Капитализм вступил в период длительной глубокой депрессии, которую собирались устранить, но которая, благодаря обнищанию Европы, усилилась. В нормальное состояние капитализм не в состоянии прийти. Этому препятствуют социальные элементы классовой борьбы. «Если рабочий класс Европы и всего мира будет претерпевать все эксперименты капитализма, восстанавливающего свои внутренние нормальные условия, то это означает, что в течение 20 или 30 лет в Европе погибнет от 20-ти до 30-ти миллионов рабочих, так как от эмиграции в Америку сейчас приходится отказаться».

Это, с тех пор, как рабочий класс находится под руководством живой Коммунистической партии, исключено. В хозяйственном отношении Европа отброшена назад, но социальная структура Европы не пошла вспять, а обострение социальных противоречий, вызванное развитием последних 20-ти лет до войны, еще усилилось, благодаря войне и послевоенным периодам процветания и кризиса.

Не останавливаясь на другом моменте трехчасового доклада тов. Троцкого, мы должны отметить, что им вопрос был поставлен прямо: Революция грядет, но грядет не столь быстрым темпом, как это суб'ективно пролетариату было бы желательно.

Обстоятельная, скрепленная массою таблиц и цифровых данных речь тов. Троцкого и последовавшая затем продолжительная дискуссия, в которой приняли участие представители чуть не всех партий, присутствовавших на Конгрессе, были той базой, на которой пришлось строить дальнейшую тактику Коминтерна. Темп грядущей революции в этой тактике должен был иметь громаднейшее значение. Неудивительно поэтому, что во время этой дискуссии массовые выступления пролетариата в течение истекшего года подвергались анализу, критике, проверке, и из них делались определенные выводы на будущее время. В этом отношении приходится отметить, что линия Российской Коммунистической Партии была почти единогласно поддержана всем Конгрессом, и что Конгресс не дал себя столкнуть с этой линии ни вправо, ни влево.

Самое большое внимание привлекло к себе мартовское движение в Германии. Левая группа, так называемая Коммунистическая Рабочая Партия в Германии, скатывающаяся в пропасть сектантства, считающая, что можно ограничиться инициативным меньшинством без соответствующей подготовленной массы, не нашла в Коминтерне поддержки. Осуждена была также

линия поведения правых элементов Коммунистической Партии, которые не заметили начавшегося под'ема, могучее рабочее движение сочли вспышкопускательством и уклонились от активного участия и содействия ему. Это не значит, что все действия немецкой Коммунистической Партии, возглавляющей движение, были признаны правильными. Этой партией не было учтено значение предварительной подготовки масс к движению, не была проведена массовая агитация, не были популяризированы в массе условия, заставляющие германский пролетариат принять бой, и этим об'ясняется, что к движению не примкнули огромные массы, которые при соответственной подготовке значительно усилили бы движение и придали бы ему еще более могущественный характер. На это было указано Центральному Комитету Коммунистической Партии Германии, причем уклонение в момент боя определенной группки товарищей было Конгрессом осуждено.

На примере Германии легко представить себе, с какими затруднениями должен был бороться Коминтерн при намечении своей тактики. С одной стороны, ему предстояло отгородиться самым решительным образом от анархического вспышкопускательства, от стимулирования движения при отсутствии для него об'ективных условий, с другой—отмежевываться от оппортунизма, трусливо уклоняющегося от боя и решительных действий при наличии об'ективных условий для борьбы.

Это задание было блестяще выполнено III Конгрессом.

Конгресс в резолюции о тактике указал пролетариату Запада на то, что буржуазия, с которой он борется,—сознательнее и организованнее русской; что она вооружена с ног до головы и, учтя события в России, сама вооружается и старается всеми силами разоружить рабочий класс. Это налагает на пролетариат обязанность самым тщательным образом готовиться к предстоящим боям, не делать попыток к наступлению без предварительной подготовки, всегда держаться с массами и пуще огня остерегаться отрыва от масс. Лозунг «к массам!»,—вот тот приказ по всей пролетарской армии, который был дан его генеральным штабом—III Всемирным Конгрессом Коминтерна.

Предостерегая от преждевременных атак для более успешного и своевременного наступления, Конгресс должен был вместе с тем самым решительным образом отмежеваться от полуцентристских элементов, типичнейшим представителем которых являлся лидер итальянской социал-демократической партии Серрати, которые желали бы об'ять необ'ятное, об'единить коммунизм с реформизмом и всякое даже своевременное и вполне подготовленное выступление пролетариата утопить в оппортунистическом болоте.

Не менее определенные тезисы в вопросе о профсоюзах кратко, но блестяще резюмированы следующим образом в речи т. Зиновьевым:

«Задачи коммунистов состоят в том, чтобы войти в этой великой борьбе в состав профсоюзов, превратить их в боевые массовые организации, везде и повсюду централизировать эту силу и воздействовать на нее для успеха этой борьбы. В каждом предприятии и организации, где только

работают наши товарищи, они должны образовать ячейку, чтобы распространять наши идеи и в тесном единении с Коммунистическим Интернационалом победить врага».

Этим задачи Коминтерна в области профдвижения могли бы быть исчерпаны, если бы не существовал желтый Амстердамский Интернационал, рожденный, по выражению т. Зиновьева,—в «мучительных потугах бюрократией профессиональных союзов, с одной стороны—и буржуазных правительств, с другой». Этот Интернационал, хотя он по своему составу и пролетарский, но также, как христианские и либеральные профсоюзы, он по своей деятельности антипролетарский. Задача коммунистов—разоблачить его истинный характер. Позиция синдикалистов, отстаивающих положение, что в профессиональные союзы нельзя вносить политики не выдерживает ни малейшей критики. Она, как доказал Каутский, когда еще был марксистом, совершенно неприменима на деле. Задача Компартии по отношению к профсоюзам состоит не в механическом подчинении профсоюзов партии, а в упорной борьбе за влияние, в организации коммунистических элементов профсоюзов, в участии во всей профессиональной работе.

Мы не останавливаемся на других резолюциях.

Конгресс коснулся всех вопросов рабочего движения и дал свои авторитетные указания через коммунистические организации всему пролетариату мира.

Какую силу и значение могли иметь и имели эти приказы Верховного Революционного Штаба, можно судить на основании данных о численном составе коммунистических партий и о находящихся в их распоряжении органах печати.

Приводимая нами ниже таблица, напечатанная в «l'Internationale» от 4 декабря 1921 г., далеко не полная, так как в нее не вошли такие страны, как Польша, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Греция, Турция, Сербия, Япония и т. д., все же достаточно иллюстрирует могущество III Коммунистического Интернационала, существующего всего 3 года.

Страны	Число членов	Число газет	Число других период. изданий
Россия	550.000	500	69
Германия	360.000	33	9
Чехо-Словакия	360.000	7	46
Франция	130.000	3	20
Норвегия	97.000	14	22
Юго-Славия	85.000	4	8
Италия	70.000	3	12
Болгария	40.000	1	11
Финляндия	40.000	3	6
Румыния	40.000	3	6

Страны	Число членов	Число газет	Число других период. изданий
Австрия	18 000	1	3
Швеция	15.000	2	10
Азербейджан	16 000	нет свед.	нет свед.
Грузия	11.000	„	„
Соединенные Штаты	10.000	7	31
Англия	10.000	нет свед.	3
Испания	10.000	„	нет свед.
Д. В. Р.	7.095	6	„
Дагестан	7.000	нет свед.	„
Швейцария	6.000	„	„
Бухара	6.000	„	2
Аргентина	5.000	1	1
Армения	5.000	нет свед.	1

Если включить Интернационал Коммунистической Молодежи, насчитывающий 800.000 членов и 50 периодических изданий, мы получим, что III Интернационал располагает 3.000.000 участников, 646 газетами и 351 еженедельниками или ежемесячниками.

Этими средствами стояла задача проводить в жизнь постановления III Конгресса.

IV

Перед созывом IV Конгресса[1]), возникает вопрос, была ли правильной оценка экономического положения Европы, сделанная III Конгрессом, пришел ли капитализм хотя бы в относительное равновесие, были ли директивы Конгресса правильными и какие за это время возникли вопросы, на которые IV Всемирный Конгресс должен дать свои авторитетные решения?

Для ответа на эти вопросы мы позволим себе прежде всего привести кое-какие цифровые данные:

По данным «The Economist», к середине мая 1922 г. общее число безработных во всем мире достигло цифры *10.000.000*. Из них 4.000.000 приходится на Европу, причем в одной Великобритании насчитывается до 2.000.000 безработных. Кроме того, количество полубезработных во всем мире исчисляется в 30.000.000, из них 12.000.000 в Европе. Сумма выданных в 1921 г. пособий безработным во всем мире выразилась в 12.000.000.000 зол. франков, из коих 4.000.000.000 фр. приходятся на Европу. Если к этому прибавить потерянную вследствие безработицы заработную плату—

[1]) Статья поступила в печать до IV Конгресса Коминтерна (Ред).

25.000.000.000 зол. фр. во всем мире, из них 10.000.000.000 в Европе, то общая сумма убытков, причиненных безработицей за 1921 год, составит 37.000.000.000 фр. Потери предпринимателей, вызванные теми же причинами, исчисляются, равным образом, в сумме 37.000.000.000 фр. в то время, как уменьшение производства, вследствие экономического кризиса, составляет ежегодно 20.000.000 франков со времени перемирия. Сумма экономических убытков в результате безработицы достигает, таким образом, почти 100.000.000.000 золотых франков в год.

Эти цифры сами по себе настолько убедительны, что ни в каких комментариях не нуждаются. Но, ведь, это относится только к безработице!

Остановимся на других характерных явлениях.

Прежде всего, на урожае во Франции за 1921 год, сопоставив его с урожаем 1913 года, причем необходимо отметить, что цифры за 1921 год включают и Эльзас-Лотарингию, присоединенную к Франции в результате войны. Эти цифры показательны, так как Франция, как страна земледельческая, по преимуществу, скорее в состоянии восстановить свое хозяйство— тем более, если принять во внимание беспощадный грабеж Германии.

	1913 г.— (в центнерах)	1921 г.— (в центнерах)
Пшеница и рожь	101.124.440	100.606.680
Ячмень	10.437.600	8.230.980
Гречиха	5.664.350	2.606.830
Овес	51.826.010	35.591.900
Маис	5.430.750	3 099.600
Кормовая свекла	252.201.090	143.259.870
Капуста	82.749.700	26.929.620

Скотоводство в не менее плачевном положении.

	1913 г.— (число голов)	1920 г.—
Лошади	3.222.080	2.535.350
Мулы	188.280	80.600
Ослы	356.310	298.180
Быки	14.787.710	13.217.240
Овцы	16.131.390	9.405.870
Свиньи	7.035.850	4.941.960
Козы	1.434.970	1.340.890

Эти все данные заимствованы нами из оффициального «Journal Officiel».

В Германии положение не лучше. По данным «Wirtschaft und Statistik» за февраль 1922 года—на 6.596.501 хозяйство приходилось лошадей—3.683.343, т. е. если бы не считаться с помещичьими и кулацкими хозяйствами, где естественен минимум в несколько лошадей, то и то число безлошадных хозяйств достигло бы 3 миллионов, т.-е. почти половины всех хозяйств.

Отмеченное т. Троцким в его докладе обеднение подтверждается во всех областях.

Мировая добыча золота начала заметно сокращаться с 1915 г., когда ценность ее достигла суммы 96,4 миллиона фунтов стерлингов; в 1916 г. она понизилась до 93,5 миллионов стерлингов; в 1917 г. до 86,3; в 1918 г. до 79,0; в 1919 г.—до 76,2; в 1920 г. до 69,6; в 1921 г.—66.

Сокращение наблюдается и в других отраслях производства. О положении в Европе можно судить хотя бы по заявлению члена Американского Сената от Арканзаса—Карави, который по возвращении из Европы в Америку в докладе публично заявил, что положение на континенте так плохо, что, если не будет предпринято шагов для стабилизации промышленности, то наступит день, когда Соединенным Штатам придется отказаться от всякого участия в европейских делах. Недостаток места не дает нам возможности иллюстрировать это цифровыми данными, но это и излишне, т. к. это явление считается настолько установленным, что предприниматели повсюду именно из него исходят в своей борьбе с рабочим классом по вопросу о 8-ми часовом рабочем дне, о сокращении заработной платы, о замене мужского труда более дешевым—женским (в Германии в текстильной промышленности, согласно промышленной переписи 1907 года, женщины составляли 50% всего числа рабочих, а в конце 1921 г.—процент этот возрос до 60,2%).

Газета «Тан», а вслед за ней и другие периодические буржуазные издания, не говоря уже о специально издаваемых буржуазией брошюрах, в своих выступлениях против 8-ми часового рабочего дня прямо говорят: «8-ми часовой рабочий день—причина экономического кризиса, от которого ныне страдает Европа».

Для нас в данном случае не важно, является ли этот кризис кризисом сбыта или кризисом производства, вполне достаточно установление факта перманентного кризиса, из которого капиталистический мир не находит выхода, несмотря на меры, предпринимаемые, как в отдельных государствах, так и в мировом масштабе.

Этот кризис повсюду сопровождается бешеной атакой предпринимателей, поддерживаемых правительствами, на рабочий класс, причем, насколько эта борьба против пролетариата ведется организованно и осознается буржуазией, как классовая борьба, доказывает следующая резолюция, принятая во Франции 1 апреля с. г. и направленная к мощной концентрации капиталистических сил в виде об'единения и полного сплочения всех предпринимательских организаций и об'единения их в единый фронт с законодательными палатами и правительством Франции.

«Третий с'езд промышленных и торговых департаментских союзов выражает пожелание, чтобы все центральные предпринимательские об'единения сговорились о создании единого органа—Национальной федерации, задача которой будет заключаться в даче директив всем районным конфедерациям, департаментским федерациям, синдикатам и об'единениям.

С другой стороны, этот же орган будет принимать жалобы и выслушивать пожелания всех этих организаций и доводить их до сведения правительства, поддерживая всеми подходящими средствами».

Если мы к этому прибавим, что Клемансо не постеснялся прямо поставить точку над «и» и публично заявил, что «спор между трудом и капиталом разрешит только сила», то станет понятным лозунг, брошенный расширенным Исполкомом Коминтерна,—боевой призыв: противопоставить единому фронту предпринимателей единый фронт пролетариата.

Лозунг этот сочетался с лозунгом III Конгресса: «К массам!».

Эти массы, в связи с предательством вождей II Интернационала, в связи с войной, общим обнищанием и дороговизной, в связи, наконец, с утомлением, в значительной степени утратили веру и волю к борьбе. Этой прострацией не преминул воспользоваться капитал и начал по всей международной линии свое наступление. Все завоевания пролетариата, как мы уже упоминали, очутились в опасности. В данный исторический момент и при данных условиях призыв пролетарских масс к революционной борьбе за конечные цели коммунизма были бы гласом вопиющего в пустыне. Рабочие массы Запада могли быть сдвинуты с мели, на которой они очутились в значительной степени благодаря своим партийным соглашательским вождям и своей профессиональной бюрократии, только во имя насущных интересов, данного момента, при защите своей мизерной заработной платы, 8-ми часового рабочего дня, и т. д., и т. д. Успех в этой борьбе мог быть достигнут только при солидарном выступлении рабочих масс, которые, раз будучи сдвинуты с мертвой точки, могли бы от защиты перейти к нападению к революционной борьбе за власть пролетариата. Но именно эта перспектива, осознанная, как вторым, так и двухсполовинным Интернационалом заставила вождей этих предательских организаций принять меры к срыву единого пролетарского фронта.

К сожалению, то, что было ясно осознано вождями реформизма, оказалось не осознанным некоторыми компартиями, из за деревьев не увидевшими леса, из-за Шейдемана и Редонеля не увидевшими пролетарских масс, стоящих за этими вождями и до сих пор не уяснивших себе их социальной мелко-буржуазной сущности.

Эти колебания и шатания некоторых коммунистических партий, в частности французской—обсуждались на заседании расширенного Исполкома, который принял меры к выпрямлению линий этих партий в этом важнейшем вопросе. Отчасти эти уклоны уже изжиты, но Четвертому Всемирному Конгрессу, несомненно, придется еще раз заняться этим вопросом и вменить в обязанность, всем компартиям, считаясь с условиями данной страны и применяясь к ним, проводить в жизнь лозунг единого фронта и, в случае

отказа соглашательских вождей от совместной акции, звать к этому и беспартийные массы, и стоящих за соглашателями рабочих на общую борьбу через голову предательских вождей.

Пример Германии в этом отношении весьма поучителен. Как известно, попытки создать единый фронт потерпели полное крушение, благодаря шейдемановцам и уже тогда готовившимся к об'единению с ними независимым социал-демократам, ныне уже явно перешедшим на сторону тех, кого они недавно сами клеймили, как предателей и изменников. Это не остановило Компартию Германии. По ее инициативе началось весьма серьезное движение в пользу созыва с'езда представителей фабрично-заводских комитетов всей Германии на почве актуальных требований борьбы с дороговизной, спекуляцией и проч. Движение в Германии, воплощающее в жизнь директиву Исполкома Коминтерна, воочию показывает всем компартиям и всему пролетариту Запада, что действительная борьба на почве актуальных интересов рабочих масс, в противоположность соглашательской фразеологии о борьбе, пускаемой в ход для отклонения рабочего класса от борьбы, непосредственно приводит к углублению и обострению противоречий между трудом и капиталом,—между пролетариатом и буржуазией.

Аналогичные выводы сами собой напрашиваются из стачечного движения в Гавре, где рабочие 14 недель вели упорную борьбу, несмотря на голод и кровавые жертвы, и на уроке которых французские рабочие все более и более убеждаются в том, что при существовании капиталистического строя все их страдания и муки, вся их жертвенная борьба не приводят к цели, и толкаются на последний бой с врагами.

Всемирный пролетариат не может рано или поздно не обратить серьезного внимания и на то, что его классовый враг напуганный, но вместе с тем наученный и умудренный опытом России, заранее принимает меры к тому, чтобы в момент этого боя быть в полной боевой готовности.

Фашизм, жестоко обрушившийся в последнее время на пролетариат Италии, ослабленный благодаря предательству Туратти и гамлетовским шатаниям Серрати—шатаниям, в которых они, к счастью уже сознались и раскаялись, не исключительно итальянское явление. Это—явление всемирное. Всюду вооруженные отряды буржуазии, возглавляемые предателями рабочего класса, вроде Муссолини, пытаются всеми способами разрушить и разбить рабочие организации, не останавливаясь перед действием огнем и мечем с тем, чтобы, пользуясь ослаблением пролетариата, отсрочить роковой для буржуазии момент.

Вопрос о фашизме, тесно связанный с необходимостью установления единого пролетарского фронта, равным образом, должен быть рассмотрен IV Всемирным Конгрессом. Всемирный пролетариат ждет авторитетных указаний от своего революционного штаба и—они будут даны.

Само собой разумеется, что Конгресс, учитывая весь опыт прошлого и условия борьбы в прошлом, должен будет решить аграрный вопрос, как один из самых важных для революции вопросов, а затем, как ни труден этот вопрос для организации, охватывающей 52 Коммунистических партии, не считая групп, примыкающих к Коминтерну, подготовить материал для

выработки единой программы для пролетариата всего мира,—программы, которая охватывала бы положение вещей как в центральной Европе, так и на Севере и на Юге, как в промышленных, так и в аграрных странах, как в Японии и Америке, так и в колониальных и полуколониальных странах.

Но этим не исчерпываются стоящие перед IV Конгрессом задачи. За истекший год борьба труда с капиталом приняла более интенсивные формы. В этой борьбе борющиеся стороны становятся лицом к лицу. Все социальные силы становятся либо по одну, либо по другую сторону баррикады. «Промежуточные группы» исчезают. Элементы, именовавшие себя «независимыми социал-демократами» либо переходят в лагерь явных предателей пролетариата и сливают свой ублюдочный двухсполовинный Интернационал с Интернационалом бельгийских министров и советников английского короля, либо отряхают, как в Италии, соглашательский прах со своих ног и переходят на сторону борющегося пролетариата.

Обе борющиеся стороны группируют силы, но в то время, как ряды революционного пролетариата внутренно сплочены общностью идей, общностью интересов, в рядах доживающего последние дни капитализма, этой внутренней сплоченности нет и быть не может.

Период, протекший со времени III Всемирного Конгресса, блестяще доказал правильность положения, формулированного этим Конгрессом. Кривая революции в общем и целом, несмотря на временные колебания, поднимается. Несмотря на все усилия буржуазии в отдельных странах, она, как целое, не сумела побороть все усиливающейся анархии капиталистического хозяйства. Антагонизм отдельных империалистических стран усиливается.

Над всем миром вновь нависли грозовые военные тучи. На Ближнем Востоке вновь пролилась потоками кровь. Но 1922 год—это не 1914.

Ныне пролетариат возглавляется не II-ым, а III-им Интернационалом, который не допустит того, чтобы вновь миллионы пролетариев были принесены в жертву молоху войны. Ответом на капиталистический лозунг: «война!», раздается во всем пролетарском мире грозный для капитализма лозунг: «революция!»

IV-й Всемирный Конгресс, собирающийся в столь важный для всего пролетарского мира момент, сумеет принять решение, которое раз навсегда положит предел кровавым поползновениям империализма. Международный же пролетариат сумеет воплотить в жизнь это решение и под знаменем Всемирной Революции и Всемирной Советской Республики продолжит свою борьбу до победного конца.

ФЕЛИКС КОН.

Международное положение Советских Республик

(вместо статьи)

Дорогие Товарищи!

С одной стороны, я не желал бы, как дисциплинированный партийный товарищ, отказаться от той задачи, которую на меня возлагает редакция Сборника, но, с другой стороны, у меня абсолютно нет времени выполнить ее удовлетворительно и дать действительную картину международной политики Советской власти за пять лет ее существования. Я выбрал поэтому средний путь—написать письмо, а не статью, которая гораздо больше обязывает, чем письмо, и изложить несколько главных моментов в развитии нашей иностранной политики, а также и перспективы ближайшего будущего.

I

В своих знаменитых тезисах, напечатанных в „Правде" от 23-го февраля по вопросу о мире т. Ленин, писал[1]):

1. Российская революция, достигшая высшей точки своего развития в Октябре, должна пройти неминуемо через период классовой борьбы, так как нечего ожидать, чтобы господствующие классы отказались без борьбы от своих привиллегий. Но это означает, что Советская власть должна сосредоточить все свои силы на внутренней борьбе.

2. Внешняя политика Российской революции должна основываться на международном положении, на вероятности или невероятности ближайшего революционного взрыва в остальной Европе. События последних недель доказали, что виды на подобный взрыв еще малы. Было бы ошибкой со стороны Российской революции в своей политике опираться на случайности.

3. В Германии реакция временно восторжествовала, поставив Российскую революцию перед альтернативой: или продолжать войну или подписать анексионистский мир.

Остальных пунктов этих тезисов я полностью приводить не буду. Укажу только, что в четвертом пункте указывается на то, что мир, заклю-

[1]) К сожалению, не имея под рукой русского текста, я привожу содержание этих тезисов из книги Филиппа Прайса, известного корреспондента «Манчестер Гвардиен» о Российской Революции, которая, по признанию всех, является одним из лучших произведений, напечатанных за границей по истории Октябрьской Революции.

ченный с Германией, не является предательством по отношению к интересам международного социализма, точно так же, как рабочие, побежденные в забастовке и подписавшие пред'явленные им условия, не являются предателями своего класса. Они только подготовляются к новой борьбе.

Пятый пункт говорит о невозможности для Российской революции сохранять союзные отношения с рядом буржуазных государств, установленные старым царским правительством. Шестой пункт указывает на необходимость Российской революции сохранять по отношению к двум империалистским лагерям известный нейтралитет, что возможно только в том случае, если Россия сама выйдет из войны. Седьмой тезис отвергает обвинение Российской революции, что она совершила предательский акт по отношению к социалистам Англии и Франции, заключая отдельный мир с Германией, в виду того, что революционное движение в западных странах неизбежно будет развиваться медленнее, чем в восточных, и поэтому Россия вынуждена, вследствие своей слабости, думать о восстановлении своих сил для внутреннего строительства. В восьмом тезисе отвергается, как нелепость, священная война против немецкого империализма в рассчете на взрыв социальной революции в Германии в ближайшие месяцы, потому что поражение в этот момент означает создание еще худших условий для развития революции в России. Наконец, девятый тезис указывает на дальнейшее обострение англо-германской борьбы, что, со своей стороны, создает передышку для Российской революции.

Нас интересует здесь первый пункт этих тезисов: фактическая экспроприация капиталистов и помещиков, как первая и главная задача Советской власти. В тот, начавшийся после Октября период, Российская революция могла погибнуть не от внешнего врага, занятого войной на своем другом фронте, а от внутренней контр-революции. Позиции, захваченные пролетариатом в Октябре, могли быть легко им утеряны, если земля, заводы, фабрики, торговля, финансы оставались бы фактически в руках помещиков и буржуазии и если бы колоссальный государственный бюрократический и армейский аппарат также продолжал бы находиться в их руках. Укрепление внутренних позиций для того, чтобы, опираясь на них, можно было бы повернуться к внешнему врагу, являлось единственно правильной политикой. Теперь, через пять лет после Октябрьской Революции, когда мы, при свете новой экономической политики, констатируем живучесть буржуазных устоев, еще очевиднее становится правильность намеченной в тезисах политики.

Мир был необходим.

Это, конечно, не значило, что для Советской власти безразличен был способ подписания этого мира. Формально мир утверждал победу германского империализма. Нужно было всеми способами и средствами не только уменьшить все преимущества, которые германский империализм получал от этого мира, но и, наоборот, сделать его для германского империализма источником слабости. Брест-Литовский мир должен был стать исходным пунктом революционного движения в самой Германии. Перед всем рабочим

миром нужно было подчеркнуть острый антагонизм между германским империализмом и Советской властью. Конечно, это необходимо было не только, как педагогически-пропагандистский прием. Было бы смешно думать, чтобы страна со 150-миллионным населением рабочих и крестьян смотрела на переговоры с Германией, как на лишний случай произнести несколько агитационных речей. Революционная тактика во время мирных переговоров имела гораздо более глубокое значение. Это было средство обороны революционного государства. Ясно было, что укрепление германского империализма должно было повлечь за собой в дальнейшем и падение самой Советской власти.

Брест-Литовск стал, таким образом, не только местом для мирных переговоров, сколько полем сражения, где давали друг другу бой империализм и социализм.

Как известно, в Брест-Литовске мы не подписали сразу германские условия мира. Только после того, как началось германское наступление, мы согласились подписать ультимативно предложенный проект мирного договора. Не подписывать его в этот момент было бы величайшей нелепостью. «Священная революционная война», о которой говорили левые эсэры и некоторая часть коммунистов, была материально и психологически невозможна и грозила прежде всего вывести из строя самый передовой элемент рабочего класса, который был необходим для внутреннего укрепления Советской власти. «Священная война» грозила, кроме того, вовлечь нас в союз с империалистами государств Согласия.

Подписание Брест-Литовского мира спасло нас от возможной катастрофы, дало необходимую передышку, но точно также и все то, что было проделано до этого подписания—весь политический маневр, включительно до первого отказа подписать предложение германцев, нашел в дальнейших событиях свое оправдание, так как послужил к усилению борьбы против германского империализма. Цель нашей политики могла быть выполнена, если бы ультимативное германское предложение было принято после того, как рабочим всего мира и, в частности, рабочим Германии стала бы ясна политика обмана и лицемерия германского правительства, заявлявшего многократно в Рейхстаге, что оно стремится к общему миру. Завоевательная политика германского правительства была вскрыта во время Брест-Литовских переговоров, когда германское военное командование отказалось принять пять предложений Российской делегации[1]) и была вскрыта как раз Советской властью, которую во всей печати Антанты представляли, как слепое орудие Германии. Читатели помнят, какую бешенную агитацию вели в то время против Коммунистической партии и против Советской власти, как против

---

[1]) Эти предложения были следующие: 1) оттягивание германских войск из всех занятых областей, 2) политическая независимость государств, являвшихся независимыми уже до войны, 3) право национальностей всех государств путем голосования определить свою государственную принадлежность, 4) обеспечение за национальными меньшинствами национально-культурной автономии, 5) никаких контрибуций, никакого хозяйственного бойкота после войны.

«создания Германского генерального штаба». Эта идиотская легенда, первыми авторами которой являлись генералы царской ставки, действовавшие за одно с группой Алексинского и с министрами из правительства Керенского в роде Переверзева, под общим руководством французско-английской контр-разведки, обошла потом всю мировую печать. Создалась по этому поводу целая литература. Октябрьская революция и первые действия Советского правительства вплоть до его обращения с предложением о мире, а также встреча в Брест-Литовске—все это было представлено в виде программы, предварительно согласованной между Коммунистической партией и германским генеральным штабом [1]).

Но Брест-Литовск рассеял эту нелепую легенду. Конечно, и после этого печать Антанты продолжала оглашать от времени до времени всякие поддельные документы, доказывающие яко-бы близость большевиков с германским генеральным штабом, но широкие рабочие массы за границей уже знали Советскую власть и Коммунистическую партию. Никто так не изобличил германский империализм,—и не только германский империализм, но и империализм других стран—как именно Советская власть.

За этот период иностранной политики Советской власти, начинающийся с октября и кончающийся февралем, был изобличен и английский, и французский империализм. Обращение Совета Народных Комиссаров ко всем государствам с предложением заключить мир «без аннексий и контрибуций» и при свободном самоопределении народов явился пробным камнем и для политики Антанты, все время скрывавшейся за флагом этого самоопределения. Когда же впервые ей была предоставлена возможность провести его в жизнь, она отказалась. Она предпочла оставить революционную Россию на произвол германского империализма с надеждой, что в конце-концов победит империализм Антанты, чем итти на мир, который обрезал бы крылья обоим империализмам.

II

Период, начинающийся Брест-Литовском и кончающийся германской революцией был для нас периодом борьбы с внутренней контр-революцией. Она усиливалась. Германский империализм, отдавший себе отчет в том, что он военными действиями не в состоянии разгромить Советскую власть, так как его батальоны и полки терялись в широкой русской и украинской степях, как вода теряется в песке, отказался, по крайней мере, временно,—от военного наступления, заключил перемирие на русско-украинском фронте и стал искать проводников своей политики среди различных партий

[1]) До какой степени нелепая легенда о тайном соглашении между германским правительством и Коммунистической партией является живучей показывает то обстоятельство, что когда в Генуе было сообщено о заключении Раппальского договора, Барту на заседании Верховного Совета воскликнул: «это есть повторение Брест-Литовского маневра». Другими словами, Брест-Литовский договор являлся-же таким же актом добровольного и дружелюбного соглашения между Россией и Германией, каким на самом деле являлся Раппальский договор.

Группа депутатов Государственной Думы—большевиков, сосланных в Сибирь за протест против империалистической бойни.

и группировок российской контр-революции. В Москве Мирбах готовил заговоры против Советской власти совместно с кадетами. На Украине военное командование—Эйхгорн, Гренер и немецкий посол барон Мумм—укрепляли гетманскую контр-революцию, под покровом которой организовалось белое офицерство, подготовлялись заговоры и выступления, создавались южная и астраханская белые армии для наступления на Советскую власть.

В этот период Киев стал вторым Кобленцом. В него стекалась вся контр-революция от «Союза русского народа» до эсэров и меньшевиков. В Белоруссии,—в Минске,—был другой контр-революционный центр. Здесь открыто действовало Бюро Северной Российской Армии,—белогвардейская организация, которая подготовляла, при поддержке германского генерального штаба, наступление на Петроград и Москву с запада. Германский империализм пытался даже привлечь на свою сторону Деникина, который также открыто вербовал офицеров и солдат для своей армии в Киеве. Но связи Деникина с Антантой, субсидировавшая его действия на Кубани, были уже крепки. Сфера влияния немецкого генерального штаба не могла поэтому распространиться дальше Донской области, где в лице генерала Краснова германский империализм нашел одного из своих верных проводников. Под эгидой Германии был заключен формальный союз между Донским контр-революционным казачеством с генералом Красновым во главе и гетманом Скоропадским.

На самой Украине власть от украинских мелко-буржуазных и контр-революционных элементов стала переходить к российским буржуазным и контр-революционным группировкам. Начатая роспуском Центральной Рады ликвидация украинской мелко-буржуазной контр-революции продолжалась дальше германцами, и украинская контр-революция сливалась все больше и больше с контр-революцией российской.

В этот момент для самой Германии не было достаточно ясно, следует-ли сохранять «независимую Украину», т.-е. Украину, которая не завися от украинского народа, зависела бы только от германского правительства,—или подготовить ее присоединение к будущей монархической России, из которой сделать опору и союзника для империалистской Германии. Вести ли линию балканизации России или ее сохранения. Для германской дипломатии это стало дилеммой. Руководящие круги германской политики, германские национал-либералы с Штреземаном во главе высказывались за восстановление «единой и неделимой». Этим раздвоением германской политики об'яснялось и вялое отношение Германии к переговорам, которые, на основании Брест-Литовского договора, Советская Россия должна была вести с гетманским правительством на предмет заключения «мира». Как известно, эти переговоры продолжались в Киеве больше пяти месяцев без всяких результатов. Российская советская делегация использовала только свое пребывание на Украине, чтобы усилить ту борьбу, которую тогда уже вели украинские рабочие и крестьяне всеми средствами, вплоть до железнодорожных генеральных забастовок и восстаний против германской и гетманской оккупации.

Посеянные Октябрьской революцией и Брест-Литовскими переговорами семена революции в германском рабочем классе и, в частности, в германской армии стали быстро давать свои всходы. Январьские забастовки в Берлине и в Вене, когда рабочие,—в частности, занятые в военной промышленности,—вышли на улицу, чтобы требовать прекращения войны против революционной России и заключения почетного мира, хотя и были разгромлены, но дали большие результаты. Германский генеральный штаб, чтобы распылить революционную рабочую массу, произвел поголовную ее мобилизацию и отправил рабочих на фронт, а для того, чтобы предупредить скопление всех этих революционных элементов в одной части, он их распределил маленькими группами по всем частям армии. Таким образом, не было уже германской дивизии, где не оказалось бы революционной ячейки. Разгром германского фронта, последовавший за разгромом фронта болгарского, а также и разгром этого последнего, являлись не результатами военной победы армии Антанты над армиями центральных государств, а отчасти результатом внутреннего разложения болгарского и германского империализма. Германский империализм потерял войну уже в Брест-Литовске. С того момента уже началось его падение. Все части германской армии, которые находились на восточном фронте,—в частности, все части, расположенные в Украине, которые были отправлены туда германским правительством, как бы в санаторию,—на самом деле получали здесь сверх своего физического оздоровления и известную дозу духовной, революционной пищи. Здесь, в непосредственном контакте с рабочими и крестьянами, в погоне за повстанцами и стачечниками и за отрядами Красной гвардии, а потом Красной Армии, происходило отрезвление германских рабочих и солдат от шовинистического угара. Когда их отсюда отправляли на западный фронт, они вместе с собой уносили и приобретенное здесь новое революционное настроение [1]).

III

Германская революция явилась для российской революции одновременно и колоссальной поддержкой и в то же самое время началом нового периода борьбы. Окончание войны означало, что мы должны были очутиться теперь лицом к лицу с Антантой. Пока война продолжалась и оба военные лагеря взаимно истребляли друг друга,—это создавало для нас период передышки.

---

[1]) Как доказательство того революционного настроения, которое существовало в Германской армии, можно привести следующую выдержку из мемуаров Вильгельма, которые теперь печатаются в заграничных газетах: «В это время ко мне прибыли, пишет Вильгельм II-й, генералы фон-Гальвиц и фон-Мудра, командующие на фронте. Относительно морального состояния армии они мне дали картину, что число уходящих в тыл увеличивается, неподчинения умножаются и, наконец, красный флаг уже появился между контингентами отпускных, возвращающихся из Германии. По этим соображениям, вышеупомянутые генералы считали необходимым оттянуть немедленно армию за линию от Антверпена до реки Маас».

Мы не будем здесь описывать различные фазисы германской революции. Но Советская Россия искала опору не только в германской революции. Она думала, что сможет найти опору и в той мелко-буржуазной Германии, которая, будучи прижата хищниками Антанты, должна была бы сама искать опоры в Советской России. Но у мелко-буржуазной Германии, хотя и руководимой фактически социал-демократами, опасение за господство капитала и страх перед русской революцией оказались сильнее, чем страх перед чужестранным игом. Вся политика Германии с момента революции до Раппалло заключалась в стремлении к созданию общего блока со всеми империалистическими государствами против Советской России.

Таким образом, капиталистическое окружение, в котором очутилась Советская власть по окончании войны, оказалось более полным, чем во время самой войны, когда борющиеся за победу империалистические группы были вынуждены войти во временные отношения с Советской властью. Советская власть опять очутилась перед новым кризисом, вопрос о ее существовании опять стал ребром.

Первый опасный кризис пережила Советская власть летом 1918 года, когда с юга действовал в Донской области Краснов, Деникин устанавливал в Кубани свою власть, а в Сибири утверждалась генеральская эс-эровская и меньшевистская контр-революция с помощью чехо-словаков. С другой стороны, в Москве и Петрограде действовали во всю эс-эровские подпольные организации, организуя при субвенциях английской и французской военных миссий не только военный шпионаж и разложение существующих красноармейских частей, но и заговоры и покушения. Наконец, опять-таки при поддержке этой же Антантовской организации, Савинков поднял ярославское восстание.

Из этого тяжелого испытания Советская Россия вышла победительницей. Спайка между рабочим классом и крестьянством стала крепче и в борьбе за существование рабочий класс создал Красную Армию и укрепил сам Советский аппарат.

Кризис 1919 года уже более определенно носил характер кризиса внешнего. За белыми генералами ясно уже вычерчивались фигуры международного империализма. Выйти победителем из этого кризиса нам помогла не только спайка рабочих и крестьян и усиление Красной Армии, но и та неминуемая внутренняя борьба, которая должна была начаться внутри блока государств Согласия.

Пока общая опасность победы германского империализма существовала у всех государств Антанты,—спайка между ними укреплялась вплоть до об'единения всех их армий под единым командованием французского главнокомандующего Фоша. Но когда Германия была уже побеждена и возник вопрос о дележе добычи, неминуемо, конечно, должны были возникнуть и разногласия между союзниками. Впрочем, Советская Россия была уже причиной разногласий, имевших место еще весной 1918 года. Чтобы заручиться поддержкой японцев против Советской России, французы и англичане готовы были согласиться на все предложения Японии вплоть

до признания за нею особых преимущественных прав на Сибирь. Это соглашение было сорвано вмешательством Соединенных Штатов, в интересы которых не входило, чтобы Япония утвердилась на Азиатском континенте и стала обладательницей Азиатского берега Тихого океана.

По окончании войны, во время версальских переговоров, фактически из группы союзников вышла Италия, недовольная той добычей, которую она получила в результате войны. Впоследствии возник и наростал конфликт между Францией и Англией.

В задачу настоящей статьи не входит излагать причины антагонизма капиталистических государств. Мы только констатируем, что за этот период от Версаля до Генуи задача Советской власти заключалась в том, чтобы направлять осторожно свой корабль между Сциллой и Харибдой капиталистических разногласий, избегая попасть в водоворот той или другой из этих групп.

Желая подвести итоги завоеваний в области внешней политики, или совершенных непосредственно Советской властью, или вызванных косвенно ее существованием в течении пяти лет, нельзя не вспомнить интересную полемику, имевшую место между Ллойд-Джорджем и Клемансо во время версальских переговоров.

26-го марта Ллойд-Джордж пред'явил французскому председателю совета министров меморандум, в котором он предлагает в определении условий мира для Германии быть умеренными, в особенности в части касающейся вопросов территориальных, «дабы слишком тяжелые территориальные условия, навязанные Германии, не облегчили бы игру большевизма».

В своем ответе от 29-го марта Клемансо, со своей стороны, заявляет: «Конференция решила вызвать к жизни известное количество новых государств. Могла ли она, не совершая несправедливости, пожертвовать ими, навязав им, в интересах Германии, неприемлемые границы? Если эти народы—Польша и Чехо-Словакия, в частности,—противостояли до сих пор большевизму, то это благодаря своему национальному чувству. Если мы совершим насилие над этим национальным чувством, эти государства станут добычей большевизма и единственная преграда, отделяющая теперь российский большевизм от германского, будет опрокинута. Результатом этого будет конфедерация Восточной и Центральной Европы под руководством большевистской Германии, или подчинение этих стран Германии, возвратившейся к реакции в результате всеобщей анархии. В обоих случаях это будет означать, что союзники потеряли войну».

Когда-то Бисмарк говорил в Рейхстаге, что он ничего не делает, не подумавши, что об этом скажут социал-демократы. Определенно можно сказать, что с первых же моментов существования Советской власти, все действия европейской и мировой дипломатии были проникнуты страхом перед Советской властью Рабоче-крестьянская Октябрьская Революция перепутала уже тогда все карты мирового империализма.

О всех международных последствиях существования Советской власти я не буду здесь говорить. Укажу на самые главные.

Своим существованием Советская власть предупредила полную победу империализма. Он не только не смог распространить свою власть на Советскую Федерацию с ее полуторастомиллионным населением, с ее колоссальной территорией, охватывающей шестую часть земного шара, но благодаря существованию Советской власти, империализм не смог победить Турцию, для которой Советская власть была оплотом, должен был отказаться от ее раздела, а также от раздела Персии и, наконец, благодаря самому факту существования Советской России, ставшей оплотом всего мусульманского мира, под вопросом стоит сейчас уже и само господство империалистических государств в большей части их колоний.

Как ни кажется странным на первый взгляд, но существование всех новых национальных государств также является результатом существования Советской власти. Если бы победила коалиция с царской Россией или с Россией Временного Правительства, не было бы, конечно, не только Балтийских государств, но и существование Польши было бы эфемерно. Хотя национальные государства проявляют с своей стороны неумеренные территориальные аппетиты, некоторые из них хотят занять место бывшей царской России, хотя все они являются политической опорой и военным плацдармом действий империалистических государств против Советской России, но для революционного сдвига широких рабочих и крестьянских масс, для вылечивания их от национализма, т. е. для ослабления влияния мелко-буржуазных националистических групп и партий на рабочие и крестьянские массы, факт создания или возрождения этих государств является несомненно революционным.

IV

Октябрьская Революция стояла, как призрак, перед авторами версальского договора. Единственный в нем параграф, представляющий для рабочих значительное завоевание, это признание необходимости проведения международным законодательным порядком 8-ми часового рабочего дня. Этим буржуазия хотела удержать возвращающихся из окопов рабочих от восстаний. Эта уступка была признаком шатания власти международной буржуазии. Зима 1919 года была для нее самой страшной. При таких условиях, конечно, она не только не могла послать против Советских Республик значительных воинских частей и не только были лишены всякого желания драться с Красной Армией те части, которые были посланы на юг Украины— в Одессу, Херсон, Севастополь и в Архангельск,—но и у себя дома буржуазия должна была итти на известные уступки, чтобы предупредить революцию.

Когда опасность миновала, буржуазия начинает брать эти уступки обратно. Вторая половина 1922 года будет известна, как эпоха ликвидации 8-ми часового рабочего дня. Чтобы судить о тех усилиях, которые делают капиталистические государства и частные капиталисты для ликвидации 8-ми часового рабочего дня, достаточно привести следующую телеграмму от 24 октября из Бордо.

«На международной конференции труда английский рабочий делегат указал на коалицию правительства и предпринимателей, направленную против рабочего класса, и подробно остановился на затруднениях, чинимых в Англии правительственными и предпринимательными кругами проведению через парламент международных соглашений, касающихся установления 8-ми часового рабочего дня.

Испанский рабочий делегат Кабальеро сообщил, что рабочие Испании жалуются на все более и более энергичное наступление капитала против одного из главных приобретений рабочего класса—8-ми часового рабочего дня. После конференции в Вашингтоне правительства и международный капитал чувствуют какое-то раскаяние в допущенных ими уступках рабочим, между тем, как 8-ми часовой рабочий день является требованием, которое рабочий класс особенно близко принимает к сердцу.

Вслед за испанским рабочим делегатом выступил голландский рабочий депутат Куперс, в свою очередь указавший на усилия, делаемые капиталом для того, чтобы замедлить проведение в жизнь принципа 8-ми часового рабочего дня».

В полученных в последнее время из-за границы газетах имеется, между прочим, отчет заседания французской палаты депутатов от 13 октября по поводу упразднения 8-ми часового рабочего дня на французских государственных железных дорогах. Министр Путей Сообщения Ле-Трокер мотивировал свое предложение тем, что частные железные дороги уже успели провести такую ликвидацию. Первый шаг к ликвидации заключается в том, что рабочих обязали работать «действительных» 8 часов, т.-е. что перерыв для еды не должен быть засчитан в рабочее время. Таким образом, оказалось, что железнодорожные компании заставили рабочих работать вместо 2.544 часов в год, как предусматривает декрет—2.979, т.-е. на 435 часов больше. Применение этой реформы к государственным железным дорогам даст в смете экономию 264 миллиона франков. Вот образец буржуазно-демократически-республиканской заботы о рабочих.

К концу пятилетия существования Советской власти в сознании всех капиталистических правительств ясна одна истина—Советскую власть насильственными средствами больше уничтожить нельзя[1]). Польское наступление было последним серьезным опытом в этом направлении. Остается рассчитывать только на «эволюцию» Советской власти, на «новую эконо-

---

[1]) Любопытно здесь привести заключение одной из самых враждебных нам газет о теперешнем международном положении Советских Республик. Под заглавием «Возвращение России» («Тан») от 18 октября пишет следующее: «В 1922 г. Россия совершила свое дипломатическое возвращение в Европу. Самые разнообразные события помогли этому. В течении года имели место: конференции в Генуе и Гааге, Раппальский договор, большие перемены, вызванные турецкими победами, а также и прием, оказанный господину Эррио в России, затем будут иметь место переговоры о проливах. Некоторые из всех этих событий нам не понравились и вызвали у нас беспокойство, другие—наоборот—нам благоприятны, но все они вместе взятые—это мы должны признать—ведут к одному и тому же результату,—чтобы установить определенную политику в Европе, нужно отныне считаться с Россией».

мическую политику», на «Красный капитализм». С другой стороны, в сознании каждого коммуниста в данный момент должно быть также ясно, что низвержение капиталистического строя сегодня дальше от нас, чем это нам казалось пять, четыре или три года тому назад. Капитал, власть которого олицетворяется десятком буржуазных государств, и пролетариат, власть которого олицетворяется Советской Федерацией,—оба окопались. Период больших маневренных войн временно закончен. Война теперь стала позиционной. Но нет, конечно, такой позиционной войны, которая в известный момент не превратилась бы опять в маневренную.

Харьков,
26 октября 1922 г.

С тов. приветом Х. РАКОВСКИЙ.

От Октября до нэпа

Пять лет революции—достаточный срок, чтобы можно было дать итоговую оценку революционных достижений в области строительства хозяйственной жизни.

Однако, громадное затруднение при анализе причин и последствий экономической политики состоит в том, что итогов еще нет. Они только теперь начинают намечаться, ибо, по выражению Ларина, только с конца 1920 года революция вступила в свой исторический период. С другой стороны, даже теперь, по истечении пяти лет, чрезвычайно трудно отделить главное от второстепенного, отметить, где была закономерность и историческая необходимость, и где—случайность, продукт тех или иных привходящих обстоятельств и т. п. Взять истекшую полосу под определенный угол зрения, под определенную перспективу—трудно еще и потому, что сами перспективы революции менялись.

В дни, непосредственно следовавшие за октябрем, только немногие имели перед собой ясное представление о путях, которые привели нас к «военному коммунизму». В эпоху «военного коммунизма» подавляющему большинству казалась странной и немыслимой сама идея перехода к нэп'у. В нынешний период новой экономполитики мы, наоборот, с большим трудом можем усвоить себе ту точку зрения, которой руководились в своих экономических мероприятиях эпохи 1919—20 гг. До того все кажется нам отдаленным от современных вопросов и задач, несмотря на то, что от эпохи военного коммунизма нас отделяет период немногим более полутора лет.

Тем не менее, несмотря на эти последовательные «смены вех», которые совершались нами не только в памятные мартовские дни 1921 года, но и в средине 1918 года, несмотря на подчас крутое изменение направлений, в этапах нашего экономического строительства, несомненно, есть определенная историческая закономерность и необходимость, которая заставляла нас произвольно или непроизвольно каждый раз выбирать тот, а не иной путь, вести ту, а не другую линию. Сказанное здесь относится к каждому периоду экономической политики в целом, не касаясь отдельных его моментов. Как общее правило можно установить, что наша экономическая политика имела на каждом этапе некоторую инерцию движения, и каждый переход, поэтому, до известной степени отставал от изменений об'ективной обстановки. Жизнь выдвигала новые запросы и задачи, а деятельность хозяйственных органов некоторое время продолжала

развертываться в привычных старых формах. Это вызывало на определенной ступени резкий конфликт между требованиями действительной жизни и велениями экономической политики. Само собой разумеется, что победа неизменно оказывалась на стороне первой. Особенно ярко обнаружились и этот конфликт, и победа жизненных требований в эпоху перехода от старой к новой экономполитике, однако, об этом после.

Первый вопрос, который необходимо выяснить при анализе экономической политики пролетарской власти—это вопрос ее происхождения: откуда были взяты первоначальные руководящие идеи, и какие обстоятельства повлияли на то или иное направление их развития?

Если мы станем искать начала экономической политики в общей социалистической литературе довоенного и дореволюционного периода, то мы почти не найдем ответа на этот вопрос. Марксистская теория, как известно, почти вся была посвящена вопросам пролетарской политики в рамках капиталистического общества и анализу тенденций развития последнего. О том, что будет на второй день после овладения политической властью пролетариатом—она не высказывалась. Известная попытка Каутского приоткрыть несколько завесу, закрывающую этот «другой день» ни в какой мере не удовлетворяет требованиям практического характера. Да Каутский и не мог предусмотреть всей сложности действительных отношений революции к запросам жизни. Были еще отдельные слабые попытки конструировать первые шаги пролетарской политики на другой день напр. в статьях Троцкого, посвященных теории перманентной революции и написанных в 1905 году. Однако, они также не давали прямых ответов.

В общем и целом марксистская теория «переходного периода» до революции находилась почти в таком же состоянии, как во времена «Коммунистического Манифеста. Основные положения манифеста сводились к следующему: 1) Экспроприация поземельной собственности и ренты. 2) Высокий прогрессивный подоходный налог. 3) Уничтожение права наследства. 4) Конфискация имущества эмигрантов и бунтовщиков. 5) Централизация кредита в руках государства посредством национального банка. 6) Централизация транспорта в руках государства. 7) Увеличение числа государственных предприятий, возделывание земли по общему плану. 8) Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия. 9) Соединение земледельческого труда с фабричным. 10) Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством». Вот первые шаги пролетарского правительства, как они были формулированы 75 лет тому назад. Многие из этих мероприятий сохранили свое значение до наших дней. Многие из них не носят отличительных черт пролетарской экономполитики и вполне мыслимы в условиях буржуазного режима (как напр., налоговая политика, национализация ренты, транспорта и пр.). Некоторые лозунги имели в Манифесте чисто агитационный характер. Вообще же, при оценке значения этой экономической программы, необхо-

димо отметить следующее: I. В ней нет ни слова о методах организации хозяйства в переходную эпоху. II. В ней ничего не говорится о формах распределения. Между тем это—вопросы, которые встают перед рабочим классом именно «на другой день», и с которыми прежде всего столкнулась Советская власть. Что касается мероприятий в области кредита, то Маркс не придавал им такого всеоб'емлющего значения, как это может показаться с первого взгляда. В другом месте (Капитал, III том), он определенно указывает, что овладение кредитной системой может иметь значение лишь как одно из звеньев в цепи других мероприятий, связанных с переворотами в самом способе производства. Последнему Маркс придавал решающее значение. В эпоху Маркса не определились еще черты новейшего финансового капитала, которые сообщили кредитной организации решающую роль в экономической жизни. (После войны дело изменилось).

Точка зрения большинства социалистов заключалась в том, что рабочий класс должен будет начать с обобществления производства, которое должно образовать фундамент для социалистического распределения и потребления. Но эта теория не могла предвидеть, что пролетарская революция уже застанет в начале своего развития известные органы планомерного распределения, созданные капиталистической эпохой. С другой стороны, наиболее характерные черты империалистической эпохи только в 1912 году были подвергнуты анализу с марксистской точки зрения Гальфердинга и только в годы войны теория финансового капитала получила широкое распространение среди марксистов. А эта теория давала совершенно новую постановку вопросу о задачах пролетариата на другой день после революции. Не с производственной, а с финансовой верхушки должен быть начат процесс социализации экономической жизни. Таков был главный вывод из этой теории.

А вместе с этим и формы преобразования хозяйства должны были измениться. Наряду с прямой организацией промышленности и сельского хозяйства на социалистических началах рабочий класс через механизм обобществленных банков располагал мощным орудием регулирования и тех отраслей хозяйства, которые по тем или иным причинам выгоднее было оставить в частных руках.

А если организация хозяйства на первых порах заменяется системой регулирования, то вполне естественно возникает идея о рабочем контроле, который должен следить за правильным использованием материальных ресурсов в предприятии и за рациональной постановкой дела.

Эпоха империалистической войны в огромной мере подготовила тот арсенал орудий, при помощи которых государственная власть становилась регулятором хозяйственной жизни. Вот как изображает тов. Осинский систему государственного капитализма, возникшую в Германии во время войны: «Для государственного капитализма характерны: 1) Сростание государства и трестов, хозяйственной «командной власти» финансового капитала и политической власти государства; не использование государственной «надстройки» для укрепления хозяйственной мощи финансового

капитала, а превращение ряда государственных органов в организующие и регулирующие хозяйство органы трестов. 2) Появление принудительных государственных синдикатов и трестов и, следовательно, завершение перехода собственности в классовую собственность капиталистов. 3) Планомерное регулирование производства этими синдикатами и трестами; замена фактических рыночных монополий обязательными монополиями государства-треста; замена фактических монопольных цен обязательными твердыми ценами государства-треста. 4) Организация и регулирование потребления путем карточной системы. 5) Превращение рабочей силы в достояние государства банкиров и капиталистов путем трудовой повинности. 6) Итог: отмирание капитализма, как товарного хозяйства, в котором приспособление производства к потреблению создается путем спроса и предложения на рынке и конкурренции независимых собственников».

В более слабой степени та же тенденция государственного капитализма обнаруживалась и в России, где под давлением военной необходимости сначала царское правительство, а затем правительство Керенского вынуждены были предпринять ряд мер государственного вмешательства в экономическую жизнь. Мобилизация промышленности для нужд обороны, организованное распределение государственных заказов, образование промышленных об'единений под флагом «общественных организаций» Земского и Городского союзов, создание органов распределения топлива, металла и некоторых других видов сырья. Государственное финансирование промышленности. Прикрепление рабочих к предприятиям под видом военнообязанных. Снабжение предприятий рабочей силой военнопленных, мобилизованных сартов и проч. В последние месяцы перед октябрьским переворотом правительством Керенского подготовлялся законопроект о переходе к «всеобщей» трудовой повинности, имевшей в виду исключительно рабочих. Все это—формы регулирования производства. А рядом с этим—организация хлебной монополии, получившей свое развитие еще в последние месяцы царского режима и окончательно оформленной Шингаревым, создание сахарной монополии, регулирование потребления продовольствия при помощи карточной системы, взятие на учет выработку тканей и т. п. Все это—меры, касающиеся уже потребления в прямом смысле слова.

Таким образом, первые шаги пролетарской революции, если они и не в достаточной мере обусловливались теоретической разработкой вопросов переходного периода, то за то вполне определялись всей системой государственного регулирования хозяйства, возникшей во время войны. Но между капиталистическим регулированием хозяйственной жизни и тем регулированием, которое ставила своей задачей пролетарская власть, была существенная разница. Капиталистическое государство принимало на себя функции регулирования хозяйственной жизни под давлением обстоятельств, мы ставили перед собой эту задачу, как сознательно поставленную цель. Буржуазия регулировала хозяйство в своих интересах; твердые цены обеспечивали высокие прибыли, распределение государственных заказов, распределение топлива и сырья, снабжение рабочей силой—все это снимало

с каждого предпринимателя огромную тяжесть хозяйственных забот, перекладывая ее на плечи государственной и общественной организации, прибыль же обеспечивалась владельцу предприятия в большем размере, чем при нормальных условиях. (Это, между прочим, одна из существенных причин разложения буржуазии, как класса: за время войны она растеряла свои производственные функции и усилила потребительские). Что касается регулирования потребления, то оно главной своей стороной было направлено против рабочих, служащих, городской бедноты, которая питалась исключительно по карточкам. Для имущих классов никакого регулирования в этом отношении не существовало.

Наоборот, задачи революционной власти были прямо противоположны целям капиталистического регулирования. Мы ставили своей задачей взять у буржуазии готовую организационную форму и наполнить ее новым пролетарским содержанием. Революция экономическая должна была в этом отношении явиться дополнением к политическому перевороту.

Далее необходимо отметить: государственный капитализм эпохи войны регулировал хозяйственную жизнь исключительно ради достижения военных целей. Мы брали созданную до нас военную организацию хозяйства и клали ее в основание дальнейшей работы мирного строительства. И это делалось не под влиянием каких либо теоретических увлечений. Военный государственный капитализм вырос из нужд войны. Война вызвала голод металлический, угольный, продовольственный, сырьевой, а между тем военные нужды требовали безотлагательного удовлетворения. Понадобилась величайшая экономия, рассчетливость, контроль, целесообразное распределение рессурсов для того, чтобы военные нужды были удовлетворены. Но то, что до революции вызывалось военной нуждой, военной необходимостью, стало затем диктоваться мирной необходимостью. Раньше не хватало металла для снарядов, топлива для оборонной промышленности, для перевозки войск и их снабжения, продовольствия для армии, и это вызвало необходимость создания плановых органов распределения и регулирования под военным углом зрения. Но те же самые кризисы встали на другой день перед революционной властью по отношению к гражданскому трудовому населению и к промышленности, работавшей на мирные нужды. Не хватало продовольствия, топлива, изделий, предметов массового и технического потребления; все пожрала война, ее «отрицательное расширенное воспроизводство»—по выражению Бухарина. Как же было не использовать готовые методы планового регулирования для удовлетворения насущных нужд рабочего и крестьянского населения, которые, конечно, существовали и до революции, но удовлетворить которые могла и должна была только революционная Советская власть, для этой именно цели и выдвинутая на смену старому режиму?

При той обстановке, которая существовала в момент перехода власти к рабочим и крестьянам, все рассуждения насчет преимуществ экономического либерализма не имели никакого смысла. Надо было революционными мерами спасать рабочий класс. И чрезвычайно жалкое впечатление

производит критика первых этапов нашей экономической политики, цепляющаяся за ее распределительный и потребительский характер. Регулирование распределения и потребления—это был факт, существовавший до революции. Та самая экономическая необходимость, которая вызвала к жизни органы регулирования, действовала с удесятеренной силой на другой день после революции, когда надо было удовлетворять потребности мирного населения при отсутствии реальных рессурсов и опустошении хозяйства.

К тому же только абсолютно безграмотные в экономических вопросах люди могут утверждать, что регулирование распределения противоположно регулированию производства. Ведь, распределение включает в себя так же и распределение производительных сил—топлива, сырья, рабочей силы. А распределение рабочей силы предполагает уже налаженную организацию снабжения.

Социализировать сначала «производство», а потом «распределение»—возможно только в теории, совершенно оторванной от практической жизни, где вопросы производства и распределения тесно связаны между собой.

Что на другой день после войны вопросы планомерного регулирования и организации хозяйства встают с еще большей силой, чем во время войны, об этом говорит история послевоенного периода в Германии и Австрии—странах, жестоко пострадавших от военной катастрофы и находившихся в условиях, приблизительно сходных с нашими. Вот что мы читаем в докладе большинства комиссии по социализации, которая была учреждена правительством шейдемановцев «на другой день», и куда входили такие столпы соглашательства, как Каутский, Гильфердинг и др. «Революции приходится считаться с наследством, которое оставлено ей войной. Дело идет о ликвидации этого наследства и возобновлении работы на развалинах. Принципиально возможны несколько путей. Первая возможность: возврат к свободной игре сил, что так часто требовалось; он дал бы волю частной энергии... Комиссия, однако, думает, что в виду экономических, политических и психологических условий момента это обречено на провал. Вторая возможность: всестороннее преобразование капитала под общим руководством в государственный капитализм, государственный картель. Планы подобного рода, примыкая к организациям во время войны, стремились организовать однородно все производство благ так, чтобы удовлетворить государственные потребности и не только обеспечить ренты (прибыли) капиталистам, но еще более поднять их. Эти планы гигантской принудительной организации со внутренней лишь технической подвижностью теперь невозможны не только экономически, но и политически. Остается третья возможность: социализация, и притом социализация, которая, считаясь со всеми трудностями нынешнего положения, становится решительно на сторону социалистического принципа. Общество может теперь организоваться только снизу, и при содействии рабочих».

В том же духе высказывается и Отто Бауэр: «Мы слишком бедны, чтобы продолжать делить с капиталистами и землевладельцами плоды

нашего труда. Достаточно и того, что мы вынуждены будем платить дань капиталистам других стран в виде возмещения военных убытков. Мы не можем наряду с этим оставаться данниками еще и собственных капиталистов. Есть только один выход из нашего тяжелого экономического положения: социализм. Война, приведшая демократию к ее победе, заставила нас также вступить на путь осуществления социализма».

Если впоследствии декреты о социализации были положены под сукно в Германии, то не потому, что изменилось экономическое положение, а потому что победила контрреволюция, и регулированием хозяйства занялся не рабочий класс, а Стиннес.

Таковы были—в самых общих чертах—те предпосылки, которые определили собою ближайшим образом первые шаги экономической политики Советской власти. Наиболее ярко выраженную программу этой политики мы находим в статье тов. Ленина, написанной незадолго до Октябрьского переворота под названием «Грядущая катастрофа и как с ней бороться». Основные положения этой статьи формулированы в следующих пунктах:

Для борьбы с надвигающейся хозяйственной катастрофой необходима организация действительного государственного контроля над деятельностью промышленных и торговых предприятий. «Все воюющие государства, испытывая в той или иной мере разруху и голод, давно наметили, определили, применили, испробовали целый ряд мер контроля, которые почти всегда сводятся к об'единению населения, к созданию или поощрению союзов разного рода, при участии представителей государства, при надзоре с его стороны и т. п.».

Как видно отсюда, в своей экономической программе, имевшей в тот момент, главным образом, агитационное значение, тов. Ленин исходит из практики самих буржуазных государств, выработавших ряд мер контроля над хозяйственной жизнью. Каков смысл этого лозунга контроля? Судя по тем конкретным мерам, которые предлагаются дальше, контроль понимался тогда, как нечто среднее между простым надзором за деятельностью хозяйственных об'единений и активным вмешательством, регулированием их деятельности в духе финансового контроля. Вот главнейшие мероприятия, рекомендуемые в статье:

«1. Об'единение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2. Национализация синдикатов, т.-е. крупнейших монополистических союзов капиталистов (Синдикаты сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.).

3. Отмена коммерческой тайны.

4. Принудительное синдицирование (т.-е. принудительное об'единение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще.

5. Принудительное об'единение населения в потребительные общества или поощрение такого рода об'единений и контроль за ними».

Развивая эти положения, тов. Ленин далее указывает на необходимость, в противоположность бюрократическому контролю капиталистических

государств, организовать контроль снизу, со стороны рабочих и служащих, для того, чтобы предупредить саботаж капиталистов, которые будут всячески сопротивляться вмешательству государства в их деятельность. Национализацию промышленных синдикатов статья не ставить в плоскость безвозмездного отчуждения имущества. Касаясь нефтяного дела, Ленин указывает, что только в случае сопротивления нефтяных королей национализации, необходимо наказать их конфискацией имущества и тюрьмой за саботаж и пр.

Эту экономическую программу, написанную накануне октябрьского переворота, надо было бы иметь в виду всем тем, кто скорбит о том, что НЭП означает полную сдачу наших революционных позиций и капитуляцию перед капиталом. Даже если взять последние этапы развития новой экономполитики, они все же обеспечивают нам более широкий об'ем экономических завоеваний, чем те, которые мы ставили себе, как ближайшую цель октябрьского переворота.

Оказалась ли жизненной эта экономическая программа? Нет. Действительность перешагнула через нее уже с первых шагов октябрьской революции. И особенно резко обнаружил свое несоответствие жизненным потребностям лозунг рабочего контроля в общегосударственном масштабе. Впоследствии этот лозунг был отнесен к числу так называемых условных лозунгов, которые выдвигаются для разоблачения вражеских позиций. Но в действительности в начале революции ему придавалось более реальное значение. Почти одновременно с созданием ВСНХ был создан также высший совет государственного контроля. Жизнь, однако, решила вопрос в пользу ВСНХ. Контрольный Совет умер после двух несостоявшихся заседаний. На местах, на фабриках и заводах рабочий контроль почти нигде не удержался в своем чистом виде. С одной стороны, ему не хотели подчиняться хозяева, которые еще до октября начали в массовых размерах саботировать производство. Рабочий контроль был ими использован для того, чтобы переложить на рабочие организации заботу о доставке сырья, добывании дензнаков предварительно из'яв из предприятия все, что можно было из'ять. Как справедливо указывает Каутский в своей последней работе (в целом—ренегатской и плоской) «Die proletarische Revolution»—между капиталистическим способом производства, основанного на прибыли и накоплении, и государственным регулированием хозяйства, ставящим во главу угла общественные потребности, лежит глубочайшее внутреннее противоречие. Оставлять производство в частных руках и уничтожить процесс рыночного образования цен, это значит противопоставить способ обращения товаров способу их производства. При регулировании хозяйства буржуазной властью—это противоречие разрешалось тем, что нормирование цен и условий обращения в целом обеспечивало капиталистам высокие прибыли. При пролетарской власти всякая серьезная нормировка и контроль неизбежно ведут к социализации производственного процесса.

С другой стороны, сами рабочие не могли довольствоваться пассивной ролью контролеров, особенно при наличии саботажа, и захватывали пред-

приятия целиком в свои руки. Этот процесс захвата предприятий и перехода их в ведение рабочих облегчался благодаря обстоятельству, о котором уже упоминалось выше. Еще до революции вопросы снабжения промышленности сырьем и топливом, установление цен, распределение заказов—и связанное с этим установление производственных заданий, финансирование и пр.—все это выполнялось регулирующими органами. От предпринимателя отпадала значительная часть коммерческих и производственных функций. Главная роль его состояла в добывании необходимых средств производства через соответствующие инстанции. Когда «инстанциями» овладела рабочая власть, добывать стало легче самим рабочим, чем хозяину.

Процесс стихийной национализации, шедший снизу, с самих предприятий, дополнялся национализацией, проводимой местными хозяйственными органами, которые—по условиям политического момента—были оторваны от центра, и «карательной» национализацией сверху, со стороны ВНСХ.

В этом направлении действовали также и условия перехода от войны к миру.—По крайней мере в первой своей стадии, когда еще не выявились перспективы длительной гражданской войны. В отношении промышленности этот переход означал демобилизацию. Демобилизационный период оказался крайне болезненным для западно-европейской промышленности, где он сопровождался острой безработицей и крайним обострением социальных конфликтов. Во время войны промышленность работает на государство и независима от рынка. То обстоятельство, что вместо развития производительных сил, война развивает силы разрушения—ведет к реальному обнищанию всего общества, как такового. Но для предпринимателей этот процесс общественного обнищания означает обеспеченность государственными заказами по высоким ценам, обеспеченность снабжения материалами и средствами производства, о которых заботятся регулирующие органы и бешеные сверхприбыли. Демобилизация резко меняет картину. Государственные заказы сокращаются. Плановое снабжение сырьем и топливом сходит на нет. Промышленник должен приспособляться к мирным потребностям, к условиям рынка. И здесь он сталкивается с последствиями разрушительного действия войны—с колоссальным истощением производственных ресурсов и еще большим падением покупательного спроса населения. Мечтать о военных прибылях не приходится—население не в состоянии оплатить даже нормальную прибыль капиталисту. А рабочие требуют улучшения условий жизни, повышения зарплаты. Чтобы восстановить нормальное положение, буржуазия должна была бы ряд лет работать себе в убыток либо же переложить всю тяжесть войны на рабочий класс. На первое она не может пойти. Пытаясь пойти по второму пути, она наталкивается на ожесточенное сопротивление рабочих. Вот почему там, где буржуазия не располагает достаточной силой, чтобы взять в железо рабочий класс, она предпочитает вовсе отказываться от предпринимательства, тем более, что накопление фиктивного капитала, наводнение рынка бумажными деньгами благоприятствуют спекулятивному азарту. Капитал переходит из сферы производства в сферу обращения.

Таково было положение в тот момент, когда пролетариат стал у власти. Буржуазия начала бросать производство еще задолго до октябрьской революции. У меня под рукой цифры закрытых предприятий, начиная с марта по июль 1917 г., т.-е. еще при расцвете керенщины.

В марте	было	закрыто	74	завед.	с	6.646	раб.
» апреле	»	»	55	»	»	2.816	»
» мае	»	»	108	»	»	8.701	»
» июне	»	»	125	»	»	38.455	»
» июле	»	»	206	»	»	47.754	»

Если так шло дело до октября, то само собою понятно, что после октября это массовое оставление буржуазией своих производственных функций должно было усилиться в несколько раз. Ведь, ко всем прочим невыгодным сторонам производства прибавилась еще одна: Советская власть. Судьба промышленности оказалась всецело в руках и на ответственности рабочего класса, помимо его сознательной воли. Национализация, безразлично, сверху ли, снизу ли, становилась экономической необходимостью.

Не без влияния на процесс стихийной национализации оказался и происходивший параллельно с этим захват помещичьих экономий. В сознании масс трудно совмещалась бы двойственная политика: одна—по отношению к помещичьей, другая—по отношению к буржуазной собственности, тем более, что русский рабочий класс сохранил тесные связи с крестьянством.

Все указанные здесь причины определили собою характер национализации промышленности в первые месяцы революции. Отличительная его черта,—отсутствие той планомерности и рационализации, которая считалась обязательной для первых шагов социалистической политики. В руки Советской власти сплошь и рядом переходили не найлучшие предприятия, и даже не крупнейшие, а как раз менее устойчивые, плохо обеспеченные сырьем, топливом и вспомогательными материалами,—мало доходные. Все это было обусловлено «карательным» характером национализации. Тем не менее, несмотря на стихийные захваты и общий хаос, некоторые зачатки планомерности можно установить, анализируя список национализированных предприятий на 15-е мая 1918 года, оглашенный тов. Милютиным на I-м с'езде Советов Нар. Хоз. (список неполный). По этим данным положение рисуется в следующем виде:

Отрасли промышленности	Национал.	Секвестр.
Горнометаллургическая	90	6
Металлообрабатыв.	41	12
Электротехническая	6	3
Обработка минеральных вещ.	2	1
Химическая	11	6

Отрасли промышленности	Национал.	Секвестр.
Обработка пит. и вкус. веществ.	19	18
Обработка жив. прод.	6	5
Техническая обработка дерева и бумаги. . .	13	7
Бумажное и полиграф. дело	16	2
Обработка волокнис. веществ	12	10
Разные.	18	—

Из этой таблицы видно, что основное внимание было направлено в сторону тяжелой индустрии—горной и металлообрабатывающей, где—по словам Милютина было национализировано до 50% всех предприятий. Однако, здесь необходимо отметить, что большинство предприятий относится к Уралу, где национализации подверглось до 80% всех предприятий. Между тем, уральская промышленность по сравнению с промышленностью Юга,—наиболее отсталая, и притом на Урале преобладают как раз мелкие и средние предприятия, тогда как основные заводы-гиганты, «заводы большевики» большею частью расположены на Юге. Политическая обстановка не позволила Советской власти стать твердой ногой как раз на самой важной командной высоте—южной тяжелой индустрии. Характерно для описываемого периода национализации также и то обстоятельство, что докладчик на I-м с'езде Советов Нар. Хоз. не смог указать точных размеров основного капитала национализированной промышленности. «Учет и контроль» были самой слабой стороной хозяйственной политики этого периода «бури и натиска». Несмотря на сравнительно скромное число национализированных предприятий, тов. Ленин уже тогда имел полное основание сказать: «Мы национализировали больше, чем смогли учесть». В этом же признавался и другой докладчик на с'езде Совнархозов, тов. Рыков.

Здесь уместно сопоставить программу экономической политики в том виде, в каком она была принята I-м с'ездом Советов Народного Хозяйства, с приведенной выше программой тов. Ленина. В экономической программе I-го с'езда Сов. Нар. Хоз. красной нитью проходит влияние незадолго до того заключенного Брестского мира, оторвавшего от Советской России богатейшие промышленные области на Западе и на Юге. Вследствие этого I-й с'езд Советов намечает, как очередную задачу, перенесение центров промышленной деятельности на Урал и Сибирь. Во главу угла ставится задача перевода всей промышленности на мирные рельсы (расчет на передышку), завершение национализации по отраслям промышленности, в первую очередь—металлообрабатывающей, машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной и отстранение буржуазии от руководства экономической жизнью. Организация обмена и распределения путем централизации всего торгового аппарата в руках государственных органов и в кооперативных организациях, с проведением постепенной ликвидации частноторгового аппарата. Завершение национализации банков (т.-е. включая в сферу национализации кооперативные банки и общества взаимного кредита,

которые раньше были освобождены от национализации), и превращение единого государственного банка в центральную бухгалтерию всей государственно-организованной промышленности.

Далее, в области взаимоотношений с крестьянством с'езд остается на позиции хлебной монополии и организации натурального товарообмена. В области труда—установление твердых норм выработки и постепенное введение всеобщей трудовой повинности.

Вот наиболее существенные пункты этой новой экономической программы. С первого взгляда видно, что она идет гораздо дальше Ленинской программы, написанной незадолго до Октябрьского переворота. Для установления правильной перспективы необходимо, однако, помнить, что статья Ленина была написана до октября, и преследовала иные цели, чем резолюция с'езда Совнархозов. До Октября дело шло о разоблачении политики соглашателей, а в мае 1918 года—о построении системы хозяйства в Советской республике. Тем не менее, не подлежит сомнению, что майский с'езд сообщил последующей экономической политике резкий уклон влево, в сторону усиления темпа революционного преобразования хозяйства.

По существу, уже в этой программе заключены основные начала экономической политики эпохи «военного коммунизма», продолжавшейся до весны 1921 года. Вопреки распространенному теперь убеждению начала «военного коммунизма» возникли не под влиянием гражданской войны, а как раз, наоборот, под влиянием перехода к мирному положению, в результате передышки, полученной после Бреста. I-й с'езд Совнархозов в своей резолюции указывает на необходимость перевода промышленности на мирную работу и в то же время требует усиления национализации, ликвидации частноторгового аппарата, уничтожения частной банковой системы и пр., и пр.

Где же причина этого поворота? Здесь опять необходимо повторить то, что было нами высказано в начале статьи: при анализе революционной политики очень трудно отделить причины, так наз., об'ективного порядка от случайных обстоятельств, которые могут иметь решающее влияние на те или иные шаги и действия. Наша экономическая политика 1918 г. строилась под перекрестным влиянием многих причин, действовавших подчас в противоположном друг другу направлении. Выше мы уже приводили фразу тов. Ленина о том, что уже к весне 1918 года было национализировано больше, чем можно было учесть. По мнению тов. Ленина, надо было временно остановиться, чтобы привести в порядок хаотическое хозяйство, а потом снова двинуться в атаку. В другой своей статье, написанной весною 1918 года и впоследствии перепечатанной в брошюре о продналоге, тов. Ленин впервые выбрасывает лозунг государственного капитализма, привлечения буржуазных организаторов к строительству государственных или смешанных трестов, сохранению за этой буржуазией известной части ее прибылей и пр. В этом направлении предпринимались также и практические шаги, как например, известные переговоры с группой Мещерского.

Однако, ряд обстоятельств действовал против этой политики и заставил Советскую власть круто свернуть в сторону непосредственного обобществления хозяйственной жизни. Прежде всего те элементы буржуазии, на которые мы рассчитывали, оказались абсолютно несговорчивыми и не шли ни на какие уступки Советской власти. В условиях крайне неустойчивого политического положения и до пределов обостренной классовой ненависти немыслимо было добровольное подчинение крупной и средней буржуазии интересам Советской власти. Буржуазия продолжала тогда смотреть на произошедший переворот, как на простое, временное, хотя и досадное недоразумение, которое надо переждать и перетерпеть. Она не допускала мысли о возможности служения Советской власти. Понадобился длинный ряд лет гражданской войны и физическое уничтожение значительной части господствующего класса, бегство остальной части, разорение прежних богачей для того, чтобы остатки когда-то надменного класса поняли, что октябрь установил свой порядок «в серьез и надолго».

В 1918 году такое убеждение еще не могло сложиться. Поэтому, как ни бесспорны положения социалистической программы, развиваемые, например, Каутским в его последней книге «Die proletarische Revolution», о необходимости соблюдения осторожности и постепенности в экономических преобразованиях, о полезности привлечения буржуазных элементов к активной роли в производственном процессе и пр., для первых месяцев революции, все эти прекрасные вещи оставались пустым звуком.

Политика господствовала над экономикой всецело, и нечего было и думать о деловом соглашении с побежденным классом. Чтобы ответить на теорию Каутского, достаточно указать на первые месяцы нашей революционной экономической политики; ведь, мы как раз и хотели поступить по его рецепту: хотели ограничиться рабочим контролем, предоставляли буржуазии руководящую роль в трестах, сохраняли аппарат торговли, предлагали даже участие в прибылях государственной промышленности, старались ввести известную постепенность в ход национализации. А между тем жизнь решила вопрос по иному, и никакие гладконаписанные резолюции ничем не помогли.

Экономический саботаж буржуазии был одной из главных причин массового закрытия предприятий и сокращения производства в начале 1918 года. В том же направлении действовали и общие условия перехода от войны к миру, о которых мы уже говорили выше. Расстройство рынка, резкое падение провозоспособности железных дорог, затопленных волной демобилизующейся армии, истощение запасов, резкое сокращение военных заказов—все это вместе взятое самым угнетающим образом должно было подействовать на промышленное хозяйство. Оставление фабрик и заводов в частных руках означало бы полный отказ от организованной борьбы со стихийным развалом хозяйства. На это Советская власть пойти не могла и не хотела. Поэтому национализация оставалась единственным рациональным способом спасения.

Необходимо указать также, что и чисто политические соображения сыграли свою роль в этой экономической политике; форсирование револю-

ционных мероприятий в деле организации хозяйства явилось ответом на Брестский мир. Это было с одной стороны революционной компенсацией за тяжелые условия мирного договора, а с другой—мерой защиты нашей промышленности от иностранного захвата. Нетрудно себе представить, какие грандиозные размеры могла бы принять распродажа буржуазией своего фабрично-заводского имущества иностранному капиталу, если бы промышленность была оставлена в ее руках. Пример Польши и Германии—только слабое воспроизведение того, что могло бы произойти и с русской промышленностью при условии неприкосновенности буржуазной собственности. В этом смысле можно с полным основанием сказать, что национализация промышленности была не только социалистическим, но и национальным актом.

О размерах национализации после I-го с'езда Совнархозов дают представление следующие цифровые данные, которые мы заимствуем из статьи А. Вайнштейна в журнале «Нар. Хозяйство», март 1922 г.

К концу 1919 года в ведении главков находилось всего 2969 предприятий. Кроме того, незначительное количество находилось в ведении Губсовнархозов. А к маю 1921 г. общее число предприятий, находившихся в ведении центральных и местных органов, было 25.900. Увеличение произошло отчасти за счет расширения территории РСФСР, но, главным образом, за счет расширения сферы национализации. (Не забудем, что в конце 1920 года был издан декрет о национализации мелкой промышленности, с числом рабочих свыше 10 без двигателя и свыше 5 при двигателе, тогда как раньше предельные нормы были 20 и 10). В течение 1920 и начала 1921 г. национализировалась, главным образом, мелкая промышленность. Об этом красноречиво говорят цифры. По данным конца 1919 г. на каждое национализированное предприятие приходилось в среднем 371 рабочий, по данным весны 1921 г.—соответственное число рабочих только 68 (без горной промышленности). К концу 1920 г. в национализированной промышленности находилось уже около 75% всех рабочих.

Параллельно с обобществлением промышленного производства шел также процесс ликвидации частного рыночного оборота и преобразование кооперации в главный аппарат государственного распределения предметов продовольствия и широкого потребления. На этих этапах можно не останавливаться, так как общий ход политики в этой области достаточно известен. Важно отметить лишь следующее. Ликвидация внутренней торговли, поскольку последняя базировалась на купле-продаже основных средств и орудий производства, вытекала естественно из самого факта национализации промышленности. Топливо, металлы, машины, подвижной жел.-дор. состав—перестали быть товаром, поскольку они производились на государственных предприятиях для государственных нужд. Что касается таких отраслей, как сахарная, кожевенная, текстильная промышленность, то известные шаги к ограничению торговли продуктами этих промышленных отраслей предпринимались еще до октябрьского переворота прежними правительствами. То же и относительно продовольственных продуктов, на

которые еще до революции была установлена монополия. Основная политика советской власти заключалась только в расширении круга монополизированных и нормированных продуктов, распределение которых необходимо было подчинять регламентации, по мере того, как истощались запасы и падало производство.

При этой системе область вольного рынка суживалась до крайних пределов, и ликвидация его оставалась делом простого распоряжения (мы здесь пока не касаемся вопроса о спекуляции и мешечничестве, которое явилось мерой защиты и нападения на организованное и централизованное хозяйство со стороны мелко-буржуазной стихии). Цепная связь, существующая между всеми сторонами хозяйственной жизни, толкала от одной формы регламентации и обобществления—к другой. Ликвидация торговли потребовала организации государственной системы распределения, за образец которой была принята пайковая система военного периода, усложненная множеством новых норм, введением классового пайка и пр. Здесь опять таки революция брала готовую сложившуюся до нее форму и приспособляла ее к интересам победившего класса.

Уничтожение прежней автономии кооперации было естественным следствием продовольственной монополии, обобществления промышленности и национализации банков. Кооперация оказалась материально зависимой от государства, как в области финансирования и снабжения товарами, так и в области сбыта. Декреты от 20 марта 1918 года и 27 января 1919 года явились только оформлением того положения, которое создалось на экономической почве. Не декреты уничтожили старую кооперацию, а общий ход экономической революции.

Сейчас принято видеть в нашей старой экономической политике одни лишь из'яны и прорехи. Нет сомнения, что в отношении кооперации было сделано много ошибок, если не в декретах, то в их практическом применении. В основном же кооперативная политика не могла быть иной. Она была необходимым звеном в общей цепи хозяйственных мероприятий, которые, как мы старались показать, диктовались об'ективным ходом вещей, а не предвзятостью экономической программы. Необходимо при этом отметить, что несмотря на все вопли о разрушении кооперации, последняя не только не оказалась разрушенной, а, наоборот, вышла из эпохи военного коммунизма с более обширным—по сравнению с дореволюционной эпохой—капиталом и оборотом. В 1918 году основной капитал Центросоюза, в переводе на довоенный рубль, составлял 3.429 тыс., а в 1921 г.—8.638 тыс. Оборот за те же годы соответственно 42.112 милл. руб. и 45.185 милл. руб. (Надо иметь в виду, что 1921 год—год перестройки кооперативных аппаратов, которая не могла не повлиять на размер оборота).

Здесь же, говоря о кооперации, необходимо отметить колоссальный рост кооперативного движения в области мелкой и кустарной промышленности, которая в годы революции и гражданской войны приобрела особо важное значение в деле снабжения населения и армии, благодаря приостановке или сокращению работы крупных предприятий.

В довоенное время по всей России насчитывалось 244 промысловых кооперативов 1-ой степени и один союз (Московский Артель-союз). На 1-е января 1919 года на территории одной только Советской России уже насчитывается 780 кооперативов и 17 союзов. А в последующие годы картина роста еще более разительная:

	Артелей	Союзов
На 1-е января 1920 года	1.722	26
« « 1921 года	4.257	26
« « июля 1921 года	5.681	104
« « октября 1921 года	7.019	144
« « января 1922 года	13.625	254

Значительную часть этих вновь возникших артелей, в особенности за период 1919 и 1920 г.г., необходимо отнести за счет лжекооперативов.

Но огромное большинство из них—здоровые, по преимуществу крестьянские организации, начавшие усиленно расти после ликвидации кредитной кооперации. Большинство кредитных кооперативов были преобразованы в промысловые. К началу 1922 г. 33% всей живой силы, занятой в мелкой промышленности, было об'единено в промысловых кооперативах. Это несомненное завоевание революции, которое не только не ликвидировано НЭП'ом, но, наоборот, особенно упрочилось за 1921 и 1922 г.г. Его необходимо подчеркнуть, принимая во внимание громадное влияние мелкой промышленности в общем хозяйстве республики. В 1913—14 г.г. ее участие в общей продукции промышленности составляло 35%. Для 1921—22 г.г. т. Моргенштерн, у которого мы заимствуем вышеприведенные данные, исчисляет долю мелкой промышленности в 65-70%. Эта цифра, несомненно, преувеличена, но, во всяком случае, увеличение удельного веса мелкой промышленности в хозяйственной жизни республики произошло значительное.

В деле организации мелкой промышленности революция также брала готовую форму, унаследованную от империалистической войны, расширив ее далеко за первоначальные пределы. Процесс кооперирования мелкой промышленности, снабжения ее заказами государственных и общественных организаций начался еще в 1915 году и особенно усилился в 1916—17 г.г., благодаря деятельности Земского и Городского Союзов, направивших свое внимание, главным образом, в эту сторону. После Октябрьской революции, и в особенности с средины 1918 года, по мере ликвидации вольного рынка, сужения товарооборота и распространения сферы государственного хозяйства мелкая промышленность все больше и больше втягивается в орбиту государственного влияния, она начинает, главным образом, а во многих отраслях почти исключительно, работать на государство и подпадает в исключительную зависимость от последнего в смысле снабжения сырьем, материалами, топливом, денежными средствами. Вот эта фактическая зависимость и проложила дорогу декабрьскому декрету о национализации тех предприятий

мелкой промышленности, которые имеют свыше 10 рабочих без двигателя и свыше 5 при двигателе. Рассматривая этот декрет с точки зрения общих задач революции, следует признать его ошибочность. Он загрузил хозяйственные органы множеством новых мелочных забот по управлению распыленным производством, тогда как они слабо справлялись еще с организацией крупной промышленности. Это было несомненным увлечением. Но—с другой стороны, необходимо постоянно иметь в виду ту обстановку, в которой совершалась эта национализация: крупная промышленность замирала. Удовлетворение насущных хозяйственных потребностей все больше и больше шло через мелкие предприятия, которые лучше сохранились, не требовали больших фиксированных издержек и пр. Эти мелкие предприятия фактически регулировались госорганами системой раздачи государственных заказов, снабжения сырьем, топливом и пр. Нужен был только один шаг, чтобы подчинить ее целиком. И этот шаг был сделан. Таким образом, само революционное увлечение было подготовлено экономическими условиями, в которых работала мелкая промышленность.

Такое же увлечение процессом обобществления мы встречаем в конце 1920 года в виде массового закрытия базаров, а сплошь и рядом—снесения торговых рядов, лавок, ларей и пр. Это была крайность, на которую пошли, опираясь на сложившийся к тому времени аппарат государственного распределения и снабжения. Рабочий класс, служащие, Красная Армия снабжались пайками, мелкая буржуазия привлекалась в порядке трудовой повинности на работу, крестьянство обязано было сбывать свои излишки по разверстке. Для базаров не оставалось больше места. Базар был рассадником бациллы, которая разлагала и систему распределения, и систему трудовой повинности, и продовольственную разверстку. Мы попытались одним ударом покончить с этим последним убежищем старого экономического уклада, но переоценили свои силы и недооценили силы врага. Через 2—3 месяца после этого массового похода на базарную стихию пришлось забить отступление и восстанавливать рынки, допустив сначала местный, а потом и всероссийский вольный оборот.

Ниже мы остановимся несколько ближе на причинах этого отступления, но уже сейчас необходимо отметить, что эти причины лежали не только в крестьянстве, хотя последнее сыграло решающую роль в переходе к НЭП'у. Дело в том, что к концу 1920 года рабочий класс был только наполовину или на одну треть заинтересован в государственной промышленности, обеспечивавшей его нищенским пайком, а другой половиной или двумя третями он был связан с рынком, на котором торговал либо он сам в прогульные дни, либо его жена и дети. Сама крупная промышленность, заводы и фабрики превратились в средоточие своеобразного кустарничества в роде пресловутого массового производства зажигалок.

Огромное влияние на организационную структуру и на методы управления хозяйством оказало финансовое положение и финансовая политика Соввласти. В начале статьи мы уже указали на ту исключительную роль, которую в начале революции наша партия приписывала банковскому

аппарату, как организационному центру промышленности. В национализации банков мы видели ключ к овладению всем хозяйством страны, орудие регулирования промышленности и торговли. Возможно, что при «нормальных» условиях революционного переворота развитие экономической политики и пошло бы в этом направлении, по образцу нынешней системы финансирования и регулирования государственной промышленности. Вообще говоря, социализация хозяйства вовсе не предполагает ликвидацию денежного хозяйства. Деньги становятся излишними только на позднейших стадиях развития социалистических форм производства и распределения. В начале они являются мощным орудием сознательного воздействия на экономическую стихию, и в особенности на стихию мелкого хозяйства. В течение первого года революции мы пытались строить экономическую политику на основах денежного хозяйства. Была сохранена налоговая система, были даже повышены некоторые акцизы, а к концу 1918 г. была сделана попытка проведения единовременного чрезвычайного налога в десять миллиардов рублей. Делались громадные усилия по переводу промышленности на бюджетные начала. Государственное снабжение, коммунальные услуги, заработная плата и пр. сохраняли платный и денежный характер. Однако, уже со второй половины 1918 года начинается резкий уклон в сторону натурализации хозяйства. непосредственного снабжения промышленности средствами производства, натурального снабжения рабочих, бесплатности услуг и пр.

В чем причина провала первоначальных планов? Прежде всего, мы получили в наследство обесценивающийся рубль, бумажно-денежную систему. Саботаж чиновников и общие условия революционной борьбы делали невозможным регулярный сбор налогов. Государственный кредит, в смысле внутренних или внешних займов, был невозможен вдвойне. Пришлось опереться исключительно на работу печатного станка, который, хотя и выполнил за эти годы громадную революционную работу, но зато все больше и больше подрывал денежную систему, как таковую. В том же направлении действовали: разверстка, национализация, монополия внешней торговли [которой (торговли) фактически и не существовало] и крайнее сокращение внутреннего товарооборота. Все эти причины все больше суживали круг об'ектов обложения и суб'ектов кредитных сделок. При таких условиях банки и система государственного кредита теряли свое первоначальное значение. Регулировать хозяйство возможно было одним путем, сосредоточением в руках государства реальных рессурсов и материальным снабжением промышленности и сельского хозяйства. Хлеб, топливо, мануфактура, металлы—вот орудия «финансирования», которые заменили собою денежные знаки. Значение последних сохранялось только на периферии и только в области заготовки ненормированных продуктов. Этот переход от денежной к натуральной системе был одной из причин развития системы Главкизма, вертикального централизма и пр. Когда предприятие получает в свое распоряжение «всеобщий товар»—деньги, оно зависит исключительно от финансирующего органа. Во всем остальном, в деле приобретения орудий и материалов производства и пр., оно может действовать самостоятельно,

применяясь к местным условиям. Иное дело, если предприятие снабжается в натуре: оно и подпадает тогда под зависимость от многих снабжающих органов. Наши главки и центры имели не только производственные, но и распределительные функции. Больше того, распределительные функции их возникли даже раньше производственных. Главсахар, Главтекстиль, Главметалл и пр.—они вели свое происхождение большею частью от дореволюционных организаций, которые занимались исключительно распределением монополизированного товара, так как производство продолжало оставаться в частных руках. Зависимость от многих снабжающих органов самым гибельным образом отражалась на производственной деятельности предприятий, лишала производственные программы всякого реального основания и создавала невероятный хаос и волокиту. Только в 1920 году был предпринят ряд мероприятий организационного характера, смысл которых заключался в замене вертикальной системы—горизонтальной, в об'единении деятельности главков по областям (Промбюро), в создании единых органов снабжения (отделы снабжения при Губсовнархозах, комиссия использования при ВСНХ и проч.). Но вплоть до перехода к новой экономполитике и в связи с этим к денежной системе нам не удалось найти окончательную форму взаимоотношений управляющих и снабжающих органов с основными производственными ячейками-фабриками и заводами. В этом отношении осталось еще много неразрешенных задач, которые снова встанут пред нами, когда период НЭП'а закончится и придется снова создавать единую централизованную систему советского хозяйства.

Наряду с этим организационным недочетом, в сильнейшей мере тормозившим работу нашей промышленности, другой, еще более существенной причиной резкого падения производительности была система пайкового обеспечения, которая заменила собою прежнюю заработную плату. Выше мы уже отчасти отметили корни этой системы. За основу ее была принята дореволюционная карточная система, видоизмененная соответственно классовым интересам пролетариата. Экономической предпосылкой системы пайков и уравнительного снабжения была необходимость содержать массу рабочих на закрытых или полузакрытых предприятиях. Резкое сокращение производства в 1918 и 1919 г.г. отнюдь не сопровождалось таким же сокращением живой рабочей силы. Наоборот, в целом ряде предприятий количество рабочих не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Ошибочно думать, будто раздел помещичьей земли сразу же вызвал отлив рабочих в деревню. Уходили в деревню, главным образом, квалифицированные рабочие, которые могли там продолжать в качестве одиночек свое прежнее занятие. Уходили и неквалифицированные рабочие, которые имели прочную оседлость в деревне. Но при всем том была значительная часть рабочих, которой некуда было уходить, которая не имела ни кола, ни двора, и которой аграрная революция ничего не дала: ведь голыми руками нельзя было брать землю. Вот эта категория рабочих оставалась прикрепленной к своим заводам. С другой стороны, революция жестоко ударила по мелкособственническим, мещанским слоям городского населения, которые

потеряли свою экономическую основу. Ведь наша политика эпохи военного коммунизма была рассчитана не только на ликвидацию крупной буржуазии: ее мы ликвидировали «в два счета», сейчас же вслед за октябрем. В 1919—20 г.г. мы по существу ставили себе—быть может бессознательно—гораздо более широкую задачу уничтожения мелкой буржуазии (кроме крестьянства), как класса. К этому вела наша комтрудовская политика, уничтожение базаров, преследование мешечничества, всевозможные реквизиции, конфискации и пр., которые сильнейшим образом подрывали экономическую основу мелкобуржуазной стихии. Мы сейчас чувствуем всю силу наступления этой стихии на нас. Но необходимо помнить, что и ей порядочно досталось от железной руки пролетарской диктатуры, и что, пожалуй, те удары, которые мы нанесли ей в период военного коммунизма далеко еще не компенсированы нашим отступлением в 1921—22 гг. Экономический разгром мелкой буржуазии означал массовую пролетаризацию прежних лавочников, домовладельцев, мелких собственников, предпринимателей и пр.

Мы испытали последствия этой пролетаризации в виде колоссального разбухания штатов наших государственных учреждений и огромной массы лишних ртов на фабриках и заводах. Эти лишние рты надо было кормить, а на всех не хватало. Уравнительность нищеты была единственным выходом из положения. А уравнительность находила себе конкретное выражение в пайковой системе. Государство остатками своих рессурсов содержало рабочий класс, и это содержание больше приближалось к системе, социального обеспечения, чем к заработной плате. Понятно, что при таких условиях производительность труда должна была пасть гораздо ниже того уровня, на котором она могла бы остановиться при более рациональной системе снабжения. Ненормальность положения была ясно осознана уже к лету 1920 года, когда под влиянием угрожающего развала транспорта был сделан крутой поворот в сторону ударности. Но ударность отнюдь не ликвидировала пайковую систему, не связала размер получаемого снабжения с производственным эффектом. Она только означала усиленные пайки в тех отраслях хозяйства, которым необходимо было в первую очередь уделить внимание.

Мы до сих пор почти не касались влияния гражданской войны на общий ход экономической политики. Эта сторона вопроса освещалась неоднократно, и здесь мало что остается прибавить. Скорее, наоборот, необходимо отметить ошибочность того обычно высказываемого взгляда, будто вся политика эпохи военного коммунизма вызвана исключительно влиянием гражданской войны. Это неверно. Мы старались показать, что главные начала этой политики были провозглашены до разгара гражданской войны, весною 1918 года. С другой стороны, свое классическое выражение старая экономическая политика нашла в знаменитой резолюции IX с'езда партии (март—1920 года) по докладу тов. Троцкого. Это был момент, когда казалось, что гражданская война на исходе, и что можно вплотную подойти к задачам мирного строительства. Между тем, именно к этим мирным задачам относилась программа милитаризации труда, создания

трудовых армий, воссоздания промышленности исключительно государственными средствами, по единому плану, начиная с основных отраслей—транспорта, металлургии, машиностроения и проч., создания государственных фондов продовольствия, мобилизации рабочей силы, борьбы с труддезертирством. Это была наша мирная программа, рассчитанная на период передышки. Однако, не подлежит сомнению, что условия гражданской войны в огромной мере усилили тенденции ко всеобщему огосударствлению и регламентации, создав для этого ряд новых оснований. Прежде всего, в этом направлении действовала мобилизация промышленности для военных целей—после краткого демобилизационного периода. Мобилизация промышленности для гражданской войны—не тоже самое, что мобилизация ее для войны вообще. Когда идет борьба с буржуазией, немыслимо оставлять предприятия, работающие на оборону, в руках представителей той же буржуазии. То же насчет продовольствия, сырья, топлива и пр., которое все в большем и большем количестве шло на военные цели. Особые географические условия России усугубляли необходимость строгого централизованного учета и распределения основных средств существования и средств производства: источники снабжения страны продовольствием, сырьем, топливом расположены большею частью на окраинах, а обрабатывающая промышленность—в центре. Гражданская война отрезала центральную Россию от донецкого угля и металла, кавказской нефти, туркестанского хлопка, украинского и сибирского хлеба. Понятно поэтому, что потребовалось удесятерить контроль над распределением того, что осталось. Если империалистическая война привела к жестким формам государственного регламентирования хозяйственной жизни, то тем более в этом направлении должна была повлиять война гражданская, где организатором обороны был рабочий класс, заинтересованный кровно в обобществлении хозяйства.

Гражданская война наложила свой отпечаток и на экономическую программу IX С'езда партии. Система ударности—кровное детище военных методов работы так-же, как и милитаризация труда, трудовые армии, Совтрудармы, оперативные планы хозяйственного восстановления республики, приказ 1042 по транспорту, выработка производственных программ. Не все из этих военных методов оказалось пригодным для хозяйственного строительства, но значительная часть из них вполне себя оправдала—в частности на транспорте, в каменноугольной промышленности Донбасса, и пережила даже эпоху военного коммунизма.

Вообще говоря, надо отметить, что не эти методы и не политика военного коммунизма в целом повинны в наших экономических поражениях. Если взять для сравнения 1919 и 1920 годы, т.-е. годы, в течение которых общее направление экономической политики не менялось, то можно констатировать в целом ряде производств некоторую устойчивость уровня производительности и даже некоторое движение вверх.

В других отраслях движение шло вниз. Наблюдается в общем большая пестрота. К сожалению общие цифровые данные за 1919 и 1920 годы

большею частью несравнимы, так как в течение этого периода происходило беспрерывное изменение границ республики. Как наиболее яркие моменты можно взять работу транспорта, которая в 1920 г. значительно улучшилась по сравнению с 1919 г., добычу угля в Подмосковном бассейне, где опять таки 1920 г. идет впереди 1919 года, и добычу угля в Донбассе, где на протяжении 10 месяцев 1920 года мы видим неуклонное движение вверх после того разгрома, который учинили в Донбассе деникинские войска. Только осеннее наступление Врангеля сорвало на некоторое время наладившуюся было работу по восстановлению. Но вслед за разгромом Врангеля, в декабре 1920 года, а затем в первые месяцы 1921 г., мы видим новый под'ем добычи. Заметный успех в течение 1920 года одержан также и на Урале.

Заготовка дров в 1920 году превысила заготовку 1919 года больше, чем в два раза. Повысилась также заготовка некоторого растительного и животного сырья, как напр., пеньки, шерсти, щетины, табаку, мехов, картофеля (для технич. целей). Неуклонно растет добыча торфа. Потребление топлива в 1920 году повысилось почти на 75% по сравнению с 1919 годом, что также может служить показателем увеличения работы промышленности и транспорта. Однако, значение его надо сильно преуменьшить, так как здесь опять таки сказывается расширение территории в 1920 году, что механически отражается на соответствующих цифрах работы транспорта, потребления топлива и пр.

По металлургии и металлообрабатывающей промышленности картина несколько иная. Можно констатировать рост производства в машиностроительной промышленности, в особенности во вторую половину 1920 года, но за то понизилась несколько доменная плавка на Урале в третью четверть 1920 г. На юге во вторую половину работали только две домны. Общее количество доменных печей повысилось за период август—ноябрь 1920 года с 11 до 19. По текстильной промышленности сократилась выработка хлопчато-бумажной и пеньковой пряжи и увеличилась выработка льняной. По сельскохозяйственному машиностроению сократилось производство плугов, борон, уборочных машин, соломорезок и увеличилось производство веялок, молотилок, кос (последних почти в восемь раз, по сравнению с 1919 годом).

В общем 1919 и 1920 годы держатся приблизительно на одинаковом уровне. Продолжающаяся гражданская война не дает промышленности подняться вверх. Энергия и натиск на хозяйственный фронт, мобилизация сил и средств на его главнейших участках сдерживают промышленность от резкого падения. Но это были уже последние усилия и последние средства. К концу 1920 года, а в особенности к началу 1921 дало себя почувствовать колоссальное истощение сил, которое и определило собою перелом экономической политики, крутой поворот в сторону НЭП'а.

Характеризуя положение промышленности к началу 1921 года, отчет ВСНХ дает следующую картину: «Данные, характеризующие собой состояние производительности 1920 года, по сравнению с 1913 годом, показывают

крайнюю степень упадка. Выделяются группа топливодобывающих отраслей— угля, нефти и торфа, дающий высший процент производительности. Однако, надо заметить, что реальный процент производительности этих отраслей несколько ниже в виду того, что в 1920 г. угольная промышленность сама для своих собственных потребностей поглотила значительно большую часть, чем в 1913 году, (конечно, в относительных числах И.Д.). Кроме того, несоответствие падения добычи топлива падению перерабатывающей промышленности об'ясняется тем, что большая часть топлива расходуется для нужд транспорта, а для промышленного потребления остается самая незначительная часть. Далее мы видим, что больше всего пали те отрасли промышленности, которые требуют больших количеств топлива. Сюда относится рудное дело и все производства, основанные на печном хозяйстве: металлургия, производство строительных материалов минерального происхождения, стекольное, содовое и т. п. Процент современной (т.-е. в 1920 г.) производительности этих отраслей не превышает 3—5%. Сравнительно меньшее падение показывают те отрасли производства, которые связаны с первоочередными государственными и особенно военными нуждами; этим отраслям уделялось усиленное внимание, и % их производительности по сравнению с мирным временем превышает 10, а иногда 20% сюда относится производство паровозов, электротехнических аппаратов слабого тока, серной и соляной кислоты, производство шерстяное и бумажное. В самом лучшем положении находятся производства, не требующие большого количества топлива, несложные по своему техническому процессу и в то же время обеспеченные местным сырьем: к числу таковых относятся льняная, кожевенная, табачная и соляная».

В общем и целом, если бы в руках у историка нашей советской промышленности находились исключительно производственные итоги за 1919 и 1920 годы, он не мог бы на основании этих данных сделать выводы ни за, ни против старой экономической политики. Там, где были рессурсы, там где обращалось исключительное внимание на поднятие производительности—там был несомненный под'ем в 1920 году. В других отраслях продолжалось падение. Однако, даже если взять падающие отрасли промышленности и сравнить их с состоянием хозяйства тех областей, которые были заняты белогвардейцами, то это сравнение ни сколько не говорит против советской системы организации промышленности. Любителям цифр и фактов рекомендуется основательно проштудировать данные о состоянии южной металлургии и железнорудной индустрии при белых, о положении каменноугольной промышленности Донбасса при Деникине, о работе грозненских промыслов в 1918—1919 г.г. и т. д. Достаточно указать, что Донбасс перешел к нам в руки от Деникина с добычей немногим выше 10 миллионов пудов угля. (Декабрь и январь 1919—1920 г.г.), что на юге не работала ни одна домна, бездействовала рудная промышленность, а в Грозном к началу 1920 г.—моменту освобождения его от власти белых— месячная добыча нефти достигала всего 2 мил. пудов, вместо 9 мил. пудов в 1916 г., в эксплоатации было всего сорок скважин вместо 393 в 1917 г.,

а бурение докатилось почти до нуля—2—3 сажени вместо 1.518 сажен 1917 г. В Баку также происходит, хотя и не столь катастрофическое сокращение работы при власти англичан и муссаватистов, главным образом, в силу закрытия рынков сбыта нефти и переполнения резервуаров. 1920 г.— установления Советской власти почти на всем пространстве юга, является вместе с тем для большинства отраслей промышленности годом, хотя и незначительного, но все же заметного хозяйственного под'ема, который особенно выявляется при рассмотрении производственных итогов по месяцам или по четвертям года. Так, в Донбассе было добыто в 1-ую четверть 1920 г.—55 мил. пуд., во 2-ую—58 мил., в 3-ью—73 мил., в 4-ую—87 мил.

Только в Бакинском районе происходит дальнейшее значительное понижение добычи, главным образом, под ударами тяжелого продовольственного кризиса.

Некоторое представление о соотношении 1919 и 1920 г. даст нижеследующая таблица:

Продукция в % к выработке довоенного времени, принятой за 100.

	1919 год	1920 год
Добыча угля	29	27
Нефти	49	41
Руды	—	1,6
Соли	10	29
Чугун	2,7	2,4
Мартен	4,7	4
Прокатки	5,1	6
Паровозы	12	15
Хлопчатобумаж. пряжа	6,2	5
Шерстяная пряжа	19	23
Льняная пряжа	45	38
Кожевенная промышленность	43	38
Бумажная	28	25
Табачная	13	50
Осн. химич. кислоты	18	12
Щелочная	2	5,6
Сахарная	6	6

1920 год в отношении хозяйственного строительства вовсе не был годом срыва и провала нашей старой экономической политики, годом сплошного развала и крушения, как это изображала белогвардейская пресса и как это представляет себе теперь большинство товарищей, у которых слишком быстро уж улетучились коммунистические «увлечения» и, наоборот, чрезвычайно легко привились увлечения нэповские. Наоборот—это год перелома и некоторого,—правда, еще мало заметного,—под'ема «от нуля»,

до которого дошло наше хозяйство под‘влиянием войны империалистической и гражданской. Мы здесь не останавливаемся на вопросах продовольственного снабжения, но необходимо отметить, что и здесь, на продовольственном фронте, наступило значительное улучшение по сравнению с 1919 г.

Мы останавливаемся на 1920 г. потому что в истории нашей революции он имеет решающее значение. Враждебная печать и враждебные партии использовали этот год и последующий переход к новой экономической политике, как очевидное доказательство полного крушения «социалистических экспериментов» и непререкаемых преимуществ частнохозяйственной системы. На самом деле этот год показывает другое. Он показывает, что несмотря на продолжавшуюся гражданскую войну, нам удалось в 1920 году при помощи нашей хозяйственной системы продержаться на несколько более высоком уровне, чем в 1919 году, и в целом ряде отраслей хозяйства круто изменить положение к лучшему. Надо отметить, что для промышленности центральной России улучшение наступило, главным образом, благодаря расширению территории и освобождению окраин, доставивших новые запасы топлива, сырья и продовольствия.

Если для 1919 года характерной чертой является питание центральной промышленности и транспорта (сократившегося до половины своего прежнего протяжения)—исключительно за счет внутренних рессурсов и остатков старых запасов, то в 1920 и начале 21 года картина резко меняется. Воссоединение окраин восстанавливает прежние хозяйственные связи, и промышленность и транспорт получают более широкий базис. Замиравшая в 1919 году промышленность получает новый приток сил из Украины, Кавказа, Туркестана, Сибири, Урала. Это имело особо важное значение в отношении снабжения заводов топливом и металлом, в которых ощущался в течение всего 1919 года острейший голод.

Мы жили в то время исключительно остатками металлов на заводах, к которым прибавились еще военные металлические запасы, в топливном отношении заводы и железные дороги держались на запасах нефти, которые, к моменту захвата Баку англичанами—осень 1918 года,—достигали 85 милл. пудов, подмосковным углем и древесным топливом, которое все больше и больше заменяло собой отсутствовавшее минеральное—тоже явный признак упадка и движения вспять.

Победы Красной Армии доставили народному хозяйству Совреспублики новые источники жизни, и они являются главной причиной некоторых производственных достижений в промышленности центрального района в 1920 году. Но, с другой стороны, эти военные победы ни в какой степени не могут об‘яснить, почему нам удалось поднять добычу угля и нефти, пустить в ход некоторые заводы и домны на самых окраинах, в Донбассе и в Грозном, почему развал при белых сменился некоторым, хотя и слабым, движением вперед, при красных.

Если донэповский период не может служить доказательством преимуществ социалистических методов организации хозяйства—слишком много было для этого об‘ективных препятствий, да и самые методы организации

были во многих отношениях далеки от социалистических, о чем ниже—то период 1918—1919 г. г. во всяком случае с полной очевидностью доказывает неспособность справиться с хозяйственными задачами силами и методами буржуазной экономической политики. В нашей статье мы не смогли уделить достаточного внимания эпохе Керенского, но сопоставление хозяйственных итогов 1917 года с довоенными и дореволюционными годами достаточно ярко свидетельствует о неспособности русской буржуазии и буржуазного режима задержать или хотя бы замедлить темп падения и развала, вызванного военным истощением страны.

Если бы произошло чудо и русская буржуазия удержалась бы у власти и хозяйничала в течение этих пяти лет, мы бы, несомненно, были свидетелями такого экономического хаоса, о котором весьма слабое и бледное представление дает послевоенный экономический кризис в Европе. Быть может, ей и удалось бы вступить на путь восстановления производительных сил, как восстанавливает сейчас свои производительные силы Европа, но этот процесс восстановления сопровождался бы небывало зверской эксплуатацией рабочих и подавляющей массы крестьян, которые должны были бы исключительно за свой счет расплачиваться за колоссальное истребление богатств во время войны. Буржуазия ведь не отказалась бы от прибылей во имя «национальных интересов» несмотря на то, что послевоенная производительность труда и техническое оборудование не могут обеспечить ей прежнего благополучия. Она покрывала бы свои прибыли дополнительной эксплуатацией рабочего класса. Так именно и совершается процесс восстановления в Европе, где за «разбитые горшки» сейчас платит рабочий класс,—главным образом, пролетариат Германии. Такой характер восстановления хозяйства обусловливает крайнюю неустойчивость современной буржуазной экономики, находящую свое выражение, между прочим, в мировом финансовом хаосе. Одна из существеннейших причин этой неустойчивости заключается в том, что производительные силы и производство быстрее восстанавливается, чем покупательная способность угнетенных классов и угнетенных стран.

Покупательная способность русских рабочих и русских крестьян была и до войны чрезвычайно ничтожна и представляла собой крайне шаткое основание для отечественной промышленности. Развитие капитализма в России только наполовину обязано внутреннему рынку. Наша основная промышленность—металлургия свыше чем на 50% питалась казенными—заказами, работала на военное и морское ведомство и на транспорт.

Уже в последние, перед войной, годы начал обнаруживаться кризис этой промышленности, разогнавшейся в своем развитии за период 1890—1910 гг. слишком быстро и оказавшейся в некотором роде «искусственным наростом» на народном хозяйстве. До войны общим местом в буржуазной экономической литературе был взгляд, что дальнейшее развитие промышленности немыслимо без коренной перемены в положении народных масс, улучшения их материального положения, развития потребностей, увеличения покупательного спроса, расширения внутреннего рынка.

Между тем, интересы буржуазии в послевоенный период как раз заключались в усилении эксплуатации трудящихся масс, в уменьшении заработной платы, повышении налогов, по преимуществу тех, которые ложатся на широкие трудовые слои. Вместе с тем, союз буржуазии с помещиками, так характерный для российской контр-революции, означал бы, в случае торжества последней, ликвидацию революционных завоеваний крестьянства: либо была бы отнята земля, либо крестьянство оказалось бы вынужденным уплатить за нее тяжелый выкуп. И в том, и в другом случае его материальное положение ухудшилось бы. Таким образом, введение народного хозяйства России в нормальное русло развития встретило бы—в условиях буржуазного господства,—неодолимые препятствия чисто экономического порядка, не говоря уже о политической и социальной обстановке, которая создалась бы в стране при белогвардейской диктатуре. Скорее всего это привело бы к тому, что дешевыми рабочими и крестьянскими руками воспользовался бы иностранный капитал, который превратил бы Россию и Украину в неокрепостное состояние, гораздо более жестокое, чем нынешнее закабаление германского пролетариата.

Правда, положение рабочих и крестьян и при Советской Власти в период 1919—20 г.г. было чрезвычайно тяжелым, и—если рассуждать с чисто материальной точки зрения—вряд ли оно было бы хуже при буржуазной эксплоатации. Но эти страдания и лишения были «издержками революции», по выражению тов. Бухарина. Это цена того политического и социального переворота, который поднял рабочий класс на вершину политической и экономической власти и создал возможность материальных завоеваний в будущем, тогда как лишения при буржуазной диктатуре были бы только дополнением к политическому и социальному гнету и не открывали бы никаких перспектив к улучшению. Однако, это вопрос выводящий нас несколько за пределы нашей темы.

Мы подошли вплотную к переломному моменту в истории нашей борьбы на экономическом фронте—к началу 1921 года, который является первым годом НЭП'а. Об'яснение этого перелома—задача заключительной части нашей статьи. Согласно первоначальной намеченной точке зрения, мы подойдем и к этому этапу экономполитики с масштабом исторической обусловленности и закономерности, останавливаясь на самых общих моментах, и по возможности отметая в сторону все случайное и сопутствовавшее перевороту.

В начале статьи мы указали, что экономполитика периода 1918—1920 гг. была обусловлена, во-первых, предшествовавшим периодом империалистической войны, выдвинувшим новые организационные формы хозяйства, во-вторых, истощением страны, необходимостью вести строгий учет и контроль производства, распределения и потребления, в третьих, классовыми интересами пролетариата, взявшего власть, его социалистическим устремлением, в четвертых, условиями гражданской войны и экономическим саботажем буржуазии, в пятых, цепкой связью всех сторон хозяйственной жизни, в силу которой обобществление одной стороны влекло за собой с неизбеж-

ностью естественного закона обобществление других сторон, и, наконец, в шестых, увлечениями революционного режима, совершенно неизбежно при таком небывалом грандиозном социальном перевороте. Наша задача сейчас заключается в выяснении того, какие из вышеуказанных условий исчезли к началу 1921 года, какие остались, но видоизменили свое действие, какие сохранились, какие возникли вновь и дали новое направление экономполитике. Необходимо при этом указать, что в настоящем анализе мы совершенно оставляем в стороне политический момент, игравший, конечно, громадную роль в экономических преобразованиях. В этом отношении достаточно отметить исключительное влияние пролетарских революций и восстаний 1918—1920 г.г. на общий ход нашей экономполитики. Близость пролетарской революции на Западе, естественно, побуждала нас форсировать темп социализации хозяйства в Советской республике, которая облегчалась почти полным прекращением экономических сношений с внешним капиталистическим миром.

Наоборот, уже осенью 1920 г., когда явственно обнаружился затяжной характер европейской революции, тов. Ленин, в своем письме к кавказским работникам, советовал максимальную осторожность в экономполитике по отношению к буржуазии, указывая, что в 1920 г. Европа уже не та, что в 1918 г. Это письмо тов. Ленина, которое почему то прошло незамеченным для большинства изучающих нашу экономполитику, можно рассматривать, как первый намек на будущий поворот. Характерно отметить, что это письмо появилось в печати спустя всего несколько месяцев после известного обращения ЦКРКП ко всем южным организациям, в котором, наоборот, предлагался более решительный натиск на городскую буржуазию, главным образом, в смысле захвата жилищ, реквизиции излишков имущества и пр. Эти письма и связанные с ними революционные мероприятия имели по преимуществу политический характер, и мы на них, поэтому, не будем останавливаться. По той же причине мы здесь не будем касаться кронштадтского восстания, сыгравшего такую исключительную роль в решениях X с'езда партии. Кронштадтский мятеж был только политическим выражением экономических отношений, приведших к продналогу и к НЭП'у. Не подлежит никакому сомнению, что если бы этого восстания и не было вовсе, переход к НЭП'у в той или иной форме все равно совершился бы, и приблизительно, в тот же самый срок, несмотря на громадную силу инерции, которую развивала система старой экономполитики. Не забудем, что и Кронштадт не смог сразу преодолеть эту инерцию, что чуть ли не накануне перехода к продналогу во многих местах продолжалось уничтожение базаров, что всего за два месяца до X с'езда партии, в конце января 1921 года, ВЦИК принял декрет об отмене всех существовавших до того денежных налогов и сборов. А самый переход к новым методам, к новым формам организации хозяйства в главных своих чертах, длился целый год и потребовал подталкивания в виде ряда наказов СТО и Совнаркома (заметим, кстати, что раз сдвинувшись с места, НЭП перестал вскоре нуждаться в подталкиваниях, а, наоборот, стал развивать энергичную

инерцию движения, которое угрожает теперь в еще большей степени, чем прежняя косность). Так вот, где же те закономерные экономические причины, которые вызвали переход к НЭП'у? Первая и самая основная причина—дошедшее до пределов истощение страны. Здесь может возникнуть вполне законное недоумение, как же так? Благодаря экономическому истощению появился военный коммунизм, и, в силу того-же истощения, пришлось военный коммунизм отменить? И СЭП, и НЭП—от истощения! Совершенно верно. И старая, и новая политика порождена одной и той же причиной, действовавшей в разных вариантах. Все дело, во-первых, в степени истощения, во-вторых—в тех общественных слоях и классах, которые оно сильнее всего захватило.

Формы регулирования хозяйства во время империалистической войны появились тогда, когда обнаружилась нехватка топлива, металлического сырья, продовольствия и т. д.—для армии и для военных целей. Впоследствии начал давать себя чувствовать все сильнее недостаток продовольствия и для городского населения. С переходом власти к пролетариату—в первые месяцы революции—интересы снабжения городского и в первую очередь рабочего населения выдвигаются даже на первое место. С развитием гражданской войны снова вступают в свои права военные нужды, требующие неотложного удовлетворения, Истощение рессурсов прежде всего почувствовали на себе армия, военная организация. рабочий класс. Что касается крестьянства, то оно во время империалистической войны, а затем в первые годы революции, являлось тем источником, откуда брались продовольственные и сырьевые рессурсы. Падение сельского хозяйства только в последнюю очередь должно было ударить по крестьянству. Пока процесс истощения бил по армии и городскому населению, с ним можно было бороться централизацией снабжения и распределения.

Наоборот, само крестьянство на первых порах не только не страдало от истощения страны, но расширило свое собственное потребление, по крайней мере—потребление тех продуктов, которые производились в его собственном хозяйстве. Слабая связь с рынком, слабая «рыночность» крестьянского хлеба еще больше ослабели, когда рынок перестал удовлетворять запросы деревни. Не забудем, что еще до революции сильнейшим образом сократилось сел.-хоз. машиностроение. В 1916 году в России было произведено всего 15% довоенного количества сельско-хоз. машин, а ввоз из-за границы, достигавший почти $^3/_4$ внутреннего производства, совершенно прекратился. Текстильная промышленность работала по преимуществу на нужды армии,

При Советской власти были сделаны попытки товарообмена на счет мануфактурного фонда, достигавшего к октябрьскому перевороту около миллиарда аршин тканей, но по ряду причин эти попытки не удались. Все это способствовало превращению крестьянского хозяйства в потребительское хозяйство.

Этот экономический отрыв деревни от города создал для последнего условия, при которых возможно стало осуществление почти полной социализации среди огромного океана мелкособственнических крестьянских

хозяйств. Единственный недостаток этого социалистического организма города заключался в том, что он должен был получать питание извне, вне экономическими средствами, не возвращая почти ничего взамен. Как только деревня поставила резко вопрос об уплате, сразу обнаружилась неустойчивость и непрочность социалистической организации городского хозяйства.

В первые годы революции наблюдалось даже некоторое повышение благосостояния крестьянских масс, благодаря ликвидации помещичьего землевладения, вздорожанию продуктов сельского хозяйства, обусловившему господство деревни над городом. Это было одной из причин революционного настроения крестьянства и его активности в борьбе с белогвардейщиной. Но в 1920 году истощение дошло до деревни вплотную. Крестьянство начало больно чувствовать тяжелую руку разверстки, которая начала все больше сжимать его собственное потребление. В продовольственную кампанию 1920—21 г. Советской России пришлось базировать продовольственный план главным образом на сибирском, украинском и кубанском хлебе, потому что центральные и приволжские губернии были сплошь опустошены разверстками прошлых лет и неурожаем 1920 года, который был предвестником голодного 1921 года.

Истощение, дошедшее до деревни, грозило гибелью и городу. Крестьянство, которое до того было служебной силой революции, требовало теперь в интересах дальнейшего развития революции—исключительного внимания к своим нуждам. Если весь период 1917—1920 г.г. можно характеризовать, как период потребительско-распределительный, поскольку речь идет о продуктах сельского хозяйства, то в конце 1920 года во всем своем значении встали в отношении деревни производственные задачи. Поднятие сельского хозяйства встало в порядок дня. Первоначально—и это чрезвычайно характерный штрих эпохи—мы хотели и к крестьянскому хозяйству подойти прежними методами войны и революции: государственное регулирование было воспринято, как основной лозунг 8-м С'ездом Советов. Крестьянское хозяйство мы собирались включить в общий хозяйственный план, с производственными программами и пр. в стиле всей политики военного коммунизма, правда, несколько видоизмененного применительно к интересам «старательных хозяев». Кое-что, и весьма ценное, осталось от этих методов и для последующей эпохи, как напр., организация агрономической пропаганды, плановое снабжение семенами, определение посевных заданий и т. п. Но в основном—не нужно было большого опыта, чтобы понять необходимость иных приемов политики. Без поворота ближайший же опыт весенней посевной кампании показал бы нагляднейшим образом, что борьба за восстановление индивидуального крестьянского хозяйства, как такового (а от надежд на «хлебные фабрики» и на земледельческие коммуны мы вынуждены были отказаться еще год тому назад), требует политики, приноровленной к интересам мелкого собственника, требует свободы оборота излишками. Ни система премий для старательных хозяев, выполнивших посевные задания, как предполагал 8-ой С'езд, ни закрепление земли на 9-летнее пользование, как предполагал Всеукраинский С'езд Советов,—были недостаточны для этой цели.

Но положение крестьянского хозяйства к началу 1921 года, несмотря на его исключительное значение для всего хозяйства страны, было не единственной причиной перехода к НЭП'у. Оно дополнялось и переплеталось с другими причинами, лежавшими в области промышленного хозяйства.

Каково было общее состояние промышленности в 1920 году—об этом мы уже писали выше. Здесь же мы отметим следующее. На IX С'езде партии, состоявшемся весною 1920 г., был принят знаменитый «единый хозяйственный план», согласно которому, восстановление народного хозяйства должно было начаться с основных отраслей: транспорта, топливо-добывающей промышленности, металлургии, затем машиностроения и, наконец, обрабатывающей промышленности, производящей товары массового потребления. Были намечены четыре ступени хозяйственного плана, и только на четвертой ступени, промышленность, выражаясь языком текущего момента, должна была установить смычку с крестьянским хозяйством. По поводу этого «единого хозяйственного плана» на С'езде высказывались критические замечания, что он носит слишком общий характер, что он приложим ко всякой стране, где только имеется разрушенное хозяйство. В этом видели его основной недостаток. Последующая практика показала, что недостаток его заключался как раз в обратном: он оказался неприложимым даже специально к России. Крестьянин не захотел да и не смог ждать, пока мы дойдем до желанной четвертой ступени. А опыт зимы 1920—21 г. показал, что у нас нет рессурсов для того, чтобы пройти хотя бы первую ступень.

Зима 1920—21 года ознаменовалась жестоким топливным кризисом, который спутал все производственные планы и оставил на бумаге знаменитую производственную программу 8-го С'езда Советов. Этот кризис подкрался с разных сторон. С одной стороны, Донбасс не оправдал возложенных на него надежд. Он поглотил в зимние месяцы около половины своей добычи, а из того, что вывозилось, огромный процент расхищался по дороге, сжигался воинскими эшелонами (заканчивалась борьба с Врангелем). С другой стороны, ввоз нефти оказался ниже ожидаемого, благодаря мелководью на Волге. С третьей—древесное топливо, которое составляло свыше 60% во всем топливном балансе, также было доставлено в половинном размере, по сравнению с намеченной программой. И здесь сказалась тяжелая зависимость промышленности от условий крестьянского хозяйства. Главная причина дровяного кризиса 1920 года—слабый вывоз к станциям, а главная причина последнего—бескормица и падеж рабочего скота. Кризис сельского хозяйства ударил по промышленности совсем с неожиданной стороны. Все это сорвало топливную и вслед за ней производственную программу, и к началу 1921 года мы видим вместо развертывания—массовое закрытие фабрик и заводов петроградского и московского районов. О юге и говорить не приходится: здесь топливный голод был хроническим.

В том же направлении действовал и продовольственный кризис. Разверстка 1920—21 гг. была выполнена в большем размере, чем в предыдущую продовольственную кампанию. В 1919—20 гг. по всей России поступило хлеба в ржаных единицах 297 мил. пуд., а в 1920—21 гг.—

486 мил. пуд., почти на 200 мил. пудов больше. Но дело в том, что—как уже было сказано выше—главными источниками продовольственного снабжения оказались окраины—Кубань, Украина, Сибирь. Между тем основные продовольственные ж.-д. линии, как напр., Южные дороги и Юго-Восточн оказались без топлива, а в Сибири действовали снежные заносы. Это сорвало продовольственный план, который к тому же был плохо расчитан и установил слишком щедрые нормы снабжения в осенние месяцы, вследствие чего пришлось потом в наиболее критические месяцы сильно урезать нормы. Так, распределение хлебофуража по четвертям 1920—21 гг. рисуется в след. виде: (По РСФСР без Украины).

1920 г.	1921 г.	1921 г.	1921 г.
октябрь—дек.,	янв.—март,	апр.—июнь	июль—авг.
18.030 мил. п.	15.803 мил. п.	10.050 мил. п.	5.610 мил. п.

Снижение норм в период январь—март вызвало резкий срыв начавшегося было промышленного оживления, ухудшило продовольственное положение с первых же месяцев перехода к мирному положению, когда, усталые от только что закончившейся гражданской войны, массы требовали немедленного удовлетворения так долго подавлявшихся потребностей.

Продовольственный и топливный кризис разразились, как тягчайший удар для основной промышленности, в особенности для металлургии, которая получила от 8-го С'езда производственную программу в 25 мил. пудов чугуна (в стране истощались старые запасы металлов) в то время, как экономическое положение крестьян и рабочих требовала немедленного увеличения количества товаров во что бы то ни стало. В тяжелой индустрии решающая роль принадлежала крупным заводам, в области массового товарного производства, наоборот, главное место, занимала кустарная, мелкая и средняя промышленность, слабо организованная, плохо снабжаемая, находившаяся в значительной своей части в стадии национализации, по декрету конца 1920 г. организовать ее исключительно государственными средствами не представлялось возможным. Отсюда, естественно, вырастает лозунг привлечения частной инициативы и аренды мелких предприятий, а также возвращение прежним владельцам тех предприятий, которые формально не успели подвергнуться национализации до апреля 1921 годс.

Что касается крупной промышленности, то, не получая продовольственного снабжения и окруженная со всех сторон взбаламученным морем свободного местного оборота, она неизбежно вынуждалась оборачиваться своими средствами путем «разбазаривания» своих материальных фондов. Мелко-буржуазная стихия торжествовала свои первые победы. Дальше—картина слишком известна. Цепная связь хозяйственной жизни, которая раньше тянула со стихийной силой от одной ступени «военного коммунизма», теперь начала тянуть с еще большей силой в обратную сторону.

Изменившаяся обстановка привела также к наиболее важной—для последующего периода,—перемене в положении рабочего класса. Мы говорим о «тарифной революции», которая обусловила собой быстрое повышение

производительности труда. В начале статьи мы указали на то вредное влияние, которое оказала система пайкового снабжения на производительность труда фабрично-заводского пролетариата. Мы выяснили также историческую обусловленность этой пайковой системы. Попытки придать ей более гибкую форму в пределах старой экономполитики, в виде натурпремий, не увенчались успехом. Выдача премий оказалась такой же произвольной и почти так же мало связана с трудовым процессом, как и система пайков. Было бы, однако, ошибочным считать, что в падении производительности труда виновата исключительно старая тарифная политика. Производительность начала падать еще с 1916 года, когда произошла массовая замена взрослых мужчин женщинами и детьми, а также и военнопленными. Процент женщин в общем количестве взрослых рабочих повысился к началу 1917 г.— по сравнению с 1913 г.—с 26,6% до 43,2%, подростков—с 9,3% до 11,6%, малолетних—с 1,4% до 2,4%. Это соответственным образом отражалось на производительности. Затем, после войны, на фабрики и заводы вернулась часть бывших рабочих с фронта, потерявшие на войне значительный процент трудоспособности. Далее, на производительности отразился технический развал предприятий, недостаток сырья и топлива, из-за которого предприятия часто останавливались. Все это необходимо учесть, чтобы определить действительную меру того падения производительности труда, которое вытекало из продовольственного положения, тарифной системы, наличия лишних ртов на предприятиях и пр. Только в этой части изменение системы оплаты могло повлиять на выработку, и оно, действительно, оказало колоссальное влияние, о котором говорят цифры производительности рабочих в 1922 г. по сравнению с 1920 г. и началом 1921 г. Так, в каменноугольной промышленности Донбасса средняя выработка в 1922 г. составляет 175% выработки начала 1921 г., в металлической—153%, бумажной—206, резиновой—312%, шерстяной—252% и т. д. Как же произошла эта тарифная революция, вызвавшая такую революцию в производительности труда? Отчасти здесь сыграло роль простое исправление уродливостей старой тарифной системы, в которой было действительно много нелепого даже с точки зрения старой экономполитики. Но главным образом этот переход к новому тарифу был обусловлен открывшейся возможностью сокращения количества рабочих и служащих на предприятиях. Свободный рыночный оборот, первые шаги Нэп'а послужили тем отводным каналом, который стал поглощать избыточное количество рабочих, давивших на заработную плату остальных и мешавших общему оздоровлению производственной атмосферы. Таким образом, Нэп в этом отношении имел несомненно оздоровляющее влияние на хозяйственную жизнь. Сокращение количества лишних рабочих, которое невозможно было осуществить в эпоху военного коммунизма, произошло теперь почти стихийно. Здесь нужно заметить, что мы имеем в виду общее количество рабочих, состоявших на снабжении. Квалифицированная часть рабочих сократилась и распылилась в сильнейшей степени еще в период военного коммунизма, отчасти благодаря военным мобилизациям, отчасти путем ухода в деревню или в спекуляцию. В отношении квалификации состав

рабочих и теперь еще значительно отстает от довоенных соотношений. По последним данным в каменноугольной промышленности квалифицированные рабочие составляли в 1922 г. 8,3% всех рабочих против 21%— в 1913 г.; в рудной промышленности 70% вместо 85%; в машиностроительной—60% вместо 75%; в электротехнической—48% вместо 55—60%. Только в сахарной промышленности осталось прежнее соотношение.

Под влиянием изменившейся обстановки должны были измениться и организационные формы управления промышленностью. Еще в 1920 году был предпринят ряд мер по ослаблению вредных последствий главкизма и приближения органов управления к местам в целях более рационального и своевременного перераспределения и использования местных рессурсов. Но во весь свой рост вопрос о «фабрично-заводской автономии», о расширении прав предприятий и их об'единений встал на другой день после перехода к продналогу. Заводы и фабрики оказались лицом к лицу с необходимостью получать самостоятельной заготовкой то, чего им не в состоянии были дать центральные органы. Ослабление экономической зависимости от центра вызвало также ослабление организационной зависимости. Чем большее значение в производственной жизни предприятия приобретал рынок, тем сильнее давали себя чувствовать децентрализаторские тенденции, вылившиеся впоследствии в форму трестов.

Развитие форм новой экономполитики было обусловлено также и внутренней политической обстановкой, создавшейся в связи с победоносным окончанием гражданской войны. Если в начале революции буржуазия бросала свои собственные предприятия, в надежде на скорое свержение Советской власти, то теперь, убедившись в прочности пролетарского режима, она стала возвращаться к своим бывшим владениям, хотя бы на правах арендаторов или впоследствии—акционеров смешанных обществ. Изменился, с другой стороны, и ее состав. Прежняя буржуазия в значительной своей части разорилась или эмигрировала, новая буржуазия нажила свои капиталы уже при Советской власти и ищет теперь для них производительное приложение. Условия текущего момента не отличаются закономерностью экономических явлений. Буржуазия находится сейчас в стадии лихорадочного первоначального накопления, и «норовит в карманы» всякими правдами и неправдами. Когда этот грюндерский период закончится, экономические взаимоотношения обнаружатся в более ясной форме и тогда обнаружится также экономическое значение аренды (и концессий). Аренда наряду с тарифной системой будет означать сознательное регулирование рабочим классом нормы капиталистической прибыли. Арендная плата будет частью прибыли, которую вчерашний собственник должен будет уступать пролетарской власти. Это—важное революционное завоевание, сохранившееся в руках рабочего класса, несмотря на всю бешенную свистопляску НЭП'а.

Что касается социалистической программы, которая является душой рабочей политики, то она сохраняет полностью свое значение и для периода НЭП'а. Ни продналог, ни свободная торговля, ни аренда и концессии, ни

налоговая и финансовая система не означают отказа от социалистической политики, точно также, как хлебная разверстка, всеобщая национализация и натурализация не являются непременными элементами социалистической политики. Изменился метод осуществления экономических задач пролетариата, метод воздействия на экономическую стихию, но цели и содержание экономполитики остались те же. Мы раньше пытались, в соответствии с экономическими условиями, в которых происходила революция, организовать народное хозяйство упрощенным способом непосредственного управления, снабжения и распределения.

Но за три—четыре года изменились экономические условия как внутри страны, так и условия ее экономических взаимоотношений с другими странами. Изменилась политическая обстановка. Это потребовало изменения методов подхода к хозяйственным проблемам. Создается более тонкий механизм экономических отношений. Мы ставим теперь своей задачей техническое овладение этим сложным механизмом трестов, синдикатов, банков, кооперации, крестьянского рынка, внешней торговли, где основные опорные пункты—рычаги принадлежат нам всецело и где при помощи целой сети передаточных сооружений наше влияние сообщается всем автономным и свободным хозяйственным единицам. Никто еще не доказал, что социалистическая политика предполагает обязательно уничтожение денежной системы, самостоятельных промышленных хозяйств, свободной торговли и пр. То, что было содержанием «военного коммунизма», являлось только одной из форм социалистической политики, но не единственной и вовсе не самой лучшей, которой, вообще говоря, и не существует на свете. Есть лучшая политика, применительно к данным обстоятельствам. Мы старались показать, что в самых основных своих чертах старая политика соответствовала условиям своего времени и вытекала из повелительных требований момента в такой же степени, как и новая политика. Конечно, отдельные, и подчас очень крупные ошибки и увлечения, появление простой силы инерции были тогда, как они несомненно имеются и теперь. Но в основном—революция шла по правильному пути и расчистила путь для нашей сегодняшней борьбы с разрухой в целях поднятия материального уровня рабочих и крестьянских масс, ставших хозяевами своей земли, фабрик, заводов и рудников.

В этом ее смысл и ее историческое оправдание.

И. ДАШКОВСКИЙ.

Крестьянство в революции

«Победа рабочих—есть надежда крестьян».—Вот лозунг, под которым, по словам Маркса, прошли дни Коммуны, когда рабочие Парижа взяли власть в свои руки. Прошло с тех пор пятьдесят три года—полвека международного революционного рабочего движения. Этот срок оказался достаточным для того, чтобы в дни пролетарской революции 1917 г. можно было сделать практический вывод, что победа рабочих несет за собой и победу крестьян; что без первой победы невозможна и вторая.

С того момента, как власть в России перешла в руки рабочего класса, и старый государственный аппарат был разрушен, крестьянство на деле осуществило те свои заветные стремления, под знаком которых проходили все крестьянские движения последних веков. Крестьяне обрели возможность реализовать свое право на землю и практически осуществить отобрание земли в свое пользование. Но осуществлением своего права на землю крестьянство достигло лишь части победы во всем ее историческом значении. Окончательная победа крестьянства должна ознаменоваться полным его перевоспитанием, переходом от унаследованных собственнических инстинктов, к осознанным коммунистическим интересам—к коллективизму.

Роль крестьянства в революции достаточно отражена в том длительном процессе внутренней борьбы, которая вот уже в течение пяти лет наблюдается на территории России и Украины. В начале революции ему были чужды интересы промышленного пролетариата. Крестьянство руководилось одним лишь стремлением захвата земли, которое сталкивалось с двухсмысленно-медлительной политикой временного правительства. А между тем, по мере того, как события показывали рабочим, что формы, в которые вылилась февральская революция, идут в разрез с интересами рабочих, что «революция» сводится к переменам имен, лиц и названий, прикрашивающим старое содержание эксплуатации и буржуазно-помещичьего господства, рабочий класс обращается к подготовке октября, и в целях обеспечения поддержки крестьянства, рядом с требованием передачи всей власти Советам, выдвигает требование передачи земли крестьянам. Повсюду—в том числе и на Украине—это требование встречает широкое сочувствие и поддержку почуявшей опасность деревни.

Но тут в революционное движение на Украине вклинивается другой момент, который в значительной степени определяет дальнейшую судьбу участия крестьян в революции. Украинские социал-националисты, (у. п. с.-д. и у. п. с.-р.) и буржуазные националисты, обволакивают своим политическим влиянием крестьянские слои, на почве безудержной националистической агитации. Национальный момент становится средством самоспасения господ-

ствующих или подбирающихся к господству классов и групп на Украине. Кулак украинского села (а он гораздо сильнее, чем кулак русской деревни), почувствовал, что национальный вопрос может стать для него той силой, при помощи которой ему, быть может, удастся сохранить свое кулацкое благополучие. А украинская мелко-буржуазная и буржуазная интеллигенция, которая экономически была связана с крепкими слоями села, это не только чувствовала, но и осознала, ставши во главе националистически-буржуазно-кулацкого движения. Даже русские капиталисты и помещики учли реакционную роль национального момента и поспешили на время прикрыться украинско - националистическим покрывалом. В результате всего этого к моменту Октябрьской революции крестьянство Украины наполовину подпало под националистическое влияние, наполовину же к революции отнеслось пассивно, поскольку оно не осознало еще своих классовых интересов и контр-революционной роли национальных лозунгов в эпоху пролетарской революции.

Стремясь создать украинскую демократическую Республику, Центральная Рада в то же время фактически исключала разрешение земельного вопроса, которого так ждала крестьянская беднота. Националистическая и наиболее активная часть крестьянства кулачество становится одной из составных частей украинской контр-революции. Петлюра, Винниченко, Грушевский вербуют из этой части украинского села своих гайдамаков. Под шум самостийнических криков украинская интеллигенция обрабатывает крестьян в буржуазном духе, отпугивая их от пролетарской революции. Преемник бесславной Рады—гетман—также строит свою опору на крепком украинском кулаке. Организовывается союз хлеборобов. С'езд этого союза, созванный в Киеве, высказывается против отобрания земли не только у кулаков, но и помещиков. Реакция Деникина, подобно предшествовавшим властям Петлюры и Скоропадского, также пытается опереться на кулаческую деревню.

Но к этому моменту, внутри крестьянства, начинается расслоение. Уроки реакции наглядно показывают его трудовой части, что ни Рада, ни гетман, ни самостийность не смогут дать крестьянам земли. Внутри его начинаются и быстро усиливаются революционные стремления. Этому способствует оккупационный режим, господствовавший при гетмане, сопровождавшийся разорением и ограблением немецкими воителями крестьян, и задевший за одно с бедняцкими и середняцкими слоями и кулаков. Бунтарские настроения в крестьянстве быстро наростают, и деревня зажигается огнем непрерывных восстаний против гетманского режима.

К моменту германской революции украинское село бурлило в котле повстанчества. Когда, благодаря этому, сравнительно легко была восстановлена Советская власть, село не изжило повстанческого духа. Наоборот—брожение внутри села лишь усиливалось.

В то время лишь намечалось социальное расслоение в крестьянстве. И когда Советская власть была восстановлена—одной из ее главных задач было усилить это брожение, чтобы помочь расслоительному процессу внутри крестьянства.

Наступление Деникина и его победы застают крестьянство в превичном состоянии внутренней борьбы. Эта борьба не утихает и в дни Деникинского господства,—она лишь, под давлением реакции, на время уходит вглубь. Параллельно с этим оживляется и национальное движение. Петлюровские партии, не покидая села, ведут там свою работу, настойчиво выдвигая старый лозунг «самостийность», заостряя лозунги национального высвобождения Украины из-под сапога сторонников «единой и неделимой» России. Таким образом, крестьянство во время деникинской контр-революции и подвергается двоякому воздействию, как по линии классовой, так и по линии национальной борьбы.

В 1919 году украинское село охвачено до самых своих глубин гражданской войной. Оно подвергается влиянию самых разнообразных политических факторов, и эта множественность и калейдескопичность влияний является отличительной чертой жизни украинской деревни в тот период революции. Авантюристы и белогвардейцы, прикрываясь националистическими лозунгами, группируют вокруг себя бесчисленное количество отрядов, черпая живую силу и помощь из украинского села. Сотни кулацких атаманов борются за сохранение кулацких классовых привиллегий в деревне. Одни из них действуют под национальными лозунгами, другие выступают с анархическими платформами, но все они об'единены стремлением помешать советской власти распространить свое влияние на крестьянство. Всем им ненавистна та платформа, на которой советская власть организует крестьянскую бедноту для борьбы с богатеями. Положение же бедноты в это время остается безвыходным. Она продолжает еще находиться под давлением кулака. Ее обходят при разделе помещичьей земли, у нее нет скота, и с.-х. орудий—она голодает. Советская власть ищет формы организации бедноты. Она ее находит в создании комитетов незаможных. Укрепившись, Советская власть в 1920 г. ставит своей главной задачей на селе—организацию незаможных. Из села в село, в глухие медвежьи углы проникает этот лозунг, быстро воспринимаясь массами деревенской голытьбы. Гражданская борьба в деревне принимает организованный, упорный и острый характер. В селе стали открыто друг против друга два класса: кулак и беднота.

Это было огромным достижением революции. Беднота, наконец, поняла, что именем своего спасения она призвана проделать на селе ту же экономическую революцию, какую проделал рабочий в городе. В начале комнезамы создавались стихийно, партия и Советская власть физически не были в состоянии овладеть вызванным движением, чтобы его своевременно направлять Но это не вредило процессу, так как он был вызван жизнью, он был ясен и примитивен: он был направлен к самоорганизации бедноты для борьбы с кулаком.

По данным на I-м Всеукраинском С'езде 1920 г. число организованных в комнезамы крестьян превышало миллион. На С'езде было представлено в лице 1.082 делегатов 740.812 селян и селянок (последних было организовано в комнезамах 105.569 т.-е. 15% всего состава), между тем, на с'езде не все комнезамы были представлены. По сведениям Наркомвнудела, тогда насчитывалось 9.599 комитетов, на с'езде же их было представлено

только 6.045. В рядах незаможников того времени была действительно одна только сельская беднота. На С'езде было 890 бедняков, из них 547 до революции не имели земли, 469 не имели лошадей. До одной десятины имело 165 чел., от 1 до 3-х—270 чел. и свыше 3-х—100 чел.; по одной лошади имело 285, по две—147 чел. Такое же цифровое соотношение наблюдалось и на губернских с'ездах КНС. На Полтавском с'езде из 517 делегатов 46% до революции были безземельными. Состав комитетов такой же бедняцкий. Из 153 Харьковских делегатов было безлошадных—98, с двумя лошадьми—4, с тремя—один, остальные—однолошадные. Весь двадцатый год проходит в оживленной организации незаможников.

Расслоение крестьянства шло быстрыми шагами. Организации незаможных по мере укрепления Советской власти в городе, все больше крепли, ширились количественно и углубляли свое влияние на судьбы села. Вся беднота, все наиболее сознательные элементы шли в комитеты незаможных селян, и влияние кулаков в крестьянских советах все более ослабевало. Вместе с тем ослабевало и влияние националистов, как буржуазных, так и лжесоциалистических. Твердо взятый Советской властью курс в национальном вопросе выбил из рук украинских социал-демократов и с.-р. их сильнейшее оружие национальной травли. И в результате в 1920 г. окончательно оформились ставшие друг против друга группировки украинской деревни.

Параллельно процессу расслоения шло раскулачивание села. Помещичьи земли и инвентарь брали незаможные. Хотя часто то или другое из помещичьего имения и попадало в руки крепких мужичков, однако раскулачивание обессиливало крепких крестьян, сводя их к положению трудовых крестьян. Новая политика Советской власти застает этот процесс еще далеко незаконченным. Для того, чтобы иметь в крестьянстве опору, советское правительство рядом с введением продналога и законом о прикреплении земли сохраняет так-же организацию незаможных. Однако, процесс раскулачивания и землеустройства постепенно выравнивал село в экономическом отношении. Незаможнее селянство также подверглось в своем составе изменению. Многие отошли от КНС, поскольку они успели обрасти хозяйственно и превратиться в середняков, многих устранили сами незаможники при проводившейся ими специальной проверке. В настоящее время на селе вновь возрождается кулак, экономически крепнущий, благодаря свободе торговли, распоряжения своими излишками и допущенной аренды. Перераспределение сельско-хозяйственного инвентаря и скота под влиянием голода также имело влияние на усиление крепких мужиков.

Село вновь начинает возвращаться к старым процессам резкого классового деления и экономических противоречий между отдельными группами. Но регулирование Советской властью землепользования все же не дает возможности кулаку вдоволь удовлетворить свой захватнический аппетит за счет экономически слабой части деревни.

Украинское крестьянство в пролетарской революции играло и продолжает играть двоякую роль. С одной стороны, оно служит материалом для национальной и белогвардейской контр-революции, и эта роль его не

оставляет ни во время поражения, ни во время побед Советской власти на Украине. С другой стороны—крестьянство было и остается одной из главнейших сил в революции на Украине.

Лишь на половину решенная задача—создания прочного политического и экономического базиса на селе, будет окончательно решена тогда, когда незаможное селянство в новых условиях будет иметь свою прочную экономическую опору. Партия выдвинула, как главнейшую форму такого укрепления,—коллективизацию сельско-хозяйственного производства. В нее необходимо вовлечь пролетарские и полупролетарские элементы деревни. И только тогда можно быть спокойными за наши дальнейшие успехи на селе.

Несмотря на общую хозяйственную производственную слабость Республики, все же коллективизация медленно, но заметно растет на селе.

По данным, далеко не полным, на апрель 1922 года было учтено 3083 с.-х. коллектива, об'единяющих на селе 218.773 душ. В колхозах преобладают незаможные. Послеголодный период характеризуется усилением тяги к коллективизму. Но кулак также пытается организоваться в коллектив, преследуя двоякую цель—экономическую—удушения бедноты и захвата политической инициативы. 1922 год проходит под знаком укрепления советского влияния в деревне, и результаты его уже сейчас должны считаться значительными.

Кулак в Советы не допускается, незаможник вновь ощетинился, решительно отстраняя кулака от политики на селе—в Советах и Исполкомах.

Несомненно, что внутренняя борьба в среде крестьянства далеко не закончилась, она еще впереди. Она на первых порах перенесется своим центром в те слои крестьянства, которые окрепли за время революции. Ибо психология крестьянства весьма медленно поддается коммунистическому и коллективистскому влиянию. Партия наша это учитывала еще в то время, когда она находилась в периоде подготовки рабочего класса к революции. И не только учитывала, но и сделала из этого соответствующие выводы при разработке своей революционной тактики.

Д. ЛЕБЕДЬ.

Бумажный рубль за пять лет революции

Много обломков и щепок, много снесенных революционным ураганом кумиров валяются у ног Октябрьской Революции. Тут и осколки когда-то могущественной буржуазии, тут и обломки царского трона, тут и заржавленные шпаги русского дворянства—одного нет среди хлама и обломков низвергнутых кумиров, нет пока что лоскутьев в конец уничтоженной и разорванной денежной системы, эмблемы и гордости капиталистического общества.

Огонь и буря нашей революции, конечно, не щадили наш рубль, символ и знамя капитализма, но он устоял. Денежное обращение и бумажный рубль устояли, дожили до наших дней, заняв накануне 6-го года революции одно из почетнейших мест в наших помыслах и мероприятиях.

Некогда орудие буржуазии против нас,—рубль—сейчас должен стать в руках пролетарского государства орудием, борьбы против новой буржуазии. Бумажный рубль за пять лет проделал весьма интересную и поучительную эволюцию. Ее мы и попытаемся бегло обрисовать в настоящей статье.

I

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАШИХ ВЗГЛЯДОВ НА ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Проблема денежного обращения на второй день после революции, отчасти и раньше, до октябрьского переворота, занимала умы теоретиков социализма. Признавая, что деньги должны уничтожиться вместе с капитализмом, социалисты в то же время не всегда признавали, что денежное обращение должно будет уничтожиться одновременно с уничтожением буржуазного общества.

Так, например, Шефле в своем труде «Строительство и жизнь», говорит: «Мы не думаем, чтобы этот порядок (т.-е. безденежное хозяйство) мог через ночь (после переворота) быть поставлен на место рыночного строения цен и сразу получить безусловное значение... Даже тогда, когда денежное хозяйство в главном будет устранено социализмом, ничего не помешает использовать в новом хозяйстве годные его остатки». — Другие, наоборот, полагали, что с исчезновением капитализма быстро исчезнут и деньги. Так, Бебель, например, полагал, что «деньги исчезнут вследствие исчезновения товарного характера продуктов труда в силу того, что они станут излишними». Но и Бебель не думал, повидимому, что деньги и денежная система должны уничтожиться на второй же после революции день. Он говорил о более или менее длительном сроке.

Вопрос о деньгах в связи с социалистической революцией не мог, однако, до 1917 года серьезно занять умы, так как революция эта мыслилась лишь, как нечто весьма отдаленное, и из дали времен едва маячили формы ее воплощения в жизнь. Впервые реально и остро этот вопрос встал перед нами в 1917 году после октябрьского переворота.

Вопросы о деньгах, о банках, о кредите сразу на второй день после переворота приковали к себе внимание Советской Власти. Одним из первых актов пролетариата, оказавшегося у власти, был декрет о монополизации банковского дела—декрет 14-го декабря 1917 г. о национализации частных банков. Этим актом был сделан первый шаг к овладению денежным рынком и рублем.

Для нашего беглого обзора не является существенным подробная история нашего законодательства в области финансов. Для нас важнее ознакомиться только с основными этапами в развитии этого законодательства, поскольку они соответствуют основным моментам в развитии нашей экономической политики в целом.

История отношения Советской Власти к вопросам денежного обращения может быть разделена на три основных момента: первый момент охватывает время с октябрьского переворота до середины 1918 года; второй с середины 1918 года до половины 1921 г. и третий с середины 1921 г. по сей день. Первый момент является наиболее интересным в истории нашего рубля. В это время Советская Власть не только не ставила себе каких либо определенных задач к упорядочению и укреплению рубля, но, наоборот, она ставила себе определенную задачу за счет устойчивости и крепости рубля выиграть господствующие позиции в борьбе с буржуазией. В это время расшатывание денежной системы было нашим орудием для экономического подавления буржуазии после того, как она уже была политически обезоружена. Эта мысль ясно выражена в речи т. Ленина на первом С'езде Финотделов.

«Задача момента», говорил т. Ленин, «это—замена старых денежных знаков новыми. Деньги, бумажки, все то, что называется теперь деньгами—это свидетельства на общественное благосостояние—действуют разлагающим образом и опасно тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми... Каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой,—он получит рубль за рубль, если же она превысит норму, он получит лишь часть».

Указанная т. Лениным мера не была осуществлена из-за технических затруднений, но мысль, высказанная тов. Лениным, ясно свидетельствует о том, что у нас в этот первый период была своя определенная линия поведения в отношении к вопросам денежного обращения и к рублю (тогда уже почти целиком «бумажному»). Мы шли и сознательно шли не к оздоровлению и укреплению существовавшей тогда денежной системы, а к ее

разрушению и замене другой, более соответствующей интересам пролетариата. Такая линия поведения диктовалась тактическими соображениями в нашей борьбе за экономическое разоружение буржуазии. Это должны уяснить себе все те, кто не может или не хочет понимать диалектического хода истории, не может уяснить себе, почему в начале революции, в конце 1917 года, мы воевали против рубля, а в конце 1922 г. мы воюем за овладение рублем.

Второй этап в истории нашего рубля связан с решительной национализацией промышленности, начавшейся в середине 1918 г. и почти закончившейся в начале 1919 г. Отношение к денежной системе в этот период становится вполне определенным. Вопрос ставится в плоскости полного уничтожения денег. Такой взгляд на наш рубль соответствовал тогдашней экономической кон'юнктуре. В самом деле, с завершением национализации торговли и промышленности выгоднее стало производить расчеты между отдельными учреждениями и предприятиями чековым порядком. Товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством целесообразнее стало вести в порядке натурального товарообмена. С другой стороны, с уничтожением частного рынка и монополией на хлеб, почти единственным источником доходов стала заработная плата, в виду чего потеряло свой смысл и денежное обложение населения во всех его формах и видах. Все это диктовало нам в то время натурализацию нашего бюджета и постепенное вытеснение бумажного рубля из сферы обращения и накопления.

В истории нашего рубля этот период был самым тяжелым. Рубль (речь идет о бумажном рубле) постепенно хирел, стал все меньше и меньше выплывать на поверхность товарооборота, предпочитая пугливо прятаться в кубышках и уходить в подполье. Наиболее характерным выражением тогдашних взглядов на судьбы бумажного рубля, являются следующие слова тов. Преображенского, взятые из его брошюры «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры». «Если,—говорит он,—социалистическое хозяйство будет долго сожительствовать с мелко-буржуазным хозяйством... социалистическое хозяйство будет иметь возможность получать часть продуктов мелко-буржуазного производства путем выпуска бумажек, присоединяя каждый год по нулю или больше номинальной стоимости своих бумажных денег. Если печатный станок работает хорошо, то в присоединении нулей правительство ничем не ограничено. Можно писать на бумажке вместо 10 рублей 10.000.000 рублей и платить эти десять миллионов за фунт луку или шкурки для ботинок на вольном рынке. Ничего ужасного в этом нет, если заработная плата на $^3/_4$ натурализована, а на $^1/_5$ приспособлена к повышению курса бумажных денег путем повышения ставок».

В другом месте тов. Преображенский говорит: «Для строющегося социалистического общества условием существования его, жизненным требованием в области распределения является не поднятие курса бумажек, а увеличение П (продуктов) за счет Т (товаров)», иначе говоря, при известной величине продуктов, проходящих через социалистические органы распределения, неизмеримо важнее обеспечение развития производства нежели поднятия курса рубля.

Приведенные цитаты ясно указывают, каковы были взгляды на бумажные деньги в период от 1918 до 1921 г. На рубль смотрели лишь, как на весьма удобный, поддающийся обезвреживанию источник финансирования революции. Дальше заботы о том, чтобы он быстро и исправно печатался в фабриках изготовления государственных бумаг, дело у нас тогда не шло. Сейчас, при свете современной хозяйственной обстановки, такой взгляд кажется чем-то непонятным. Однако, рассматривая этот вопрос диалектически, в его историческом развитии, и его экономической обстановке, мы такому отношению к рублю в то время особенно удивляться не должны.

Из мероприятий, относящихся к денежному обращению в то время, следует особо отметить эволюцию законодательства, касающегося государственного банка и попытку ВСНХ и НКФ создать взамен денежного рубля иной, не денежного характера,—счетную единицу, так называемые треды. Эволюция банка совершалась довольно медленно, но неизменно в сторону слияния эмиссионных и кредитных функций, с одной стороны, и функций государственного казначейства,—с другой. 28-го января 1919 г. была фактически осуществлена новая организация Нарбанков, как единственного расчетно-кредитно-кассового учреждения Республики. В начале 1920 г. Нарбанк упраздняется вовсе и заменяется Расчетным Управлением, чем было уничтожено отделение эмиссионных функций от кредитных, с одной стороны, и функций государственного казначейства,—с другой стороны. Деньги, таким образом, перестают носить характер банкнот, а делаются кредитными билетами в узком смысле этого слова, выпускаемые для финансирования промышленности.

Другое мероприятие, которое необходимо отметить—это попытка создать трудовые деньги «треды». Эта попытка имеет ныне уже только историческое значение (не исключается, однако, возможность, что в дальнейшей истории революции идея о трудденьгах еще обратит на себя внимание). Мы сейчас упоминаем о них, потому только, что искание новой счетной единицы как нельзя лучше характеризует тогдашнее наше отношение к бумажному рублю. На С'езде ВСНХ в январе 1920 г. к вопросу о трудовых счетных единицах подходили уже довольно близко,—однако, жизнь, тогда уже обнаружившая, что мы еще не изжили товарно-денежного хозяйства, продиктовала нам отказ от этих рискованных экспериментов.

Так наш рубль «существовал» в первые годы революции, теряясь в огне и бурях первого периода нашей революции. В 1921 году, с изменением экономической политики, на поверхность наших хозяйственных проблем снова со всей остротой выплывает вопрос о бумажном рубле и способах его оздоровления. Вопрос об упорядочении денежного обращения начиная с середины 1921 года становится лейтмотивом всей нашей финансовой политики. Если в предыдущие два периода на рубль смотрели только как на источник безболезненного из'ятия ценностей мелко-буржуазного производства, то ныне мы начинаем смотреть на наш рубль, как на барометр всего нашего народного хозяйства: чем менее лихорадочно бьется пульс рубля, тем более устойчивым мы считаем наше народное хозяйство.

Такова эволюция бумажного рубля за пять лет революции. Служивший в начале орудием разоружения буржуазии, став затем источником покрытия издержек революции, наш рубль ныне должен превратиться в орудие в руках пролетарского государства для овладения промышленностью и сельским хозяйством и обуздания нарождающейся буржуазной стихии.

II

ЭТАПЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

Выше мы обрисовали общий ход развития нашего законодательства по денежному обращению за пять лет. Оно было недостаточно полно освещено, если бы мы не попытались проследить одновременно и те основные этапы, через которые прошло и само наше денежное обращение, вернее говоря, наш бумажный рубль в процессе его беспрерывного падения и уменьшения покупательной стоимости.

Прежде, однако, чем перейти к истории и анализу беспрерывного падения нашего бумажного рубля, необходимо сказать пару слов о юридической природе нашего бумажного рубля. С юридической точки зрения переход на бумажную валюту в узком смысле этого слова следовало бы считать с момента издания в марте 1920 г. декрета о выпуске в обращение новых денежных знаков, при чем впервые эти знаки стали называться не кредитными билетами, а просто расчетными знаками, без указания на обеспечение их золотом. Такая юридическая оценка затронутого вопроса фактически, однако, не соответствует действительному положению вещей в области нашего бумажного обращения. Переход от рубля, обеспеченного золотом к рублю «бумажному», в узком смысле этого слова начался гораздо раньше издания мартовского декрета 1920 года, при чем переход этот совершался медленно и постепенно. Не будет ошибкой, если мы скажем, что начало этого перехода на необеспеченную денежную валюту восходит к первым месяцам великой империалистической войны,—к моменту, когда царское правительство запретило размен бумажных денег на золото и стала извлекать из обращения золото и серебро для усиления своих фондов.

Всего в обращении к моменту об'явления войны находилось: кредитных билетов на 1.630 миллион. руб., золотой монеты 463 мил. руб. и серебра около 223 миллион. руб. Запретив размен бумажных денег на золото, царское правительство в то же время стало усиленно прибегать к денежной эмиссии, широко используя ее для покрытия своих военных расходов. Денежная эмиссия, начиная с июля 1914 года, беспрерывно и неизменно растет все более и более уменьшая свой реальный золотой базис, т.-е. ухудшая соотношение между выпускаемыми в обращение кредитными билетами и золотом. Так, например, бумажный рубль к началу февральской революции покрывался всего на 15%, т.-е. только на одну седьмую своей номинальной стоимости. К моменту же Октябрьского переворота рубль уже обеспечивался только на 7%, т.-е. сто бумажных копеек обеспечивалось всего 7-мью золотыми копейками. Все это дает нам

основание говорить, что бумажный рубль не является злостной выдумкой большевиков. Став у власти, мы, после Октябрьского переворота, получили в наследство от своих предшественников, уже одну только бумажную оболочку рубля без ее золотой души, которая была расстреляна в воздух правительствами царя и Керенского. Издание декрета о переходе от системы кредитных билетов, фиктивно обеспеченных золотом, к системе рассчетных знаков, обеспеченных достоянием всего народного хозяйства, не может и не должно поэтому рассматриваться, как начало перехода на собственно бумажную денежную систему. Этот переход, декретированный в 1920 году, должен скорее рассматриваться, как логическое следствие и завершение процесса отрыва кредитного билета от его золотой базы,— процесса начавшегося одновременно с первым громом пушек в июле 1914 года.

Каково же движение кривой эмиссии за пять лет? Ниже помещенные таблицы (№№ 1 и 2) дают нам об этом некоторое представление.

№ 1. Период войны и буржуазной революции

СРОКИ	Общее количество бумажных денег в обращ.		Возростание общего количества бумажных денег по сравнении с 1 января каждого года
	В миллион. руб.	В % отношении к количеству выпущеному на 1 июля	
1914 год			
На 1-е июля	1.630	100	На 65,4
„ 1-е октября	2.697	165	
1915 год			
На 1-е января	2.946	180	На 49,1
„ 1-е октября	4.393	285	
1916 год			
На 1-е января	5.617	344	На 35,0
„ 1-е октября	7.587	465	
1917 год			
На 1-е января	9.108	558	На 146,4
„ 1-е октября	22.446	1377	

№ 2. Период революции с 1-го ноября 1917 г. по 1-е июня 1922 г.

СРОКИ	Общее количество бумажных денег в обращ.		Возрастание за год в процентах
	В миллион. руб.	В % отношении к количеству на 1-е июля 1914 г.	
1918 год			
На 1-е января	24.312	121	На 109,8 %
» 1-е октября	51.021	227	
1919 год			
На 1-е января	61.264	272	На 140,7 %
» 1-е октября	147.478	657	
1920 год			
На 1-е января	225.016	1.002	На 231,1 %
» 1-е октября	745.158	3.319	
1921 год			
На 1-е января	1.168.598	3.206	На 288,0 %
» 1-е октября	4.534.400	20.201	
1922 год			
На 1-е января	17 543.000	78.159	На 1642,2 %
» 1-е июня	208.186.000	927.000	

Таблицы эти показывают: 1) что рост эмиссии шел неизменно, начиная с 1914 года, 2) что этот рост беспрерывно увеличивался, 3) что рост этот принимает особенно бурный характер с начала гражданской войны, 4) что особенно резкий скачек эмиссия дает в 1922 г., увеличившись за полгода 12 раз. В общем мы получаем следующую кривую:

1. С июня 1914 года до Февральской Революции кривая эмиссия поднимается вверх, увеличившись в 6,7 раз.

2. С февраля 1917 года по ноябрь она увеличивается в 14 раз с начала 1914 года, и в 2,1 раз с фев. 1917 г.

3. С ноября 1917 года по июнь 1922 г. она увеличивается в 127.000 раз с начала 1914 года и в 9270 раз с ноября 1917 года. Чтобы дать наглядное представление о том, насколько действительно велики цифры выпущенной в обращение массы бумажных денег, укажу на следующую иллюстрацию, приведенную в свое время тов. Преображенским. Он указывал как-то, что вес бумажных денег, выпущенных в 1920 году, равнялся 160-ти тысячам пудов[1]). Это количество бумаги было бы достаточно пожалуй, чтобы оклеить им земной шар по экватору.

Само собою разумеется, что ценность всей этой бумажно-денежной массы изменялась в обратной пропорции к ее количеству. Реально-денежный

[1]) „Социальная революция и финансы".

удельный вес ее (покупательная сила) находилась, если можно так выразиться, в обратной пропорции к ее физическому весу. Представление об этом дает нам таблица № 3.

№ 3.

СРОКИ	Находилось в обращении бумажных денег	Выпущено за месяц в обращение бумажных денег	Стоимость бумажно-денежной массы в золоте по курсу вольного рынка в Москве	
	в мил. руб. дензнак. 1922 года			
1914 г.				
1921 г.			2881,6	
Октябрь	453,4	195,1	129,6	47,9
Ноябрь	648,5	336,6	127,1	54,2
Декабрь	985,0	768,9	98,5	55,7
1922 г.				
Январь	1.753,9	1.258,8	121,0	75,1
Февраль	3.012,7	1 840,8	162,3	43,4
Март	4.853,5	2.680,9	77,0	28,8
Апрель	7.534,4	4.586,3	71,7	29,2
Май	12.120,7	8.698,0	51,6	38,3
Июнь	20.888,7	—	99,1	—

К этой таблице можно прибавить, что по последним исчислениям стоимость бумажно-денежной массы, находящейся ныне в обращении, приближается к 150—160 милл. золотых рублей.

Какие же выводы можно сделать из этих цифр? Выводы таковы:

1) эффективность эмиссии не уменьшалась, так же неуклонно и равномерно, как росла кривая эмиссии. Изменение стоимости эмиссии шло скачками—вернее, периодами.

2) Изменения в стоимости эмиссии находились в зависимости от нашей экономической политики. Так например, поворот в нашей экономической политике, оживив наш денежный оборот, вызвал рост реальной стоимости эмиссии, при чем этот рост претерпевал на своем пути несколько изменений, что об'ясняется, главным образом, прошлогодним неурожаем, постигшем нашу федерацию.

3) Третий вывод, который необходимо сделать—тот, что эффективность эмиссии (ее реальная стоимость) начинает резко повышаться с середины настоящего года и уже не обнаруживает больше тенденции к понижению. Это последнее тем важнее для нас, что оно имеет место при абсолютно сильно возросшей эмиссии за этот год (в 12 раз). Это показывает, что мы начинаем постепенно, хотя и медленно, овладевать стихией денежного рынка и научаемся управлять им. Это подтверждается следующим обстоятельством. Если проследить рост эмиссии за пять лет и сравнить его с ростом цен за это время, то картина получится следующая. Количество эмиссии увеличилось по сравнению с 1914 годом в 127 тысяч раз. Цены же возросли к тому же сроку (июнь

1922 г.) примерно в 4 миллиона раз; иначе говоря, рост цен значительно (в 31 раз) обогнал рост эмиссии (что вполне соответствует закону Кинга о росте цен при крайне напряженной эмиссии). Рассматривая, однако, эти цифры в их движении во времени, мы получим следующую картину. Приняв эмиссию и цены 1 января 1922 г. за 100, мы для месяцев январь—июнь получим следующие цифры: для роста эмиссии—100, 146, 212, 364, 691, а для роста цен 100, 212, 450, 880, 1240. Эти данные показывают, что средние цены на продукты промышленности и сельского хозяйства в своем росте начинают постепенно соразмерять свой шаг с ростом эмиссии в то время, как раньше рост цен всегда в несколько раз обгонял рост эмиссии.

За последние месяцы цены, правда, дали опять скачек вверх, но этот рост цен все же только незначительно обгоняет эмиссию, а в последние месяцы, вероятно, даже уже отстает от роста эмиссии.

Какой же мы можем сделать вывод со всего этого накануне шестого года существования нашей революции?

Вывод тот, что борьба за овладение денежной стихией, борьба за укрепление нашего рубля чрезвычайно тяжела и сложна. На этой борьбе необходимо фиксировать все наше внимание. Это необходимо сделать особенно сейчас, в момент борьбы за овладение частным рынком. Одним из условий победы на бумажно-денежном фронте—это полное уяснение себе всей той эволюции, которую проделал наш рубль за пять лет революции и всей той эволюции, которую мы проделали за эти пять лет в наших взглядах и отношениях к рублю.

В 1917 году, разбив власть буржуазии, мы овладели ее главным оружием: банками и денежной системой, но доставшийся нам в наследство рубль обладал уже одной только пестрой бумажной оболочкой почти без всякого золотого содержания. Но и эта малая частица золотого содержания тогдашнего рубля целиком было буржуазной, т.-е. служила интересам политически побежденного уже капитала. Нам необходимо было тогда обезопасить себя от этого орудия буржуазии, и мы смело выколачивали тогда из бумажной оболочки рубля последние остатки его золотой души.

Прошло пять лет. Старая буржуазия сломлена. Пролетариат вышел победителем в схватке с буржуазией. Для того, однако, чтобы мы укрепились на своих позициях для будущей борьбы, для того, чтобы мы удержали в необходимом повиновении ново-формирующуюся буржуазию, необходимо полностью овладеть главным орудием денежно-товарного хозяйства—денежным рынком. Борьба за укрепление рубля, есть поэтому борьба за укрепление наших экономических позиций. Мы эту борьбу выдержали, мы вернем рублю его золотую душу, создадим ему солидное и реальное обеспечение, но не в интересах буржуазии, а в интересах пролетариата и мировой революции.

Мы побеждали на многих фронтах. Это дает нам уверенность сказать, что мы выйдем победителями и на фронте финансовом. Этого требует благо революции, это диктуется логикой истории.

А. ГРИНШТЕЙН.

К истории КП(б)У [1])

I

История Коммунистической Партии большевиков Украины—это история пролетарской революции на Украине, с которой она тесно связана, с которой она одновременно родилась.

Коммунистическая Партия Украины, хотя и является областной организацией Р. К. П., хотя история ее и является частью всей истории Р. К. П., частью всей пролетарской Революции в границах прежней империи, все же она имеет свое прошлое, своеобразные черты развития, так ярко соответствующие отличительным особенностям Революции на Украине с 1917 года. На ней рельефно вырисовывается отпечаток особых украинских тропинок обще-российского революционного пути.

К. П. У.—это детище украинской революции и пролетариата. До 1917 года Украина не имела особой всеукраинской партийной организации, которая бы об'единяла собой одновременно весь большевистский авангард пролетариата Украины. Были лишь отдельные, несвязанные между собою на Украине местные организации большевиков, которые входили каждая в отдельности в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию большевиков. Эти организации существовали уже со времени раскола Р. С.-Д. Р. П. (в 1903 г.) параллельно с меньшевистскими об'единениями, опираясь, главным образом, на рабочие центры Донбасса, Екатеринослава, Харькова, Киева и Одессы. И хотя численно они были слабее меньшевистских, но влияние их на рабочие массы было настолько велико, что они в четвертую Думу послали из Украины двух представителей: тов. Петровского—из Екатеринославской и тов. Муранова—из Харьковской губ. которые впоследствии, вместе с большевистскими депутатами из России, были сосланы на каторгу за протест против империалистической бойни.

Весна 1917 года застала ряды большевиков на Украине сильно поредевшими. Оп'янелая от крови самодержавная охранка, много загнала их в далекую Сибирь. В профсоюзах почти полновластно распоряжались меньшевики, на селе кругом царила тьма, которую стали использовать для себя украинские партии, не только буржуазные, но и социалистические, которые после мартовского переворота, захваченные экстазом национальной революции на Украине, пошли также по стопам украинской буржуазии, стремясь к созданию самостоятельной украинской республики, на, так

[1]) От редакции. Настоящий очерк не может претендовать на исчерпывающую полноту. Над составлением истории партии на Украине работает в настоящее время группа товарищей; помещаемый нами материал является предварительным наброском.

называемых, «демократических началах». Вследствие этого работа большевиков по осуществлению диктатуры пролетариата на Украине натолкнулась теперь на двойные затруднения: с одной стороны на превосходившие их силы «демократической» буржуазии, поддержанной меньшевиками, эсерами, бундовцами, об'единенцами,—словом, всеми мелко-буржуазными течениями, боявшимися углубления революции до социалистических основ,—с другой стороны,—и на националистическую стихию, которая увлекла за собой все правые и левые украинские партии в один национальный блок, выразительницей которого стала с марта месяца Украинская Центральная Рада. Эта борьба на два фронта в особой украинской обстановке настоятельно требовала создания на Украине отдельного местного партийного центра большевиков, который был бы в состоянии во всеукраинском масштабе руководить борьбой пролетариата в условиях в значительной степени иных, чем в России.

До этого времени такой необходимости не было. Украина, придавленная жандармским сапогом, наравне с другими российскими провинциями, не выдвигала до этого времени с такой остротой особенностей своих классовых отношений. До этого времени в ней шла одна общая борьба всех революционных партий с самодержавием, от которой не стояли в стороне и украинские социалистические партии, как У. С.-Д. Р. П. и Соц.-Дем. Спилка.

Тогда необходимо было иметь одну строго централизованную большевистскую партию на территории всей России, которая бы держала в чистоте от меньшевистских и национальных отклонений революционный русский марксизм в своей программе и тактике. Эту задачу и выполняла Р. С.-Д. Р. П.—большевиков на Украине с момента раскола 1903 года, борясь против подавлявших численно меньшевиков, которые, главным образом, и процветали на Украине.

Теперь, однако, картина изменилась. Самодержавие Романовых слетело со своего трона; буржуазия, надеявшаяся после мартовской революции полновластно господствовать при помощи парламентаризма,—разлагалась и вдобавок всеми силами стремилась продолжать империалистическую войну. На развалинах единой, неделимой России выростали автономные республики, среди них и Украина. Вступила на Украине в бой русская буржуазия и украинский мелкий капитал, прорвавший общий до этого времени фронт дворян и буржуазии против рабочих и незаможного крестьянства, первая, стремясь продолжать старую империалистическую политику по отношению к окраинам, второй—мечтая о независимости, при которой он сам бы мог продолжать эксплоатацию, избавившись от могущественного конкуррента—русского дворянина и промышленника.

Изменилась обстановка—изменились и методы борьбы. Для успешности пролетарской революции требовалась теперь совсем особая тактика—в обстановке воспрянувшего национального романтизма на Украине. В России путь пролетарской борьбы был прямой: по одну сторону—буржуазия с социалистическими оппортунистами; по другую—рабочий класс со своим

авангардом—большевиками. За то на Украине создалось три враждебных лагеря: русская буржуазия со всеми неукраинскими социалистами-соглашателями, державшими курс на «Единую, неделимую»; украинский мелко-буржуазный националистический лагерь, который стремился к самостоятельности какой бы то ни было ценой, провозглашая универсалами украинскую автономию с собственным правительством—Генеральным Секретариатом и третий—большевистско-пролетарский, который стремился к созданию единого пролетарского фронта против буржуазии, как своей, так и чужой.

Такое положение дел необычайно осложняло борьбу и без того слабых численно большевиков на Украине. Это же обстоятельство настоятельно требовало создания единой партийной организации большевиков на Украине, которая бы в рамках возникших отношений руководила бы пролетариатом Украины в его борьбе с русским помещиком и буржуа и с украинским мещанским оппортунизмом, с украинским соглашательским национализмом. Не порывая тесной связи с большевистским центром в России, который давал общее направление революционной борьбе, созданный таким образом во всеукраинском масштабе отдельный партийный центр должен был бы применять тактику, средства борьбы, которые соответствовали бы этой украинской действительности и которые нельзя было по шаблону перенести с севера на юг. Все значение этих особенностей украинской революции часть большевиков поняла сразу же, когда на областном совещании 2 июля 1917 года в Киеве решила позаботиться о создании отдельного партийного центра большевиков Украины.

На этом совещании и было избрано Организационное Бюро с тов. Ю. Пятаковым во главе, которое должно было разработать основы об'единения большевистских сил на Украине в одну организацию. На совещании было решено поддерживать право Украины на самоопределение, но одновременно с тем, расшифровывать всюду мещанский, узко-национальный характер Центральной Рады.

Различие во взглядах разных организаций на украинскую революцию было причиной того, что Организационное Бюро не выполнило своей задачи. Киевская организация во главе с Ю. Пятаковым, Крейбергом и Затонским вела свою политику, идя временно на компромисс с Центральной Радой, посылая в Малую Раду своих представителей (в Малую Раду большевики до этого момента не входили), на свой страх и риск работал также в Одессе «Румчерод», т.-е. Комитет Румынского фронта Черноморского побережья и Одесского района, игнорируя совершенно Центральную Раду; точно также обособленно работал Харьковский Комитет с возвратившимися из-за границы в мае месяце т.т. Артемом и Рухимовичем, и Екатеринославский и Луганский, где работали т.т. Квиринг, Эпштейн, Ворошилов и другие.

Были и попытки создать Областной Юго-Западный Комитет, в котором работали Е. Бош, А. Гриневич, М. Тарногородский, стремившиеся об'единить работу хотя бы на Правобережьи.

Когда 7 ноября окончательно пала власть буржуазии в России, а восторжествовала власть Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармей-

ских Депутатов, когда Центральная Рада, следуя своей природе, провозгласила III Универсалом независимую У. Н. Р. и стала собирать вокруг себя все контр-революционное офицерство, готовясь к борьбе с большевиками, ряды которых необыкновенно пополнились в период весны и лета 1917 года, ибо за это время партия начала об'единять вокруг себя широкие рабочие массы, солдат и крестьянскую бедноту,—споры на почве отношения большевиков к созданию отдельного партийного и советского центров на Украине обострялись. Донецко-Криворожская область, отбиваясь от белогвардейских полков Каледина на Дону, провозгласила себя в Харькове отдельной Криворожско-Донецкой Советской Республикой и созвала в Харькове областной с'езд Советов в то время, когда Киевская организация, работая в иных условиях, имела возможность всего на-всего создать вместе с Центральной Радой Комитет Охраны Революции. В действительности этот общий Комитет прожил всего один день, ибо после осуждения Малой Радой Октябрьского переворота в России Киевские большевики сорвали соглашение и создали большевистский Военно-Революционный Комитет, но он в борьбу с Центральной Радой не вступил, выжидая мирной победы над ней на назначенном на 15 декабря Всеукраинском С'езде Советов.

Причина такого поворота событий была ясна. Пролетариату, сосредоточенному в Донбассе, Екатеринославе и Харькове, жившему далеко от центра национальной борьбы, украинский вопрос был чужд, непонятен был также вопрос создания отдельного партийного и советского центров на Украине. Зато Киевская организация работала в самой гуще национального движения, которое охватывало все более и более широкие круги населения по всей Украине под прикрытием сильных фанатически настроенных военных частей Центральной Рады и достаточно сильных еще казачьих и юнкерских частей Штаба Киевского Округа. В силу этих и других обстоятельств, она должна была решать вопросы иным образом, чем это сделали Левобережцы. И в то время, когда Левобережцы, не обращая внимания на события в Киеве, стремились создать Советскую власть у себя на месте, не ожидая разрешения вопроса в центре Украины, Киевский Комитет, а за ним и Юго-Западный Комитет пытались разрубить завязанный национальной революцией узел во всеукраинском масштабе. С этой-то целью для об'единения большевиков Украины, для ведения единой тактики на Украине, Областной Комитет и созвал 15-го декабря одновременно со Всеукраинским С'ездом Советов также и Всеукраинскую Конференцию большевиков. Донбасс на этот с'езд не прибыл, а сам созвал отдельно С'езд Советов Донецко-Криворожской Республики в Харькове. Но Киевский С'езд Советов был сорван Центральной Радой. Вместо сторонников Советской Власти с'ехалось около 2.000 националистов, специально мобилизованных Селянской Спилкой. Конференция большевиков, после провозглашения 17 декабря III Универсалом Украинской Народной Республики отклонения Центральной Радой ультиматума Петроградского Совнаркома и выражения С'ездом Советов доверия Центральной Раде, решилась на

открытое выступление: об'явила Киевский С'езд Советов неправильно созванным и постановила отозвать своих делегатов в Харьков для об'единения с Харьковским С'ездом Советов.

Одновременно на конференции было признано необходимым создать об'единяющий всех большевиков Украины партийный центр для согласованного руководства борьбой с Центральной Радой во Всеукраинском масштабе. Таким центром должна была стать «Социал-Демократическая Партия большевиков Украины» в границах Р. С.-Д. Р. П. большевиков. Для проведения в жизнь этого постановления был избран Главный Комитет в составе т. т. Е. Бош, В. Ауссема, В. Шахрая, Александрова, Горвица, В. Люксембурга, Г. Лапчинского, В. Затонского и И. Кулика.

Новый центр, однако, также не пошел дальше существования на бумаге. Избранный на совещании главный комитет, которому было поручено провести об'единение партийных сил Украины, не пользовался авторитетом. Его приказам Левобережцы не подчинялись, не принимая участия в его избрании. Харьковский с'езд большевиков, пополненный прибывшими из Киева делегатами, об'явив себя Всеукраинским С'ездом, избрал 26 декабря Центральный Исполнительный Комитет, провозгласил Украинскую Социалистическую Советскую Республику, а когда из Киева была изгнана Центральная Рада и ЦИКУК переехал в Киев вместе с Главным Комитетом, Левобережцы снова воскресили свою отдельную республику, а за ними также об'явили себя отдельною республикою Одесса, Таганрог, Крым.

Разногласия начались из-за посылки в Брест ЦИКУ делегатов на мирные переговоры с немцами и принял острые формы во время наступления немцев на Украину после заключения с ними 9 февраля 1918 г. Центральной Радой сепаратного мира. Каждая организация, игнорируя ЦИКУ и Главный Комитет, рассылавший во все стороны бесплодные циркуляры, вела борьбу на свой лад.

Донецко-Криворожская Республика даже пыталась на свой страх и риск вести переговоры с немцами. Тем временем немцы вели энергичное наступление, заняв Киев, Полтаву, Херсон, Николаев и Екатеринослав. Большевикам пришлось отступать до Таганрога, где последовала ликвидация Главного Комитета и ЦИКУ и организация Повстанческого Секретариата и Организационного Бюро К. П. У.

Так прошел первый подготовительынй период в истории К.П.(б)У.

II

Таганрогское совещание силой обстоятельств собрало активных работников всей Украины. Перед отступившими под напором немецких штыков и перед собравшимися в Таганроге неизбежно должен был встать вопрос, как дальше бороться с сильным врагом. Совещание, должно было дать ответ на следующий вопрос: что и как дальше делать?

Необходимость создания всетаки единого центра, единой организации, которая учитывала бы местные условия борьбы, которая бы одновре-

менно соответствовала особым политическим условиям, создавшимся на Украине,—стала теперь очевидной и бесспорной для всех участников совещания. По этому вопросу уже не могло быть разногласий, и речь шла только о том, как повести теперь общую борьбу, как организовать общие боевые и руководящие борьбой силы против буржуазии, угрожавшей под охраной немецких полчищ Российской Революции вообще.

Перед совещанием встали два вопроса: дальнейшая тактика большевиков на Украине и создание действительного всеукраинского об'единения большевиков. В первом вопросе возникли горячие дебаты между екатеринославской группой, к которой присоединились харьковцы и донбассовцы, и киевской с полтавцами и черниговцами. Первая группа исходила из предпосылки, что пролетарская революция на Украине похоронена надолго и что вовлечение Украины в Революцию—это вопрос отдаленного будущего. Поэтому она отстаивала осторожную организационно-партийную работу в подпольи и легальную в профсоюзах. Выразителем ее являлся Квиринг. Киевская группа в лице т.т. Пятакова и Бубнова, ориентируясь на мировую революцию, предлагала активную повстанческую тактику, использовывая крестьянскую стихию, огорошенную оккупацией. Большинство присоединилось к точке зрения Киевской группы, которая и была принята.

Так был создан повстанческий Секретариат для руководства восстанием на Украине. Манифест, выпущенный к населению Украины, в основе своей также имел киевскую резолюцию и призывал к вооруженной повстанческой борьбе.

По второму вопросу возникло три спорных точки зрения о названии будущей партийной организации. Полтавская группа с левыми незалежниками из Укр. Соц. Демократов, которые еще осенью 1917 г. откололись от У. С.-Д. Р. П. и работали вместе с большевиками, принимая участие в совещании, предлагали название: «Украинская Коммунистическая Партия большевиков»; екатеринославцы предлагали название—«Российская Коммунистическая Партия большевиков на Украине». Оба эти крайние предложения, первая—с уклоном в сторону украинского национализма, вторая—навеянная духом русотяпства, не получили большинства.

Совещание приняло предложенное тов. Скрыпником название: «Коммунистическая партия большевиков Украины». Приняв для партии название совещание избрало 7 членов в Организационное Бюро (тов. Пятаков—председатель, тов. Скрыпник—секретарь), которому было поручено разработать для партии устав и программу и созвать возможно скорее Всеукраинский С'езд большевиков Украины для принятия устава и программы.

После таганрогского Совещания для большевиков Украины настало тяжелое время. Все усилия были направлены на организационную и повстанческую работу. И работа подвинулась крупным шагом вперед. Оргбюро, создав при Ц. К. Р. К. П. Информационное Заграничное Бюро, оставаясь в прифронтовой демаркационной полосе (отсюда и называют работу К. П. У. во время Гетьманщины демаркационным периодом), занялось партийной работой, восстанавливая большевистские организации на Украине, раз-

громленные немцами во время наступления, и подготовляя с'езд К.П.(б)У. В июне месяце оно приступило к изданию партийного органа «Коммунист». И хотя работа удержания связи с подпольем была необычайно трудной, все же затруднения удалось преодолеть. Уже в мае месяце возродились разгромленные во время оккупации организации. Одесская областная организация даже стала издавать подпольный листок «Голос Пролетария». Правда, ни Харьковской организации не удалось возобновить издание «Донецкого Пролетария», который выходил с лета 1917 г., ни Киевской— вновь поставить на ноги издававшийся ранее, еще с 1917 года, «Голос Социал Демократа», ни Екатеринославской свой орган. Зато повсюду уже функционировали уездные и районные организации.

В мае месяце уже даже состоялся в Киеве информационный с'езд представителей всех этих четырех главных организаций, на котором был избран «Временный Всеукраинский Центр организации большевиков» с тов. Майоровым во главе, задачей которого было регулировать партийную работу на местах, пока не наладится окончательно связь с Оргбюро.

Правда, во время этой работы большевиков в подпольи далеко еще не прекращаются старые разногласия. Созданные областные организации все еще стремились оставаться самостоятельными. Каждая из них организовала было даже при Ц. К. Р. К. П. отдельно свое Информационное Заграничное Бюро, каждая из них, по своему усмотрению, завязывала связи с другими советскими партиями, с анархистами и российскими левыми эсерами, переименовавшими себя на всеукраинском с'езде в Одессе в Украинскую партию Левых Социалистов-Революционеров. Одесская организация пыталась даже вместе с ними издавать общий повстанческий орган «Голос Революции».

Споры между Екатеринославской и Киевской точками зрения имели еще раз место в повстанческой девятке—в большевистской фракции Повстанческого Секретариата и в созданном им Центральном Военно-Революционном Комитете. Но эти разногласия все же не имели уже такого острого характера, как раньше; результаты общей работы были несравненно большие, чем споры, затянувшиеся благодаря неизжитой еще фракционности.

Особенно болезненным был спор о том, кто должен руководить работой повстанцев: или Ревкомы действуют-ли по своему усмотрению, неся ответственность только перед Центр. Воен.-Рев. Комитетом, или же отчитываются перед партийными Комитетами. Спор был немаловажный, если принять во внимание, что в Ревкомы входили не одни большевики, а много эсеровско-анархистского элемента. Эта комбинированность Ревкомов угрожала молодой партии утонуть в крестьянской повстанческой стихии вместо того, чтобы самой владеть этой революционной стихией и направлять ее в русло организованной пролетарской борьбы. Однако, этого спора не могло разрешить ни Оргбюро, ни Повстанческий Секретариат, который сам был комбинированной организацией, имевшей в своем составе половину эсеров, половину большевиков и одного украинского левого незалежника. Разрешил его лишь первый с'езд К. П. У., состоявшийся 5 июля 1918 года в Москве.

На с'езд прибыло 69 делегатов от 43 парторганизаций Левобережья и Правобережья, представлявшие в общей сложности 4364 члена партии. Перед открытием дебатов по вопросам порядка дня с'езда, состоялось формальное об'единение К. П. У. с левыми незалежниками, которые еще с осени работали в рядах большевиков и на своем с'езде в Воронеже в мае 1918 года постановили слиться с К. П. У. Одновременно еще перед докладами с'езд решил огласить декларацию на происходившем в то же время Всероссийском С'езде Советов по поводу выступления на нем от Украины левых эсеров против брестского договора с заявлением, что пролетариат Украины вполне солидаризуется с тактикой Р. К. П. и Советской властью в России. На повестке дня партийного с'езда стояли следующие вопросы: политическое положение и задачи партии; восстания на Украине; отношение Украины к России; отношение К. П. У. к другим партиям; организационный вопрос; программа партии.

Доклад тов. Пятакова и дебаты по поводу предложенной резолюции о текущем моменте были центром работы С'езда, представлявшего из себя две давние группы, горячо спорившие между собою за основы тактики К. П. У. на Украине: Екатеринославскую с т.т. Квирингом, Артемом, Эпштейном и Киевскую с т.т. Пятаковым, Бубновым и Затонским во главе. Обе группы выступали по этому вопросу с особыми докладами и резолюциями.

В резолюции тов. Пятакова говорилось о том, что развал капиталистической системы под давлением войны почти всюду принял катастрофический характер, «что оккупационное движение на восток Германии и Австрии, затыкая дыры разваливающегося финансового капитала, ставит войска в революционное окружение и тем самым разваливает их еще больше», что «самостоятельная Украина в условиях нынешнего мирового хозяйства не мыслима, включение же ее в общую систему мирового хозяйства возможно только или путем империалистического закрепощения ее при открытом содействии контреволюционных классов самой Украины одному из центров финансового капитала, или путем установления социалистического об'единения через пролетарскую революцию со всеми существующими и будущими Советскими Республиками», что «развивающаяся на Украине классовая борьба рабочих и крестьян переходит в гражданскую войну, которая будет в значительной мере содействовать расширению революции в международном масштабе», что «при такой сложившейся международной и внутренней ситуации победоносное восстание на Украине возможно, если только пролетариат добьется не только идейного, а также организационного и военно-технического руководства им, если оно не будет распылено на отдельные бунты, а примет характер общности и одновременности и будет иметь ясно выраженные классовые цели»,—вследствие этого «основной задачей КПУ является организация авангарда рабочих и руководства классовой борьбой пролетариата и примыкающих к нему слоев населения, организация вооруженного восстания рабоче-крестьянских масс против их увлекателей». Полнейшим непониманием момента нужно считать мысль, будто-

бы можно сперва организовать сильную нелегальную партию, а затем браться за работу по организации и воспитанию сознательности масс в стихийном повстанческом движении. Укрепление и расширение классовой партии пролетариата на Украине в данный момент может протекать только в самом ходе практической работы по овладению стихийным восстанием рабоче-крестьянских масс. Партия ни на одну минуту не может выпускать из виду опасности придания этому движению неклассового, а национального характера. Партия должна бороться под лозунгом завоевания неограниченной власти Советов, как диктатуры рабочих, поддержанной беднейшим крестьянством, которая направляла бы все свои главные удары как против крупной буржуазии, так и против всех мелкобуржуазных групп, поддерживавших Центральную Раду. Партия должна добиваться руководящего положения во всех повстанческих органах и устранять из них все те элементы, которые становятся на сторону восстания не с целью установления на Украине диктатуры пролетариата, а в целях использования восстания в интересах или союзного империализма или с целью установления власти мелкобуржуазной контр-революции. Необходимо завязать тесную связь с оккупационными войсками и вести среди них революционную интернациональную пропаганду, создавая для этого особый аппарат, совместно с интернациональными заграничными группами».

Екатеринославцы, в лице докладчиков т.т. Эпштейна и Квиринга (первый— о задачах КПУ, второй о Повстанческом Секретариате), выступили с резкой критикой позиции Киевлян. Соглашаясь принципиально с вопросом о подготовке восстания и организации Воен. Рев. Комитетов, они решительно выступали против существования Повстанческого Секретариата, указывая, что Повстанческий Секретариат, которого никто не знает и бороться за него не думает, надлежит ликвидировать, а всю работу передать партии: органы Советской власти будут организовываться в процессе борьбы за Советскую власть. Они выступили против увлечения повстанческим движением на Украине, усматривая в нем не классовый, социалистический характер, а крестьянский мелко-буржуазный, который нужно еще в процессе борьбы преобразовать в пролетарский, тесно связав его с развитием революции на Западе и сдерживая его до взрыва этой западной революции. Все внимание партии должно быть сосредоточено на работе в Профсоюзах для того, чтобы сперва закрепить организацию пролетариата, а не воодушевляться широкой крестьянской стихией, борющейся за землю и волю. После горячих дебатов по поводу докладов голосованием была принята резолюция т. Пятакова (33 против 32) с добавлением к ней т. Квиринга, что «Повстанческий Секретариат считается распущенным, а С'езд поручает ЦККПУ организовать вместо него Цент. Воен. Револ. Комитет, члены которого назначаются и отзываются ЦККПУ».

Тесно связанным с текущим моментом был вопрос вооруженного восстания на Украине, на котором продолжались далее споры между Екатеринославской и Киевской группами. От Екатеринославцев с докладом выступил т. Квиринг, от Киевлян—т. Бубнов. Повторять содержание обеих

резолюций не приходится: они были продолжением и развитием позиций, занятых в вопросе о текущем моменте. Киевляне же заявляли, что в такой земледельческой стране, как Россия вообще, а Украина в частности, крестьянство является найважнейшим придатком в теперешнем революционном движении. Оно не может быть руководителем этого движения, но и не может не сыграть крупной роли, как барометр, показывающий, что классовый кризис назрел, что готовится генеральнный бой. С другой стороны екатеринославцы указывали, что Киевская группа, слишком идеализировавшая эту революционную силу крестьянства, раздувала мелкие столкновения до настоящих боев, не вполне критически относилась ко всяким сведениям, делая из них ложные заключения, готовясь делать революцию на Украине, не выждав даже результатов организации ударных рабочих групп.

Все же С'ездом была принята резолюция т. Бубнова (31 против 30), в которой говорилось, что «попытка за всякую цену оттянуть уже совершенно назревший революционный кризис, без удержу развивающийся по всей украинской территории, может повлечь и неминуемо повести к разложению потока вооруженного восстания, к поражению пролетарской революции в нынешней стадии ее развития».

В вопросе об отношении Украины к России продолжались далее разногласия меж екатеринославской и киевской точками зрения. Тов Пятаков внес резолюцию, что «необходима теснейшая экономическая связь России с Украиной, однако, ввиду особенностей экономических условий, отличающих Украину от России, необходимо, чтобы в границах Украины, при осуществлении диктатуры пролетариата, был создан централизованный организм». Тов. Квиринг, резолюция которого была принята, предлагал следующее: «Исходя из того, что Украина экономически неразрывно связана с Россией, что экономическое единство Украины и России за последнее десятилетие создало общую базу для единства борьбы пролетариата Украины и России, что идея самостоятельности Украины была ширмой, которой немецкие империалисты закрепостили Украину, С'езд КПУ постановляет бороться за революционное об'единение Украины с Россией на основах пролетарского централизма в границах Р.С.Ф.С.Р».

Далее на повестке дня стоял вопрос об отношении к другим партиям на Украине. После доклада т. Затонского без долгих прений была принята следующая резолюция: «Никакого сотрудничества с мелкобуржуазными партиями, а только беспощадная борьба с ними. Установление контакта с партиями, выражающими интересы мелкого крестьянства, постоянное направление их на активную борьбу за власть Советов и подчинение их борьбы фактическому руководству пролетарской Ком. Партии. Решительная борьба с разлагающим влиянием партий деклассированных, люмпенпролетарских кругов населения. Что касается партии левых эсеров, то необходимо строго отличать интеллигентные, авантюристические верхи партии от ее крестьянских низов. Что же касается анархистов, то с их организациями никакое соглашение невозможно».

Последним вопросом была программа, устав и основа организации КПУ. Вопрос отдельной программы для К. П. У. отпал, однако, когда С'езд, после недолгих дебатов решил, что К. П. У. в общих условиях пролетарской борьбы в России не может стоять совершенно отдельно от Р. К. П. и идти на встречу самостийническим течениям отдельной программой К. П. У. в то время, когда угроза русским и украинским трудящимся массам со стороны русской буржуазии не была еще вполне сломлена. На единый фронт буржуазии нужно ответить единым фронтом пролетарского авангарда, который применял бы на единой основе особую тактику в особых условиях Украинской революции. Поэтому было решено, что К. П. У. должна иметь общую программу с Р. К. П., входить в Р. К. П. на правах автономной организации с собственной инициативой и собственной тактикой в общих рамках Российской Коммунистической Партии большевиков. Насколько необходимо было организовать К. П. У. для об'единения всех партийных сил для единой борьбы, настолько необходимо было это об'единение провести под знаком общего руководства, которое в России взяла на себя Р. К. П. и в международном масштабе—Коммунистический Интернационал.

По дальнейшему организационному вопросу С'езд принял такую резолюцию: «поручить Ц. К. К. П. У. в контакте с Ц. К. Р. К. П. выработать, на основе общего устава Р. К. П., устав К. П. У. применительно к нелегальным условиям существования последней; организовать путем выборов на областных партийных конференциях областные паркомы, при чем С'езд рекомендует организацию ранее существовавших областей: Одесской, Киевской, Харьковской и Екатеринославской. Областные комитеты работают под руководством Ц. К. К. П. У. и подчиняются его постановлениям; связь с Ц. К. Р. К. П. областные комитеты поддерживают через Ц. К. К. П. У.; Ц. К. К. П. У. организует в России для руководства парторганизациями на Украине заграничное Бюро К. П. У., которое ведет и об'единяет всю работу К. П. У. в России и на Украине. Особые Областные Бюро, организованные в России для работы на Украине, и партийные комитеты отдельных областей, которые работают вне границ Украины, распускаются и все их дела передаются Ц. К. К. П. У., все их работники поступают в распоряжение Ц. К. К. П. У. для посылки на партработу на Украину; Областные Комитеты не имеют никаких заграничних представительств, никаких бюро и вообще никаких агентов в России; литературу могут издавать только на местах, вне границ Украины; литература издается только Ц. К. К. П. У. и Заграничным Бюро К. П. У.; партия принимает название «Коммунистической Партии (большевиков) Украины», избирает Центральный Комитет и издает центральный орган «Коммунист», а С'езд этот именуется «Первым С'ездом К. П. У». С первого с'езда партия вышла организационной формой, тактикой и принципами, испытанными в прошлой борьбе с национальной контрреволюцией, выкованными во взаимных спорах и осознанных ошибках, как результаты тяжелых опытов первой гражданской войны на Украине. И хотя не раз еще приходилось делать ошибки, падать в изнеможении от непосильного напряжения, не раз вносить в намеченную тактику новые поправки,

проделывать болезненные операции, чтобы излечить себя от недугов, рожденных этой самой Украинской действительностью, однако положенная основа оставалась неизменной, на ней все выше и выше поднималось крепкое здание партийного организма, цепко охранявшего и расширявшего завоевания Советской Власти.

Выборами в Ц. К. были закончены работы С'езда. Избраны были в новый Ц. К. т. т. Акимов, Бубнов, Буценко, Затонский, Грузман, Исааков (Крейсберг), Квиринг, Лаврентий, Лутовинов, Коссиор, Пятаков, Семен Шварц и Фарбман (Рафаил).

III

Я умышленно подробно останавливался на обстоятельствах, предшествовавших организации К. П. У., и на первом ее С'езде, имея в виду осветить ту Украинскую действительность, среди которой пришлось вырости К. П. У. и напрягать все свои силы для того, чтобы правильно управлять кораблем революции на Украине. Перейдем теперь к рассмотрению этих отдельных тропинок и путей, по которым пришлось К. П. У. ходить в другой период ее деятельности, в период борьбы за советское строительство на Украине.

Первым этапом нового периода был этап гетманского подполья, так называемый демаркационный. Работа К. П. У. в это время развивалась в трех направлениях: партийного строительства, большевистской пропаганды, а, главным образом, подготовки восстания. На последнее было теперь обращено почти все внимание К. П. У. не только потому, что в Ц. К. К. П. У. большинство имели сторонники партизанщины, во главе которых были т. Пятаков, председатель Заграничного Бюро, и т. Бубнов—председатель Центр. Воен. Рев. Комитета, а вследствие тех об'ективных условий, которые требовали от партии подготовки общего восстания.

На Украине властвовала помещицко-буржуазная диктатура, об'единившаяся под охраной немецких солдат в «Протофисе» и «Всеукраинском Союзе земельных собственников» и готовившаяся к походу на Россию для реставрации самодержавия Романовых. Гетманщина должна была быть только переходной оперетой в дальнейших планах русских монархистов из «Союза русских людей». С июня вспыхнули грозные крестьянские восстания на Правобережьи, известные под названием «Звенигородского восстания» шесть недель уже тянулась забастовка железнодорожников. В начале августа, организовался «Украинский Национальный Союз», который стал думать о том, как-бы использовать крестьянскую стихию для восстановления Центральной Рады.

Однако новый Ц.К.К.П.У. слишком был оптимистичен, чтобы вести постепенную организационно-повстанническую работу в этих благоприятных условиях, чтобы в среде пролетариата создать ударные боевые группы, которые повели бы крестьянскую стихию в бой тогда, когда назреет благоприятный момент для решительного момента. Он, увлеченный бунтарской стихией, без широкой пропаганды не только в оккупационной армии,

и даже среди пролетариата, не подсчитав даже сил, отдал приказ 6 августа 1918 года о всеобщем восстании. Восстание это, известное под названием «восстание Кропивнянского» не удалось. Прокламация «На штурм» была выпущена тогда, когда «Звенигородское восстание» кроваво было задушено, железнодорожники, благодаря штрейкбрехерству, вернулись на работу. К тому же и связь в повстанческих ревкомах была слабо налажена, так что некоторые организации даже не знали о прокламации. Неудивительно, что восстание охватило только Черниговщину, если не считать мелких бунтов на Волыни и Полтавщине, когда слабые, неорганизованные как следует повстанческие силы тотчас же были задушены.

Пленум Ц. К. в Орле 8 сентября и областной С'езд прежней Криворожско-Донецкой Республики, на котором были представители и других организаций (Киевской, Одесской и Черниговской), решили внести некоторые поправки в прежнюю тактику К. П. У. Не ограничиваясь ведением постоянной партизанской войны, было постановлено повести еще энергичную пропагандистскую работу с целью овладения рабочими массами, в оккупационной армии с целью разложить немецко-австрийские войска, и точно так же развернуть массовую пропаганду и на селе. В частности было решено повести работу среди железнодорожников, организовав при Ц. К. К. П. У. Организационное Бюро железнодорожников-коммунистов и приступить к созданию ударных отрядов не только в прифронтовой полосе, где начали теперь формироваться повстанческие дивизии Кропивнянского и Аусcема, а также и на самой Украине, в рабочих центрах.

Теперь повели работу более планомерно. Независимо от подготовки восстания, которая и теперь была на первом плане, развернулась широкая пропаганда в профсоюзах, на заводах, в армии—развернулась партийная организация. В Киеве стал выходить «Коммунист», были организованы ячейки на заводах, создано пять городских и четыре губернских района с особыми Комитетами железнодорожников-большевиков, в Центральное Бюро профсоюзов провели почти одних коммунистов, была организована молодежь в Ком. Союз Молодежи Украины. В Одессе, где городская организация насчитывала восемьсот членов (Киев имел 348), было создано четыре городских района, издавался и распространялся орган «Большевик». Несколько слабее велась работа на Екатеринославщине—слишком мало было обращено здесь внимания на профсоюзы и на пропаганду в армии. Еще слабее шла работа на Харьковщине, благодаря частым провалам, арестам и пробравшимся в организацию провокаторам, вследствие чего Губпарком менялся очень часто, работа в профсоюзах почти совершенно не велась, хотя численно Харьков стоял в достаточной мере высоко, насчитывая в сентябре 308 членов в городской и 988 в губернской организации. Слабо велась работа на Волыни и Подолии, несмотря на то, что Волынская организация имела 20 ячеек с 343 членами. На Черниговщине партийная работа совершенно замерла. Там после неудачи Кропивнянского осталось всего 27 членов. За то лучше была поставлена работа в Луганске и на Полтавщине, где было 12 уездных организаций с 512 членами. Вообще работа

на Украине шла успешно, увеличивалась пропаганда в армии, главным образом в районах, где были австрийцы, возрастало влияние в профсоюзах, зарождались все новые и новые ячейки коммунистов, и ликвидировались прежние разногласия меж Екатеринославцами и Киевлянами.

Второй С'езд К. П. У., созванный в Москве 18 октября 1918 года, поставил себе задачей подвести итоги проделанной и разработать план дальнейшей работы. Он собрался тогда, когда реакция подготовлялась уже к открытой борьбе с Советской Россией, Гетман сговорился с генералом Красновым, чтобы совместно идти походом на большевиков. В Киеве состоялся в сентябре С'езд членов IV Думы и Государственного Совета, формировалась Астраханская армия, и в середине сентября состоялось об'единение аграриев с фабрикантами и банкирами из «протофиса», завершенное планами «Русского Государственного Союза». Меньшевики высматривали за новой оккупацией со стороны Франции, подготовляя «вольные боевые дружины», в Германии и Австрии началась революция, а «Национальный Союз» готовился к восстановлению прежней У. Н. Р., кокетничая с Французами в перегонку с меньшевиками.

Задачи С'езда было наметить пути дальнейшей тактики, чтобы ни в каком случае не допустить новой оккупации Украины, об'единения гетманщины с Донской белогвардейщиной и захвата власти «Национальным Союзом», об'единившим украинские партии.

На С'езд прибыло 114 делегатов от 110 парторганизаций, об'единявших 5014 членов. К. П. У. выступала на нем оперируя не только опытом отдельных товарищей и организаций, но и со своим собственным, всеукраинским. Правда, число членов ее не очень-то увеличилось за время от I С'езда, но зато окрепли ряды ее, закалились силы, выросла организационная сторона партии, хотя все же еще она болела областническим «самостийничеством», сепаратизмом и кустарничеством. Однако структура партии была уже готова несмотря на то, что неудача восстания Кропивнянского ударила-было по ней очень больно.

Казалось-бы, что старые разногласия меж сторонниками Екатеринославской и Киевской точками зрения ликвидированы. Однако, после доклада т. Пятакова о деятельности Ц. К. они вновь вспыхнули. Центром разногласий снова был старый вопрос тактики, в котором расходились Екатеринославцы с Киевской группой. Екатеринославцы, опираясь на неудачное восстание Кропивнянского, затеянное Киевлянами, резко критиковали политику Ц. К., стремясь провести резолюцию т. Квиринга, которой признавалось «политическое направление Ц. К. неправильным и организационная деятельность неудовлетворительной».

О задачах К. П. У. делал доклад т. Каменев, указавший на борьбу белогвардейцев с националистической мелкой буржуазией за власть, на опасность новой оккупации Украины; представитель Ц. К. Р. К. П., подчеркнул задачу К. П. У. не допустить такой оккупации, угрожающей российской революции вообще, не допустить об'единения монархистов из Украины с Красновым, а подготовлять силы, которые не будут «требовать

наступления на Стародуб, а пойдут туда и тогда, куда и когда им будут диктовать общие интересы революции»; ликвидировать отдельные выступления, а повести «активное братание с оккупационной армией с винтовкой против офицерства и с прокламацией для солдат в руке, массовый террор, с массовым разложением оккупационных войск». В дебатах, большинство получила резолюция т. Эпштейна, в которой говорилось следующее: «Основной задачей К. П. У. является об'единение Украины с Россией, углубление и расширение партийного аппарата, перенесение центра тяжести партийной работы на территорию самой Украины, концентрация партийных сил прежде всего в рабочих центрах, одновременно создание организованных и дисциплинированных боевых сил. Признавая необходимым массовый террор для ослабления врага, как и для утомления немецкой армии, в особенности же для уничтожения белогвардейцев, партия решительно и категорически высказывается против такой партизанской войны, главное в пограничной полосе, которая могла бы втянуть рабочих Украины и России в несвоевременное общее выступление. Во всей подготовительной работе партия должна опираться на силу пролетарской России, координировать и подчинять свои шаги Ц. К. Р. К. П. и только по соглашению с ним выбрать момент для общего выступления».

По отношению к Воен.-Рев. Комитетам постановлено, что «все ревкомы назначаются парткомами, которым они подчиняются и перед которым отчитываются, и делаются военно-техническими отделами паркомов. Членами ревкомов могут быть только коммунисты, технические функции можно поручать и беспартийным, левым эсерам и другим советским партиям».

По отношению к другим партиям, стоявшим на советской платформе, С'езд стал на той точке зрения, что постоянное сотрудничество с ними, и тем самым признание их, задерживало бы раскол, который шел в этих партиях. Поэтому—никаких постоянных отношений, а лишь техническая согласованность с отдельными организациями для отдельных операций.

Таким образом Екатеринославцы вышли теперь «победителями» во всех вопросах. Новый Ц. К., в который вошли т.т. Артем, Александр, Эпштейн, Затонский, Закс, Зимак, Квиринг, Николай Безчетвертной, Реут, Дробнис, Семен Шварц, Сталин, Тарский должен был положить начало новому курсу К.П.У., который порывал с повстанческим энтузиазмом киевлян, отбрасывал ориентацию на преждевременные эффекты, на крестьянскую стихию, но грешил за то в известной дозе игнорированием местных особенностей классовой борьбы и слишком большой осторожностью в организации восстания.

В партийное строительство С'езд не внес ничего нового. Перед его глазами стояла близость новой революции, на которую и было обращено все его внимание. Только был решен вопрос об уставе, для редактирования которого была избрана комиссия в составе т.т. Коссиора, Акима, Семена.

Новый Ц. К. на своих пленарных заседаниях 23 и 26 октября решил прежде всего поставить на ноги организационную сторону партийной работы. Вся работа была разделена на заграничную и на подпольную. Первой

должно было руководить Заграничное Бюро в составе т.т. Сталина, Квиринга и Артема (Сергеева), руководившее одновременно общей работой К. П. У. и на Украине. Работой на Украине, в частности, должно было руководить Исполнительное Бюро в составе т.т. Гладнева, Тарского и Эпштейна. Агитационно-пропагандистская работа была поручена т. Пятакову, а во главе Центрально-Военно-Революционного Комитета стали т.т. Ауссем, Бубнов и Пятаков. Для реорганизации губернских парткомов и проверки ревкомов в связи с одесской провокацией в октябре, которая развалила во время С'езда всю городскую организацию, были предназначены остальные члены Ц. К., которые должны были провести губернские конференции. Как было сказано, переизбранный Ц. К. взял новый курс в тактике К. П. У.

Медлительность и слишком большая осторожность Ц. К. была причиной того, что «Национальный Союз» взял на себя инициативу в свержении Скоропадского. «Национальный Союз» разобрался скорее в создавшемся положении, вызвавшем, вследствие разложения оккупационной армии, террор пьяного офицерства. Он выбросил из Белой Церкви лозунг всеобщего восстания, имея у себя под рукой полк сечевых стрелков, в то время, когда Ц. К. К. П. У. приступала лишь к организации ревкомов. Лишь после этого Ц. К. К. П. У. решился, наконец, нанести последний удар черной диктатуре. А в это время под знамена «Директории» собирались сотни тысяч повстанцев, на ее сторону переходили гетманские войска, и Петлюра повел уже даже осаду Киева, готовясь в'ехать в него героем дня.

20 ноября было создано Временное Рабоче-Крестьянское правительство Украины в составе т.т. Квиринга, Затонского, Коцюбинского, Аверина, Артемова, Ворошилова под председательством т. Пятакова. 23 ноября оно об'явило «Манифест к рабочим и крестьянам Украины». Только теперь партия принялась энергично за ликвидацию контр-революции, оказавшейся на этот раз под желто-блакитными знаменами Директории.

Однако в процессе этой борьбы на два фронта: против остатков гетманщины, искавших связи с Красновым и державшихся еще кое-где на немецких полках, и против Директории, в рядах К. П. У. вновь разгорелись разногласия между Екатеринославцами и Киевлянами, которые тяжело отразились на руководстве революционной борьбой. Екатеринославцы, имея за собой большинство в правительстве и в Ц. К., считали необходимым обходить борьбу с немецкими отрядами, ведя с ними лишь мирные переговоры, считали достаточным установления Советской власти на левобережьи в то время, когда Киевская группа добивалась ультимативного отношения к немецким частям, и похода на центр Украины—Киев. Все это вызывало отсутствие единой тактики и единой информации у местных комитетов, очутившихся во время восстания Директории меж молотом и наковальней. Ц. К. Р. К. П. вынужден был вмешаться в эти внутренние споры, и 30 ноября дал общую директиву тактики, но все же споры продолжались дальше до переезда Ц. К. и правительства из Курска в Харьков, пока Советское

правительство не было пополнено т.т. Магидовым, Межлаухом и Рухимовичем, а затем т.т. Хмельницким, Мещеряковым и Подвойским, и председателем, вместо т. Пятакова, т. Раковским.

Тем временем на местах, которые были далеки от этой фракционной борьбы в центре, шла дружная работа по созданию Советской власти, по возобновлению партийной работы в новых легальных уже условиях. Партийные Комитеты, отрезвившись сразу от повстанческой стихии, не ожидая информаций центра, начали организовывать против Директории Ревкомы, задачей которых было установление Советской власти на местах, организовывать на российский лад Комитеты бедноты для борьбы с контр-революцией, созывать губернские партийные конференции для реорганизации партийных организаций применительно к легальным теперь условиям существования и борьбы. В продолжение января и февраля такие конференции происходят по всей Украине, возобновляется и увеличивается партийная пресса. С переездом ЦККПУ и Советского Правительства в Харьков, с освежением состава руководящих сил в центрах пошла работа еще живее и на местах. Петлюровский фронт разваливался на глазах, разбегались или переходили на сторону Красной Армии петлюровские части и в феврале от него на Украине не осталось и следа: Киев был занят еще 4 февраля, а Директория спаслась бегством в Галицию. Украина постепенно очищалась от национальной контр-революции, которая желала снова возсесть после гетманщины.

IV

Теперь началась новая эпоха в истории КПУ, эпоха легального существования на Советской уже территории, требовавшей от партии новых директив, новой тактики,—требовавшей немедленного создания основ Советского строительства на Украине. Правда в декларации от 24/I Советское правительство об'явило принятую пленумом ЦККПУ платформу советского строительства: национализация промышленности, помещичьих и монастырских земель, введение общинной обработки земли, сельских коммун и Комитетов бедноты, огосударствление продовольственных заготовок и торговли, об'единение Украины с Россией на основе Социалистической Федерации, проведение всех декретов и законов Российского Совнаркома на Украине, создание основ Советской власти на местах в форме ревкомов,—однако эти общие временные постановления нужно было раз'яснить, подтвердить еще особыми положениями.

С другой стороны необходимо было окончательно решить вопрос об отношении КПУ к другим советским партиям, работавшим вместе против Директории. В «Бунде» наступил в половине января раскол, и левое крыло его, порвав окончательно с Директорией, приняло Советскую платформу, положив начало Еврейскому Коммунистическому Союзу, об'единившемуся в мае с левыми об'единенцами в Комфарбанд. УПСР еще в мае 1918 года раскололась на левых и центристов. Левые во время борьбы КПУ с Директорией создали свой Центр. Ревком, который боролся также с Петлюров-

щиной, стоя на Советской платформе. Нужно было теперь к этим новым советским партиям, да и к старым, как левые эс-эры, анархисты, меньшевики-интернационалисты, определить отношение КПУ в легальных условиях ее существования, определить отношение к их участию в строительстве Советской власти.

Еще более жгучим являлся вопрос намечения организационных форм самой К.П.У. в новых условиях работы, подробнее выяснить отношение к Р.К.П., которое до этого времени получило лишь общую формулировку. К тому же продолжались разногласия меж Киевской и Екатеринославской группами. На областном С'езде делегатов ячеек в Харькове Киевская группа в лице т. Пятакова подвергла резкой критике политику Ц.К. и правительства во время октябрьского восстания, упрекая их в соглашательстве с Директорией. Все это тем более подчеркивало необходимость созыва сейчас-же после освобождения Украины III С'езда К. П. У. для того, чтоб положить конец бесконечным спорам обоих течений, которые были еще понятны раньше, как результат эмиграншины и подполья, но которым не должно быть места теперь, и разрешить в деталях основы Советского строительства и дальнейшего строительства К. П. У.

III Конференция К.П.У. состоялась 1 марта 1919 года в Харькове; в ней принимало участие 199 делегатов от 16363 членов по норме представительства—1 делегат на 100 членов. Харьковский легальный С'езд был, как и нужно было ожидать, бурным. Можно было надеяться, что Киевская группа будет иметь случай подвергнуть нападению екатеринославцев за неудачное октябрьское восстание. Так он и прошел в первой своей половине, когда шли дебаты о деятельности Ц.К. и правительства после докладов т.т. Квиринга и Раковского, за то дальше шел он уже более деловито. Это об'ясняется тем, что в С'езде принимало участие много членов, стоявших в стороне от споров обеих групп, что он не носил такого эмиграционно-конспиративного характера, как предыдущие, что делегаты были еще под свежим впечатлением освобождения Украины, чувства победы партии над контр-революцией, чувства роста К.П.У., выросшей через несколько месяцев втрое, и разложения мелкобуржуазных партий, раскалывающихся одна за другой и переходивших на сторону большевиков. С сознанием важности своих задач в строительстве Советской власти, в сознании ответственности перед трудящимися массами, распознавшими двуличность петлюровских богомольных воззваний и признавшими Советскую власть своею властью, потухли фракционные страсти, разгоревшиеся в начале С'езда.

Если на II Конференции представителем от Ц.К.Р.К.П., стремившимся примирить обе группы, явился т. Каменев, то теперь был т. Свердлов. На критику т.т. Пятакова, Бубнова и Затонского, что Ц.К. совершенно не ориентировался в массовом движении Украины, что он не проявил никакой инициативы и даже не осведомил широкие массы, за что борется наша партия, что борьбу с Директорией повели по собственному почину места в то время, как Центральный Комитет хотел согласиться с фактом занятия Киева

Директорией,—т. Свердлов указал, что хотя и было ошибкой со стороны Ц.К. выпустить инициативу из своих рук, но нельзя назвать ошибочным того, что красные войска вместо Киева пошли на Донбасс, ибо как раз благодаря этому не было допущено соединение красновских банд с гетманскими, что входило в планы белогвардейцев, назначивших было даже генерала Деникина командующим об'единенными силами.

Всетаки резолюция т. Пятакова, подчеркивавшая неправильность политики Ц.К. Конференцией была принята громадным большинством голосов. Конференция выразила, таким образом, свое согласие с позицией Киевской группы, которая еще раньше провела в президиум одних Киевлян: Пятакова, Бубнова, Иванова, Затонского, Ауссема.

Дальше работы Конференции пошли уже спокойно. В президиум были избраны дополнительно на очередном заседании также представители Екатеринославской группы: Квиринг, Ворошилов и Эпштейн.

Работа конференции разбилась на три основных вопроса: советского и партийного строительства и отношения к другим партиям. По Советскому строительству на очереди стояли вопросы конституции, земельный, военный, профессиональный, продовольственный. Относительно конституции У. С. С. Р., после доклада т. Хмельницкого, развернулись дебаты об основных положениях конституции У.С.С.Р. и о взаимоотношениях ее с Р.С.Ф.С.Р. Докладчик предлагал особую конституцию, однако по предложению т. Сверлова большинство С'езда стало на ту точку зрения, что в основу конституции У.С.С.Р. следует положить в целом конституцию Р.С.Ф.С.Р. принятую V Всероссийским С'ездом 10 июля 1918 г., чтобы тем самым под черкнуть тождественность задач, стоящих перед обеими федерирующимися республиками. В принятой резолюции, дополнявшей постановку этого вопроса на I С'езде К.П.У , Украина об'являлась союзной автономной республикой во Всероссийской Федерации с особым ВУЦИК'ом и Советом Народных Комиссаров.

По земельному вопросу, по которому докладчиком выступал т. Мещеряков, после коротких дебатов были приняты единогласно принципы национализации земли, об'явленные уже раньше в Декларации от 16 февраля. Частная собственность на землю уничтожалась, отнималось право частного распоряжения землей с передачей его исключительно в руки государства; земли, превышающие трудовую норму, конфисковывались, организовывались совхозы, сельско-хозяйственные коммуны, коллективная обработка земли отдельными хозяевами, организовывались комитеты бедноты.

В связи с земельным вопросом конференция также почти единогласно решила, что в продовольственной политике «необходимо в корне заменить капиталистический товарообмен социалистическим распределением продуктов, выполняемым исключительно государственными продовольственными органами, призванными бороться с продовольственной разрухой». Монополия распределения продовольствия, строгий контроль над добытыми продуктами, национализация крупной торговли и постепенно мелкой, заготовка по твердым ценам, принцип разверстки,—вот те основные положения продовольственной политики, которые были приняты конференцией.

Приняв после доклада т. Бубнова постановление о введении всеобщей трудовой повинности, о беспощадной борьбе с контр-революцией, о расслоении села и уничтожении кулацких элементов при помощи Комитетов бедноты и крестьянских коммун, конференция далее наметила основы формирования трех украинских армий и методы борьбы с остатками контр-революции, поддерживаемыми французским дессантом в Одессе. Особо стоял вопрос профессиональной работы и отношения к другим партиям.

В профессиональных союзах все же значительный вес имели меньшевики, благодаря тому, что К. П. У. обратила мало внимания на профессиональную работу. Указывая на это упущение, конференция приняла следующее постановление: «В настоящее время, когда во главе профессионального движения стоят партии, которые несогласны с экономической программой и политикой Советской власти, задача активного участия профсоюзов в организации и управлении, как отдельными отраслями народного хозяйства, так и всей экономомической жизнью Украины не может быть выполнена до того времени, пока во главе движения не станет партия революционного пролетариата. Все комитеты партии должны повести кампанию за получение большинства во всех органах профессионального движения, создавая с этой целью при каждом союзе партийные ячейки и руководя их работой. С'езд считает неотложнейшей задачей обратить все внимание на организацию пролетарских и полупролетарских союзов в селе, содействуя всеми средствами организации профсоюзов сельскохозяйственных рабочих».

По выслушании доклада т. Эпштейна о том переломе, который переживают некоторые мелкобуржуазные партии, а именно: борьбисты, боротьбисты, бундовцы, об'единенцы, с'езд постановил: «никакого соглашения и контакта с такими мелко-буржуазными партиями, как меньшевики, правые эсеры, незалежники, левые эсеры!» Признавая возможность, необходимость совместной работы с Еврейским Коммунистическим Союзом и принимая во внимание в то же время, что основой Еврейского Коммунистического Союза является масса городских ремесленников, не стойких и постепенно утрачивающих влияние мелко-буржуазной идеологии, является невыгодным предпринимать шаги к организационному сближению и слиянию Евр. Коммун. Союза с К. П. У. Несмотря на то, что Еврейский Коммун. Союз и укр. левые соц.-революц. признают Советский принцип и стремятся даже к слиянию с К. П. У., они не могут еще принять диктатуры пролетариата со всеми ее последствиями и потому никаких ответственных руководящих мест нельзя еще давать их представителям.

Последним вопросом было партийное строительство. В этом вопросе конференция должна была дать точно установленные организационные формы, дабы покончить с практикующимся все еще кустарничеством, сепаратизмом и провести принцип централизации в руководстве всей работой, определить точно отношение советских органов к партийным. Резолюция, принятая по обстоятельному докладу т. Квиринга, ликвидиро-

Центральный Комитет КП(б)У, избранный на 5-ой Всеукраинской Партконференции

1-й ряд (слева направо Затонский, Ворошилов, Кон, Молотов, Лебедь, Минин, Кин.—2-й ряд: Шумский, Чубарь, Петровский, Раковский, Фрунзе, Мануильский, Николаенко.—3-й ряд: Андрей Иванов, Пятаков, Харечко, Аверин

вала бывшие областные комитеты, К. П. У. сама должна была стать теперь областной организацией Р. К. П., Центральному Комитету которой подчиняется Ц. К. К. П. У, работающий в общих рамках программы Р. К. П., которую должен был утвердить 8 С'езд Р. К. П.

Согласно постановления С'езда высшим органом К. П. У. должна была быть. Всеукраинская партийная конференция К. П. У, созываемая через каждые полгода, а руководящим органом К. П. У. должен быть Ц. К. К. П. У., состоящий из 15 членов, разделяющихся на полит-бюро и орг-бюро. На местах высшими партийными органами являются губернские партконференции, которые должны созываться каждые три месяца, и губернский партийный комитет из 5—9 членов. В уездах собираются уездные совещания и работают уездные парткомы, а далее районные и волостные собрания с районными и волостными комитетами.

Существовавшие до сего времени особые городские комитеты вливаются в обще-губернскую или уездную организации. При губернских парткомах создаются особые отделы: организационный, агитационный, пропагандистский, издательский и военный. Партийные комитеты несут ответственность за работу исполнительных Комитетов Советов перед партийными конференциями и перед Ц. К. К. П. У. Кроме обыкновенных членов при партии учреждается институт сочувствующих, которые организуются при ячейках. При волостных комитетах создаются организации сочувствующих в форме Комитетов бедноты. Для принятия в число кандидатов необходима рекомендация двух членов партии с не менее, как полугодичным партийным стажем.

Каждый, кто стремится вступить в партию, обязательно должен пройти кандидатский стаж, который определяется для интеллигенции в пол года, а для других профессий в три месяца. Выборами делегатов на VIII С'езд Р. К. П. и членов Ц. К. К. П. У. закончились работы III конференции, которая, говоря словами т. Пятакова «раз навсегда покончила с фракционностью Екатеринославской и Киевской групп». Новый Ц. К., в который вошли т.т. Пятаков, Раковский, Ворошилов, Квиринг, Хоречко, Коссиор, Аким, Ян, Гамарник, Мещеряков, Иванов, Хмельницкий, Дробнис, Рафаил (Фарбман), Затонский, избрано было уже не по фракционной принадлежности, а из выдающихся партийных работников. Состав его предвещал наилучшую работоспособность, был залогом того, что К. П. У. действительно является одной организацией, единым организмом, стоящим во главе революции, сознающим свою историческую задачу и свою величайшую ответственность.

Новый Ц. К. не обманул надежд, возложенных на него не только С'ездом К. П. У., но и всей Советской республикой. Изгнав из своих рядов прежние разногласия, Ц. К. принялся сразу весьма энергично за работу, опираясь на постановления III конференции С'езда К. П. У. и VIII С'езда Р. К. П., на котором от Украины присутствовало 24 делегата.

Прежде всего пошла работа по организации партии согласно постановления III С'езда К. П. У. и VIII С'езда Р. К. П. о партийном строительстве.

Проводя в жизнь принцип строгого централизма и строгой партдисциплины, обязательности исполнения распоряжений высшей инстанции нисшею, планомерный учет и распределение партийных сил через Ц. К., партия принялась за основную реорганизацию партаппаратов. Раньше еще, до С'езда К. П. У., была начата эта реорганизация в самой Ц. К. К. П. У., где было ликвидировано Заграничное и Исполнительное Бюро. Теперь, согласно постановления С'езда К. П. У. и VIII С'езда Р. К. П., подтвердившего существование К. П. У., как областной организации в рамках единой централизованной Р. К. П. под единым общим руководством Ц. К. Р. К. П., были уничтожены существовавшие до того времени отдельные областные комитеты на Украине, оставив на их месте лишь губернские и нисшие парткомы, подчиняющиеся областному Ц. К. К. П. У. Для ведения текущих дел Ц. К. был создан Секретариат Ц. К. во главе с т. Пятаковым, для организационных дел было создано Оргбюро в составе трех товарищей: Пятакова, Акима и Тараса Харечко (вместо них в мае были назначены т. Коссиор, Харечко и Петровский), а для политических важнейших вопросов—Политбюро в составе т.т. Пятакова, Квиринга, Раковского, Мещерякова и Бубнова; для ведения правильной пропаганды при Ц. К. была создана редакционная коллегия с т. Пятаковым во главе, затем военный отдел, секция национальных меньшинств, коллегия по работе среди женщин. Одновременно усиленным темпом шла на местах реорганизация местных комитетов, начиная с губернских и кончая уездными и районными.

С такой же энергией шла также работа по Советскому строительству, в согласии с основами конституции о С'ездах Советов и о губернских, уездных и волостных исполкомах, в согласии с основами земельной, продовольственной, профессиональной и военной политики, принятой на С'езде К. П. У. и на VIII С'езде Р. К. П.

Тем временем, с переездом Советского правительства и Ц. К. К. П. У. из Харькова в Киев стали вновь возобновляться старые споры в партийных рядах.

Опять начались разногласия между Екатеринославцами и Киевлянами. Екатеринославцы добивались, чтобы центральные органы оставались в Харькове, в рабочем центре, Киевляне снова отстаивали красную столицу в Киеве, который имел за собой исторические права на центр Украины. Были и другие разногласия.

Для улажения этих споров, и для руководства борьбой с атаманщиной в мае месяце Ц. К Р. К. П. прислал на Украину т.т. Троцкого, Каменева и Йоффе.

На историческом об'единенном заседании Ц. К. К. П. У. с делегатами Ц. К. Р. К. П. 19 мая 1919 г. в Киеве разногласия эти были ликвидированы авторитетом Ц. К. Р. К. П., а для единообразных с Р. С. Ф. С. Р. действий против контр-революции решено было изменить существовавшие до этого времени конституционные взаимоотношения У. С. С. Р. с Р. С. Ф. С. Р., ликвидируя отдельный Украинский фронт и отдельную Украинскую армию и подчинив ее непосредственно Реввоенсовету и Главнокомандующему Р. С. Ф. С. Р., об'единить Украинский Совет Народного Хозяйства,

военный, финансовый и железнодорожный комиссариаты с российскими, создать чрезвычайный орган—Совет Обороны Республики с т. Раковским во главе, Украину разделить на три военных округа—Киевский, Одесский и Харьковский, оставив временно четвертый округ—Донбассовский под своим особым командованием и особым Реввоенсоветом во главе с т. Ворошиловым и решительно бороться с национальной нетерпимостью отдельных членов К. П. У.

Напряженными усилиями удалось атаманщину временно ликвидировать, но тем временем грянула новая опасность со стороны Деникина и Петлюры.

V

Наступление на Украину Деникина, который уже 25 июня занял Харьков, и одновременно Петлюры со стороны Каменца в июле в направлении Жмеринка—Киев было окончанием эпохи легального существования К. П. У. на Советской территории Украины. Не успела К. П. У. как следует развернуть свою работу, намеченную обоими С'ездами, К. П. У. и Р. К. П., которая должна была быть основным поворотным пунктом в развитии К. П. У., не успели подвести итоги первой легальной работы с ее неминуемыми ошибками в сложных условиях строительства Советской власти и в сложных отношениях—как снова пришлось идти в подполье, на эмиграцию, снова запустить едва начатую работу подобно тому, как это было перед немецкой оккупацией.

Эти эвакуации Украины и были причиной того, что здесь всегда нужно было начинать работу сначала, каждый раз в новой обстановке, что К. П. У. не могла собрать достаточно опыта из советской практики, как это имело место на севере, в России, где с 1917 года подводились итоги собранным на практике опытам, исправлялись ошибки,—словом, где были более благоприятные условия для того, чтобы учиться строить советское государство, где они были более просты для ее осуществления, где шире и дальше развертывались перспективы для руководителей классовой борьбы, чем все это было на Украине. Там контр-революции не помогали сложные национальные, партийные и экономические отношения, там не было этого исторического романтизма, который охарактеризовал К. Маркс в своем «18 Брюмера» и который так близко напоминает Украинский национальный экстаз.

Это и было причиной, почему на VIII С'езде Р. К. П. так остро был поставлен вопрос о централизации Р. К. П., почему резолюцией С'езда было решено, что об'единение советских республик следует построить на строго централизованных принципах, а партию—в рамках единой Р. К. П. с единым руководящим Ц. К., который бы направлял всю партийную работу единообразно во всей федерации Р. С. Ф. С. Р. и решения которого безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от их национального характера. Без этого централизованного руководства отдельные областные организации в отдельных федерирующихся республиках не были бы в состоянии справиться с контр-революцией, которая умело наступала со всех сторон разными дорогами и различными способами.

Эту историческую задачу исполняла Р. К. П. по отношению к К. П. У., сохраняя ее силы для того, чтобы они не утонули в местных противоречиях, в местных напраслинах, всегда направляя ее на ровную дорогу общереволюционного фронта, с которой она сбивалась на свои особые тропинки.

Наступление Деникина и Петлюры было большой угрозой не только Украинской революции, но и общероссийской. Особенно опасен был Деникин, который через Украину шел на Москву. Против него нужно было обратить все силы партии, что и было сделано в начале июня об'явлением всеобщей мобилизации членов К. П. У. Одновременно стали подниматься восстания атаманщины, меньшевиков, эсеров, анархистов и украинских партий, прокладывая путь Деникину и Петлюре. Советской власти вновь пришлось оставлять Украину. Началась третья эпоха борьбы за Советскую власть—эпоха деникинского подполья.

Однако К. П. У. стала перед этой трудной задачей не настолько ослабленной, как это было раньше, во время немецкой оккупации. В ее и без того многочисленные теперь ряды в половине августа влились еще члены Комфарбанда, на защиту Советской власти стали украинские боротьбисты, принявшие на своем С'езде в Киеве 6 августа платформу диктатуры пролетариата, об'единившись с левыми незалежными эсдеками в «Украинскую Коммунистическую Партию боротьбистов», на стороне большевиков стали еще на своем тогдашнем III с'езде в Киеве борьбисты, которые в мае также откололись от левых эсеров—активистов, происшедших от давней украинской партии левых эсеров.

Ц. К. К. П. У. подготовлялся к новой энергичной борьбе с белогвардейщиной и петлюровщиной. 28 июля было выделено из Ц. К. К. П. У. Зафронтовое Бюро в составе т. т. Коссиора, Дробниса и Рафаила, которое должно было нести все функции Ц.К; остальные члены Ц.К. были разосланы в отдельные армии на фронт и в подполье, куда были также распределены все поголовно мобилизованные члены К. П. У. Однако, враг наступал безостановочно. Пришлось покинуть Украину и переехать на территорию Р. С. Ф. С. Р. центральным органам К. П. У. и Советскому правительству. На оставленной Украине начала властвовать белая офицерня. 2 октября с согласия Ц. К. Р. К. П., куда для связи Зафронтовым Бюро были делегированы т. т. Раковский и Петровский (самое Бюро переехало в Чернигов, а оттуда в Серпухов), был распущен Ц. К. К. П. У., а все его функции целиком перешили к Зафронтовому Бюро, согласно решения Орг. Бюро Ц. К. Р. К. П. Дальнейшее существование Ц. К. К. П. У. потеряло теперь всякий смысл. Подпольной работой руководило Зафронтовое Бюро; оно же должно было руководить всей партийной работой.

Этот период работы Партии изобилует невероятными подвигами подпольных работников. Десятками и сотнями гибли от рук деникинских палачей-офицеров члены Ком. Союза молодежи и Ком. партии, предаваемые буржуазией.

Ни одна фаза революции на Украине не выявила столько продажности со стороны украинской контр-революции, столько беспринципности и лицемерия как это, деникинское подполье, во время которого белогвардей-

щина плевала в лицо мазепинцам; а «сторонники самостийной Украины кричали «ура» героям двуглавого орла, сторонникам единой и неделимой России».

Вскоре начался откат белых банд. За ними по пятам следовала Красная армия, а впереди им угрожали партизане.

11-го декабря был создан, вместо ранее распущенного Совнаркома, Всеукраинский Военно-Революционный Комитет в составе т.т. Петровского, Затонского, Мануильского, причем по одному месту было оставлено для представителей боротьбистов и борьбистов.

15 декабря в Москве состоялось совещание ответственных работников из Украины, Всероссийская Конференция Р. К. П., а одновременно совещание боротьбистов и борьбистов. Предметом совещаний было обсуждение дальнейшей политики на Украине, прошлая практика которой имела кои в чем промахи, как об этом мы уже говорили выше. На партийном совещании ответственных работников был принят проект декларации Всеукрвоенревкома «К рабочим и крестьянам Украины», в которой предусматривалось изменение прежней земельной политики в направлении обеспечения раздела меж безземельными и малоземельными крестьянами конфискованных помещичьих имений без всякого предворительного определения сверху форм пользования землею и гарантировалось свободное развитие украинской культуры. Одновременно на Всероссийской Конференции т. Ленин отметил прежние ошибки членов К П. У. в работе на Украине. Конференция приняла поправки к прежней практике Советской политики на Украине, оформив их известной резолюцией, в которой говорилось, что, закрепляя постановление, касающееся отношений УССР к РСФСР от 19 мая 1919 г., Конференция вменяет в обязанность всем членам Р.К.П. всеми средствами содействовать устранению препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры, препятствуя всяким поползновениям и искусственным путем отодвинуть украинский язык на второй план, и одновременно использовывая ее, как средство коммунистического просвещения трудящихся масс. Задачей Советской власти на Украине провозглашается завоевание себе доверия не только со стороны крестьянской бедноты, но и широких слоев среднего крестьянства. Сохраняя основные принципы продовольственной политики, как государственную заготовку хлеба по твердым ценам так и принудительную разверстку, необходимо способы ее проведения внимательно приспособлять к условиям украинского села, к интересам среднего крестьянства, строго отделяя его от кулацких элементов. Земельная политика должна проводиться с особым вниманием к интересам бедного и среднего крестьянства, а именно: полная ликвидация помещичьего хозяйства с передачей земель безземельным и малоземельным. Совхозы организовывать только в строго необходимых размерах, в соответствии с интересами соседнего крестьянства. В деле об'единения крестьян в коммуны строго проводить политику партии, которая недопустит никакого насилия, предоставляя это исключительно свободному решению самих крестьян и строго карая за всякие попытки навязывания им этого принуждением.

На упомянутом совещании партработников Украины решено было пока еще не восстанавливать Ц. К. К. П. У., а создать для подготовительной работы по созыву IV Конференции К. П. У. «Партийный Центр К. П. У.» в составе т.т. Раковского, Затонского, Коссиора, Мануильского и Петровского, который взял бы на себя руководство партийной работой в тяжелых условиях незакончившейся еще гражданской войны, вместо распущенного Зафронтового Бюро. Вслед за созданием Партийного Центра К. П. У. 4 января 1920 года было распущено Зафронтовое Бюро К. С. М. У. и создано до созыва II С'езда К. С. М. У. Центральное Бюро К. С. М. У.

Совещание боротьбистов и борьбистов дали свое согласие на присоединение к приготовленной декларации. В то же время Всеукрвоенревкома и послали в его состав своих представителей: боротьбисты—т. Гринька и борьбисты—т. Терлецкого.

Так закончился второй, наиболее тяжелый период истории развития К. П. У.

VI.

Коммунистическая Партия (большевиков) Украины возвращалась зимой 1919—1920 года на Украину с громадным опытом и при весьма благоприятных условиях. Начинался теперь третий период своего развития, период—всестороннего развития партийного аппарата, партийной пропаганды, период уже не борьбы за существование Советской власти на Украине, а за ее укрепление, за ее расширение, за ее углубление,—начинался период мирного строительства. Позади ее лежал опыт трехлетней бурной борьбы, основательно продуманный и проверенный партийным совещанием, Всероссийской Конференцией, и Всероссийским совещанием по работе в деревне, которое состоялось 19 ноября, и открыло перед К.П.У. почти совершенно до тех неиспользованное поле деятельности. Позади ее лежали бодрые постановления VIII С'езда Р.К.П. как организационного, так и программного характера, а перед нею стояли трудящиеся массы, ожидавшие прихода большевиков, окончательно уже изверившиеся в приманчиво-лицемерных «универсалах» и «положениях» как поборников «единой неделимой» России, так и независимой У.Н.Р. Справедливо заметил один из белогвардейских писак, что никогда еще население не ждало большевиков с таким нетерпением, не посматривало так часто на север, не идут ли красноармейцы, как в тот момент.

Этот перелом настроения трудящихся масс нашел свое яркое выражение в многочисленных партизанских отрядах, не дававших ни минуты покоя умирающему белогвардейскому дракону. Он нашел свое выражение и в дальнейшем разложении мелкобуржуазных партий и групп, в перемене образа мышления, если не всей, то во всяком случае значительной части украинской интеллигенции, полгода тому назад помогавшей атаманам организовывать погромы на невинную еврейскую бедноту городов и местечек. Одна из прежних опор украинской контр-революции, украинские незалежники с Мазуренком, Драгомирецким и другими, окончательно

порвали с головным атаманом и стали на Советскую платформу, основав в январе 1920 года «Украинскую Коммунистическую Партию». Правда, эта У.К.П. не порвала еще совершенно с националистическим самостийничеством, не приняла еще платформы диктатуры пролетариата в ее полной последовательности, но все же ее поворот был характерным для перелома в идеологии украинской интеллигенции после деникинщины и петлюровщины. Украинские боротьбисты, добивавшиеся в августе 1919 г. в Бюро III Интернационала признания У.К.П. боротьбистов «единственной представительницей Украинского пролетариата», окончательно признала необходимость центрального руководства революцией в Российской Федерации единой Р.К.П. при помощи национальных областных организаций и готовилась на будущем С'езде слиться с К.П.У.

Все это указывало на то, что курс К.П.У. в общем был взят правильно, несмотря на ряд промахов.

Прежде всего К.П.У. принялась за широкую партийную пропаганду и за восстановление и реорганизацию партийных комитетов. Еще 26 декабря 1919 года Партийный Центр назначил перевыборы парткомов. Кое где (наприм. в Харькове) проводилась партийная неделя с целью вовлечения в ряды К.П.У. новых кадров рабочих и крестьян-бедняков, устраивались субботники, организовывался Всеобуч, отряды особого назначения, широкие беспартийные конференции. 29 декабря был намечен план реорганизации губпарткомов с созданием при них отделов: секретариата, организационного агитационно-пропагандистского, по работе на селе, профессионального, по работе среди женщин и военного. Возобновила свой выход газета «Коммунист», как орган Ц.К.К.П.У., были выработаны инструкции по работе в ком'ячейках.

Возобновляя и расширяя партийную работу, К.П.У. не выпускала из рук инициативы и контроля над Советским строительством. С переездом в Харьков 4 января 1920 года Партийный Центр принял резолюцию об основах военной политики на Украине. 20 января были подробнее разработаны основы новой земельной политики, об'явленные впоследствии 5 февраля в форме «Закона о земле» 5 февраля. В этом законе говорилось, что «все трудовые хозяйства без различия категорий населения и форм пользования землей продолжают свободно пользоваться всей землей без всяких ограничений. Введение новых форм землепользования предоставляется свободной воле самого трудового крестьянства. Все нетрудовые земли переходят без выкупа в фонд для обеспечения в первую очередь безземельных и малоземельных крестьян и рабочих по нормам трудового обеспечения землей, остальная часть земли в размерах действительной потребности—в распоряжение органов Советской власти. Для борьбы с кулацким элементом в кооперации еще в январе решено было создать при губпаркомах отделы кооперации и одновременно стремиться к овладению разного рода кооперативными товариществами, об'единяя их в единую кооперацию потребительскую, обслуживающую широкие круги населения распределением предметов потребления по пайковой системе.

В феврале решено было организовать особую Трудовую Армию с особым Реввоенсоветом, с политотделами на правах губпарткомов, распустить Всеукрревком и восстановить 19/II деятельность В.У.Ц.И.К'а и Совнаркома. 14-го февраля Партийный Центр принял резолюцию о государственных взаимоотношениях У.С.С.Р. и Р.С.Ф.С.Р., опираясь на постановление от 19-го мая, в которой говорилось, что независимая У.Н.Р. являлась до сего времени псевдонимом власти международного империализма и при власти украинских социал-оппортунистов националистов Украина превращалась фактически в колонию иностранной буржуазии, а рабочие и крестьяне Украины в рабов международного империализма. Совершенное отделение обоих республик явилось бы только искусственным процессом, что стояло бы в противоречии со всей историей общей борьбы рабочих и крестьян и привело бы неминуемо к внутренней национальной борьбе и увеличению экономической разрухи на Украине и России. Для поднятия расшатанного хозяйства, а в частности угольной промышленности, была создана Трудовая армия, кончились первые вступительные работы К.П.У., Ц.К., которой был 19 февраля восстановлен: к членам бывшего Партийного Центра были добавлены т.т. Ворошилов, Пятаков, Сосновский, Бубнов, Иванов и Рафаил (Фарбман). Для проверки этих вступительных работ подготовительного характера и для намечения дальнейшей линии работы и была созвана на 16 марта 1920 года IV Конференция К.П.У., согласно принятого на предыдущем С'езде устава.

На конференцию прибыло 260 делегатов от 25247 членов и 8233 кандидатов.

Как видно из сопоставления теперешнего числа членов К.П.У. с тем, которое было во время третьего С'езда, К.П.У. выросла вдвое, отчасти благодаря партийной неделе. На конференции выступила Харьковская «оппозиционная фракция, которая, опиралась на свою численность (она располагала на Конференции 64 делегатами).

Моментом в ее совещаниях, вызвавшим общее воодушевление и прекратившим на время разгоревшиеся споры, было торжественное об'единение К.П.У. с У.К.П. (боротьбистов), которая, проводя одновременно и свою Конференцию, начав ее в Киеве, затем продолжая ее в Харькове, решила окончательно, целой организацией влиться в К.П.У., с согласия Бюро Коминтерна.

Разногласия начались уже при выборе президиума и усилились после доклада о деятельности Ц.К. и Советского правительства во время деникинского подполья. Харьковская группа критиковала политику Центрального Комитета Р.К.П. по поводу последних перемен в Зафронтовом Бюро, Партийном Центре и Ц.К.К.П.У., на отсутствие определенной политической линии у Ц.К.К.П.У., за отсутствие контроля работы на местах. Резолюция, предложенная В. Коссиором, которая говорила, что главная задача Ц. К. в отношении организации вооруженной борьбы с контрреволюцией, мобилизации партийных сил и приведении партийного аппарата на военное положение была исполнена удовлетворительно; но, что

с момента эвакуации—Ц.К., вся его работа находилась в руках отдельных членов Ц.К., состав которых самовольно менялся и которые не с'умели справиться с одной из важнейших задач подчинения партийных организаций и руководства всей работой на Украине,—была принята подавляющим большинством голосов при поименном голосовании.

С докладом по экономическоиу строительству выступил т. Сталин, предлагая тезисы Ц.К.Р.К.П., подготовленные к девятому С'езду Р.К.П. Тезисы эти являлись впоследствии основой резолюции девятого С'езда Р.К.П. по экономическому строительству. Содержанием их было: единство хозяйственного плана, мобилизация индустриального пролетариата, всеобщая трудовая повинность, милитаризация общественного хозяйства, переведение некоторых фронтовых частей на положение трудовых армий, строгий учет квалифицированных сил, введение премиальной системы в форме добавочного пайка, вертикальный централизм по линии главков, коллегиальность обсуждения постановлений при единоличии ответственности за выполнение хозяйственных планов, индивидуальный учет производительности труда, применение индивидуального премирования к административно-техническим спецам, особая милитаризация угольной промышленности и транспорта, как железнодорожного, так и водного.

Против тезисов Ц К. Р. К. П. выступила Харьковская оппозиция с докладом т. Сапронова и тезисами, принятыми на Харьковской Губернской Конференции 12-го марта 1920 г., в которых усматривалась склонность Ц.К.Р.К.П. будто-бы провести механическую военизацию хозяйства, парализующую работу партийных и Советских учреждений. Харьковская группа выдвигала с своей стороны принцип коллегиальности в ответственности и исполнении, принцип горизонтальной организации производства, вместо вертикальной, уравнение спецов с другими работниками хозяйственных учреждений. Она также выставляла положение, чтобы профессиональные союзы, как массовые экономические организации пролетариата в роль организаторов труда и производства, были привлечены к выполнению основных задач Социалистической революции под руководством партии. «Чтобы профсоюзам было передано фактическое управление хозяйством через соответствующие органы Советской власти, разрешение всех важнейших экономических вопросов и идейное руководство работой экономических органов совместно с Советами Народного Хозяйства. Свою резолюцию харьковцы провели большинством 118 голосов против 86.

Доклад о работе на селе сделал т. Раковский, а по связанному с ней продовольственному вопросу—т. Владимиров. Тезисы по земельной политике, основанные на резолюции Ц. К. от 20 января и закона о земле от 5 февраля, не вызвали особых разногласий. Зато план работы на селе, стремившийся к расслоению села при помощи Комитетов Незаможных Крестьян, вызвал со стороны харьковцев вновь горячие дебаты.

Т. Раковский, опираясь на выводы совещания по работе в деревне от 19 сентября 1919 г., на прошлый опыт К. П. У. на Украине, исходя из положения, что диктатура пролетариата, без овладения украинским

селом, является пустым звуком, указывал на необходимость уничтожения кулака при помощи процесса, происходящего в недрах села, а не путем приказов сверху. Для этого необходимо склонить на свою сторону середняка новой земельной политикой, об'единить на селе полупролетарские элементы для борьбы с кулачеством, создавая комитеты незаможных крестьян, которые одновременно были-бы рукой пролетариата, в борьбе с контр-революцией.

Т. Сапронов, предлагал покончить с неудачной политикой комитетов бедноты, а все внимание обратить на Сельские Советы, очищенные от кулацких элементов, при поддержке вооруженных отрядов внутренней охраны.

На этот раз харьковцы, однако, остались в меньшинстве и резолюция их получила всего 78 голосов против 121, поданных за резолюцию т. Раковского, дополненную еще постановлением об организации Сельскохозяйственного пролетариата в особые профсоюзы и об укреплении и чистке сельских советов и волисполкомов. В частности, следует еще вспомнить дебаты о продовольственной политике на Украине, в которых Екатеринославцы в лице т. Квиринга выступили со своими принципами, принятыми на Екатеринославской Губпартконференции 10-го марта, противопоставляя их предложенной резолюции т. Владимирова, опиравшейся на основы государственной заготовки и распределения продовольственных продуктов. Екатеринославцы предлагали сделать разверстку минимальной, а недостающую для проведения пайковой системы часть продуктов закупать у крестьян по вольным ценам, позволив крестьянам продавать излишки своего хлеба. Конференция, однако, высказалась большинством голосов против заготовки хлеба по вольным ценам и за строгую хлебную монополию, однако же против прежнего военного характера Опродкомгубов, против практиковавшегося до того времени параллелизма военных продорганов.

Вопросами партийного строительства IV Конференция совершенно не занималась.

Выборы делегатов на IX С'езд Р. К. П. и членов Ц. К. К. П. У. происходили в бурной атмосфере, приведшей к демонстративному уходу с конференции екатеринославцев и воздержанию при выборах только что вошедших в КПУ боротьбистов.

В члены Ц. К. К. П. У. были избраны: т.т. Пятаков, Петровский, Иванов, Затонский, Гамарник, Дробнис, Блакитный, Шумский, Рафаил, Сапронов, Ворошилов, Квиринг, Минин, Ганзей, Коссиор В., Харечко и Чубарь.

Избранный в такой обстановке новый Ц.К.К.П.У. не мог быть работоспособным, не пользуясь в общих условиях незаконченной борьбы абсолютным авторитетом среди партийной массы К.П.У. Поэтому избранный на IX С'езде Ц. К. Р. К. П. резолюцией своей от 7 апреля 1920 г. постановил созданный IV Конференцией Ц. К. К. П. У. распустить, исходя из положения, что вмешательство Ц. К. Р. К. П. во внутренние дела К. П. У. не только законно, но и необходимо,—особенно в том случае, если К. П. У., благодаря внутренним разногласиям, не в состоянии справиться с возникшими затруднениями.

Ц.К.Р.К.П. наметил новый состав Ц.К.К П.У. из т.т.: Артема, Блакитного, Залуцкого, Затонского, Коссиора С., Кона, Мануильского, Минина, Петровского, Чубаря, Раковского, Шумского и Яковлева.

VII

Меры Ц. К. Р. К. П. по отношению к К. П. У. уже в самом начале проведения их в жизнь дали доказательства оздоровляющего влияния их на болезненные настроения в рядах партии и быстрого изживания нездоровой атмосферы. Собравшийся 18 мая IV Всеукраинский С'езд Советов дал доказательства полного единства членов партии. Делегаты-коммунисты на своем фракционном заседании 18-го мая после информационного доклада т. Зиновьева вынесли резолюцию, которой меры Ц.К.Р.К.П. были признаны правильными, причем была признана необходимость строгой партийной дисциплины при проведении пролетарского централизма в партийной работе на местах. На нем единогласно было постановлено провести на IV С'езде Советов постановления IX С'езда Р.К.П. о работе на селе, о продовольственной политике и экономическом строительстве.

Во исполнение резолюции Ц. К. Р. К. П. от 7 апреля была об'явлена теперь на июнь перерегистрация членов К. П. У. Перерегистрация, проведенная основательно, подчистила ряды партии от негодного для нее элемента, отмечая в отдельных организациях от 10—40% членов из мещанского элемента.

Очистив себя от мещанского наноса, К.П.У. одновременно проверила организационный аппарат партии, перестраивая его применительно к партийному уставу, принятому на Всероссийской Конференции 15/II 1919 года, и применительно к резолюции IX С'езда Р.К.П. Для членов К.П.У. был введен точный учет не только их числа, но также их хозяйственно-организационного стажа и специальности, что весьма облегчало теперь Ц.К. проведение постоянных перебросок членов К.П.У. на работу по профессии, соответственно специальности. В основу учета членов К.П У. был положен принцип единого партийного билета. Для вовлечения широких партийных масс в Советское и партийное строительство путем подбора из них ответственных работников было заведено периодическое и постепенное передвигание партийных работников с работы менее ответственной и более узкой на более ответственную и более широкую. Для теоретической подготовки рядовых выдающихся членов партии на основах марксизма и Советского строительства в мае была основана в Харькове Центральная Партийная Школа, созданы были партийные школы и на местах. Но едва К.П.У. приступила к мирной работе, как с запада надвинулась новая буря, которая несколько затормозила выполнение намеченного партией плана и снова заставила взяться за оружие, снова мобилизовать своих членов на польско-петлюровский фронт. Однако, петлюровско-шляхетское наступление К.П.У. встретила совсем в иных условиях, чем наступление белогвардейщины в 1919 году. Партия не только была сильна внутренне, но и пользовалась большим влиянием в широких массах рабочих трудового населения и незаможного крестьянства.

И когда шляхетские полчища двинулись с петлюровскими агентами, широкие круги населения Украины, даже украинская интеллигенция, по крайней мере, в значительной своей части, стала на сторону большевиков. Поголовная самомобилизация IV С'езд Советов, на польский фронт была первым признаком того, что К.П.У. и Совѐтской власти не придется теперь снова уходить за границы Украины, а удастся организовать решительный отпор авантюре Пилсудского и Петлюры.

Еще 25-го апреля Всеукраинский С'езд рабочей кооперации доказал, что кооперация окончательно вырывается из рук украинского кулака, который до того времени крепко держался зубами за Центросоюз; точно также и предшествовавший ему 15 марта Всеукраинский С'езд профсоюзов и С'езд Уполномоченных Союздонбасса 25 апреля доказали, что меньшевистские крепости переходят одна за другой в руки большевиков и сочувствующих им.

Польское наступление было остановлено на Днепре силами рабочих и крестьян, и враг скоро был вынужден к поспешному отступлению под Варшаву. В то время, когда на фронте сдерживали шляхетское вторжение, рабочий аппарат К.П.У. не переставал функционировать в прежнем мирном направлении. В состав ее вошли 16-го июля борьбисты, расколовшиеся с синдикалистами.

Согласно резолюции Всероссийской Конференции от 20 сентября 1920 года о рабочем демократизме, Ц. К. К. П. У. циркуляром от 30 сентября 1920 года выдвинул перед партией новую задачу, а именно: «Поднять самодеятельность партийных организаций, оживить внутри партийную жизнь, наполнить ее конкретным деловым содержанием, поднять самосознание, самодеятельность и активность широких рабочих масс, вовлечь их в работу управления государством, старательно втягивая наиболее сознательных рабочих и беднейших крестьян в партию».

Введение института Контрольных Комиссий было завершением партийного строительства этой эпохи, начавшей в 1920 году новый период основательного партийного и Советского строительства. Перед Контрольными Комиссиями выросла теперь задача лечить этическую сторону партии от болезней, которые могли-бы вкрасться в оздоровленный организм К. П. У.

Созванная на 18 ноября в Харькове V Конференция должна была подвести итоги первого периода новой эпохи в работе и наметить пути дальнейшей деятельности, подготовив из своего опыта материал к X С'езду Р. К. П., который в свою очередь должен был дать в новых, мирных уже условиях существования Советской Федерации дальнейшие указания строительства.

Конференция состоялась в момент ликвидации Врангелевского фронта через месяц после первого С'езда незаможного селянства Украины и спустя две недели после С'езда работниц и крестьянок Украины. Впервые она собралась, празднуя всеобщую победу не только на кровавом фронте контр-революции, а, что важнее, победу упрочения идей Советской власти.

На Конференцию прибыло 342 делегата от 31065 членов и 10983 кандидатов, об'единенных в 1107 ком'ячейках. Прибыл на нее и председатель Исполкома Коминтерна т. Зиновьев.

Ц. К. К. П. У. получил одобрение своей прошлой деятельности, несмотря на проявление уклонов «рабочей оппозиции» и некоторых других.

После доклада т. Зиновьева о задачах К.П.У., об'яснявшего правильность решений Всероссийской конференции, и истолковавшего известные 21 тезис об оздоровлении партии, лидеры особых течений, выступавшие, было, с особыми содокладами и резолюциями: т. Перепечко от Харьковской «рабочей оппозиции», т. Харечко—от Донбасса, т. Блакитный—от автономистов, в большинстве состоявших из бывших боротьбистов, до голосования свои резолюции сняли.

Конференция приняла предложенную т. Зиновьевым резолюцию: «Одобряя меры борьбы с бюрократизмом, с неравенством в партии и чиновничеством, оторванностью верхов ее от рабочих и крестьянских масс, конференция принимает следующее постановление: возможно более частые собрания членов партии с участием ответственных работников с докладами по важнейшим вопросам и работе комитетов и с прениями по докладам. Кроме районных, созываются также делегатские собрания ежемесячно для обсуждения партийного и советского строительства. Подобные делегатские собрания должны проводиться в волостях, уездах, губерниях, независимо от Конференций. Обратить внимание на организацию партийных перерегистраций, на массовую пропаганду и массовые совещания агитпропов, проведение производственной пропаганды и двухнедельника по укреплению партии, подчинение П. У. Р. руководству Ц. К. К. П. У., широкая критика при помощи дискуссионных листков и на партийных собраниях местных и центральных учреждений и их работы, устранение назначенчества при помощи принципа подбирания и систематической переброски партработников с одной работы на другую. Широкая информация населения о Советском и политическом строительстве, регулярный созыв совещаний ответственных работников, прикрепление их к работе в фабричных, заводских, красноармейских и сельских ячейках, обязательное участие всех членов партии в субботниках, запрещение индивидуальных ставок и премий для ответственных работников-коммунистов, более внимательное отношение к работе профсоюзов при помощи назначений ответственных работников как в городские, так и в сельско-хозяйственные профсоюзы.

Доклады т. Владимирова по продовольственному вопросу, т. Чубаря—по экономическому строительству, т. Мануильского—о земельной политике основных изменений в прежнюю практику советского строительства не вносили. Принятые резолюции были только дальнейшим развитием основ, положенных с'ездом Р. К. П. и в соответствии с законом о земле от 5 февраля 1920 года. Конференция проявила решимость поднять отдельные производственные предприятия, как ударные и немедленно мобилизовать по предложению т. Троцкого из своего состава 10% на работу в Донбасс. Что касается аграрной политики, то все внимание было решено обратить на коллективизацию индивидуальных хозяйств, практикуя одновременно

и применение совхозов в качестве показательных хозяйств. Особо занялась конференция вопросом партийного строительства и партийной пропаганды. После доклада т. Коссиора и содоклада т. Шацкого о работе К. С. М. У., конференция, приняв предложенные резолюции, решила планомерно разделить работу на селе и заводах, развить возможно шире партийную пропаганду, создать ряд партийных школ, разработать подробный план партработы в соответствии с резолюцией об очередных задачах партии, произвести организационные изменения в конструкции Ц. К. К. П. У. и губпаркомов и лучше наладить связь с местами. Провести сближение войсковых ком'ячеек с гражданскими и войсковых парткомов с местными гражданскими паркомами, включить ком'ячейки ВНУС, Запармии, Трудармии, лазаретов, госпиталей и других учреждений армии, за исключением дивизионных и ниже, в местные парторганизации, координировать работу политотделов и политпросветов с работой парткомов и вообще теснее связать работу ПУР'а с ЦККПУ.

Проводя отдельно работу в милитаризованной промышленности при помощи политотделов, слива в то же время Горнотруд с Подонбассом, особо заняться работой в профсоюзах, укрепляя их фракции, ввести взаимные представительства в парткомы К. П. У и К. С. М. У. и взаимное информирование о своей работе, привлечь К. С. М. У. к общепартийной работе, содействовать К. С. М. У. материально и персонально, обязав членов КПУ до 20 летнего возраста непременно быть членами К. С. М. У. Выборами в Ц. К. и Ц. К К. закончилась деловая работа Конференции, положившая окончательно конец пережиткам фракционности. В новый Ц.К. были избраны т.т. Петровский, Раковский, Мануильский, Затонский, Фрунзе, Кин, Иванов Н., Иванов. А., Минин, Шумский, Ворошилов, Лебедь, Николаенко, Пятаков, Молотов, а в Ц.К.К.—т.т. Петровский, Кон, Скрыпник, Покко и Кузнецов.

VIII

Ликвидация врангелевского фронта 15 ноября, отказ Франции от дальнейшей поддержки белогвардейщины, ликвидация петлюровского фронта 22 ноября, заключение мирного договора с Грузией и Литвой, окончание мирных переговоров с Польшей в Риге 15 марта 1921 года, падение петлюровского «Совета Республики» в Тарнове и «Всеукраинского Национального Совета» в Вене после трехмесячного существования его, неудавшаяся попытка петлюровской группы создать «Республиканский Центр», раскол в украинских мелкобуржуазных партиях в эмиграции, рост среди эмигрантов оппозиции против петлюровщины,—все это вместе создавало новые условия работы на Украине, а одновременно свидетельствовало, что политика КПУ идет в общем по правильному пути, что Советская власть основательно закрепляется на Украине и приобретает все более и более широкое признание и доверие со стороны трудящихся масс.

С другой стороны, отдаление надежд на близость всеобщей революции на Западе, необходимость поднятия расшатанного хозяйства вынуждали К. П. У. в ее капиталистическом окружении пойти на некоторые уступки в прежней тактике в пользу мелкого предпринимателя, заставляли исполь-

зовать возможность международных хозяйственных отношений и усвоить капиталистические способы на основе государственного капитализма, как неизбежного этапа при переходе крестьянской, по преимуществу, страны к социалистическому укладу. Отсюда явилась новая экономическая политика, начавшаяся с курса на середняка путем закрепления земли на девять лет, с декрета о концессиях и аренде, с замены продовольственной разверстки продналогом и свободы оборота излишков сельско-хозяйственной продукции на вольном рынке. Начало поворота экономической политики в самом же начале вызвало, с одной стороны, дискуссию о роли и задачах профсоюзов при новом экономическом курсе и с другой—послужило причиной ликвидаторских настроений в вопросе о прежней политике на селе, главным образом в вопросе о существовании комнезамов.

Однако, в то время, когда дискуссия о профсоюзах, захватившая собой широкие круги рабочих масс, на десятом С'езде Р.К.П. окончательно ликвидировала разногласия—ликвидаторские настроения в вопросе работы на селе продолжали жить в рядах К.П.У., хотя и не вылились в те разногласия, какие возникли в связи с дискуссией о задачах профсоюзов. К тому же вновь нуждался в просмотре национальный вопрос в связи с экономической децентрализацией и хозяйственной самостоятельностью местных органов хозяйства, начала ощущаться нужда в перестройке партийных аппаратов, необходимость увеличения работы в Красной Армии и, что важнее всего—необходимость дать практические указания для проведения в жизнь на Украине тех постановлений X С'езда Р.К.П., которые послужили исходным пунктом в новой экономической политике и связанных с ней партийного строительства и пропаганды.

Для разрешения всех этих вопросов и было созвано 2-го мая Всеукраинское Партийное Совещание.

По вопросу о работе на селе Совещание признало необходимым сохранение института комнезамов для обеспечения правильного проведения в жизнь закона от 2 марта, и с целью не дать закрепиться в новой обстановке на селе кулацкому элементу, держа курс на середняка путем предоставления ему гарантии свободного распоряжения излишками на вольном рынке и охраняя его от непосильного бремени продналога путем строгого проведения принципа прогрессивности. В целях поднятия производительности сельского хозяйства, было признано необходимым об'единение незаможных элементов в производственные об'единения—трудовые артели и коллективы, предоставление им внеочередной и бесплатной помощи инвентарем и посевным материалом из созданного специально посевного фонда и уменьшение продналога. В вопросе экономического строительства Совещание стало на точке зрения комбинирования отдельных, дополняющих себя предприятий вокруг основных хозяйственных единиц, сдачи в аренду менее выгодных предприятий с оставлением за государством только наиболее выгодных предприятий, перенесения центра тяжести организационных работ на губэкономсовещания, предоставления местным экономическим организациям больше инициативы и самодеятельности, допущения свободного наемного труда, с сохранением в силе и на будущее обязательных государственных повинностей.

Давая возможность отдельным предприятиям свободного использования части материальных рессурсов, предоставляя свободное распоряжение излишками продуктов сельского хозяйства, отменяя ограничение заработной платы, допуская дальнейшее развитие децентрализации, путем перенесения центра тяжести распорядительных функций на губернские и уездные экономсовещания, Совещание остановилось перед необходимостью государственной регламентации товарооборота и производства.

В связи с этим вопросом Совещание определило задачу кооперации в новой политике, которая должна развиваться в трех направлениях сельскохозяйственном, кустарном-промышленном и потребительском. Являясь одною из форм государственного капитализма, кооперация должна быть посредником меж государством и частными контрагентами. При посредстве ее государство и отдельные предприятия могут выступать на рынке, а одновременно кооперация служит крупным орудием в борьбе с частным капиталом, спекулирующим на рынке. Признавая за ней право самостоятельного контрагента с заготовительными и производственными задачами, партия должна закрепить свое руководство кооперацией в низах ее при помощи комфракций, которые бы делали доклады наркомам о ходе своей работы.

В области партийно-организационного вопроса Совещание, проводя резолюции Р. К. П. о партийном строительстве, постановило перенести центр работы на производственные городские и сельские ячейки, обратить внимание на работу среди учительства и молодежи, создать точную статистику членов К. П. У., созывать всеукраинские совещания агитпропов и оргинстров, разбить городские районы на участки, усилить работу в Красной Армии, милиции, ликвидировать отделы по работе на селе, созывая периодически при оргинстрах одноименные совещания, создать волостные и районные сельские парткомы,

В заключение Совещание, обсуждая национальный вопрос на Украине, постановило—бороться как со всяким проявлением национальной нетерпимости в отношении украинской культуры, так одновременно и против националистических наклонностей, с какой бы стороны они не исходили.

Наметив, наконец, энергичную борьбу против бандитизма с помощью комнезамов и использования об'явленной амнистии ВУЦИК-а для раскаявшихся бандитов, против антисемитизма и религиозных предразсудков среди населения, против оппортунистических тенденций в самой партии,—Совещание на этом закончилось.

Мирное строительство второй половины 1921 года протекало в дальнейшем развитии нового курса, основанного не только на постановлениях Всеукраинского Совещания, но и Всероссийской Конференции от 25 мая, Всероссийского С'езда Советов Народного Хозяйства от 20 мая и декрета Совнаркома от 9 августа, в проведении в жизнь аренды, промыслового налога, отмене ограничения денежного обращения, вовлечении профсоюзов в активную работу по советскому строительству, организации комиссии

фондов заработной платы, введении коллективного снабжения, как основы тарифной политики. К. П. У. переносила центр своего внимания в сторону хозяйственного строительства.

Новый курс требовал пересмотра и очистки рядов партии от наносных элементов-попутчиков. Эта задача была выполнена чисткой и проверкой членов К. П. У., назначенной 21 июня на август 1921 г., согласно постановления X С'езда Р. К. П.

Одновременно К. П. У. перестроила свой аппарат. На совещании заведующих оргинстрами был выработан дополнительный план к постановлениям от 26 марта и 9 апреля, подготовлены инструкции о волпарткомах и упарткомах, о выдвигании партийных работников, их аттестации и обмене партработниками с К. С. М. У., о конфликтных под'отделах, об учетно-статистических под'отделах, об учете всех членов партии, об институте прикрепленных, о работе в ячейках, о комфракции в профсоюзах и, наконец, о взаимоотношениях меж городскими и военными парторганизациями.

Ведя беспощадную борьбу с бандитизмом, напряженную работу по собиранию продналога, интенсивно работая над руководством советским строительством,—а с другой стороны,—очищая свои ряды от чуждых элементов и поднимая политпросветработу среди отсталых членов партии путем организации единой политической партшколы, К. П. У. готовилась к подведению итогов своей работы на VI Всеукраинской Партийной Конференции, которая была назначена на 9 ноября 1921 года. В конференции принимало участие 339 делегатов от 68.092 членов К. П. У. Несмотря на то, что чистка партии из 97.321 членов и кандидатов К. П. У. отмела 22,5%, т.-е. 21.430 членов, все же численность этой Конференции, по сравнению с численностью V Конференции, выросла почти вдвое, давая этим лишнее доказательство громадного влияния коммунистической идеологии на широкие рабочие массы, давшие главный контингент партийцев руководящей революцией организации.

Конференция протекла уже под знаком новой экономической политики.

Мы не будем дольше останавливаться на ходе ея совещаний, на ее дебатах и резолюциях. В общем все это еще свежо в памяти широких партийных кругов: доклад т. Чубаря, указавшего на задачи промышленности в условиях новой экономической политики, на достигнутые результаты в направлении организации крупной и мелкой промышленности; доклад т. Гольцмана о работе профсоюзов и положении рабочих в условиях нового курса; доклад т. Мануильского, указавшего на упадок сельского хозяйства, на гибель инвентаря, на катастрофическое положение голодающих губерний, доклад т. Владимирова о продовольственном положении республики; содоклад т. Чиркина. Всем общеизвестны и постановления конференции, которые были директивами для работы в условиях нового экономического курса: организация крупной промышленности с помощью синдикатов и трестов на бюджетных основаниях, сдача в аренду менее выгодных предприятий кооперативам и частным лицам, свободный оборот на товарном рынке, ликвидация в предприятиях всяких комиссий, (расценочной, продовольствен-

ной), с оставлением при фабрзавкомах только комиссии по охране труда, производственно-техническую и культурно-просветительную и введение полной ответственности органов управления перед высшими органами, предоставление профсоюзам возможности активного участия в организации промышленности, в разработке производственных программ и конструкции органов управления, в регулировании тарифной политики, в улучшении положения рабочих и охране их интересов в частных предприятиях. Организация сельско-хозяйственной кооперации в направлении производственного процесса, коллективизация сельского хозяйства, очищение кустарно-промысловой кооперации от буржуазно-спекулятивных элементов, передача Вукопспилке торговой и заготовительной деятельности.

В направлении партийного строительства Конференция, проводя лозунг рабочей демократии, развития и закрепления пролетарской стойкости и эластичности партии, в то же время высказалась за безпощадную борьбу со всякими отклонениями от общеполитической линии, и централизацию руководства партией на основах строжайшей партдисциплины. Конференция постановила проводить кружковые занятия, проверять каждые три месяца состав ячеек и их деятельность, ввести точный учет и систематическую переброску партработников, организационное единообразие всех птрткомов при сокращении аппарата и укрепление инструкторского аппарата. Она поручила заведывание членов Ц. К. основными отделами Ц. К., определила партийный стаж для членов Ц. К., постановила углубить работу армии, на селе, в профсоюзах, установила гарантии при вступлении в кандидаты и в члены партии и ликвидированы конфликтные под'отделы. Наметив органическую связь с КСМУ, Конференция, приняв ряд конкретных мер в деле помощи голодающим, закончила свою работу.

В новый Ц. К. были избраны: т.т. Раковский, Петровский, Мануильский, Чубарь, Лебедь, Фрунзе, Иванов А., Кин, Кузнецов, Аверин, Пятаков, Квиринг, Кон, Гольцман, Поляков, Затонский, Скрыпник, Угаров, Коссиор, Рухимович, Клименко.

В Ц. К. К. были избраны: т.т. Покк, Затон, Щеглов, Грязев и Завицкий.

М. ЯВОРСКИЙ.

Три года в истории развития профессионального движения на Украине

Первые моменты в истории развития профессионального движения на Украине отличаются своеобразностью. До 1920 года, т.-е. до того времени, как профессиональное движение рабочих Украины влилось в русло Всероссийского профессионального движения, строительство профессиональных органов, их задачи, методы разрешения этих задач и общий темп их жизни были отличны от того, что переживало в эти годы движение на севере. Политическая история Украины в 1917, 18 и 19 годах наложила свой отпечаток и на профессиональное движение. Украина в течение трех лет была большой дорогой, по которой прошлись империалисты всех видов и оттенков: южные города видели на своих улицах и доморощенных националистов всех мастей, от Петлюры до Скоропадского—и западных завоевателей—немцев, австрийцев, французов, греков; кровавые страницы в нашу историю вписала и бесславная эпопея южно-русского правителя-генерала Деникина. Все эти перевороты, смены власти, смены политических режимов, которые происходили на Украине, находили свое отражение в формах строительства профессионального движения. Поэтому история борьбы украинских рабочих за свои профсоюзы представляет значительный исторический интерес.

I.

Февральская революция застала рабочий класс на Украине, за немногими исключениями, лишенным всяких профессиональных организаций. К февралю 1917 года по всей Украине существовало всего несколько союзов—главным образом, в крупных городских центрах. В Харькове, Киеве, Одессе существовали цеховые полу-союзы, полу-общества взаимопомощи приказчиков, конторщиков, бухгалтеров и т. д. В первые же недели после февральской революции начался стихийный процесс строительства профессиональных союзов. Первые организации, которые создавали рабочие в предприятиях—фабрично-заводские комитеты—первоначально были лишены того преимущественно профессионального характера, который им присущ сейчас. Они отнюдь не являлись чисто профессиональными организациями. В значительно большей степени они служили точкой приложения революционной энергии, накопившейся в недрах рабочей массы и первоначально устремившейся

к разрешению чисто политических проблем. Фабрично-заводские комитеты, как опорные ячейки Советов Рабочих Депутатов—таковы первичные, в достаточной степени примитивные в своей универсальности формы организаций, которые после февраля создал рабочий класс Профессиональная организация пролетариата началась непосредственно вслед за его политической организацией. В разных местностях в разных формах намечались пути, которыми шел процесс профессионального строительства. Во многих случаях опорными пунктами этого профессионального строительства становятся Советы Рабочих Депутатов, создающие при себе временные профессиональные центры в виде профессиональных комиссий. В других случаях профессиональные организации возникали с самого начала в организационно-обособленных формах—возникали постольку, поскольку в порядок дня ставились задачи экономической борьбы. В больших городских центрах Украины первичные организации союзов строились иногда по цеховому признаку и охватывали рабочих определенных профессий.

Начиная с апреля 1917 года, попутно с углублением строительства локальных союзов, начинается процесс согласования деятельности отдельных профессиональных об'единений—процесс в большинстве случаев продиктованный требованиями тактики экономической борьбы. По инициативе крупных и наиболее организованных союзов, созываются городские конференции и закладываются первые камни фундамента, на котором в настоящй момент построены наши межсоюзные об'единения. 8-го апреля собирается первая конференция профсоюзов в Харькове. Около этого же времени основываются Центральные Бюро Профсоюзов в Киеве и Одессе, несколько позже—в Екатеринославе, Полтаве и Николаеве.

На первых порах наиболее интенсивно пульс союзной жизни бился в первичных союзных об'единениях—профсоюзах. Центральные бюро профсоюзов должны были лишь на деле доказать свою жизненность и приспособленность к разрешению тех задач, которые в процессе медленного организационного развития поставило пред ними профессиональное движение Западной Европы. На первых порах роль Центральных Бюро сводилась к чисто инструктивным задачам: они должны были помочь строительству профсоюзов, но никаких прав в этот период своего существования они не имели. Лишь в вопросах более или менее общих для всей массы профессионально-организованных рабочих—как в вопросах юридической и медицинской помощи—Центральным Бюро отводилась некоторая доля деловой инициативы. Вмешательство их в важную по тому времени область экономической борьбы союзов сводилось к минимуму.

Но и в этих пределах межсоюзные организации далеко не сразу приобрели себе право называться руководящими органами профессионального движения. Этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что лето 1917 года на Украине (как и в России) было ознаменовано длительной и тяжелой борьбой между Центральными Бюро Профсоюзов и профессиональным движением в целом, с одной стороны, и выборными органами фабрично-заводских комитетов—с другой. В Харькове, в Екате-

риноcлаве и в других местах фабрично-заводские комитеты создавали свои выборные руководящие организации, перед которыми тоже ставилась задача согласования профессиональной деятельности рабочих организаций. Лето 1917 года было временем ожесточенной дискуссии на тему о преимущественных достоинствах той или другой формы организации рабочего класса, предназначенной для руководства экономической борьбой. В очень многих случаях (как, например, в Харькове) в Центральном Бюро фабрично-заводских комитетов верховодили анархисты и анархо-синдикалисты—это придавало особый привкус борьбе между обеими ветвями движения. В защиту необходимости создания, в противовес профессиональным организациям, специальной выборной организации фабрично-заводских комитетов выдвигались старые синдикалистские доводы, во многих случаях позаимствованные из эмигрантской практики вожаков этого движения. В этих случаях мы имели любопытный пример международного взаимодействия, при котором на русскую почву переносилась психологически вполне понятная реакция против оппортунизма, свившего себе прочное гнездо в профессиональном движении некоторых стран Западной Европы.

К средине лета 1917 года первичная организационная работа была уже проведена. В мае в Екатеринославе созывается Конференция заводских и рудничных организаций Екатеринославской губернии (в которую в то время входил и Донбасс), на которой ставится вопрос о широком экономическом наступлении и вырабатываются первые универсальные требования в форме общей прибавки к существовавшей в те времена заработной плате. На состоявшейся в июне третьей Всероссийской Конференции Профсоюзов участвовали также и представители Украины. Нельзя, к сожалению, точно сообщить, сколько именно украинских рабочих было представлено на 3-й Всероссийской Конференции и какие именно организации были на ней представлены—но так как были представлены союзы, находящиеся в 19 пунктах, то можно предполагать, что это представительство было достаточно широким.

Весь дальнейший период до конца 1917 года проходит в усиленном профессиональном строительстве. В течение лета складывается профессиональная организация донецких горнорабочих, окончательно оформляются цеховые союзы железнодорожных рабочих и в крупных центрах укрепляются Центральные Бюро. Спор между фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами постепенно разрешается в пользу последних. Параллельно с организационным строительством кипит в союзах и политическая жизнь—многочисленные политические события этого периода развития революции неизменно находят отклик в профессиональных союзах.

К сожалению, этот интересный период жизни наших профсоюзов документально в наименьшей степени освещен. Лихорадочный темп работы этого времени и общие условия явились неизбежными предпосылками к этому. Печатных материалов в это время выпускалось мало, хорошо поставленного делопроизводства не было, протоколы часто писались на клочках бумаги. Требуется длительная работа для того, чтобы систематически осветить этот период жизни и деятельности украинских союзов.

Роль союзов в подавлении корниловского выступления и в октябрьском перевороте достаточно известна. Вместе с Советами рабочих депутатов союзы явились тем резервуаром, в котором скопилась революционная энергия рабочих масс.

С октябрьской революцией Украина вошла в полосу гражданской войны. Хотя переворот и поставил пред рабочим классом с особенной остротой проблемы чисто политического порядка—революция не только не замедлила, но даже ускорила темп организационного строительства профессиональных союзов. В ноябре созывается областная конференция союзов металлистов Донецкого Криворожского бассейнов, избирающая временный областной центр—областное Бюро. В марте 1918 года созывается первый делегатский С'езд союзов горнорабочих и основывается областной центр союза горняков—областное правление «Горнотруда». Закладываются основы строительства по чисто производственному принципу мощных индустриальных союзов.

В течение всего этого периода развивается по всему фронту экономическая борьба. Бессистемные, часто стихийным порядком возникающие стачки лета 1917 г. мало по малу сменяются более организованными формами экономической борьбы, протекающими под лозунгом заключения коллективных договоров. Зимой 1917—1918 гг. заключается первый в России крупный областной договор между областным Бюро союза металлистов и союзом заводчиков металлургической промышленности Донбасса (Сметалл). Заключается договор между екатеринославским союзом металлистов и екатеринославским обществом заводчиков и фабрикантов (Заводосоюз). Ведутся переговоры о заключении генерального договора в горной промышленности. Заключается договор между одесским районным правлением союза металлистов и, так называемым, «Сопроюгом»—союзом одесских и николаевских промышленников. К концу 1917 г. рабочие Украины закрепляют ряд позиций в экономической борьбе, завоевывает права гражданства идея коллективного договора,—рост движения продолжается. В обстановке непрерывного сокращения промышленности и—в иных случаях—тайного, в других—явного саботажа фабрикантов, начинается эпоха рабочего контроля. Рабочие Украины делают первые шаги в трудной науке управления производством.

Если уже на третьей Всероссийской Конференции Профсоюзов, происходящей в июне 1917 года, союзы Украины были достаточно полно представлены—то на первом Всероссийском С'езде в январе 1918 г. это представительство еще более полно рисует рост профессиональных организаций украинских рабочих масс. Отдельные мелкие цеховые и локальные союзы и крупные производственные об'единения тесно связываются с Всероссийским профессиональным движением.

Но с этого момента профессиональному движению Украины пришлось пойти своим несколько отличным от Всероссийского движения путем. В марте и апреле правительство Центральной Рады штыками «дружественных иностранцев» оккупирует Украину. Наиболее активный элемент рабочего

движения меняет на винтовку свою политическую и организационную работу. Наступает период междувремения. Жизнь в профсоюзах временно замирает.

II

В начале второго периода развития профессионального движения на Украине профсоюзы и организационно, и политически были ослаблены эвакуацией лучших работников и временной реакцией в рабочих массах. Зато наиболее активно в первые же недели после ухода красных войск проявили себя элементы, дискредитированные в течение предыдущего периода работы—меньшевики и (отчасти) эс-эры. В тех местах, где после октябрьской революции еще сохранились меньшевистские правления союзов и центральные Бюро—они быстро оживали в атмосфере «нормальных» экономических взаимоотношений труда с капиталом, прикрытых фиговым листком петлюровской демократии. В тех же случаях, когда выборные органы союзов теряли большинство своего состава—из тех же элементов организовывались временные правления, организационные Бюро, и тому подобные органы.

Организационная связь профдвижения Украины с Всероссийским движением была порвана. Между тем об'ективная логика событий и деятельность представителей организованного в «Протофис» капитала все же выдвигала в порядок дня вопросы экономической борьбы. Вопросы об'единения союзной деятельности, несмотря на оппортунистические ее уклоны, не теряли своей злободневности. В первые же недели этого периода началась интенсивная деятельность по созыву Всеукраинской конференции союзов.

Общая политическая обстановка ухудшалась с каждым днем. В конце апреля буржуазно-демократическое правительство Петлюры уступило свое место помещичьему правительству Скоропадского. Реакция на всех парах закрепляла свои позиции и чем быстрее шло наступление капитала, тем быстрее подхлестывало растущее в рабочих массах оживление ведущих свою организационную работу меньшевиков. 21-го мая созывается в Киеве первая Всеукраинская Конференция профсоюзов.

На этой конференции было представлено 311 союзов, расположенных в 105 пунктах. Кроме того, было представлено 27 советов профессиональных союзов. Всех делегатов на конференции было 539, из них 443 делегата представляли 497.064 организованных рабочих, входящих в союзы 27 производств. Нет сомнения, что эти цифры, за которые несет ответственность президиум конференции, не вполне точно отвечают истине. Число организованных в профсоюзы рабочих на Украине в это время, по всей вероятности, было еще далеко от полумиллиона. Но не может быть также сомнения в том, что конференция представляла достаточно внушительное число профессионально организованных рабочих. В порядке дня конференции стоял целый ряд вопросов, касавшихся различных сторон союзной деятельности—в том числе доклады о тактике экономической борьбы, о свободе коалиции, о безработице и борьбе с нею, о коллективных договорах, о социальном страховании, о рабочем законодательстве, о врачебной помощи,

о кооперации, о задачах организационного строительства, о культурной работе, о национальном вопросе в профессиональном движении и, наконец, о государственном контроле, как методе регулирования промышленности. Перечень вопросов, поставленных в порядке дня конференции, сам по себе определенно указывает тот основной уклон, который постарались придать ее работам руководители конференции. Уложить наше профессиональное движение в рамки «европейского» опыта, перебросить мостик между организованным рабочим движением и буржуазным правительством, зарекомендовать себя, как легальную форму общественного движения перед новой властью—таков был багаж, с которым наши маленькие Легины думали вывести украинское профессиональное движение на новую дорогу. Следует, впрочем, признать, что кой-какие из тех оппортунистических задач, которые ставили себе граждане Гарви, Шатан, Наумов и другие, были выполнены. В частности, новая власть признала новое профессиональное движение.

Конференция, однако, не прошла под знаком разрешения исключительно узко-профессиональных задач. В порядке дня был заслушан также доклад о текущем моменте; в резолюции, принятой по этому докладу, меньшевики получили еще раз возможность написать свои десять заповедей, начиная с демократической республики и кончая учредительным собранием.

В важнейшем вопросе профессионального движения, наиболее волновавшем в то время рабочие массы,—в вопросе об экономической борьбе—конференция проявила максимум осторожности, поставив своей целью наиболее скромные задачи: сохранение 8-ми часового рабочего дня, признание принципа коллективного договора,—обойдя в то же время молчанием наиболее острый вопрос об уровне заработной платы. Конференция призвала рабочих с особой осторожностью относиться к стачке и прибегать к ней только в том случае, когда будут исчерпаны другие способы разрешения конфликтов.

Следует признать, что наряду со всей этой политикой, конференция, всетаки, сказала свое слово и в области организации профсоюзов. Избрав новый руководящий центр, так называемый, «Уцентропроф» и дав определенные указания союзам по вопросам их организационного строительства (размежевание и т. д.), конференция облегчила дальнейшую работу по собиранию разрозненных доселе сил в крупные боевые единицы. В течение ближайшего за Всеукраинской Конференцией периода союзы металлистов, горнорабочих и химиков также организовали свои областные центры; ускоренным темпом происходила мобилизация союзных сил на платформе строительства профессиональных союзов производственного типа. Создавались необходимые организационные предпосылки для возможности проявления активности в области экономической борьбы.

Летние месяцы 18-го года являются одним из наиболее интересных моментов в развитии профессионального движения на Украине. В то время, как соглашательская головка профессионального движения—выбранный на майской конференции «Уцентропроф»—прилагала поистине героические усилия к тому, чтобы добиться мирового сотрудничества с властью—

в низовых органах происходило накопление революционной энергии. В то время, как в Киеве, который избрал своей резиденцией «Уцентропроф»—происходили беспрерывные попытки мирного сотрудничества просвещенных социал-демократов с просвещенными черносотенцами из правительства Скоропадского—в это же время в Харькове, в Екатеринославе, в Донбассе, значительно больше испытывающие на себе нажим рабочих масс, меньшевистские же союзы вынуждены перейти к разработке планов наступления. Далее, одновременно с тем, как в Киеве при министерстве труда гетманского правительства заседает комитет труда—и в нем одинаково благожелательно настроенные к правительству деятели Уцентропрофа и представители организованного капитала спорят о «рабочих вопросах»—на востоке по копеечке собираются членские взносы и закладываются основы централизованных стачечных фондов. Те же меньшевики, сохранившие большие связи с об'единенными ими рабочими, об'ективной логикой событий принуждены организовать и регулировать движение в защиту завоеваний революции, которое широким фронтом разворачивается к осени 1918 года.

Еще летом, в июне и июле, в некоторых местах начались первые забастовки. Летом происходили стачки на заводе Русско-Французского Общества в Одессе, с июля началась упорная борьба в Юзовке на рудниках и заводах Новороссийского О-ва (длившаяся в течение почти 4-х месяцев). В июле на железной дороге происходит знаменитая всеукраинская стачка железнодорожников. С осени же начинается непрерывное организованное контр-наступление против зарвавшихся в некоторых местах фабрикантов.

Экономическая кон'юнктура далеко не облегчала разрешения выдвинутых союзами боевых задач. Государственное регулирование промышленности остается благим пожеланием майской конференции союзов—не столь опьяненные европейскими понятиями промышленники предпочитают каким-либо жертвам во имя «лучшего будущего» свободу действий на сегодняшний день. Угольная промышленность переживает жесточайший кризис, донецкие металлургические заводы работают с незначительной нагрузкой, безработица давит профессиональное движение Украины—и тем не менее на тех участках фронта, где стратегическая обстановка благоприятствует, рабочие переходят в наступление.

Застрельщиком выступает союз металлистов, ранее других создавший себе наиболее совершенные формы организации. Одну за другой он успешно проводит целый ряд стачек в тех местах, где положение наиболее благоприятно и где труднее всего сдержать рвущуюся наружу боевую энергию рабочих масс. Одна за другой проходят стачки в Юзовке, на Днепровском заводе—в селе Каменском, на заводе Французова в Бахмуте, на заводе Шапара в Харькове, наконец, на Харьковском паровозостроительном заводе. Разрешается в положительную сторону для рабочих ряд конфликтов в пищевой, текстильной и кожевенной промышленности. Осень проходит на Украине под знаком заметного оживления рабочей жизни.

Известно, что концентрированная экономика всегда проявляется в виде политики. Развивающееся экономическое движение украинских

рабочих должно было найти свое политическое выражение. Когда стало ясным, что рабочее движение Украины должно выйти на широкую дорогу политической борьбы, меньшевики попытались уложить его в прокрустово ложе борьбы за демократию. Поскольку было ясно, что сдержать растущее политическое движение рабочих нет возможности, что оно, родившееся в союзах и подогреваемое из подполья боевой партией пролетариата, рано или поздно вырвется наружу—меньшевики резонно рассудили, что лучше взять это движение в свои руки, чем дать ему перекатиться через их головы. Союзный аппарат, явившийся резервуаром, в котором скопилась революционная энергия масс, в этот момент сыграл несомненно об'ективно революционную роль—таков один из курьезов исторического развития...

Политическое движение рабочих выплыло наружу чисто стихийно. 7-го ноября в Харькове полиция арестовала правление союза металлистов. В ответ на это металлообрабатывающие заводы бросили работу. К ним присоединяются рабочие других предприятий. Стачка становится всеобщей. На пару дней город остается без света, воды и трамвая. Начинается паника. Полиция разбегается. Власть в городе разлагается. Нужна исключительная политическая «осторожность» организации, взявшей на себя руководство этим движением—харьковского комитета меньшевиков—чтобы признать, что момент «не подходит» для дальнейшего развития борьбы и что... необходимо стачку ликвидировать. Стачка сорвана, но ясно, как никогда раньше, выявляется отсутствие связи и взаимного понимания внутри профессионального движения, которое еще вчера казалось со стороны вполне монолитным. Профессионально-меньшевистские верхушки живут далеко не теми настроениями, что профессиональные низы; руководители профессионального движения, в целом чужды интересам и революционному энтузиазму об'единяемых ими масс. Все чувствуют, что один неосторожный шаг—и в вихре революционных событий руководители потеряют возможность руководить массами...

Меньшевики упорно борются за свое влияние, за свой авторитет Раз события назревают—нужно идти им навстречу—вот что определяет в этот момент их тактику. Гетманский режим гниет на корню—кто первый его добьет, тот возьмет в свои руки инициативу и преимущественное влияние на новую государственную власть и формы ее устройства. Профессиональные союзы очень деятельно готовятся к предстоящей политической борьбе. В Киеве созывается специальное совещание из представителей областных и губернских профессиональных организаций. Вырабатывается программа наступления – программа, в достаточной степени приправленная потускневшей демократической фразеологией. Вследствие ареста части этого совещания остатки его перебираются в Харьков, и на 20-е ноября назначается всеобщая политическая стачка. Эта стачка была проведена в достаточной степени организованно. Революционные призывы рабочими массами не могут быть поняты иначе, как сигнал к восстанию. По времени эта стачка совпадает с восстанием, так называемых, сечевых стрельцов в Умани, которое поднял Петлюра,—и под обрушившимися со всех сторон ударами падает гетманская власть.

Начинается следующий фазис. Меньшевики торопятся закрепить завоеванные ими демократические позиции. В Харькове созывается краевой рабочий с'езд, который, несмотря на присутствие в его рядах комфракции, охватывающей почти $^1/_3$ делегатов, твердо проводит старую демократическую платформу—от демократической республики до Учредительного Собрания. В это же время Петлюра созывает в Киеве так называемый «трудовой конгресс»—делает шаг в сторону от прямолинейной демократической программы и пытается открыть предохранительный клапан, через который нужно выпустить пары, готовые разорвать котел его государственной системы. Все эти мероприятия хронологически отстают от революционного календаря, начертанного неумолимой логикой развивающихся событий. В Донбассе разгорается гражданская война. Идея третьего фронта в этой гражданской войне все более и более тускнеет. В обстановке бушующей гражданской войны торжествует идея советской власти—красные войска занимают один город за другим—начинается новый период профессионального строительства на Украине.

III

Первые месяцы 1919 года в жизни профессионального движения на Украине проходят под знаком усиленной организационной перестройки. Профессиональные союзы стремятся в возможно более короткий срок времени впитать в себя весь опыт работы всероссийских профессиональных организаций, все то новое, что дал профессиональному движению севера прошедший 1918-й год.

Национализация промышленности и рабочая политика советской власти радикально изменили ту обстановку, в которой должны работать профсоюзы. Это требовало соответствующего приспособления форм организации, их строения, и методов их работы к разрешению новых задач. Союзный аппарат, существовавший к началу 1919 года на Украине и находившийся преимущественно в руках меньшевиков, был, конечно, чрезвычайно мало приспособлен к разрешению новых задач, поставленных перед профессиональным движением,—тех задач, которые выдвигались в ходе развивающейся социальной революции, но были органически чужды меньшевизму. Массы прекрасно учитывали значение старой пословицы, говорящей о том, что новое вино нужно вливать в новые же меха. Снизу, часто стихийным порядком, начинается процесс перевыборов руководящих союзных организаций. Во всех без исключения губерниях Украины в течение первых месяцев этого года коммунистическая партия закрепляет свои позиции в профессиональных организациях—позиции, временно ослабленные в период немецкой интервенции.

Наряду с этим чисто политическим процессом происходит интенсивный процесс организации в узко-профессиональном смысле этого слова. Профессиональные организации, ослабленные и распыленные в период острой гражданской войны, мало-помалу оживляются, укрепляют свой технический исполнительный аппарат, вливают новые соки в свою кровеносную систему.

Наиболее интенсивно происходит процесс восстановления крупных производственных об'единений. Профессиональный союз горняков, опорная база которого находится в Донбассе, явившемся ареной наиболее ожесточенной гражданской войны, больше всего пострадал в немногие недели переходного периода. В течение некоторого времени Областное правление Горнотруда, помещавшееся в Харькове, было целиком оторвано от главной массы своих членов, находящихся в Донбассе. Накануне занятия Харькова Советскими войсками, правление Горнотруда, учитывая неизбежный в ближайшем будущем отрыв его от своих низших органов, отправило часть работников Областного правления в Донецкий Бассейн, присвоив им функции и права временного окружного центра. Но эта часть работников правления, лишенная правильно налаженного технического аппарата и, вынужденная пытаться развернуть свою деятельность в обстановке ожесточенного террора со стороны обломков гетманской администрации и войсковых частей, находившейся тогда в стадии формирования добровольческой армии, разумеется, не могла сколько нибудь удовлетворительно выполнить возложенные на нее задачи. Подкрепив в некоторой степени наиболее слабые из своих районных организаций (Юзовский район, находившийся в наиболее тяжелых условиях экономического нажима со стороны администрации Новороссийского Общества),— временный областной Центр Горнотруда и сам не мог смотреть на свои задачи иначе, как на временный паллиатив. Поэтому роль его в собирании попавшего под удары политических событий союза была крайне невелика. В течение февраля и марта большинство работников Областного правления Горнотруда, в связи с передвигающейся линией фронта, приобрели возможность собраться вместе. Связь между Харьковом и рабочими районами несколько наладилась. В конце апреля является возможность созвать 3-й делегатский с'езд горнотруда, который окончательно закрепил областную организацию союза, избрал новый состав правления и закрепил связи с всероссийским профессиональным движением.

Не менее интенсивная работа по налаживанию связи с районами, по приведению в порядок всего союза и по одновременной перестройке его на тех основаниях, какие соответствовали бы разрешению новых профессиональных задач, происходит и у металлистов. В апреле был созван Второй Всеукраинский С'езд Металлистов, на котором был ликвидирован основанный первым с'ездом краевой союз рабочих металлистов Украины, после чего районные и городские отделения союза окончательно связались с Центральным Комитетом ВСРМ, находившимся в Москве.

В течение всего этого периода чрезвычайно интенсивная работа проводилась союзами и в области регулирования заработной платы. В этой области перед профсоюзами стояла чрезвычайно трудная и ответственная задача—перейти от тех форм регулирования заработной платы, какие были выработаны практикой капиталистических отношений во время немецкой оккупации в форме коллективных договоров, к новым формам государственного нормирования заработной платы через профсоюзы.

Перед союзами стояла чрезвычайно трудная задача унификации ставок, установленных целым рядом коллективных договоров, придания известной цельности тарифной сетке, переустройства на новых началах аппарата расценочных комиссий и т. д

В течение этого периода профессиональными органами на Украине был разработан ряд тарифов, составивших стройную систему нормирования труда. Наибольший труд представляла собою разработка и проведение тарифа союза горнорабочих. К этому времени нигде в России горняки не имели правильно разработанного тарифа. Достаточно подготовленного кадра союзных и, в частности, тарифных работников у горняков также не было. Возможность воспользоваться каким-либо другим материалом была крайне ограничена ввиду специфической структуры донецкой каменноугольной промышленности. Перед союзом горнорабочих также, как и перед всеукраинскими межпрофессиональными об'единениями, стояла чрезвычайно сложная задача. Для ее разрешения было признано необходимым поступиться некоторыми организационными принципами. По соглашению между союзами металлистов и горнорабочих была начата разработка единого для обоих отраслей тяжелой индустрии тарифа, охватывающего рабочих как металлургических, так и горных производств.

Помимо чисто организационных предпосылок, диктовавших необходимость создания об'единенного тарифа, наличие его весьма облегчило бы регулирование заработной платы в наиболее крупных предприятиях Донецкого бассейна, построенной как общее правило, по комбинированному признаку, где обе отрасли тяжелой индустрии чрезвычайно тесно переплетались между собой. Сохранение единого административного хозяйственного аппарата в таких комбинированных предприятиях делало чрезвычайно полезным и создание об'единенного тарифа и единство в действиях проводящих тариф организаций. Об'единенный тариф металлистов и горнорабочих после почти полуторамесячной работы был разработан и начал проводиться в жизнь.

Попутно с разработкой тарифа шла также крупная организационная работа по созданию тарифного аппарата, состоявшего из работников обоих союзов, который был бы достаточно компетентен и авторитетен в деле проведения нового тарифа. Тарифный аппарат, перед которым была поставлена задача проведения об'единенного тарифа металлистов и горнорабочих, возглавлялся центральным тарифным комитетом, находившимся в Харькове—по типу его конструкции были созданы также районные тарифные комитеты на местах. Об'единенный тариф металлистов и горнорабочих, который, кстати сказать, был полностью проведен в жизнь в тех районах, в которых существовала советская власть, заслуживает упоминания, как единственный в своем роде пример консолидации тарифной деятельности двух крупных индустриальных союзов во всей истории тарифного движения в России.

Помимо этого наиболее крупного тарифа, охватившего свыше 120.000 рабочих—профессиональными союзами Украины было разработано свыше 10-ти всеукраинских и значительно большее количество локальных тарифов.

Тарифная работа на Украине союзами велась в самом тесном сотрудничестве с Народным Комиссариатом Труда и его органами. В целом ряде других вопросов, касающихся социального страхования, рабочего законодательства, порядка разрешения конфликтов и т. д., союзы в течение всего указанного периода находились также в самом тесном соприкосновении с Комиссариатом Труда. Участвуя непосредственно как в представительных органах Наркомтруда (в Тарифном совете, в Комитете рабочего законодательства и т. д.), так и в бесчисленных комиссиях при нем или его местных органах, союзы отдавали не мало сил разрешению общих вопросов рабочей политики советской власти.

Новой задачей, вставшей в течение этого периода перед союзами, была и задача участия в работе по организации производства. В течение тех 8—9 месяцев, когда профдвижение Украины было оторвано от профессионального движения севера, политика советской власти успела пройти длинный и трудный путь от рабочего контроля к рабочему управлению. Почти поголовное бегство руководителей крупных промышленных предприятий с места в карьер поставило перед профессиональными союзами задачу управления брошенными на произвол судьбы фабриками и заводами.

Для регулирования всего народного хозяйства страны мало-по-малу создавался целый ряд регулирующих и управляющих хозяйственных органов. Ряд активных профессиональных работников, выдвинутых рабочей массой из своей среды в предыдущие годы, был привлечен к этой хозяйственной работе. Более того, в самих союзах часто обсуждались хозяйственные вопросы и намечались пути к их разрешению. Так в союзе металлистов еще в 1919 году была выдвинута идея, приобревшая себе права гражданства лишь почти год спустя,—идея концентрации хозяйственных и организационных усилий на немногих, наиболее крупных и значительных по своему экономическому положению предприятиях. Эта идея, как прообраз, ставшего впоследствии отличительным признаком целой эпохи нашей хозяйственной работы, принципа ударности—была предварительно разработана в форме создания замкнутого концентра части горных и металлических предприятий Донбасса и обслуживающих их второстепенных предприятий и железнодорожных магистралей—и не получила своего осуществления быть может только по причине надвинувшихся политических событий.

В первые же недели после освобождения Харькова ВЦСПС направил на Украину свое представительство, состоявшее из работников крупных производственных союзов и имевшее своей целью установление непосредственной связи с профессиональными организациями Украины и практическое разрешение вопроса о присоединении украинского профессионального движения к всероссийскому. По соглашению между этой делегацией и Уцентропрофом, находившимся в то время уже в Харькове, в состав Уцентропрофа была введена часть работников этой делегации, совместно был намечен созыв Всеукраинского С'езда Союзов и велась подготовка к созыву этого С'езда. С'езд был созван в конце апреля. Под'итожив в своих работах результат организационной и тарифной деятельности местных профессио-

нальных организаций в течение последних месяцев, С'езд, являвшийся безусловно первым по полноте представительством, об'единяемых украинскими профессиональными организациями, рабочих масс, твердо стал на точку зрения установления непосредственной связи с всероссийским профессиональным движением. С'езд постановил ликвидировать краевое профессиональное об'единение, существовавшее в лице Уцентропрофа, и, избрав 3-х членов в Президиум ВЦСПС, закрепил таким путем единство всероссийского профессионального движения. По примеру первого Всеукраинского С'езда Союзов ликвидировали свои областные центры и крупные производственные союзы.

Для об'единения деятельности профсоюзов на Украине ВЦСПС признал необходимым создать на Украине свое бюро, существовавшее вначале в Харькове, а потом в Киеве под именем Бюро Юга России. Но к моменту создания Бюро Юга политическая обстановка начала быстро ухудшаться. Создавшаяся в 1918 году добровольческая армия постепенно укрепляла свои позиции; в мае 1919 года началось движение Деникина на север. Разгоревшаяся гражданская война оттеснила на задний план задачи профессионального строительства. Задачи военной обороны Республики были поставлены во весь рост. Сообразно тому значению, какое приобрели эти задачи для всей дальнейшей истории рабочего движения России, и профессиональные союзы были вынуждены поставить их перед собой. Идея нейтрализма и аполитичности всегда была чужда российскому профессиональному движению.

В гражданской войне, которая развернулась в 1919 году, профессиональные союзы Украины заняли определенную позицию. Они бросили весь свой авторитет и всю свою организационную мощь на защиту Советской Республики. В ряде губерний происходят мобилизации членов профсоюзов и ответственных работников профдвижения, вливающихся в армию и крепко спаивающих вновь формируемые части.

Бюро Юга России создает Центральный Военно-Мобилизационный Комитет, через него поддерживает непосредственную связь с военным командованием и по мере приближения фронта все более и более переносит центр тяжести своей деятельности в чисто военную работу. Жизнь в профсоюзах в том виде, в каком она развернулась в первые месяцы 1919 года, замерла. Большинство профессиональных работников находится в Красной Армии.

В некоторых местах, как например, в Харькове, в момент наибольшей гражданской опасности, из активных работников профессионального движения составлялись целые части. Так был сформирован в Харькове 1-й батальон 2-го крепостного стрелкового полка, состоявший поголовно из мобилизованных профсоюзами активных союзных работников, принявший участие в боях на подступах к Харькову и понесший тяжелые потери. Первые же недели гражданской войны из рядов работников профессиональных организаций вырывают не мало жертв. Так были убиты в боях под Харьковом члены Областного Правления Горнотруда—Броварнюк и Карпенко, секретарь Харьковского союза металлистов Магидов и другие.

В упорной борьбе Красная Армия вынуждена шаг за шагом отступать все далее и далее. К августу месяцу почти вся Украина занята войсками генерала Деникина. Профессиональное движение, приглушено и разбито—события перевернули еще одну страницу в его истории.

IV

К моменту занятия добровольческой армией Украины в большинстве украинских губерний от союзов остались одни развалины. Наиболее активный коммунистический состав профессиональных работников или ушел с войсками, или вынужден был скрываться. Рабочие массы охватила совершенно понятная реакция усталости. Атмосфера бешенного террора только усугубляла тяжесть создавшегося положения. Выросшие как грибы после дождя, мелкие хозяйчики и крупные капиталисты усиленным темпом реализуют последствия благоприятно для них складывающейся политической кон'юнктуры.

В глубоком тылу добровольческой армии к этому моменту существовали некоторые профессиональные организации, игравшие, правда, чрезвычайно жалкую роль. В Ростове на Дону существовал совет профессиональных союзов, весьма мало чем проявлявший признаки своего существования. Наиболее прочно чувствовали себя профессиональные организации на Кубани, которая управлялась своей краевой властью, настроенной, вообще, и в рабочем вопросе, в частности, несколько более либерально, чем правительство Деникина.

Деятели профессионального движения, вольно или невольно получившие отставку в предшествовавший деникинщине период—из меньшевиков всех оттенков, не теряли времени для организации своих рядов. Крупную роль в этом сыграл Харьковский Совет Профессиональных Союзов, в котором и при советской власти в числе его руководителей сохранились некоторые выдающиеся по своей активности независимцы.

В первые же недели после оккупации Украины меньшевики, пытаясь наладить свою печать и усиленными нападками на Советскую власть и коммунистическую партию обеспечить себе право легального существования, повели усиленным темпом организационную работу по восстановлению профессиональных союзов.

В Харькове работники Совпрофа и некоторых областных производственных центров—в частности горняков и металлистов—созвали совещание с целью заложить основу организации профессионального строительства и наладить сколько-нибудь приемлемые с их точки зрения взаимоотношения с властью. В числе задач, поставленных этим совещанием, была, конечно, задача восстановления местных профессиональных органов и связи с северокавказским и донским профессиональным движением.

Меньшевики твердо держали курс на единую Россию. По особой организационной теории, которая в это время пользовалась в их кругах особенной популярностью—выходило, что по мере победоносного шествия

Центральный Комитет КП(б)У., избранный на 6-й Всеукраинской Партконференции

Пятаков, Кин, Лебедь, Николаенко Суханов, Владимиров, Поляков, Клименко, Чубарь, Квиринг, Харечко, Гольцман, Петровский, Раковский, Кон, Рухимович, Скрыпник, Симонов, Затонский

добровольческой армии на север—(а именно на это и только на это ориентировались руководящие группы меньшевиков)—профессиональные организации, созданные ими на юге, будут мало-по-малу «впитывать» в себя «освободившиеся от власти большевиков» профессиональные союзы севера—пока в конце-концов южные центры не займут освободившегося места всероссийских профессиональных об'единений Ориентация на победоносное завершение деникинской интервенции характеризовала всю практическую политику профессиональных союзов деникинской эпохи.

Момент созыва в Харькове организационного совещания, которое выделило из своей среды временное исполнительное бюро профессиональных организаций Юга России, сокращенно называемое «Югпрофом», совпал с приездом в Харьков одного из видных чиновников деникинского правительства, некоего Прядкина, избравшего своей специальностью рабочий вопрос. Этот Прядкин приехал в Харьков с целью выяснить, что осталось от профсоюзов, какова политическая платформа тех осколков профессионального движения, которые еще сохранились и какова возможность привлечения этих профессиональных организаций к работе по воссозданию «единой и неделимой России».

Руководители харьковского профессионального движения—того движения, которое существовало в этот момент—признали для себя возможным войти в переговоры с Прядкиным. Обходя стороной вопрос о степени активности участия профессиональных организаций в деле борьбы с большевиками (на этот вопрос, как мы увидим дальше, дала ответ их практическая деятельность), представители меньшевиков фактически признали приемлемой постановку вопроса о той или иной форме сотрудничества представляемых ими организаций с новой властью—и для начала выдвинули ряд требований, касающихся облегчения работы по восстановлению профсоюзов на местах. Делегация, отправленная Югпрофом к Прядкину, сообщила ему, что Югпроф считет необходимым введение по отношению к профессиональным союзам известных демократических свобод, которые бы дали возможность организовать рабочий класс—очевидно, на достаточно лойяльной, по отношению к новой власти, платформе. Прядкин, правда, разочаровал депутатов, сообщив им, что он никакими исполнительными правами не пользуется и может только передать эти «чаяния рабочих масс» своему правительству. Одновременно Прядкин сообщил, что деникинское министерство (так называемое «Особое Совещание») предполагает приступить к обсуждению и изданию ряда законов из области рабочей политики и что оно желало бы привлечь к обсуждению этих законов представителей рабочих.

Харьковские профорганизации с Югпрофом во главе использовали это приглашение в целях своей организационной работы. Они выставили требование о разрешении созыва Совещания профсоюзов, на котором можно было бы обсудить вопрос о посылке представителей рабочих в комиссию по рабочему законодательству и можно было бы произвести выборы в эту комиссию.

Деникинское правительство правильно учло те козыри, которые дала бы ему совместная работа с представителями рабочих организаций в целях

агитации и пропаганды, направленных против большевиков. Оценивая в то же время совершенно зрело ту степень революционной опасности, которую представляло бы собою созываемое совещание профсоюзов, особое Совещание дало разрешение на созыв южно-русской профессиональной конференции.

Сохранившиеся в том или ином виде профессиональные организации были извещены о созыве Совещания—в результате оно собралось в Харькове 3-го августа 1919 года.

Гвоздем работ Совещания, на котором присутствовало 132 делегата, был, конечно, вопрос об участии или неучастии в комиссии по рабочему законодательству. Внутри Совещания по этому вопросу наметилось три точки зрения: незначительное меньшинство крайней левой совершенно отвергало мысль о возможности участия в комиссии по рабочему законодательству, считая, что даже тень сотрудничества с властью, являющейся олицетворением самой безудержной реакции, будет ударом ножа в спину пролетариату, ведущему борьбу с ней. Правое крыло Совещания признавало необходимым, в целях якобы возможного воздействия на деятельность комиссии, участвовать в ней для органической работы; наконец, центр считал полезным принять приглашение и участвовать в комиссии, чтобы использовать ее трибуну для оглашения всех наличных политических требований рабочего класса.

Дебаты по этому вопросу не могли развернуться во всей широте, так как на собрании присутствовали представители добровольческой полиции. Дискуссия по этому вопросу не была и не могла быть в достаточной степени углублена, да этого и не требовалось, ибо самим составом совещания вопрос был уже предрешен. Конференция произвела выборы в комиссию и в данном своим делегатам наказе, постаралась в возможно большей степени сгладить разногласия между различными течениями, выявившимися на совещании.

История комиссии по рабочему законодательству чрезвычайно интересна и поучительна. Приняв приглашение участвовать в разработке законопроэктов по рабочему вопросу, которые стряпались в бюрократических канцеляриях деникинского министерства, собравшиеся в Харькове представители рабочих Юга России (представители, к счастью, в достаточной степени «липовые»), фактически стали на путь сотрудничества с хозяйничавшей в стране бандой погромщиков. Но сразу и в конец дискредитировать себя даже меньшевикам той масти, из которой был подобран в своем большинстве Югпроф, не хватило смелости.

Месяц спустя в Ростове начала работать комиссия, о которой шла речь, и делегаты рабочих огласили свои требования. Обстановка для их дальнейшей работы оказалась настолько удушливой, что состоявшийся в Харькове счастливый брак был расторгнут в самом начале медового месяца. Представителя рабочих—металлиста Лабутина—оглашавшего декларацию, председатель комиссии несколько раз прерывал и в конце-концов лишил слова. После этого представители Югпрофа в знак протеста покинули заседание комиссии.

Выход из комиссии по рабочему законодательству мог в некоторой степени укрепить положение Профсоюзов того времени в глазах рабочих масс и меньшевики попытались использовать его, как свидетельство своей революционной благонадежности. Но провести эту линию до конца у них опять не хватило смелости; противопоставить сколько-нибудь широкую агитационную кампанию той бешенной травле, которую поднял против рабочих организаций знаменитый в свое время Деникинский Осваг— меньшевики так и не собрались.

Следует заметить, что вся эта история имела совершенно позорный финал. Осенью того же года, в октябре или ноябре, ту же комедию с рабочим законодательством и с соответствующей комиссией, с привлечением в нее представителей рабочих, попыталось проделать Донское войсковое правительство. В созданную им маленькую комиссию государственные деятели Донского Войскового Круга пригласили представителей нескольких рабочих организаций—Ростовского Совпрофа, Сулинских и Макеевских горнорабочих и еще кой-кого. Эти последние запросили у Югпрофа директиву о том, идти или не идти им в новую комиссию по рабочему законодательству. Помявшись и вспомнив, очевидно, свои старые рассчеты на пользу некоторых форм сотрудничества с властью, Югпроф (избегая, правда, излишнего шума) благословил профессиональные организации Донской Области на вхождение в Донецкую Областную Комиссию. Таков был третий поворот лебезящих меньшевистских профессионалистов в кардинальном вопросе профессиональной политики этого периода. Следует прибавить, что из работ второй комиссии, также как и из работ первой, ничего ровным счетом не получилось.

Необходимо указать, что профессиональные союзы деникинской эпохи занимались вопросами, так называемой, высокой политики в значительно большей степени, нежели вопросами повседневной экономической борьбы. Обстановка для этой последней была чрезвычайно неблагоприятна; никаких политических гарантий и свобод в наличии не было, экономическая обстановка также не благоприятствовала борьбе рабочих. Производство почти целиком замерло, тяжелая индустрия переживала жесточайший кризис, кругом царила безудержная спекуляция. Если ко всему этому прибавить беспрерывные крупные и мелкие преследования профессиональных организаций, особенно низших, аресты, расстрелы и разгромы, то ясно станет, в какой степени могли реализовать непосредственные выгоды существования профессиональных организаций украинские рабочие.

На этой почве настроения психологической реакции и упадка усиливались до крайней степени. Особенно острых форм достигло общее разложение в Киеве, где повторилась старая история создания зубатовских организаций. Вынырнувший из неизвестности на арену политической деятельности инженер Кирста, обильно снабженный денежными и материальными средствами и не на шутку, а в серьез, поддерживаемый авторитетом добровольческого командования, начал строить в Киеве на платформе «гармонии классовых интересов» и активной поддержки добровольческой армии свою рабочую организацию, вступившую в ожесточенную борьбу

с меньшевистскими Профсоюзами. В рабочей среде нашлось немало элементов голодом, отчаянием и происками беспринципной демагогии приведенных в ряды кирстовских организаций. Издаваемая Кирстой рабочая газета откровенно погромного направления некоторое время пользовалась известным успехом. В многих крупных предприятиях Киева завкомы были захвачены сторонниками Кирсты, умело переплетавшими методы демагогической агитации с методами откровенного физического нажима (характерными, ныне для действий фашистских организаций в Италии). Кирста в довольно короткое время сумел придать своей организации некоторую реальную силу. Но дурман, накативший в голову известной части киевских рабочих не мог быть, конечно, долговечным. Кирстовское движение локализовалось в пределах Киева, далее не разбрасывалось и после непродолжительной, но жестокой борьбы как массовое движение было почти целиком изжито.

Такова была канва, на которой строчили узоры своей политики профессиональные деятели этого периода. К тому, что было сказано об общей ориентации этой политики и ее формах остается прибавить очень немногое. Стремясь использовать создавшуюся кон'юнктуру в целях сведения счетов внутренней партийной борьбы при полном пренебрежении к интересам рабочих, как класса, меньшевики стремились к временному вознаграждению за те обиды, какие нанес им об'ективный ход развивающихся революционных событий. Все это порой сдабривалось откровенной бешенной ненавистью к большевикам. В этом отношении деникинское правительство ничем решительно не рисковало, благожелательно относясь к организациям рабочих под меньшевистским крылом.

Тот аппарат пропаганды и агитации, который под маркой Осведомительного Агентства (сокращенно—Осваг) пытался противопоставить деникинское правительство стихийному росту большевистских идей, имел верного союзника в лице «представителей» рабочего класса юга России. Этот союз был закреплен в целом ряде политических актов и документов, начиная с отношения меньшевистских профес сиональных центров к свирепствовавшему на Украине политическому террору и кончая оценкой причин и предпосылок этого террора.

Отгораживаясь от протеста против бессудных убийств коммунистов и ухитряясь даже протест против прокатившихся кровавой волной еврейских погромов свести к сетованиям о зверствах чека (резолюция Югпрофа о еврейских погромах), меньшевики из профсоюзов ставили себя на одну платформу с представителями реакционной монархической прессы. Полное извращение понимания классовых интересов и оппортунизм в исключительно уродливых формах, свойственные той партии, о которой идет речь, нашли свое логическое завершение в деятельности профессиональных организаций Юга России эпохи деникинщины.

Элементы распада и разложения на основе независимости профдвижения, которые не могли размножиться в советском севере, потому что там их развитие было во время прервано, развились в полной мере в

политических профессиональных организациях Юга России при деникинщине. То, что только намечалось в 1917-м и 18-м годах и окрепло в эпоху немецкой интервенции—все гнилые основы меньшевистской идеологии—расцвели в период господства добровольцев. На фоне общей реакции, развала и апатии в рабочих массах меньшевики получили возможность самыми аркими красками писать картину своего политического банкротства. Они ее написали.

Конец 1919-го года проложил новую грань в истории профессионального движения на юге. Добровольческая армия была разбита—советская власть была восстановлена. Украинское профессиональное движение сбросило с себя полуистлевшие в огне событий меньшевистские лохмотья и накрепко воссоединилось с движением Севера. На Украине начался период длительного организационного строительства профсоюзов.

Б. КОЛЕСНИКОВ.

Красные профсоюзы на Украине

1920 ГОД

Деникинщина разгромлена, Советская власть постепенно восстанавливается на всей территории Украины—такова общая картина начала 1920 года.

На этом красном фоне резко выделяется одно темное пятно: профессиональные организации—основная база диктатуры пролетариата—остаются еще в руках врагов. В руководящих органах профсоюзов окопались меньшевики и, прикрываясь именем широких масс организованного пролетариата, продолжают в новых, более утонченных формах борьбу против революции.

Положение создалось довольно своеобразное. При наличии Советской Власти, при наличии безусловно революционного настроения в широких кругах членов союзов, коммунистические ячейки в профсоюзах продолжали оставаться почти в подпольном состоянии, подготовляя вполне конституционное овладение аппаратом профессиональных организаций.

На предприятиях, в низовых союзных ячейках, велась самая напряженная кампания. Нужно было в кратчайший срок оформить революционное настроение масс, чтоб выбить контр-революцию из ее последних позиций.

Исход борьбы был предрешен с самого начала: он вполне определялся отмеченным выше настроением рабочих масс.

Деникинщина научила многому самые отсталые слои пролетариата. Даже в тех союзах, где меньшевики господствовали до наступления белой армии и откуда они распространили свое влияние после ухода революционных элементов профдвижения в подполье и в боевые отряды Красной Армии,—даже в этих союзах настроение оформилось, в большинстве случаев, как определенно враждебное к соглашателям.

Вопрос шел только о сроке, когда моральное и политическое поражение меньшевиков должно было завершиться формальным и фактическим изгнанием их с руководящих постов в профессиональных организациях.

Этот момент не заставил себя долго ждать. Необычайный под'ем революционного настроения в рабочей массе, характерный для того периода, помог ком'ячейкам проделать в недели работу, которая в обычных условиях потребовала бы по меньшей мере месяцев.

Почти вслед за возвращением Советской Власти, на целом ряде союзных конференций в ряде городов Украины, проходят подавляющим большинством голосов списки членов правлений, выставляемые ком'ячейками.

Меньшевики всячески боролись против перевыборов, и им удалось не допустить их на основании формальной казуистики в целом ряде союзов. Но и этот прием не спас соглашателей от быстрого поражения.

Дело в том, что революционный под'ем захватил не только рядовую массу членов союзов; революционным настроением прониклись и многие беспартийные члены правлений союзов, которые в тяжелых условиях белогвардейского террора поддались влиянию меньшевиков, и на которых последние, совершенно не учитывая положения вещей, надеялись, как на свою поддержку в борьбе с все усиливающимся коммунистическим влиянием в союзах. В действительности же, этот отход беспартийной руководящей части профсоюзов ускорил перемену политической ориентации многих губотделов и без перевыборов, часто совершенно неожиданно для местных меньшевистских вождей.

Бывали случаи, как, например, в Киеве, когда меньшевики, тщательно подсчитавши соотношение сил, уверенные в преобладании своих голосов, сами назначали заседание Совета профсоюзов с целью получить подкрепление своей линии,—и вдруг, неожиданно для себя, оказывались перед фактом принятия собранием резолюции, резко критикующей все поведение руководителей, а иногда тут же лишались мандатов на дальнейшее руководство профдвижением.

В общем, процесс возвращения профсоюзов Украины в красные ряды был закончен уже к весне 1920 года, и на третьем Всероссийском С'езде профсоюзов Украина в подавляющем большинстве была представлена делегатами-коммунистами.

Меньшевикам к этому времени удалось удержаться лишь в правлениях некоторых губотделов, об'единяющих или наиболее отсталые кадры рабочих (как, например, грузчики) или же в союзах с преобладанием служащих (например, совработники, медсантруд).

Особо приходится отметить печатников.

Эта группа высококвалифицированных рабочих по целому ряду причин (из которых не последней надо считать их невероятно тяжелое материальное положение, последовавшее за закрытием всей буржуазной печати и частных издательств) местами находилась еще долгое время в резкой оппозиции к красному профдвижению. С этими остатками амстердамских настроений в профессиональных организациях Украины, новые межсоюзные об'единения повели систематическую борьбу, на основании тех прав, которые были предоставлены межсоюзным организациям предыдущими всероссийскими с'ездами. В общем, овладение профессиональными организациями было произведено коммунистической партией по всем правилам профессиональной конституции, и напрасно меньшевики впоследствии на всех перекрестках жаловались, что их «искусственно» вышибли из профдвижения.

В каких условиях пришлось коммунистам начинать работу во вновь завоеванных союзах, можно видеть из следующих заявлений одного видного профработника того времени: «Деникинщина оставила тяжелый след на профорганизациях Украины. Незначительное число союзов вынуждено было

совершенно прекратить свою работу, а оставшиеся существовать являли собой найлучший образец того, к каким результатам приводит господство черной реакции. Организационная раздробленность, очень близкая к первоначальному периоду российского профдвижения 1905-6 и 1917 годов, тяжелые политические условия существования союзов, попытки возродить полицейские влияния на рабочие массы (Кирстовщина в Киеве и других местах)—все это вместе взятое возвращало фактически профорганизации Украины вспять к самым несовершенным формам организации, уже изжитым и пройденным российским профдвижением. Тяжелое экономическое положение Украины, разграбленной хозяйничаньем реакции, еще более усугубляло невыносимое положение пролетариата и его союзов и с приходом Советской Власти делало чрезвычайно трудным возможности проведения социалистических мероприятий и подготовки к ним широких рабочих масс».

Требовалась напряженная организационная работа, чтобы преодолеть эту союзную разруху, чтобы выравнять профессиональное движение Украины по уровню, достигнутому остальными частями Всероссийских об'единений.

Для руководства работой ВЦСПС выделил на Украину специальное бюро, получавшее задания не только узко-организационного характера, но и руководства профорганизациями Украины по существу их деятельности.

Вскоре удалось свести все раздробленные союзные единицы к системе 24-х крупных производственных об'единений и значительно расширить количество охватываемого ими пролетариата. К 1-му октября 1920 года союзное движение на Украине характеризовалось следующими данными:

Всего в союзах имелось 1.100.000 членов, из которых:

1. Металлистов	100.600	13. Местного Транспорта	14.255
2. Горнорабочих	139.178	14. Железнодорожников	146.148
3. Строителей	32.000	15. Водного Транспорта	21.800
4. Деревообделочн.	18.000	16. Народной связи	28.000
5. Рабземлес	24.000	17. Коммунального хоз.	32.800
6. Сахарников	56.000	18. Всемедикосантруд	98.778
7. Кожевников	36.000	19. Сов. служащих	138.340
8. Химиков	25.000	20. Раб. соц. культ. и просв.	40.000
9. Полиграф. произв.	13.000	21. Всерабис	22.000
10. Пищевиков	50.000	22. Нарпит	12.800
11. Швейников	24.600	23. Бумажников	470
12. Табачников	11.700	24. Текстильщиков	2.048

Для всей этой миллионой массы членов союзов надо было установить тарифы, снабдить их продовольствием, обмундированием, топливом и наряду с этим принимать самое активное участие во всех мероприятиях и действиях Советской Власти, заполняя ее органы соответствующими работниками-пролетариями и оказывая ей всемерную поддержку при практическом осуществлении стоящих перед ней задач.

Тарифная работа союзов в этот период страшно осложнялась, как отсутствием местного опыта, так, главным образом, отсутствием в широких кругах пролетариата полного понимания той тарифной политики, которая проводилась всероссийскими об'единениями, в полном соответствии со всеми условиями переживаемого в тот период этапа революции.

В отчетном документе Южбюро за 1920-й год мы читаем: «В Великороссии мы имеем непрерывную эволюцию тарифной политики от боевой тарифной стратегии 1917 г., когда союзы стремились отвоевать у предпринимателей возможно большую часть их нетрудового дохода, к современной тарифной политике, ставящей себе задачу восстановления хозяйственной мощи страны. Каждый этап тарифной работы являлся предверием дальнейших мероприятий и облегчал их проведение. Не то на Украине. Тарифы скоропадовские, деникинские, врангелевские, петлюровские и бесчисленное множество других, не стоящих ни в какой связи с нашей тарифной политикой, никоим образом не могут служить подготовкой к проведению ее. Наоборот, эти тарифы, построенные в расчете на вольный рынок и полное отсутствие государственного снабжения, выраженные в весьма сильно обесцененной валюте (например, во врангелевских рублях, которые расценивались значительно дешевле советских денег), а часто и провокационно вздутые перед приходом советской Власти, сильно затрудняли работу по проведению всероссийских тарифов».

И все же в одном документе («Профессиональное Движение» № 36) констатируется, что к концу года, в результате работ двух тарифных совещаний и кропотливой деятельности на местах, тариф на Украине проведен во всех крупных центрах.

Задержалось проведение тарифа лишь у кожевников и у местного транспорта.

Для обмундирования рабочих союзами было распределено около 3-х миллионов аршин мануфактуры и большое количество готовой прозодежды.

Перечень лишь главнейших выдач дает следующие цифры: брезентовых костюмов—80.000 комплектов, белья—около 100.000 комплектов, теплого верхнего платья около 34.000 штук, сапог и ботинок 32.000 и т. д.

Такая же сложная работа была выполнена союзами и по распределению других видов снабжения.

Всю работу по обеспечению интересов рабочих союзные организации проводили, работая в тесном контакте с советскими органами, часто заново организуя их.

Тов. Ксандров в одной из своих статей того периода так характеризует работу экономических отделов союзных организаций: «Экономотдел, принимая весьма деятельное участие в поднятии материального благосостояния широких рабочих масс, подходит к этому вопросу всесторонне, не фиксируя своего внимания исключительно на том, чтоб получить у разных экономических органов материальные блага для распределения среди рабочих. Он ставит себе целью всячески придти на помощь разным экономическим органам Республики в их работе, как по заготовке, так и по распреде-

лению различных предметов и, таким образом, центр тяжести своей работы переносит из стен Экономотдела в разные правительственные учреждения. Экономотдел направляет туда ответственных профработников, приходящих своим профессиональным опытом и знаниями на помощь разным экономическим органам. Представители Экономотдела принимают самое активное участие в различных учреждениях и комиссиях».

Эта выписка характеризует метод деятельности союзов и их взаимоотношения с госорганами, но отнюдь не определяет масштаба участия профсоюзов в государственном строительстве.

Союзы находились в тесном взаимодействии не только с органами снабжения. Столь же активное участие принимали они и в налаживании самого производства и даже в тех отраслях государственной жизни, которые выходили за пределы чисто хозяйственных функций.

Для иллюстрации этого достаточно указать на участие профсоюзов в борьбе с Врангелем. ВЦСПС предложило профессиональным организациям Украины выделить на борьбу с новым контр-революционным фронтом 800 работников.

Профсоюзы Украины вместо 800 дали 4445 человек.

Польское наступление и врангелевщина снова нарушили планомерную организацию профессиональной жизни на Украине.

Снова пришлось красным союзным организациям в отдельных местах или уходить в подполье, или совсем эвакуироваться, нормальная работа заменилась в значительной степени чисто боевыми задачами, но все же на этот раз потрясения были гораздо менее значительны, чем в 1919 г., так как основные пролетарские центры Украины врагами захвачены не были. К концу года новый напор контр-революционных сил был разбит. Диктатура пролетариата, а следовательно, и красные профсоюзы окончательно укрепились на Украине.

1921 ГОД

Это был первый год работы без внешних фронтов, без эвакуаций,— словом, первый год планомерной деятельности.

Начался год знаменитой «дискуссией о профсоюзах».

Украинские профессионалисты уделили этой дискуссии немало времени и энергии. После некоторого колебания стало явно намечаться, что в среде союзных работников большинство склоняется к платформе «десятки».

А 1921 год прошел, главным образом, под флагом поднятия производительности труда, т.-е. по идее, занимавшей в принятой партией и союзами позиции как-будто второстепенное место. Это значит, что, осознавши классовым разумом об'ективную необходимость перехода к «новой экономической политике», пролетариат все же старался выдвинуть как можно дальше вперед свои экономические позиции, стремясь укрепить государственную промышленность в предстоящей ей борьбе с частным капиталом.

Выполнение задачи увеличения производительности труда профсоюзы осуществляли не только «производственной пропагандой», по об'ективным

условиям переходного состояния хозяйственной жизни давшей в результате больше слов, чем дела, но, главным образом, новым построением своей тарифной политики.

Введение неограниченной сдельщины и премирования продуктами своего производства послужили колоссальным стимулом к интенсификации труда, к уменьшению прогулов, к ослаблению «фушерничества», т.-е. побочного производства рабочими для себя предметов мелкого рыночного сбыта.

Это мероприятие потребовало, однако, от профессиональных организаций большого напряжения сил в целях регулирования заработной платы. Дело в том, что в ряде предприятий и установление нормы выделки и расценка, и процент отпускаемого в счет заработной платы продуктов производства стали принимать ни с чем несообразные размеры, быстро приводящие предприятия к громадной задолженности.

Регулирование этих вопросов привело профсоюзы к идее «коллективного снабжения», при которой фонд заработной платы устанавливался заранее в вполне определенных размерах, и заработная плата каждого рабочего становилась производной от действительного повышения производительности труда, как всего данного коллектива в целом, так и каждого работника в отдельности.

На Украине первые опыты коллективного снабжения относятся приблизительно к сентябрю 1921 г., когда на эту систему было переведено около 52.000 рабочих.

Переход ряда предприятий на хозяйственный расчет вызывает появление новой формы оплаты труда, так называемой «бюджетно-сдельной», учитывающей преимущества сдельщины в смысле увеличения производительности труда, но ограничивающие ее пределы хозяйственными возможностями предприятий.

Как было отмечено выше, новые формы оплаты труда должны были стимулировать повышение производительности, но конечно, параллельно с этим союзы ставили себе задачу и повышения реальной заработной платы рабочих.

Какие результаты были достигнуты союзами в этом отношении видно из следующей таблицы, характеризующей движение заработной платы за 1921 г. в основных производствах г. Харькова.

ПЕРИОДЫ	Процентное отношение заработка к стоимости прожиточного минимума в 2700 калорий. ПРОИЗВОДСТВА						
	Металл.-обрабатыв.	Полиграфическ.	Пищевое	Табачное	Химическ.	Кожевен.	Текстильное
Январь—апрель	81,5	80,0	22,2	71,5	58,5	46,6	53,5
Май—август	89,6	57,0	61,8	100,4	31,7	31,6	65,2
Сентябрь—декабрь	287,0	226,6	214,5	886,3	312,3	227,7	314,9

В этих цифрах могут быть некоторые незначительные неточности, но в целом они дают правильную картину роста оплаты труда. Из сопоставления данных о заработке, скажем, металлистов и пищевиков, сразу становится видно, что под учет попало должно быть лишь оффициальное жалованье. Но в данном случае для нас важны не абсолютная величина цифр, а характер их движения. А в этом отношении данные четко намечают безусловное и при этом значительное повышение реального заработка по всей линии. Правда, подсчет произведен лишь для одного города; но опять таки, учитывая обычные взаимоотношения между положением заработной платы в Харькове и других пунктах Украины, можно считать, что если в других местах абсолютная величина заработка и отставала, то линия движения все же выражалась приблизительно однородной кривой.

Более детальный анализ данных о заработной плате, учтенный по месяцам, указывает, что рост реального значения заработной платы шел лишь до декабря, после чего плата сильно падает.

Здесь сказался недобор продналога и падение курса советского рубля Но и пониженный заработок декабря в общем оказался реально выше среднего заработка летних месяцев (май, июнь и июль) у металлистов в 4 раза, а у химиков почти в 10 раз.

Из этих данных, конечно, не следует делать слишком оптимистических выводов о высоте заработной платы: в довоенных рублях она все еще выражалась в очень скромных цифрах. Союзам предстояла еще впредь огромная работа по повышению заработка.

Улучшение положения рабочих достигается профсоюзами не только повышением тарифных ставок в натуральном и денежном виде. Параллельно ведется и целый ряд других работ, направленных к той же цели.

В течение 1921 года союзами в этом направлении проводились: огородная кампания, топливная, организация домов отдыха и ряд других.

Согласно решения 4-го с'езда, профсоюзы принимали самое активное участие в реорганизации нашей промышленности, в целях более рационального приспособления ее к условиям новой экономической политики. Отбор предприятий, остающихся в руках государства, определение круга предприятий, надлежащих быть сданными в аренду, выработка условий арендных договоров, трестирование предприятий, переходящих на хозяйственный расчет—все эти вопросы стояли в порядке дня деятельности профессиональных организаций, и можно смело сказать, что ни один из них не разрешился помимо профсоюзов, помимо их активного участия во всех стадиях процесса реорганизации промышленности.

Из других видов содействия союзов функциям государственных органов, на первом месте, безусловно стоит участие их в продналоговой кампании. Союзами Украины было мобилизовано для этой работы 1.269 чел. членов союза на должности продналоговых инспекторов, 600 чел. дружинников, направленных в бандитские районы и 240 чел. курсантов, для укомплектования соответствующих подготовительных курсов. На продработу

были брошены лучшие силы профорганизаций. В самый разгар продналоговой кампании в некоторых губпрофсоветах осталось для текущей работы лишь по два члена Президиума; остальные работали по сбору продналога.

Помимо персональных мобилизаций, союзы принимали участие в сборе продналога и как организации в целом. Железнодорожники организовывали перевозку хлебных грузов, союзы местного транспорта и сахарники работали по погрузке, строительные рабочие заботились о состоянии ссыпных пунктов, нарсвязь и работпрос привлекли большое количество своих членов к составлению списков налогоплательщиков.

Культурно-просветительная работа союзов за 21 год характеризуется следующими далеко неполными данными. По ликвидации общей неграмотности мы в отчетах встречаемся с такими значительными цифрами, как 85 ликвидационных пунктов Киевского Губпрофсовета, 160 пунктов у сахарников и 71 пункт у строительных рабочих. По профтехническому образованию (кстати сказать, целиком лежавшего на профессиональных организациях, лишь формально числясь за государственными органами просвещения) из намеченных к открытию 802 культурных учреждений удалось открыть 381, т.-е. около 47%, которые по отдельным типам располагаются следующим образом:

Название учреждения	Количество	% задания
Краткосрочные курсы по ликвидации технич. неграмотности .	304	50%
Курсы по повышению квалификации	9	12 „
Вечерние рабочие техникумы . .	19	100 „
Школы Фабрично-заводск. ученичества	48	66 „

Новое дело завоевания высшей школы легло на союзы в направлении комплектования, т.-е. подбора среди членов союза соответствующего материала для командирования в учебные заведения. Нельзя сказать, что первый опыт был удачен: лишь рабочие факультеты союзам удалось заполнить индустриальным пролетариатом в количестве до 1000 человек.

Постановка планомерной агитационной работы профсоюзами в 1921 году лишь стала намечаться. Главным опытом данного направления надо считать хорошо проведенную весной кампанию «неделя профдвижения».

Профессиональная печать на Украине, кроме выходящих систематически трех газет, состояла, главным образом, из маленьких журналов, выходивших далеко не регулярно из-за отсутствия соответствующих рессурсов.

Организационно союзы за 1921 год безусловно выросли. Щупальцы профессиональных организаций охватили все уездные города Украины, а частично проникли и в села. К концу года Южбюро ВЦСПС об'единяло

11 Южбюро ЦК, 10 Уполномоченных ЦК, 12 Губпрофсоветов, 98 Упрофбюро и 276 Волсекретариатов,—итого Южбюро имело 21 ответвление в центре и 386 на периферии.

Все эти организации охватывали в начале года 1.241.832 человека, а в конце 1.309.673 человека.

Эти цифры, которые профессионалист в нормальных условиях считал бы большим успехом, так как они показывают за год прирост членов союзов в 60 с лишним тысяч человек, требуют в наших условиях дальнейшего анализа.

Дело в том, что в 1921 году громадное количество сил и энергии было потрачено и государственными, и союзными организациями на сокращение штатов предприятий, а, главное, учреждений, невероятно разбухших в период трудовой повинности.

С другой стороны, сравнительно слабо развитые частные предприятия вряд ли могли своими рабочими значительно повысить число членов союзов.

Об'яснение этому, на первый взгляд, невероятному явлению—росту членов союзов при сокращении штатов—мы найдем ниже в таблице, характеризующей движение числа членов союзов за 21 год.

Число членов профсоюзов Украины в 1921 году (в тысячах).

Группы союзов \ Месяцы	Январь	Апрель	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Рабоч. добыв. промышл. .	195	213	209	193	189	186	179	195
„ обраб. „ . .	356	408	422	406	392	372	351	351
„ трансп. и связи . .	273	299	306	303	308	308	295	291
„ обслуж. труда. . .	56	64	68	64	62	58	53	48
Работники умствен. труд.	359	420	467	469	464	448	423	407

Из этой таблицы мы видим, что действительное наростание числа членов союзов имело место лишь до средины 1921 года, когда и началась борьба за сокращение штатов. В результате, мы имеем к концу года сокращение от максимальных цифр с средины года в следующих процентах:

1. Для добывающей промышленности около 9%
2. » обрабатывающей » » 17%
3. » транспорта и связи » » 5%
4. » рабочих, обслуживающего труда » 30%
5. » работников умственного труда » 14%

Интересно, как распределяются проценты сокращения между отдельными группами работников умственного труда, уменьшение количества которых в наших учреждениях было основным заданием всей сократительной политики. Соответствующие отчетные данные показывают, что:

1. Совработники были сокращены на 13%
2. Медсантруд » » » 28%
3. Педагоги » » » 2%
4. Рабис » » » 40%

Большое сокращение медицинских работников об'ясняется ликвидацией военных фронтов и в силу этого закрытия ряда лазаретов.

На профессиональные организации, как и на все органы страны, к концу 1921 года легло тяжелое бремя борьбы с голодом.

О том, что организованный пролетариат, несмотря на крайне тяжелое материальное положение, отозвался наиболее чутко на призыв Советской власти придти на помощь умирающим крестьянам и рабочим, говорить не приходится, так как этот факт давно установлен достаточно авторитетными источниками.

Здесь нужно только отметить, что помощь со стороны рабочих притекала не стихийно, что она планомерно была организована профессиональными союзами, выделившими для этой цели специальные аппараты и сконцентрировавшими на этой работе значительную часть своего внимания. Забегая несколько вперед и пользуясь отчетами 1922 г. можно сказать, что всеми рабочими организациями было собрано на Украине более 220 тысяч пудов хлеба и более 600 миллиардов рублей, не считая продуктов своего производства, которые сдавались в натуральном виде в общегосударственные комитеты помощи. О том, какую ценность имели эти натуральные отчисления можно судить по факту, что донбасские шахтеры специальными воскресниками выработали для этой цели 5 миллионов пудов угля.

И все же несмотря на столь разнообразную деятельность, профсоюзы к концу 1921 г. стали как-будто терять под собой почву. Рядом с союзами выросли и окрепли государственные органы, функции которых союзы выполняли раньше или самостоятельно, или через эти органы. Теперь госорганы в этом замещении себя союзами и даже в прежних видах помощи уже не нуждались; в оборот было пущено острое словцо: «союзы путаются между ногами».

Союзам надо было найти свое доподлинное лицо, соответствующее всей сложившейся к этому периоду обстановке. Эта задача была выполнена руководительницей российского профдвижения—коммунистической партией. На пороге 1922 г. появляются тезисы ЦК РКП о новых задачах профсоюзов.

1922 ГОД

В обзоре профдвижения на Украине необходимо отметить состоявшуюся в начале этого года 2-ю Всеукраинскую Конференцию профсоюзов.

Конференция явилась завершением организационного периода работы наших профессиональных организаций.

Впервые пути дальнейшей работы союзов Украины обсуждались органом, действительно представляющим весь пролетариат наших городов и даже сел.

Кроме того, эта конференция весьма интересна еще и тем, что на ней впервые, кажется, в крупном областном масштабе обсуждались новые тогда тезисы ЦК партии, к которым конференция полностью присоединилась и, исходя из них, наметила свою дальнейшую работу.

Сущность нового курса профсоюзов теперь достаточно всем известна. В самых кратких словах ее можно выразить следующим образом. Союзы должны были: 1. Поставить своей основной задачей всемерную защиту экономических интересов пролетариата. 2. Связаться как можно ближе с широкими массами рабочих и перестроить свои организации на принципах добровольного членства. 3. Перейти от непосредственного участия к руководству государственными предприятиями в форме работы в планирующих лишь госорганах. 4. Помня при этом, что и при новой своей тактике «профсоюзы в обстановке диктатуры пролетариата должны целиком и полностью всем своим влиянием и аппаратом, поддерживать эту диктатуру и ее органы, работая над их укреплением и идя с ними рука об руку в деле строительства народного хозяйства и всего рабоче-крестьянского государства в целом».

Как справились профессиональные организации Украины с этими задачами?

Раньше всего о переходе на добровольное членство. В отчетном документе Южбюро ВЦСПС за июль-август 1922 г. мы находим следующее: «Кампания добровольного членства в общем и целом прошла всюду довольно успешно, всколыхнув широкие массы и подняв интерес к вопросам союзной жизни. Особенно проявилось это в губерниях с преобладанием в союзах индустриального пролетариата. Кампания добровольного членства резко определила отношение двух основных групп союзной массы к союзу. В то время, как первая группа—индустриальные рабочие—проявляет повышенный интерес к союзу, отношение второй группы—интеллигенты, служащие—обыкновенно индиферентное, а иногда и отрицательное. Только в некоторых местах (Киев) некоторые незначительные группы рабочих воздержались от вступления, мотивируя это тем, что «союз ничего не дает». В большинстве же случаев среди рабочих наблюдалось сознательное желание оставаться в своем союзе. Лишь в Одессе мы имели более открытое выступление против вступления в союз в двух организациях: Нарсвязи и Всемедикосантруд. В первой при общем количестве 896 чел., 114 голосовало против, а 264 воздержалось; во второй воздержалось около 500, при общем количестве 1864 голосовавших».

Новый состав союзов дается в следующей таблице:

Движение числа членов профсоюзов Украины с января по июнь 1922 г. (в тысячах).

Группы союзов \ Месяцы	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Рабочие добывающей промышл.	210	206	190	165	164	142
„ обрабатывающей „	329	300	307	275	262	277
„ транспорта и связи .	276	256	223	241	228	217
„ обслуживающего труда.	42	39	37	34	34	34
Работники умственного „	380	359	327	314	301	292

Из этой таблицы видно, что за пол года количество членов союзов уменьшилось:

1. По добывающей промышленности на 32%
2. » обрабатывающей » » 15%
3. » транспорту и связи » 21%
4. » рабочим обслуживающего труда » 20%
5. » работникам умственного » » 26%

Как видно из предыдущих данных о прохождении кампании добровольного членства, сокращение отнюдь нельзя отнести за счет массового отказа от вступления в союзы. Уменьшение членов союзов вызывается, главным образом, дальнейшим сокращением штатов наших учреждений и предприятий, т.-е. процессом, оздоравливающим наше хозяйство,—следовательно, в целом направленным в интересах пролетариата, взятого, как класс, хотя, конечно, для отдельных групп рабочих и служащих, при условиях развивающейся безработицы, это явление становится крайне тяжелым.

Большое сокращение рабочих добывающей промышленности до известной степени явление сезонное, так как к лету количество шахтеров уменьшалось всегда. В этом году этот факт усугубился еще общим тяжелым экономическим положением Донбасса. Зато меньше всего сократилось число рабочих обрабатывающей промышленности, причем более подробные таблицы показывают, что число металлистов и химиков не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Металлистов в январе числилось 95.691 человек, а в июне 105.668, химиков в январе было 23.503, а в июне 24.145.

Материальное положение рабочих до некоторой степени можно охарактеризовать следующими частичными данными:

Заработная плата рабочих в январе-июне 1922 года на крупных предприятиях, о которых имеются наиболее полные сведения.

Губернии	Название предприятий	Среднее за эти месяцы число рабочих	Реальная заработная плата, выраженная в % к стоимости прожиточного минимума в 2700 калорий					
			Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Донецкая .	Торецк. Метал. Завод .	1300	160	115	219	108	—	—
» . .	Владимир. Рудник . .	370	232	116	147	—	—	—
» . .	Констан. Стек. Завод .	1000	264	195	272	—	—	—
» . .	Луганск. Текст. Ф-ка .	300	360	240	486	201	—	—
Г. Харьков.	В. Э. К.	1200	567	197	203	—	306	215
» . .	2-й Машиностр. Завод .	650	576	122	282	446	250	—
» . .	6-я Табачная Ф-ка .	350	153	347	450	331	226	444
» . .	1-я Кондитерская. . .	600	137	157	187	257	204	210
» . .	1-я Суконная.	300	378	232	331	577	411	340
» . .	1-я Обмундировочная .	350	257	110	133	89	193	235
» . .	Ф-ка Фаянс. издел. .	750	260	261	373	273	225	267

Губернии	Название предприятий	Среднее за эти месяцы число рабочих	Реальная заработная плата, выраженная в % к стоимости прожиточного минимума в 2700 калорий					
			Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Г. Ек-слав.	Металлург. Зав. . . .	2000	92	105	81	163	78	—
» . .	Проволочно-гвозд. .	290	372	266	297	411	253	—
Киевская .	4-я Табачная Фабрика.	475	632	288	—	—	266	364
» . .	Кожевен. Завод	275	240	148	—	254	172	335
» . .	Зав. дубов. экстракт .	250	394	251	458	374	315	416
» . .	Водопровод	250	98	116	—	213	206	291
» . .	Бумажная Фабрика .	270	91	106	182	72	132	—

Эти не совсем отрадные на первый взгляд цифры, как будто бы характеризующие работу профсоюзов в их основном направлении, как недостаточно плодотворную,—однако, принимают иное освещение, если мы вспомним два следующих момента: во-первых, эти цифры относятся к тем весенним и летним месяцам, когда страна, постигнутая страшным неурожаем, стремилась растянуть расход последних остатков хлеба, во-вторых, эти цифры для правильного соотношения нужно сравнить с соответствующими данными прошлого года, и тогда становится ясным значительность достигнутых нами результатов. В 1921 г. процентное отношение заработной платы к прожиточному минимуму чаще всего выражается менее, чем 100 процентами, т.-е. заработка не хватало на прокормление самого работника; теперь же такие цифры встречаются весьма редко, и в большинстве случаев заработная плата обеспечивает прокормление и нескольких членов семьи. При этом приходится обратить внимание, что данные о заработной плате сильно разнообразятся для отдельных производств и отдельных местностей. Отчетливо заметно, что в легкой индустрии, в предприятиях, работающих на рынок, плата устойчивей и выше к концу учетного периода, чем в предприятиях тяжелой индустрии. Вот эти моменты и требуют основного внимания в ближайший период, ибо в их регулировании кроются реальные возможности улучшения положения индустриального пролетариата.

Политика профсоюзов в этом направлении может быть формулирована следующим образом: по возможности не форсировать роста заработной платы в предприятиях, уже более достигших ее высокого уровня, и подтягивать к этому уровню рабочих крупной промышленности. Заключение коллективных договоров, а, главное, соответствующее перераспределение рессурсов в планирующих госорганах, должны быть основными методами этой работы. К сожалению, при заключении коллективных договоров оказалась недостаточная опытность в этом деле и профработников и хозяйственников. Отсюда вытекали иногда чрезмерные требования со стороны союзов, иногда невыдержанность линии хозработников, то слишком легкомысленно подписывавших невыполнимые для них условия, то проявляющих излишнее упорство при сравнительно благоприятной для предприятий экономической обстановке

В силу этого в 1922 году дело не обошлось без конфликтов. Основными поводами, их вызывавшими, были: 1. Несвоевременная выплата заработной платы. 2. Ненормальные взаимоотношения с хозорганами. В общем практика показала, что те «бюрократические извращения», о которых говорилось в тезисах ЦК РКП и на которые направлялось внимание профсоюзов, действительно имеют место в жизни. Но характерно, что в подавляющем большинстве случаев конфликты разрешались в соответствующих примирительных инстанциях и притом почти всегда в пользу интересов рабочих. Данные, приведенные тов. Андреевым на 5-м С'езде профсоюзов, указывающие, что 95% всех конфликтов было разрешено мирным путем, почти на 90% в пользу рабочих, верны и для Украины. Во всяком случае при новом курсе профсоюзов мы имели меньше открытых столкновений между рабочими и предприятиями, чем в прошлые годы.

Как весьма крупная задача перед профсоюзами стал вопрос о борьбе с безработицей. Если к началу хозяйственного года основной кадр сокращенных состоял из неквалифицированного элемента, сокращенного из предприятий и учреждений за непригодность, то ныне процесс этот стал захватывать и высококвалифицированных рабочих, сохранить которых от распыления категорически необходимо. Наибольшее количество безработных имеется у металлистов, печатников, швейников и совработников. У некоторых союзов, как, например, у кожевников ослабление кризиса безработицы происходит от увеличения, так называемых, «квартирников». Количество безработных по данным Наркомтруда за август м-ц определяется следующими цифрами: Киевская—18906, Харьковская—10782, Одесская—9364, Донецкая—7979, Запорожская—7356, Екатеринославская—7293, Кременчугская—4993, Полтавская—4850, Николаевская—9531, Подольская—2081, Волынская—1815, Черниговская—1386; всего на Биржах Труда Украины зарегистрировано в августе 81.289 безработных.

Союзы приняли ряд мер по созданию фондов помощи безработным,—одновременно привлекая к ослаблению безработицы и государственные органы. Фонды взаимопомощи организуются как единое целое с союзным аппаратом, так как это группирует безработных вокруг союза, который сохраняет в этой среде свое организующее влияние. Лишь отдельные союзы (всеработземлес, сахарники) вступили на путь организации самостоятельных касс помощи безработным, путем создания их на отдельных конференциях. Лучше всего работа по созданию фондов протекает у печатников и текстильщиков, что об'ясняется сравнительно высокой заработной платой в этих производствах; но и металлисты, несмотря на крайне тяжелое материальное положение и у работающих членов союза, дело поставили сравнительно прилично; отстают, главным образом, неиндустриальные союзы (всемедикосантруд, работпрос).

В связи с вопросом о помощи безработным нужно отметить громадную работу, проведенную профессиональными организациями Украины по организации дела социального страхования. Кампания выборов в страховые кассы, была, главным образом, проведена силами профессиональных организаций.

Таковы основные моменты современной деятельности профсоюзов. Состоявшийся в сентябре сего года 5-й с'езд профсоюзов не внес никаких принципиальных изменений в основные линии работы. Он лишь углубил и уточнил их. Он поставил перед союзом заботу о тяжелой индустрии и транспорте, как основную задачу, так как они и занятый в них пролетариат являются основной экономической и социальной базой Советской власти. Он выдвинул необходимость добиваться дальнейшего, хотя бы медленного и осторожного, но систематического повышения заработной платы, добиваясь таковой, как дальнейшей концентрацией государственной промышленности, так и поднятием производительности труда. С'езд подчеркнул, что выравнивание заработной платы должно явиться результатом правильного распределения рессурсов в планирующих госорганах, а отнюдь не следствием простого механического снижения заработка рабочих, тех предприятий, хозяйственное состояние которых допускает лучшие формы оплаты труда. Связь с массами должна все больше закрепляться как методом усиления агитационно-пропагандистской деятельности профсоюзов, так и вовлечением возможно большего количества членов профсоюзов в активную профработу, а, главное, коммунистическим укреплением низовых союзных ячеек.

Я. СОКОЛИН.

8

Состояние КП(б)У к пятилетию Октябрьской Революции

I

Для того, чтобы вернее оценить состояние КП(б)У к настоящему моменту, т.-е. к 5-тилетию Октябрьской революции, необходимо вспомнить, что фактически мы на Украине в легальных условиях празднуем юбилей только в 3-й раз, ибо до 1920 года Украине как-то все выходило праздновать юбилей в подпольи. Естественно, что это продолжительное подпольное житие наложило свой отпечаток на украинскую организацию. К КПУ нужно подходить именно с точки зрения ее 3-летнего развития, для чего, конечно, нужно вернуться к октябрю 20-го года и путем сравнения установить, насколько окрепла и выравнялась линия украинской партийной организации за этот период. Начнем с «людского материала». У нас для этого имеются неточные цифры перерегистрации 20-го года и совершенно точные данные партпереписи 22-го года. Каковы эти данные? Всего по 10 губерниям (без Николаевской и Подольской) мы насчитываем в 20 году в рядах КПУ 37.958 членов партии, из коих 58,5%—рабочих, 14%—крестьян, 5,8%—интеллигентов, 19,3%—служащих, 1,8%—учащихся, не выяснено 0,8%.

Если принять во внимание, что Украина, как театр военных действий, вмещала в себе большую часть Красной Армии, то можно без излишнего риска сделать заключение, что около 50% нашей организации состояло из товарищей, прибывших и находившихся в воинских частях. Таким образом, чтобы получить истинную численность гражданской части украинской организации, эти цифры общим счетом целесообразно уменьшить на 50%, сейчас, в 1922 году, мы имеем во всей украинской организации действительных членов 53.495, из коих рабочих 51,3%, крестьян—17,5%, служащих—28,9% и не выяснено—2,3%. Таким образом, мы имеем за это время на лицо абсолютное повышение общего количества членов нашей партии.

Что касается распределения членов партии по социальному признаку, то кажущееся уменьшение процента рабочих за счет увеличения крестьян, вернее всего будет об'яснить тем, что при перерегистрации 1920 года анкеты заполнялись чрезвычайно неточно. Это особенно верно, если принять во внимяние, что большинство коммунистов армии состоит именно из крестьян. Если сравнить состав организации 1922 года с составом в 1920 г. в отношении партстажа, то рост украинской организации станет наиболее очевидным.

	1920 год	1922 год	в % [1])
до 1905 г.	0,9	0,46	— 0,44
с 1905 по 1914	1,5	1,49	— 0,01
с 1914 по 1917	1,1	0,6	— 0,5
1917 г.	14,9	10,47	— 4,43
1918	14,9	12,55	— 2,35
1919	33,9	26,9	— 7
1920	30,6	32,17	+ 1,57
1921—22	—	11,2	+11,2
не выяснено	2,2	4,16	—

Таким образом, устанавливается факт роста украинской организации именно за последние 3 года—годы ее легального существования. Существует такое мнение, что украинская организация приростала, главным образом, за счет вливания в нее национальных (Боротьбисты, «Бунд») и вообще других партий. Это представление неверно. Вливающиеся партии играли незначительную роль в общем росте партии. Если в 1920 году, (год наибольшего вливания членов других партий), перешедших к нам составляли 18,6% всей организации, то в настоящее время их процент не превышает 8,82%. Таким образом, можно с точностью установить, что украинская организация, выросшая за последние 3 года почти вдвое, сохранила, во-первых, прежнее соотношение социальных группировок (в общем, в отношении рабочих более благоприятное общероссийского), что особенно важно, если принять во внимание крестьянский характер большинства наших губерний; а во-вторых, что в отличие от прошлых времен она росла за счет местных рабочих и крестьян.

Рост и крепость партийной организации определяются не только количеством членов, но еще в большей степени и численностью ее «щупальцев»—партийных ячеек, и степенью их способности руководить пролетарскими и крестьянскими массами. В этом отношении мы имеем к нынешнему юбилею поразительный рост влияния партии.

Обратимся сперва к селу. Если в 1920-м году сельские ячейки были редким явлением, а волпарткомов почти вовсе не было, то теперь—мы насчитываем 1378 сельских ячеек и 107 волкомов (сюда не вошли вол'ячейки, выполняющие функции волкомов (т.-е., в среднем, нет волости, где бы мы не имели одной или двух ячеек. Если вспомнить, что во многих уездах (вследствие бандитизма) недавно еще не было не только ячеек, но и органов советской власти, то термин «поразительные успехи» не является преувеличенным. На производстве, включая сюда и транспорт, мы имеем 709 ячеек,—а в воинских частях и организациях 1386. На этих цифрах, конечно, сказывается крестьянский, по преимуществу, характер украин-

[1]) Минусом обозначено уменьшение, а плюсом—увеличение относительно общего числа членов партии.

ских губерний. Во всех губернских, уездных и прочих городах мы имеем 1433 ячейки (без воинских), а в селах мы имеем 1776 ячеек, из которых не крестьянских около 15%. Нужно признать, что это соотношение совершенно нормально, если его сравнить с аналогичными губерниями центральной России. Таким образом, несмотря на крестьянский характер украинских губерний и существование сильного бандитизма, мы сумели охватить село сильной сетью парторганизаций и сделали мы это, главным образом, за последние полтора года, т.-е. за тот период, когда Украина перестала быть перманентным театром военных действий.

Если мы последовательно рассмотрим, чем занимались украинские парторганизации за рассматриваемый период, то мы получим следующую картину. 1920 год. Вся работа концентрируется вокруг трех основных моментов: военные действия, борьба с бандитизмом и продразверстка. На фоне этих трех задач главная повседневная работа парткомов протекает в мобилизациях. Мобилизуют на фронт, мобилизуют в рабочие отряды для сбора продразверстки, мобилизуют в отряды борьбы с бандитизмом и т. д. и т. п. В среднем, такие мобилизации проводятся ежемесячно и затрагивают около 50% всей украинской организации. Работа Губкома расценивается с этой же точки зрения успешности выполнения нарядов на мобилизацию. При том вся Украина на почве раскулачивания охвачена бандитизмом, в некоторых губерниях уездные организации периодически переходят в подполье и, конечно, при такой обстановке не приходится говорить о серьезной собственно партийной работе.

Партийная работа охватывает только некоторые отрасли. Село настолько занимает парторганизации, что целый ряд Губкомов, чтобы развязать себя от городских дел и чтобы с другой стороны, несколько гарантировать себя от забвения городской работы, выделяет специальные городские секретариаты, которые ведут всю работу в городе. Необходимость борьбы с кулаком выдвигает целый ряд попутных мероприятий, как организация комнезамов, перевыборы селькооперативов, назначение волревкомов и т. д. Длинная вереница кампаний, как, например, «неделя крестьянина», посвящена селу.

В городе же профессиональная работа чрезвычайно слаба: ячейки на производстве хотя и существуют, но работа их не велика, и только к концу 1920 года Губкомы начинают обращать достаточное внимание на работу в городе. К этому времени в Харькове, Полтаве, Одессе и др. губерниях партконференции и парткомы намечают целый ряд конкретных мероприятий по оживлению и усилению работы в городе. Харьковский Губком, например, перебрасывает 30 человек на производство, пересматривает райкомы, назначает районных организаторов и т. д. Одесса оживляет деятельность фракции ГСПС и приступает тоже к переброске коммунистов на производство, открывает кампанию по вовлечению рабочих в партию,— но, в общем и целом, конец 1920 года также протекает под главенствующим лозунгом борьбы с бандитизмом, организации комнезамов, сбора продразверстки и т. д.

Подготовка к X-му С'езду ставит перед организациями целый ряд вопросов, которым раньше не уделялось достаточно внимания. Предс'ездовская дискуссия оживляет городские организации,—однако, несколько искусственно. Наиболее характерной чертой работы 1920 года является отсутствие системы во внутри-партийной работе. Партпросвещение ведется от случая к случаю. В большинстве Губкомов существуют партшколы, но работа их чрезвычайно незначительна и не согласована. Ячейки же занимаются исключительно местными вопросами. Поэтому 5-ая Всеукраинская конференция, подводившая черту под работой украинской организации за 1920 год, на первое место выдвинула вопрос о работе среди городских рабочих и о связи с массами. Окончательно эту основную мысль формулировал X-ый с'езд партии. Он повернулся лицом от стороны навыков к новым методам работы, положив начало новой эпохи в деятельности партийной организации.

Как этот поворот отразился на украинской организации? По существу, работу 1921 года можно разбить на следующие периоды: первый,—когда организация еще продолжала по инерции работать старыми методами эпохи военного коммунизма (апрель—июль), второй,—исключительно посвященный сбору продналога (июль—октябрь) и третий, когда работа по существу стала переводиться на новые рельсы. Насколько продналоговый период захватил целиком и безраздельно организации, можно судить по следующим данным: 60—70 процентов уездных организаций мобилизованы на продналог, губернские города выделили каждый в среднем для этой цели по 100—200 человек, все члены Губкомов разосланы на места в качестве уполномоченных, в некоторых уездах, за недостатком приспособленных ссыппунктов, зерно ссыпается в уездные партклубы и школы и не менее 60% состава всех партшкол мобилизовано на продналог и т. д. и т. п.

Наряду с этим, необходимо отметить еще один момент, влиявший на партработу—это чистка партии. Чистка на украинской организации отразилась двояко. С одной стороны, она ее серьезно оздоровила, с другой—она на первое время здорово ударила по ее работоспособности. В губернских городах она особенно больно ударила по руководящей советской верхушке, а в уездных—даже по партийной. Мы имеем целый ряд фактов, когда (не к особенной их чести) секретари укомов были вычищены из партии. Естественно, что все вышеуказанные причины не могли не отразиться на работе местных организаций. Тем не менее, оглядываясь на проделанную работу за 1921 год, приходится установить разительное отличие и от характера, и от размаха работы 1920 года. Особенно, это относится к концу 1921 года.

Первое, что бросается в глаза,—это серьезные попытки к переходу от бессистемной работы к работе строго продуманной, плановой. Наряду с упорным прилаживанием НЭП'а к украинской обстановке, на лицо целый ряд серьезных мер для постановки собственно партийной работы. Центром внимания становится производственная партийная ячейка. В то же время парторганы пользуются чисткой для того, чтобы поближе привлечь руководящий состав организаций к партийной работе. Переброска на производство

коммунистов уже становится обще-выполняемой задачей, чистка выдвигает проблему извлечения из гущи партийной массы работников на руководящие посты взамен вычищенных.

Вопрос о внутрипартийной работе из области предположений переходит в стадию выработки конкретных мер в виде расширения сети партшкол, организации школ политграмоты и марксистских кружков. Одновременно начинается горячая работа по организационному закреплению и оформлению партийных первичных организаций. Этому даже посвящается специальная «Неделя укрепления ком'ячейки».

Но одновременно с усилением работы в городах, она заметно начинает падать в селе. Продналог нисколько не способствует моральному и материальному укреплению комитетов незаможных селян. Создается по отношению к ним известное ликвидационное настроение. Такое же настроение проникает и в самые КНС, влияя на них деморализующим образом. На почве упадочности начинают появляться случаи пополнения банд незаможными. Партработа на селе точно также падает. И в центре и на местах все ходят вокруг сельских вопросов, кардинально их не разрешая. Почти единственным политическим актом можно, пожалуй, считать об'явленную бандитам амнистию, давшую блестящие результаты. Упраздненные в начале 1921 года Отрабселы фактически ничем не заменены, и руководство работой в селе протекает несколько помимо парткомитетов. Что касается кооперации, то тут сделано гораздо больше, но опять таки дальше ВолЕПО и городской потребиловки дело не идет. Правда, к этому времени впервые заинтересовались и кустарной промышленностью. Конец 21-го года характеризуется еще и ликвидационным настроением по отношению специальной работы среди женщин, которому положило конец категорическое постановление XI-го с'езда партии.

Что касается профессиональной работы, то мы наблюдаем известное ослабление работы, которое продолжается до момента появления новых тезисов о роли и задачах профсоюзов. Говоря о второй половине 1921 года, нельзя обойти молчанием работу по оказанию помощи голодающим. Дело в том, что условия голода, конечно, сказались на работе целого ряда губерний. Николаевская, Запорожская, Екатеринославская, часть Одесской и Донецкой настолько были затронуты голодом, что борьба с ним естественно отодвигала на задний план всякую другую работу.

6-ая всеукраинская конференция, которая подвела итоги работе украинской организации за 1921 год, по существу подитожила и закрепила те методы и пути, на которые организации стали еще до этого. Выдвинув на первый план такие задачи, как повышение культурного уровня нашего сельского хозяйства, она в то же время внесла систематичность в постановку партийной работы. Одним из важных моментов ее решений в этой области—это постановка работы партии в КСМУ. С этого момента организация обязалась дело работы среди молодежи сделать делом не только тех коммунистов, которые выделены для работы в КСМУ, но делом всей организации КП(б)У.

Посылая работников в КСМУ, участвуя сами в их работе, комитеты и парторганизации с этого момента становятся фактически ответственными за работу в наших юношеских организациях.

Насколько серьезно украинская организация подошла к вопросу о внутрипартийной работе, можно судить по тем постановлениям, какие по этому поводу вынесла 6-ая всеукраинская партконференция. В основу всех решений легло положение, что за дело нужно браться систематически, не урывками, намечая себе только такую работу, которую можно выполнить, что называется, без запинки. Система плановости и проверки этих планов— вот, что было положено в основе метода работы. И если XII конференция РКП поставила очередной задачей борьбу с наступающей буржуазной и мелко-буржуазной идеологией, то задачу закалки членов партии против этой идеологии поставила со всей решительностью еще 6-ая всеукраинская партконференция.

Однако, условия голода и нищенское положение членов партии, особенно в голодных районах, естественно, не давали возможности сразу приступить к осуществлению важнейшей задачи по поднятию культурного уровня членов партии.

Насколько было бедственно положение членов партии зимой 21—22 г. можно судить хотя бы по отзыву такого «беспристрастного» человека, как капитан Квислинг, который в своей корреспонденци и заявляет «о скромности коммунистов», в которой он убедился, найдя в Херсонском укоме опухших от голода членов его. Тем не менее, первый сдвиг в отношении закрепления результатов чистки был даже несколько велик для тех сил, какими организация располагала. Мы наблюдаем прямо стихийное стремление к организации кружков, прикрепленные к ячейкам работники подтягиваются. Мы насчитываем к апрелю 1922 г. прикрепленных к производственным ячейкам— 1288, к сельским—636 и к военным—751 человек, а всего мы по Украине имеем около 2.840 прикрепленных. Если с этим сравнить количество ответственных работников всеукраинского, губернского и уездного масштаба, составляющее без армии 3254, то станет ясным, что почти 90% всех ответственных работников, использовано в качестве прикрепленных. Партшколы существуют к этому периоду почти в каждом уезде, что не соответствует количеству лекторских сил в организации. Желание учиться огромное. К апрелю настоящего года выразило желание учиться вообще грамоте и общеобразовательным предметами 4088 чел. Наукам, главным образом, социально-политическим—24966, искусству—2928, т.-е. на учебу потянулось 60% всей организации. Конечно, такое стремление к учебе было слишком не по силам украинской организации. Выполнению директивы 6-ой партконференции об усилении работы на селе местные организации посвящают весь 1922 г. Целый ряд проделанных парткомами работ (о которых речь ниже) ведут именно к этому.

XI С'езд партии поставил перед украинской организацией целый ряд задач первостепенной важности. Если судить о состоянии какой-либо организации по ее работе, то нужно установить, что украинская организация, более или менее справившаяся с поставленными перед ней XI С'ездом задачами, является организацией окрепшей и работоспособной.

Вообще к 5-ой годовщине Октябрьской Революции украинская организация подходит с большим деловым опытом. Если еще в 1921 г. мы становились на путь плановой работы ощупью, причем плановая работа не уходила дальше Губкома, то теперь всякий комитет и даже ячейка удивились бы, если бы им предложили работать не по системе. Всю партийную работу можно сейчас охарактеризовать, как углубленную, строго продуманную; сейчас уже речь идет не о том, чтобы иметь 1—2 работника в укоме. Сейчас на местах практически работают над тем, чтобы приискать достаточно квалифицированного секретаря ячейки с соответствующим организационным опытом. Как украинская организация подошла к директиве XI С'езда о перегруппировке партийных сил, о работе на селе, отмежевании советской от партийной работы и т. д.?

На все эти вопросы дает исчерпывающий ответ следующий беглый обзор работы местных организаций за последние месяцы.

Работа на селе. Проведенный месячник укрепления села дает в итоге организационное упрочение сельских ячеек, волкомов и устраняет путаницу с урайкомами. Затем определяется окончательно линия в отношении комнезамов и принимается ряд хозяйственных и политических мер к их оживлению. Далее в порядок дня работ ставится вопрос о коллективизации. Для коммунистов это делается обязательным, а незаможние втягиваются в нее всякими поощрительными и агитационными мерами. В результате мы уже обладаем довольно крепкою сетью колхозов, которые успели многим помочь и при перевыборах органов с.-х. кооперации. Следующая мера—это работа по усилению села работниками. Здесь мы уже имеем также крупные достижения. Во всех губерниях кончается мобилизация для села ответственных членов партии, мобилизуемые пропускаются через специальные курсы. Сейчас уже работа идет не в плоскости дачи вообще работников, а речь идет уже о том, чтобы дать селу коммуниста-учителя, коммуниста-агронома и т. п. Советский волостной аппарат, в частности председатели и секретари Волисполкомов, подобраны по Украине уже на 85—90%.

Вообще идея о специализации коммунистов воспринята украинской организацией чрезвычайно живо. Сейчас проводится общая перегруппировка партийных сил организации под углом более правильного использования каждого коммуниста. В результате этой перегруппировки должны быть усилены производственные ячейки, парт-и профаппараты. Слабое место украинской организации—это сравнительно небольшое количество коммунистов на предприятиях. Это об'ясняется, главным образом, большим сокращением промышленности на Украине. Перегруппировка и предпринимаемое частичное обучение коммунистов ремеслу должно будет заполнить этот пробел.

Если сравнить состояние нашей работы к 4-хлетней годовщине с нынешним состоянием, приходится констатировать наличие огромной проделанной работы. Конечно, значительную роль сыграл тот поворот, какой принесла с собой новая линия работы в профсоюзах, подтвержденная XI С'ездом нашей партии. Самый поворот в его практическом приложении наши союзы проделали с честью. Мы сейчас имеем на профессиональной

работе примерно 650 ответственных работников губернского масштаба, 1575—уездного, 4335—рядовых и 2430—разных, короче—9000 членов партии заняты на профработе. Из них рабочих—5160, крестьян—600, служащих—3050 и по социальному положению невыясненных 140 человек, причем из числа рабочих профработников на производстве работает 775 человек (фабкомы и т. п.). Это—цифры. Но если приглядеться к тому, насколько освежены составы руководящих органов профсоюзов (правления) в отношении стажа работающих в них членов партии и их социального положения, то картина роста наших сил в профорганах вырисовывается еще яснее. К сожалению, это не представляется возможным выразить сейчас в цифрах. В настоящее время задача укрепления профорганов переносится уже в низшие ячейки профсоюзов, так как там положение еще далеко не благополучно. Что касается антагонизма между профессионалистами и хозяйственниками, то на Украине с этим обстоит довольно благополучно. Гораздо хуже на Украине обстоит с обслуживанием кооперации, хотя и тут, по сравнению с тем, что мы имели в прошлом году, имеются огромные достижения. В частности, проходящая сейчас кампания по перевыборам органов с.-х. кооперации дает в среднем 60% мест коммунистам—цифра, о которой не только год, но 5-6 месяцев тому назад мы и мечтать не смели. Мы имеем сейчас около 550 руководителей и 450 служащих в органах кооперации. Но, конечно, этого недостаточно. Мы еще не проникли в волостную кооперативную ячейку, и это овладение кооперацией на селе стоит на очереди перед украинской организацией.

Что работа в городе и на селе приняла строго очерченные организационные контуры,—особо заметно на работе среди женщин. Нет уже прежней универсальности женотделов, совсем не образец прошлого представляют нынешние делегатские собрания работниц и крестьянок. Но наши женотделы, к сожалению, еще не совсем или, вернее, не все сумели перейти на новые рельсы.

Одно время можно было упрекать украинскую организацию в том, что она мало уделяла внимания своей военной части Сейчас этот упрек можно отвести со спокойной совестью. Демобилизационные настроения в армии окончательно ликвидированы. Взаимоотношения между военными и гражданскими парторганами самые лучшие в смысле согласованности в работе. Мы имеем на руководящей политработе в армии 3593 и на командной 3918 членов партии (по данным на апрель). Прошедшая конференция работников армии выявила большой накопленный опыт и вдумчивое отношение коммунистов-армейцев к своей работе.

УКЛОНЫ, БОЛЕЗНИ И ТРЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Несомненно, что к таким явлениям на первое место,—в смысле давности—следует отнести некоторый националистический уклон, существовавший в украинской организации. Берет он начало в Правобережье в периоде 1919-1920 года. Группа товарищей стояла тогда на той точке зрения, что Украину нужно рассматривать, как самостоятельную

(самостийную) единицу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Некоторые из них договаривались даже до отдельной компартии на Украине, сообщающейся с РКП через Коминтерн. Хирургическим и идейным путем это течение довольно быстро мы стали изживать. Затем, уже позже, в 1920-1921 году мы имеем подобное течение, которое формулирует свою точку зрения, примерно, так: Украина—крестьянская страна, и революцию на Украине творили крестьяне. Следовательно, ставку нужно делать на местные силы. Последний рецидив этого течения мы наблюдали еще недавно, в начале 1922 года, на Волыни, где, по исключении одного из «главарей» этого течения, остальные в количестве 3-5 человек тоже вышли из партии. На почве указанного явления, мы имели в 1922 г. по Правобережью ряд трений в партийных организациях, которые, однако, сейчас совершенно в местных организациях не наблюдаются и не чувствуются.

Вторым уклоном—более или менее широкого характера—нужно считать оппозицию части партийной массы к руководящим органам. Еще до оформления, так называемой, «рабочей оппозиции» мы наблюдаем бурные конференции в Киеве, Екатеринославе, Харькове и других городах на почве недовольства жесткой линией парткомов—и усталости от всякого рода мобилизаций. Редкая конференция в 1920-м году проходила спокойно. Впоследствии, после августовской конференции РКП и письма ЦКРКП «о верхах и низах» это недовольство оформляется в «рабочую оппозицию». Одно время, на почве всякого рода «автомобильной» и прочей демагогии, подымается даже кампания в некоторых организациях против руководящего состава организации вообще. Дискуссия о профсоюзах местами принимает весьма и весьма уродливую форму. Кронштадт, X С'езд партии, с одной стороны, и полное компрометирование наиболее рьяных «оппозиционеров» в целом ряде губерний (Николаев, Екатеринослав, Киев, отчасти Харьков и др.) с другой, довольно быстро вносят успокоение в ряды членов партии, и при вторичном испытании на «оппозицию» (заявление 22-х) украинская организация оказывается на высоте своего положения. Однако, вслед за этим, мы в 1921 году сталкиваемся с другим явлением. Это—трения в руководящих верхушках местных парторганизаций. Эти трения, возникая, мешали работе и в конечном счете ЦК вынужден был снимать тех или иных работников или группы (Одесса, Кременчуг, Волынь, Чернигов, Полтава и др.). 6-ая всеукраинская конференция совершенно категорически поставила перед всей организацией вопрос и потребовала от местных работников подчинения своих интересов интересам партии. В результате, мы за весь 1922 г. имеем всего 2 случая (Полтава, Кременчуг), когда ЦК прибегает к методу смены верхушки. Сейчас большинство руководящих работников находится на местах уже больше 8-10 месяцев, и почти все они переизбраны на недавно прошедших губернских партконференциях.

С начала 1922 г. начали намечаться некоторые явления выходов из партии. Первая забила тревогу по этому поводу Николаевская организация. Был там случай в Елисаветградском уезде подачи заявления о выходе 27 членами партии. Небезинтересным является остановиться на этом

явлении, рассмотрев его размеры, причины и какие слои партии оно задевает. Прежде всего нужно оговориться, что несмотря на то, что в общем и целом все организации отметили необычность этого явления, они (организации) все же не предприняли необходимых мер для детального изучения процесса. Те материалы, которыми мы располагаем, дают картину выходов лишь с известной степенью приближения. Но тем не менее, общие контуры этого явления нанести можно и должно. Во-первых, по поводу количества выходов. Оно столь незначительно, что об этом явлении именно с данной стороны говорить не приходится. Гораздо больший интерес представляют цифры выходов, как сравнительные. Приводимая ниже таблица, составленная на основании отчетов конткомов и отдельных данных, дают следующую картину выходов по социальным рубрикам в процентах. Данные относятся к периоду февраля-марта до августа-сентября 1922 г.

	Рабочих	Крестьян	Прочие	Итого
Армия	24,4%	58,1%	17,5%	100%
Одесская губ.	48 »	38 »	14 »	100 »
Киевская	44 »	34 »	22 »	100 »
Николаевская	40 »	20 »	40 »	100 »
Волынская	24 »	45 »	31 »	100 »
Кременчугская	16 »	68 »	16 »	100 »
Петин. район г. Харькова	63 »	32 »	5 »	100 »
Итого	37,3%	42,1%	20,6%	100%

Эти цифры говорят о том, что выходы, главным образом, охватывают крестьян и так называемых «прочих» (63 процента), причем, в зависимости от характера губернии, процент рабочих понижается или повышается. Особенно это рельефно вырисовывается, если сравнить Петинский район с Волынской губернией, или с выходами в Красной Армии. Еще одно соображение: материалы эти, как уже указывалось, собраны, главным образом, на основании данных ГУБКК. Если учесть то обстоятельство, что многие заявления сельских ячеек не доходят до губернии, то станет ясно, что процент выходов крестьян еще более повысится. Обращаясь к данным о партстаже выходящих из партии, мы замечаем, что превалирующее число их приходится на вступивших в партию в 1920—21 году—около 60%. Также солиден процент выходов среди вступивших в 19 году—около 25%, а в армии—целых 30%. А это был, ведь, год партийных недель! Характерно еще следующее обстоятельство: в тех губерниях, где процент рабочих выше, там и стаж выходящих относительно выше, и—наоборот.

Ознакомившись с этими цифрами, можно перейти к рассмотрению причин и мотивов подачи заявлений о выходе из партии. К сожалению, эта сторона вопроса еще менее освещена, чем другие. Дело в том, что мотивы, которые выдвигают желающие выйти из партии, совпадают с действительными причинами выходов. Мы полагаем, что здесь следует подходить

к каждой социальной группировке с отдельным мерилом и таким путем рассмотреть выходы из партии. Начнем с рабочих. На первом месте, несомненно, здесь стоит мотив тяжелого материального и семейного положения, на втором так называемое несогласие с НЭП. Это собственно основные причины выходов рабочих,—особенно, если принять во внимание, что выход по так называемым мотивам партдисциплины, по существу сводится к тому-же, то-есть что выходящие—рабочие не могут сочетать партийную дисциплину с условиями многосемейности и своего тяжелого материального состояния.

В Красной Армии мы наблюдаем выходы из партии обычно после того, как тот или иной красноармеец-коммунист побывает в отпуску в деревне. После такого посещения его обычно начинает тянуть к земле. Отсюда появляется желание демобилизоваться и зажить своим хозяйством. Нужно установить, что у коммунистов Красной Армии самая распространенная болезнь—именно это желание демобилизоваться. Причем, характерно еще то обстоятельство, что среди попавших в армию по призыву 1900-1901 гг. это стремление было даже одно время сильнее, чем у старых по возрасту и по сроку пребывания в Красной Армии коммунистов.

Среди сельских коммунистов мы наблюдаем выходы из партии исключительно на почве желания усилить и развить свое индивидуальное хозяйство (окулачиться). Что касается категории т. н. «прочих», то это элемент большей частью, чуждый партии, который, в связи с НЭП, нащупал приложение своих сил вне условий партийной этики. Этот элемент очень быстро превращается после выхода в «красных купцов» или предпринимателей. Таким образом, мы наблюдаем два явления: с одной стороны, происходит самоочистка партии, о которой говорил еще тов. Зиновьев в своем докладе на XI-м С'езде партии. С другой же—мы наблюдаем несколько ненормальное явление на почве усталости и тяжелого материального положения. Если приглядеться к тому, на какие месяцы падают эти выходы, то замечается, что наибольшее количество их приходится на март—июнь. Совершенно почти прекращаются выходы к августу—сентябрю, т.-е. тому времени, когда комиссии помощи нуждающимся коммунистам расширили свою деятельность. В селе выходы также замечаются в меньших размерах, но все же не прекратились и по настоящее время. В общем же украинскую организацию в отношении выходов из партии нужно признать благополучной.

К другим болезненным явлениям, заслуживающим внимания, нужно отнести пьянство. Особенно неблагополучно в этом отношении в сельских организациях, где пьянство принимает массовый характер и становится характерной чертой быта сельских коммунистов. За последнее время вокруг этого вопроса усиленно мобилизуется партийно-общественное мнение в городских организациях. Нужно надеяться, что сопротивление, какое встретило данное явление в городах, вскоре перекинется и на село. Организации найдут в себе силы дать должный отпор разлагающему явлению НЭП'а в нашей партии. К таким же явлениям нужно отнести замечающуюся некото-

рую тягу к обмещаниванию, оседанию, свитию «семейного гнезда». Это явление затрудняет переброски и делает организацию небоеспособной. Думаем, что на Украине это явление не так уж общераспространено и что оно не является характерным для украинской организации.

АППАРАТ.

Несомненно, что от того, как построен и в каком состоянии находится партийный аппарат, зависит в сильной мере и работа партийного комитета. Эту истину украинская, как и другие организации, уяснила себе не сразу, не сразу же обратила на состояние своих аппаратов должное внимание.

Состояние партийного аппарата на Украине в 1920 г. рисуется, примерно, таким образом: в комитетах партии мы имели в среднем по одному в уездном и по два в губернских ответственных работника, при чем часть их умудрялась еще работать по совместительству. Единственно твердо существующими к тому времени отделами являются отрабсель и женотдел. Дальше, начинается целый ряд комбинаций, в которых фигурирует организационный, информационный, иногородний, пропагандистский, агитационный, отдел субботников, кооперативный и т. п. отделы в самых невероятных сочетаниях. Но самым важным было не это пестрое сочетание, а то, что в большинстве случаев отделы существовали без работников. Еще хуже дело обстоит с периферийным аппаратом. Секретарей ячеек нет, или почти нет,—тем более, в селе. К концу 1920 г. целый ряд комитетов приступает к формированию партийного аппарата. Закрепляются по два работника на уком и по три на губком, начинают подбираться инструктора. Регулярно функционирующие отрабселы и женотделы, созываются на совещания, которые способствуют проведению большой работы, особенно по вовлечению работниц в городе, и крестьянок на селе в советское строительство.

По размерам своих функций выделяется учраспред, так как в условиях постоянных мобилизаций требовалось и особое внимание к соответствующему аппарату. Зато и работа учраспреда ограничивалась, главным образом мобилизациями.

После X-го С'езда вопрос о партийном аппарате начинает уже больше занимать партийные организации. В мае 1921 г. делается первая попытка достижения во Всеукраинском масштабе единообразной конструкции парткомов. Совершенно почти конструируется Организационно-Инструкторский Отдел и на ряду с этим ликвидируется отрабсель. Созывается к тому времени первое совещание оргинстров и разрабатывается единообразная система организации ячеек, определение их функций, а отчасти и методов работы. Обращается должное внимание на организацию информации и т. д. Что еще продолжает оставаться в стороне от внимания парткомов,—так это аппараты для агитации и пропаганды. Агитпропы и подведомственные им учреждения продолжают пребывать в достаточно хаотическом состоянии, работая без единого плана и руководства. Партшколы существуют в не-

ограниченном количестве и с разнородными программами и методами работы. Главная работа агитпропов все еще вращается вокруг агитации, митингов и прочей «летучей» работы.

К тому времени периферийный аппарат парткомов тоже начинает поправляться, местами подбираются секретари волкомов, почти всюду уезды разбиты на районы (по территориальному, по преимуществу, признаку) и имеются, хоть и не очень сильные, райкомы. Плановая работа к концу года проникает уже во все губкомы, но не докатывается еще до укомов. Губкомы уже начинают перемещать секретарей укомов, перебрасывать и подбирать их. 6-я конференция вопрос о партаппаратах уже переносит из плоскости организационного закрепления и оформления в плоскость подбора для них сильных и опытных работников и подбора единого сильного инструкторского состава сверху до низу для живого обслуживания местных организаций.

Для усиления работы на транспорте выделяют транспортные под'отделы при оргинстре.

Кризис, как уже указывалось, переживают женотделы. Вследствие усталости на этой работе, вследствие того, что работа стала труднее в условиях НЭП и повсеместного сокращения штатов, работники женотделов решили, что нет надобности в специальных аппаратах для работы среди женщин. Начиная с XI-го С'езда партии, вопрос о подборе партийного аппарата продолжает не сходить с повестки дня работ каждого парткома. В прошедшее летом т. г. совещание оргинстров детально обсудило этот вопрос. В связи с общей перегруппировкой партийных сил, организация достигает следующих основных результатов: задачей и работой сегоднешнего дня становится подбор сильного секретаря волячейки, ячейки на производстве, губернских и уездных инструкторов. Что касается работников в бюро губкомов и укомов, то таковые уже почти подобрались и работают в среднем уже в течение 2—10 месяцев. Не так уж благополучно обстоит и сейчас дело с работниками по линии агитпропа. Организация еще не выработала работника—специалиста пропаганды. Несколько благополучнее дело обстоит с лекторскими силами для губпартшкол, но, как правило, из рук вон плохи кадры пропагандистов в уездах. Вообще, линия на специализацию партработников в Украинской организации привилась довольно крепко, и аппарат парткомов по учету работников разных групп и категорий поставлен довольно прилично.

Мы на Украине имели в апреле 1922 г. 3190 человек в партаппарате. Из них, примерно, 20 человек—всеукраинского масштаба, человек 40 на работе членов бюро губкома, 222—членов бюро укомов, и 220 человек на всякой другой ответственной партработе губернского и уездного масштаба. Цифры эти не совсем точны, но тем не менее, приблизительно, верны. Если затем принять во внимание, что за последние месяцы наши партийные аппараты еще успели подправиться,—особенно, по части села, ячеек и инструкторского аппарата, то можно вполне уверенно сказать, что в распоряжении украинской организации к пятому юбилею имеется в общем удовлетворительно подобранный состав партработников.

Не безинтересным также является вопрос о том, кто управляет партийным аппаратом Украины и руководит украинской организацией. Всего мы имеем по губкомам, укомам, горрайкомам и волкомам 2174 членов, из коих вышло из семей:

Название парткома	Рабочих		Крестьян		Служащих		Интеллигент.		Прочих		Без указания		Итого	
	Абс.	в %	Абс.	в %	Абс.	в %	Абс.	в %	Абс.	в %	Абс.	в %	Абс.	в %
Губкомы	76	45,0	28	16,6	7	4,1	49	29,0	7	4,1	2	1,2	169	100,0
Укомы	397	47,9	208	25,1	61	7,4	127	15,3	10	1,1	26	3,2	829	100,0
Гор. и райкомы .	458	58,6	168	21,5	50	6,4	43	5,5	8	1,1	54	6,9	781	100,0
Волкомы.	90	22,8	277	70,1	6	1,5	10	2,5	2	0,6	10	2,5	395	100,0
Итого. . .	1021	46,9	681	31,4	124	5,8	229	10,5	27	1,2	92	4,2	2174	100,0

Если сравнить эти данные о членах парткомов с данными о составе нашей партии по социальному происхождению, то нужно констатировать, что процент выходцев из рабочей среды, среди членов парткомов, значительно выше, нежели в партии: в партии их насчитывается 37,9%, а в парткомах 46,9%, а процент выходцев из крестьянской среды в парткомах ниже, нежели в партии в целом: в партии 42,9%, а в парткомах 31,4%.

При этом необходимо отметить, что состав гор. и райкомов социально выше, чем в других парткомах: в них выходцев из рабочей среды—58,6%.

Что касается партийного стажа, то большее количество членов парткомов падает на 1917 и 1919 год (по 22%), при чем в губкомах процент с дореволюционным стажем подымается до 32,6%, а в укомах спускается до 9,8%. Очевидно, что средний стаж для членов губкома и укома сохранен. Несколько менее благополучно обстоит дело с членами парткомов в отношении пребывания их в других партиях. Оказывается, что в то время, когда процент выходцев во всей организации равняется 8,82%—среди членов парткомов он равняется 18,4%, при чем особо неблагополучно в губкомах, где выходцы из других партий составляют 34,3% и в укомах, где их 24,1%. Вот где—слабое место украинской организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Состояние партийной организации определяется:

1) личным составом, 2) руководящим составом, 3) аппаратом и 4) работой, проводимой организацией. Мы в настоящей статье, по мере сил, постарались осветить все эти стороны состояния нашей украинской организации. Каковы же отсюда выводы?

В отношении личного состава: несмотря на то, что на Украине преобладают крестьянские губернии, социальный состав в отно-

шении рабочих не только не ниже, но частично даже выше общероссийского уровня. Несколько неравномерно только партия черпала своих членов из отдельных частей рабочего класса. Следующая таблица наглядно говорит, в какой отрасли промышленности наиболее слаба украинская организация. На одну тысячу рабочих приходится членов партии:

	Горнорабочие	Металлисты	Железнодорожники	Водники	Местн. трансп.	Почтель	Сов работн.	Проч. отр. физическ. труда
	16	106	4	13	16	21	101	45
% отношение этой отрасли рабочих ко всем рабочим Украины	13,8	9,7	10,7	2,7	2,5	3,5	16,2	31,9

Таким образом, видно, что, сравнительно, в украинской организации мало горнорабочих и железнодорожников. Что касается последних, то нужно признать, что наши Трансподы не сумели до сих пор развить ту работу, которую развить нужно было бы. Пожалуй, еще хуже дело обстоит с тем, за счет кого организация будет расти в дальнейшем. На ближайшее время мы имеем членов и кандидатов на ячейки, по неточным данным, примерно в следующем виде:

Род ячеек	Колич. ячеек	В них		На 1000 членов приходится кандидатов	На одну ячейку приходится	
		Членов	Кандид.		Членов	Кандид.
Произв. и транспорт. .	709	7966	2132	268	11,2	3
Сельские.	1378	7596	5889	775	5,5	4,3
Военные	1386	18577	5462	321	13,4	4,3
Прочие.	1122	19356	3854	199	17,2	3,4
Итого и в среднем приходится	4595	53495	17837	334	11,6	3,9

Повторяем, изложенная таблица не совсем точна. Но тем не менее, отклонения могут быть очень незначительные. Таким образом, перед нами встает чрезвычайно серьезный вопрос: как в дальнейшем будет пополняться организация и как в дальнейшем, по мере роста, будет группироваться по социальным рубрикам украинская организация.

Еще одно заключение, которое следует сделать на основании приведенной таблички—это где и в каких отраслях сконцентрированы члены партии? Мы видим, что по воинским органам у нас насчитывается 35%, по советским, партийным, профессиональным—36%, в селе—14% и в производстве—15%. Так дальше продолжаться не может. Процент коммунистов в советских и прочих ячейках должен быть снижен не меньше, чем до 25%,

за счет увеличения числа коммунистов в производственных и сельских ячейках. Вообще у нас село, несмотря на все переброски, еще не имеет того минимума, какой оно должно было бы иметь.

Второй вывод: относительно внутрипартийной работы—сеть партшкол сокращена до одной губернской и 2-х уездных в каждой губернии. Но этим нельзя исчерпать вопрос о партпросвещении. Учет политграмоты дает в среднем 60% для 1-й категории (политически неграмотных) 30%—для второй (немного грамотных) и не больше 10 для третьей (политически развитых) и то—с большой натяжкой. Отдельные уезды совсем не имеют ни одного коммуниста, которого можно было бы отнести к третьей категории по политграмотности. И если в губернских городах еще положение терпимо, то в уездных центрах, а в особенности на селе, дело обстоит катастрофично. В селах зачастую трудно достать не только политически грамотного, но весьма трудно бывает добиться подписи коммуниста с трехлетним стажем. Наши школы политграмотности, конечно, являются наилучшей формой партпросвещения, но для села требуется нечто другое. Раз'ездные коллегии хороши, но раз'езжать то, ведь, некому. Очевидно, украинская организация стоит перед необходимостью произвести известное перераспределение своих интеллектуальных сил с тем, чтобы были учтены нужды села. Наши ячейки, как правило, подтянулись. Тот метод работы, который принят для производственных ячеек, дает блестящие результаты. Мы имеем целый ряд фактов, по которым можно утверждать, что активный передовой элемент среди рабочих втягивается, идет в партию, но наша беда в том, что наши ячейки там слабы и малы. Если у нас в среднем имеется по 11-12 коммунистов на каждом предприятии, (причем здесь учтены вместе с администрацией, предприятия, где ячейки существуют) и если сравнить количество их с количеством рабочей массы, то на 1000 рабочих в производстве мы имеем в среднем не больше 11 коммунистов, т.-е. работающие в производстве коммунисты составляют по отношению к этим рабочим что-то около 1,1%. Это—вместе с администрацией! Конечно, положение нужно признать ненормальным. При таком состоянии наших производственных ячеек развить большой приток рабочих в партию будет трудно.

В отношении уклонов и болезней положение нужно, как мы уже говорили, признать благополучным,—но успокоиться на этом еще нельзя. НЭП так и норовит ворваться и расположиться хозяином в рядах нашей партии. Недаром ряд организаций усиленно начали дискуссировать вопрос о комэтике. Этот вопрос сейчас очень актуален.

Нужно, чтобы члены партии уяснили себе, что коммунист себе позволить может и чего ему делать даже при архи-НЭП'е недопустимо. Затем, нужно констатировать известное упадочное настроение среди членов партии. Не очень развитый член партии начинает несколько терять перспективу на дальнейший ход развития революции. У него создается впечатление, что рабочих понемногу оттирают от органов управления и что рядовому рабочему как-будто нечего становится делать в рабочем государстве. С другой стороны, мы наблюдаем со стороны не в меру

ретивых поклонников НЭП'а действительно известную излишнюю «спецоманию». На почве этого и на почве, главным образом, недостаточной марксистской закалки и наблюдается это самое—«омещанивание». Украинская организация, повторяем, стала на путь изживания этих явлений, и мы уверены, что она поборет их так же, как поборола многие уклоны.

В верхушках организации бывалой несогласованности и трений нет. Отдельные рецидивы, как кременчугский, в счет не могут итти.

Состояние аппарата в общем и целом нужно признать больше, чем удовлетворительным. Сейчас речь идет об утончении и об известной специализации наших партработников. За период до XII С'езда партии нужно будет окончательно сформировать сельский партийный аппарат и городской,—ячеечный; об отдельных деталях не будем здесь говорить. При той системе, к которой прибегли наши парткомы; при снятии с себя советской работы и посвящении себя исключительно партийной,—наш аппарат, несомненно, справится с предстоящими задачами внутрипартийной работы. Наша организация частично попадает опять в полосу голода. 14 уездов уже об'явлены голодающими. В Николаевской губернии мы уже имеем случаи полного истощения членов партии от голода. Мы не можем допустить, как в прошлом году, чтобы коммунисты, на которых держится вся работа опухали от голода,—такое «благородство» нам не по карману!

Зима предстоит хлопотливая. В отличие от прежнего, нужно работу ставить и в городе и в селе одновременно. Мы к XII С'езду партии должны предстать только с 25% в первой группе политграмотности. Нужно, чтобы 7-ая Всеукраинская Конференция, подитоживая работу украинской организации за год, могла бы с гордостью констатировать и эти успехи.

5-й юбилей Октябрьской Революции (а для легальной Украины только третий) Украинская организация встречает с полным чувством своей крепости и сознанием важности предстоящей и значительности проделанной работы.

А. ГИЛИНСКИЙ.

Октябрьская революция и Красная Армия

«... Если новая революция вызовет к господству новый класс, то не даст ли она ему в руки новые военные средства и не создаст ли новую военную тактику, перед которой Наполеоновская будет такой же устарелой и бессильной, как перед Наполеоновской—тактика семилетней войны?».

Ф. Энгельс.

Октябрьская революция разрушила старую царскую армию, но вместе с тем, она же создала историческую необходимость организации Красной армии, историческую необходимость не только в том смысле, что пришедший к власти класс нуждался в организованной вооруженной силе для защиты своих завоеваний, что она была ему необходимой, но и в том смысле, что революция создала и благоприятные условия для формирования такой вооруженной силы. Всякий, кто помнит первые месяцы октября, тот ярко представляет себе ту неудержимую силу разложения и развала, которая охватила старую армию. Совершенно стихийная демобилизация, полнейшая невозможность сладить с подлежащими демобилизации солдатами, полнейшее отсутствие всяких сдерживающих центров в этой демобилизационной волне, запружавшей вокзалы, бравшей с бою поезда, угрожавшей смертью машинистам с знаменитым криком: «крути, Гаврила»,—и, что всего хуже, полнейшая невозможность помешать этой вольнице забирать с собой оружие и растаскивать драгоценнейшее военное имущество—вот что характеризовало эту эпоху. Усталость от войны в широких массах была стихийно столь сильна, что, казалось, нет решительно никакой возможности и надежды созвать обратно этих беглецов или остановить развал. Однако, как это ни удивительно, такое чудо совершилось: через полгода после окончательного развала старой армии у нас были уже не только декреты и приказы, но и первые полки Красной армии: прошла первая мобилизация.

Как это могло случиться? Недавно в одном из захолустных уездных городов Украины одного новобранца спросили—зачем он идет в Красную армию? Он ответил: «Что-ж, уж коль затеяли советскую власть, так и защищать ее надо!». Те самые миллионы солдат, которые разбегались из старой царской армии, разнесли по необ'ятной российской земле идеи и лозунги Советской Власти. Эта Советская власть значила для многих и многих миллионов раскрепощение от ига буржуазии, помещика, урядника, означала конец чуждой империалистической войне. Эта Советская власть

разрешила задачу, поставленную всем предидущим историческим развитием, задачу, которую не сумела разрешить революция 1905 года. И чем глубже была у миллионов трудящегося населения горечь и сожаление о неудаче революции 1905 года—в городе особенно остро—неудавшегося свержения самодержавия и гнета буржуазии, а в деревне—неудавшегося захвата земли и уничтожения гнета помещика, земского начальника и урядника,—чем тяжелее и горше был этот осадок от неудачи революции пятого года, чем менее удовлетворяли и чем более раздражали трусливые фразы соглашателей в 1917 году, тем с большим энтузиазмом был неизбежен порыв и готовность защищать и отстаивать победу Октябрьской революции. Задолго до того дня, который мы считаем днем основания Красной армии—до издания первых декретов о формировании Красной армии—трудящиеся уже выдвинули из своей среды героические отряды Красной гвардии и последние уже начали свою борьбу.

Формирование новой армии, первые шаги ее организованного строительства делались руками специалистов старой царской армии. Следовало ожидать, что она будет полным повторением старой царской армии: ведь, она строилась во многом по старым штатам, по старым уставам. Многих из нас, если не удивляла, то, во всяком случае, заставляла задуматься утвердительная надпись ПредВЦИК'а т. Свердлова на старом воинском уставе, из которого была выкинута относившаяся к царю часть,—остальное же осталось по-прежнему. И, несмотря на это, можно много спорить о том, создала или нет Красная армия свою особую «военную доктрину», можно спорить, возможна ли и нужна ли «доктрина» вообще,—но совершенно несомненно, что Красная армия—это новая армия, армия Октябрьской революции, армия пролетариата.

«Эмансипация пролетариата также будет иметь свое военное выражение и создаст новый метод ведения войны»—говорит Энгельс. Создала ли Красная армия этот новый метод? и если создала, то на какой основе вырастет этот новый метод ведения войны? Этот новый метод может придти на смену методам предшествовавшего исторического периода лишь на основе роста производительных сил, на основе развившейся промышленности, на основе переворота в последней. С этой точки зрения можно было бы предполагать, что зародыши новой армии следует искать не у нас, а в Западной Европе, скажем, во все усиливающей свое вооружение Франции. Однако, это не совсем так. Пролетариат, строя свою армию, конечно, вполне овладеет современными завоеваниями техники. Новая армия, ее сущность и содержание определяются у нас, в России, так же, как будут определяться в будущем на Западе, в эпоху борьбы за диктатуру пролетариата, перед последней в переходную эпоху. Разумеется, технический уровень этой армии, ее тактика и стратегия не могут перескочить сразу на высшую ступень уже при существующих технических условиях и существующем производстве, а тем паче при отсталых производительных силах. Новая армия, конечно, широчайшим образом использовывает современное ей состояние производительных сил, науки, техники,—но

основное в этой новой армии, ее сущность, основное содержание определяется той революцией в общественных отношениях, результатом которой является и сама диктатура пролетариата.

Для формирования всякой новой, высшей по своему уровню во всех отношениях, и прежде всего в военном отношении, армии необходим повышенный уровень рядовых бойцов новой армии. Этот повышенный уровень может быть дан при двух условиях: увеличение роли городского фабричного пролетариата в армии и освобождение пролетариата и крестьянства от буржуазного, помещичьего и политического гнета. Наша революция в этом отношении сделала чрезвычайно много. Масса трудящихся классов в нашей республике за время революции выросла на целую голову. В одном из рассказов, кажется, Пильняка, автор говорит, что у нас народился в деревнях и селах—вообще в Республике—целый слой, который «энегрично фукцирует». В выговоре этих слов у них не все благополучно, но «фукцируют» они действительно «энегрично», проявляя большое уменье управления и организации.

Наша Красная армия счастлива именно тем, что громадный слой таких трудящихся очутился в ее рядах, что основная масса таких трудящихся, разбуженных и поднятых на целую голову революцией, строили и руководили отдельными ее клеточками. «...Далеко будут отстоять начальные попытки нового ведения войны ожидающейся революции (пролетарской Н. Р.) от военной тактики эмансипировавшегося пролетариата»—говорит Энгельс («Перспективы войны Франции против Священного Союза». Стр. 13 изд. «Наша Мысль». Харьков 1919 г.). И нет ничего удивительного, что теперь еще приходится (и с весьма большим основанием) спорить о том, создал ли российский пролетариат уже новую тактику и стратегию,—но несомненно, что один из основных элементов, если не самый основной, для этого на лицо: это—пролетарская революция и связанная с ней эмансипация пролетариата и крестьянства, значительно повышенный культурный и политический уровень масс.

Конкретная историческая обстановка заставила нас использовать в качестве строительного материала и руководства по этому строительному искусству старые уставы, равно, как и старую трехлинейную винтовку, выкидывая из них на первое время лишь титулование и эмблему царя. Мы не боялись после этой весьма поверхностной операции на старом воинском уставе ставить утвердительный гриф председателя ВЦИК'а и секретаря нашей партии тов. Свердлова. И мы хорошо сделали, что не побоялись этого. Как это ни странно, несмотря на то, что мы, строя армию, по словам тов. Троцкого—несомненно ближе всех знающего этот период—были в этом строительстве грубыми эмпириками, не исходившими ни из каких отвлеченных предпосылок, избегавшими дедукций,—новая армия, тем не менее, оказалась действительно новой. И тот факт, что мы строили ее без надуманности и нарочитости, без предвзятых отвлеченных положений о необходимости строить что-то новое, а, наоборот, действовали «грубо эмпирически», пользуясь старыми уставами—ничего не меняет в этом поло-

жении. Ни одна новая высшая форма, ни одно историческое явление не появляются в результате такой сознательной дедукции. Всякое «разумное и действительное» в диалектическом смысле историческое явление вырастает из предыдущего развития, становясь необходимым и неизбежным, для данной эпохи, эмпирически необходимым. Массовая тактика Наполеона, сделавшая переворот в военном деле (как в свое время и тактика Фридриха), были найдены эмпирически деятелями тех времен. «... В битве при Жемание, Дюмурье победил тем, что полуинстинктивно применил против австрийской системы кордонов и бесконечно длинных фронтов массовый удар.. »— рассказывает Энгельс и далее об'ясняет, что вызвало этот маневр—оказывается, чрезвычайно «эмпирические» обстоятельства: «она (массовая тактика. Н. Р.) родилась из тяжелого положения французской армии, нуждавшейся в численном превосходстве, чтобы иметь доверие к своим силам. Масса должна была заменить дисциплину» (курсив мой. Н. Р.) ...Вот из каких прозаических вещей фактически родилась новая тактика. Но переворот, произведенный массовой тактикой, в военном деле имел величайшие исторические последствия.

Мы начали также эмпирически. Также эмпирически мы развиваемся. Мы перенимаем и будем перенимать у наших врагов все достижения техники и даже тактики. В отношении техники нынешние буржуазные армии впереди нас. И, если сейчас, в нынешний момент, «начальные попытки пролетариата далеко еще отстоят от военной тактики эмансипировавшегося пролетариата», если, может быть, впереди нас в этом отношении окажется пролетариат какой-нибудь западно-европейской страны, восставший в свою очередь против капитала, то несомненно основные условия для создания пролетарского военного искусства в нашей Красной армии налицо. Наши победы над многочисленными врагами, превосходившими нас и своей подготовкой, и снаряжением, и вооружением, и снабжением—тому доказательство.

Война, которую ведет Красная армия—всегда война гражданская, даже тогда, когда по внешности эта война носит характер войны наступательной. Это не может оказаться без влияния на «методы ведения войны», на стратегию, в первую голову, на тактику, формирование, комплектование. Как это отражается и отразится—не место здесь разбирать, да и надо здесь же сказать—трудно это делать по «первым начальным попыткам» восставшего пролетариата. В войне, на какой нибудь западно-европейской территории это проявится, вероятно, ярче, чем было до сих пор. Вообще, формы строительства и борьбы пролетариата на другой день после социальной революции там будут отличаться от наших.

Постоянная армия, обычно, не только колючей проволокой, окружающей казарму, оторвана от всего населения своей страны. Всем своим внутренним укладом, своим духом она—отрезанный ломоть от всего населения. А между тем, Красная армия в течение всей своей борьбы проделала гигантскую созидательную работу и в области культурной, и в области политической. Наши завоевания, наши освобождения от неприятеля отдельных мест приносили с собой не только смену режима, но и новые идеи,

новый характер власти, поднимали к последней новые слои, целые пласты—а, ведь, приносила все это именно армия и, в первую голову, армия. Больше того, гражданский аппарат повсюду—это общее правило—не поспевал за Красной армией и во всех освобожденных местах именно она проделывала основную первоначальную организационную и политическую работу. В этом смысле Красная армия действительно армия Октябрьской революции. Красная армия оказалась не только военной, но и величайшей политической и культурной силой. На Украине, и в особенности, на Правобережьи это сказалось особенно ярко. Правда, мы Красной армии дали лучшие силы, которыми наша партия обладала. Но партия получила их обратно, с несомненной лихвой, значительно выросшими во всех отношениях. Если же говорить о самом красноармейском составе Красной армии, то могут ли у кого бы то ни было быть сомнения относительно того, что красноармеец вернулся и возвращается из Красной армии в деревню с горизонтом во много раз более широким, нежели с каким он уходил, грамотным и в общеобразовательном смысле этого слова, и в санитарном, и в политическом? Армия—эта наиболее отчужденная от всей массы населения во всех странах организация,—у нас могущественная политическая и культурная сила и школа.

Шефство началось у нас недавно. Лишь в течение последних месяцев шефство развернулось достаточно широко. Далеко не все еще на этом пути сделано. Но уже сейчас явственно начинает чувствоваться не только материальная, но и политическая роль этого начинания. То, как это начинание быстро привилось, колоссальная спайка, которую она дает между населением, пролетариатом, заводом, органами Советской власти и воинскими частями имеет колоссальнейшее значение. Наша пресса приводит каждодневно множество таких случаев, я упомяну хотя бы об Екатеринославе и 30 Иркутском. Мы отказались «эмпирически» от милиционной системы, но нынешняя наша армия сохраняет и развивает у себя лучшие и важнейшие стороны этой системы. «Далеки первые, начальные попытки» от окончательных форм новой армии. Но основное—сущность содержания этой новой армии—у нас налицо.

Мы не говорим специально о политическом аппарате, о наших комиссарах, политруках, политсоставе. Не приходится говорить и о том, что именно они были проводниками внутри армии всего того, чем она отличается от армии старой. Это бесспорно. Попытки подражать нам в этой работе были у наших врагов, с которыми мы скрещивали оружие в эти тяжелые годы—у деникинцев, поляков; но это было жалкое копирование внешних форм. В западно-европейских армиях прекрасно поставлено дело идеологического одурманивания солдат. Но все эти попытки, как возникшие под нашим влиянием, как и попытки совершенно самостоятельные ввести новый «род оружия»—агитацию—не имеют ничего общего,—разве только в формах и некоторой технике,—с той работой, которая проводилась и проводится нашим политическим аппаратом.

Там, у врагов, решающий момент—техника, имеющая целью одурманивать. Решающий момент в нашей агитации — технически отсталой

в сравнении с западно-европейской, ее глубокая внутренняя «правда-истина» и «правда-справедливость» нового класса, освобождение которого означает освобождение всего человечества. Этого перенять нельзя никакому врагу. Тем более, что роль агитатора у нас выполняет каждый боец. Недаром демобилизованные, возвращаясь домой, оказываются нашей надежной опорой в селе.

Изумительные победы доказывают то, что говорилось выше. Мы побеждали врагов, гораздо лучше нас подготовленных, обученных, снабженных, снаряженных. И мы, оборванные, босые, голодные смогли это сделать только потому, что мы действительно делали дело миллионов трудящихся нашей страны, что мы, будучи по форме постоянной регулярной, не милиционной армией, были в то же время армией Октябрьской революции, армией, по сущности своей отличной от противостоявших нам армий.

Мы смогли это сделать потому, что мы были Красной армией.

Н. РАБИЧ.

Школа Революции

Обычно нам некогда оторваться от текущей работы, от повседневных работ, от сверлящей мозг мысли о завтрашнем дне с его еще, быть может, большими трудностями (по счастью,—трудностями для наших врагов еще большими, чем для нас)

Мы живем сегодня и завтра. Даже когда вспоминается прошлое, обычно всплывают образы либо невероятных испытаний, какие пришлось пережить, либо сказочных, блестящих побед, одержанных на бесчисленных фронтах.

У нас есть что вспоминать. И верно не будет недостатка в воспоминаниях ко дню пятой годовщины.

От того ли, что меня сейчас с хозяйственного фронта перебросили на идеологический и мысль заработала в определенном направлении, или от чего другого—не знаю, но когда получил предписание отложить текущую работу и в срочном порядке заняться воспоминаниями к 5-ой годовщине великого Октября, первое, что пришло в голову и чем захотелось поделиться, это то, как мы все выросли, какую великолепную школу прошли за эти пят лет.

На эту тему можно уже написать целые томы, привести моллионы интереснейших, разительнейших фактов.

Поистине «революция—локомотив истории», как образно выразился в свое время сам переживший революции 48-го года К. Маркс.

Быстрота, с какой пробивают себе дорогу в период революции новые идеи, живость работы мысли—прямо сказочны, и вместе с тем поразительно ярко и отчетливо выступает,—прямо может быть прощупана в этом бешеном потоке событий старая марксисткая истина, что идеи развиваются не сами по себе и из себя согласно законов логики, а берутся из жизненного опыта и, прежде всего,—опыта общественной жизни. И по существу в стремительном беге событий революции всего медленнее, почти всегда с опозданием, тянется мысль, идеи, даже фантазия, собственно лишь закрепляющие пережитое, перевареное, закрепляющие тяжким, часто кровавым опытом добытые выводы.

Прямо поразительно, до чего человек на данной ступени культуры еще беспомощен в предвидении, т.-е. в правильном учете фактов и направления их дальнейшего развития.

Мы поражаемся, и справедливо—гениальности нашего вождя т. Ленина, сумевшего при помощи мощного прожектора марксистской мысли еще в апреле 17-го года обнаружить в густом тумане будущего смутные очер-

тания Советов. Мы, коммунисты, единственные на корабле человечества в безбрежном океане истории, имеющие компас марксизма, уже можем ориентироваться в общем направлении. Но наши прожектора, даже такие, как мозг Владимира Ильича, еще чрезвычайно слабы, и фактически нам приходится и еще долго придется идти по большей части ощупью. Хорошо и то, что все же мы умеем кое что видеть из того, что находится хотя бы под носом. Наши враги из лагеря буржуазии и этой способности лишены и на каждому шагу спотыкаются безнадежно.

В таинственном пока процессе мысли человеческой (таинственном не в смысле чертовщины какой нибудь, а в смысле неизученности еще явлений), поражает всегда то, каких в конце концов огромных изумительных результатов достигает человек, с ничтожными по существу средствами,—аппаратов непосредственного восприятия ощущений. Ведь известно, что непосредственно самый талантливый математик умеет «считать лишь до трех». Так, если взять несколько предметов,—ну, к примеру, орехов—и разложить их на столе, на каком угодно фоне и в каком угодно порядке в совершенно темной комнате перед глазами любого человека и осветить их светом электрической искры, длящейся одно мгновение (точнее – сотую долю секунды) (для того, чтобы человек не успевал соображать и комбинировать, а брал только свои непосредственные ощущения), то в таком случае, хотя орехи будут видны вполне отчетливо, самый ученый математик сможет сосчитать и точно указать число лишь до трех, а от четырех и свыше того уже получится ощущение «многого». Лишь путем опыта, притом повторного опыта, путем всевозможных комбинаций и сцеплений одних представлений с другими, человек тянет нить своей мысли, плетет тонкое кружево ее в бесконечность, но плетет не из ничего, не из бесплотной духовной субстанции самой мысли, а из непрерывно обновляемого материала фактов живой действительности, в развитии которой, особенно в явлениях общественного порядка, мысль человеческая, хотя и играет и порой даже весьма заметную роль, но все же по существу является величиной производной и уж менее всего независимой.

Мне вспоминается сейчас один эпизод из эпохи Октябрьской революции. Это было на другой день после октябрьских боев в самом Киеве. когда в Питире уже существовал Совет Народных Комиссаров, рассылая радио «всем, всем, всем»... о победе пролетариата и организации власти Советов. Это было тогда, когда в самом Киеве союз керенцев с корниловцами был разгромлен героическим восстанием киевских рабочих и части местного гарнизона, но власть оказалась в руках Центральной Рады, успевшей под шумок нашей борьбы с российской контр-революцией подтянуть свои войска, еще ослепленные национальным угаром украинства.

Точнее говоря, в тот самый день, когда это произошло, власть в Киеве не находилась ни в чьих руках. Советы (их было два—рабочий и солдатский—отдельно) были слабы. Более того, солдатский, давно не переизбиравшийся, был еще в руках меньшевиков и эсеров. Рабочие, хотя и были победителями, но инстинктивно чувствовали свою слабость (вернее то,

что еще не пришла пора), но в то же время ореол победителей был настолько велик, революционный напор не только городских, но даже и крестьянских масс так силен, что матерое кулачье из Центральной Рады перекрасилось в Советский цвет, (только на желтоблакитной подкладке), так же, как с февраля 17 года оно было сплошь «социалистическим».

Было совершенно ясно, что во Всеукраинском или даже губернском масштабе киевские рабочие брать власти не могут, что здесь придется пройти через Раду и ждать либо крушения мелко буржуазных иллюзий в борьбе с Советами (как исторически случилось), либо попытаться советизировать Раду мирным путем, как были советизированы, если можно так выразиться, меньшевистско-эсеровские советы, первоначально пуще огня боявшиеся советской власти.

Но в самом Киеве, Рада никогда авторитетом не пользовалась, и Совет как будто мог взять власть в свои руки.

На первом заседании большевисткого комитета, после того, как его вызволили из плена (кажется, только Андрей Иванов да я избежали ареста,— вернее, я выскочил счастливо уже из штаба, куда меня привели, захватив на улице несколько раньше ареста во дворце всех остальных комитетчиков во главе с тов. Пятаковым). По инициативе кажется т. Пятакова был поставлен вопрос об организации Советской власти в городе Киеве (именно, об организации, а не захвате, так как захватывать-то было не у кого).

Говорили довольно долго и решение приняли организовать власть Советов, а с чего начать—ничего не придумали. Поручено было разработать тезисы на сей предмет тов. Гальперину, т. к. он-де юрист, и мне—уж не знаю почему,—я тогда еще химией занимался. Еще сутки мы думали,— каждый порознь и оба вместе—и учитывая реально сложившуюся обстановку, свели свои предложения к одному по существу,—вооружению рабочих и рабочей милиции, которая должна была заменить керенскую милицию, подлежавшую разоружению и роспуску.

Помню, чувствовали себе, идя на заседание комитета, мы с Гальпериным неважно. И, действительно, намылили нам голову здорово. Юрий Пятаков заявил, что мы выхолостили весь смысл его предложения. Другие комитетчики тоже не отставали в критике—действительно весьма мало советского проекта. Но как то так случилось, что никто ничего другого более определенного и напоминающего Советскую власть не предложил. Решено было направить все силы только на перевыборную кампанию для завоевания большинства в об'единяемом, как раз под нашим нажимом, Совете рабочих и солдатских депутатов.

Как дальше события развернулись, известно. В об'единенном Исполкоме, благодаря нахождению в Киеве значительного числа украинских частей, мы получили из 30 мест 14. Остальные 16 распределились между меньшевиками, эсерами и украинскими социалистами, которые выступали на выборах, как «большевики»—только украинские, в Совете же, понятно, они были еще правее эсеро-меньшевиков, если можно было тогда быть правее социал-корниловцев.

Попытка, исторически необходимая, советизироват Раду, путем превращения ее в «Советский С'езд Советов», также естественно провалилась и спор был решен вооруженной борьбой организовавшейся вокруг Харьковского советского центра пролетариата, после того, как крестьянская масса, за исключением определенного кулачья. разочаровалась в украинских социалистах.

Сейчас, через 5 лет, легко быть «умным» и видеть, что мы тогда занимались глупостями.

Понятно, неправильны выставлявшиеся (например, во время последней Всеукраинской партконференции) обвинения Киевского комитета, и в частности т. Пятакова, в том, что будто бы не было использовано создавшееся в Киеве благоприятное положение и киевские рабочие были «отданы» под власть Центральной Рады.

Сейчас, после пяти лет непрерывной борьбы, после стольких колебаний украинской деревни, между большевиками и Петлюрой, смешно говорить о возможности в тот момент создать и удержать в Киеве Советскую власть руками одних арсенальцев, не разгромив Центральной Рады в провинции. Но не менее от того курьезным сейчас кажется обсуждение нами в Киевском комитете вопроса об «организации» Советской Власти. Сейчас мы уж твердо знаем, что детали организации Советской Власти стоит обсуждать лиш только после того, как она захвачена, что этот вопрос имел бы смысл, если бы вооруженный пролетариат в Киеве в октябре 17 года смог не только разгромить керенско-корниловский штаб, но также и Центральную Раду, если б в Киеве тогда единственной реальной силой, в результате борьбы, оказался тот же арсенал, с идущими за ним большевитсвующими воинскими частями. Если бы власть фактически находилась в руках вооруженного рабочего, еслиб весь старый аппарат разлетелся, тогда только можно было подходить к вопросу о формах организации стихийно возникшей Советской власти. И то вряд ли какой юрист (уже не говоря о «химике») мог бы наметить то, что создавалось самой жизнью и над урегулированием чего мы уж б'емся пят леть и не один десяток лет еще будем мучиться.

Вот это понимание механики революционных процессов, ясное сознание возможности завоевания власти лишь тогда, когда значительное большинство пролетариата уже завоевано партией революции, [более того, когда об'ективная обстановка складывается так, что большинство населения (в нашей стране крестьянство) в данный момент пойдет за авангардом пролетариата], это отчетливое представление неизбежности хаоса и стихийности в моменты решительной схватки. Это сознание ненужности, даже вредности многих разговоров, планов и даже попыток регулировки, в те моменты, когда требуются лишь общие захватывающие лозунги, да еще забота о вооружении и, пожалуй, о вовлечении в активную борьбу возможно более широких масс пролетариата...—все это понимание дается только путем опыта, порою жестоких ошибок поражений—точно также, как только путем опыта в процессе гражданской войны и хозяйственного строительства нащупываются организационные формы Советской Власти, и методы ее работы.

А наша большевистская непримиримость, наше понимание сути гражданской войны, сознание той простой истины, что «революция в перчатках не делается»,—разве этому не учились мы фактически в процессе революции? Понятно, у нашей партии давно было непримиримости—хоть отбавляй, непримиримости теоретической, когда спор шел с меньшевиками о том или ином пункте резолюции. Понятно, высказывались иной раз чрезвычайно смелые мысли на счет практики гражданской войны. Мы теоретически понимали и весьма даже одобряли практику Робеспьера по отношению к феодальному дворянству и даже соглашательской жиронде. Но на деле мы были довольно таки добродушными ребятами (чтобы не сказать-телятами). И это—не смотря на весь тюремный и каторжный стаж, не смотря на то, что нас, казалось, достаточно при царизме били.

Вот, например, одна презабавная история, разыгравшаяся в Харькове в декабре 1917 года.

Харьков, как известно, был тогда центром и опорой Советской власти на Украине. В Харькове обосновалось первое Советское Правительство Украины, образованное группой киевлян, поставленных в необходимость перебраться сюда из Киева, захваченного Центральной Радой. Здесь же находился тов. Антонов-Овсеенко со своей армией из нескольких сот кронштадтских матросов да Питерских красногвардейцев. Харьков с его рабочим населением должен был стать базой для борьбы как с Калединым, так и с Центральной Радой.

Но Харьков тогда еще не пережил Октября. В нем Советская власть установилась без кровавой борьбы.

Меньшевики заседали в большом числе в Совете и были тоже чуть-ли не советской партией. Украинские социал-демократы,—те совсем большевиков поддерживали. Словом—идиллия. И это сказывалось на всем и прежде всего на отношении к буржуазии.

Тов. Антонов, нуждаясь в средствах для развертывания вооруженных сил, неоднократно просил поддержки у Харьковского Совета, но последний сам по бедности не мог в полной мере удовлетворить нужды армии и не находил сам способов выйти из затруднения. Тогда тов. Антонов рискнул произвести смелый опыт. Не помню уж точно, да это и не важно, непосредственно ли от своего имени или через Харьковский Совет, но только он предложил десятку примерно крупнейших Харьковских капиталистов внести единовременно один миллион рублей (тогда еще это были деньги).

Капиталисты весьма обиделись столь некорректному к ним отношению, и денег не внесли. Тогда т. Антонов послал своих матросов, буржуев арестовали, привели на вокзал, и поместили в штабном вагоне под стражей впредь до внесения денег.

Поднялся изрядный переполох. И не только среди буржуазии. Столь «азиатский» способ действий чрезвычайно не понравился и большевистским руководителям. Я в тот самый момент был в Питере в качестве представителя Украинского Советского Правительства в Совнаркоме Р. С. Ф. С. Р. и знаю это дело по телеграммам, какие посыпались на имя Ленина. При

чем спорящими сторонами были т.т. Антонов и Артем. Украинское Правительство в лице т.т. Бош, Скрипника и Аусема приняло сторону Антонова. Тов. Ленин также одобрил его действия, но курьезнее всего, что т. Артем даже после этого не сразу успокоился, и будучи через дней десять, после того как разыгрался инциндент, сам в Питере горячо доказывал т. Ленину, что так не следовало бы делать, что нельзя поступать на манер кавказских разбойников, которые похищают иной раз богатых людей с целью получить выкуп.

Я впервые с тов. Артемом познакомился как раз в Смольном, в кабинете Владимира Ильича и именно за этим разговором.

А ведь, кто же станет отрицать, что т. Артем был прекрасным большевиком и подлинным революционером и умевшим ненавидеть классового врага, умевшим жертвовать собой, когда это нужно.

Я знал т. Артема и иным, когда в нем уже не оставалось и следа какой бы то ни было сантиментальности, но это было после кровавого опыта борьбы с немцами—в Донбассе, с Красновым на Дону и в Царицыне.

Тогда же в Харькове, не знавшем кровавых боев, т. Артем повторил ту же ошибку, какую проделал сам Владимир Ильич Ленин в октябре 1917 года.

Ведь, отпустил же Ленин под честное генеральское слово попавшегося в плен Краснова, того самого—что вел Корниловско-Керенские полки против красного Питера в Октябре, того самого Краснова, который потом показал себя на Дону в 1918 г. и снова под Питером, в 1920 г., в армии Юденича.

Даже Владимир Ильич, умеющий видеть, как говорится, на сажень под землею, и он должен был пройти через эту школу непосредственного революционного опыта.

А вспомним известное происшествие с Духониным. Когда на глазах у т. Крыленко ожесточенная солдатская масса разорвала на куски почтенного генерала, тов. Крыленко сделал все возможное, чтобы защитить Духонина и был страшно потрясен случившимся. Да и на нас всех, узнавших о происшествии из газет, это произвело весьма тяжелое впечатление. Подумать только потрясен был Крыленко,—тот самый, что требовал расстрела эсеров на последнем процессе, тот самый, который добивался в Ревтрибунале десятков смертных приговоров!

Я помню первый расстрел по приговору суда, в начале мая 1918 года. Расстреляли какого то адмирала,—ни фамилии, ни за что уже не помню. Это был май 1918 года. Казалось, уже кое чему можно было научиться. Уже до того практиковались расстрелы по постановлению В. Ч. К. Но расстрел по суду, узаконение смертной казни в Советской Республике,—это сильно волновало партийную мысль.

Расстрел злополучного адмирала был решен на специальном заседании Ц. К. Р. К. П. и большинство ответственных т. т. Москвы (из числа обедающих в Совнаркомовской столовке, например) отнеслось к этому решению весьма неодобрительно.

Я тогда уже смотрел на это проще, но только потому, что уже пережил Украину и Дон, и побывал в переделках. Только потому.

Через два месяца, в течении которых развернулось Чехо-Словацкое восстание, восстание в Ярославле, и авантюра левых эсеров в самой Москве, сантименты были забыты, и когда расстреливали левого эсера Александровича—члена коллегии В. Ч. К.,—одного из организаторов лево-эсеровского мятежа, уже колебаний не было, хотя это был старый революционер.

Вот и удивляйтесь теперь тому впечатлению, какое производит на Западную Европу наш большевитский террор,—тому, что немецкому социал-демократу трудно понять приговор по делу эсеров.

В таких случаях пролетарская масса своим инстинктом оказывается часто прозорливее вождей. По существу толпа солдат, разорвавшая Духонина, была совершенно права, и очень жалко, что такая же судьба не постигла Корнилова, Деникина, Алексеева и прочую генеральскую сволочь, которая в тот момент находилась в наших руках и спаслась только благодаря нашему прекраснодушию и сантиментальности. Нам наша теперешняя твердость стоит крови десятков и сотен тысяч лишних жертв. Впрочем не лишних, так как они дали возможность оставшимся в живых быть умнее, и научили нас побеждать. А иным путем научиться нельзя, как только путем непосредственного и с трудом передаваемого опыта.

За последние пять лет мы приобрели колоссальный, нами самими часто не достаточно оцениваемый опыт. Мы осветили тем самым путь пролетариям других стран, отставшим далеко позади нас. Оторвавшись вперед от главных сил мировой революции, мы часто сетуем на их медлительность, удивляемся ошибкам, подчас довольно грубым—отставших от нас товарищей, забывая, что чужой опыт, а в данном случае наш,—можно переварить лишь с большим трудом. Более того, переварить его можно лишь тогда, когда жизнь дает самому аналогичный опыт, хотя бы в меньшем масштабе. Только пройдя тот же курс науки, хотя бы в сжатом виде, возможно понять ее до конца. Так в свете событий нашей революции мы можем понять всерьез, нутром, что называется, многие эпизоды из эпохи Великой французской революции, о которых мы все читали и которых все же, по существу, как следует мало кто понимал:

Так, сейчас какой нибудь немецкий рабочий, лишь испытав на опыте предательство Шейдемановцев и гнусность независимцев, лишь пройдя через суровую школу «стиннезации» профсоюзов, поймет наше отношение к меньшевикам и эсерам.

Так, французский пролетарий, лишь на опыте испробовавши практический результат синдикалистской болтовни, почувствует важность партии и партийной дисциплины...

Пока, что в свете коротких зарниц—предвестниц будущих раскатов революции на Западе—тамошние товарищи поистине до трех считать не умеют и сути 2 интернационала раскусить не могут.

Мы относительно более молоды, культурно мы старше наших товарищей-рабочих, даже коммунистов Европы, Америки, старше их на целых

пять лет революции, стоящих в смысле опыта доброго столетия мирного времени. Вот потому то наша партия стоит во главе Коминтерна, вот потому то Москва стала Меккой для революционеров всего мира.

Этот огромный, далеко еще не разобранный опыт, является одним из основных и ценнейших завоеваний нашей революции. Ради этого одного стоило произвести Октябрь, стоило бороться истекшие пять лет, даже если бы мы в конце-концов в этот раз потерпели неудачу.

Но как будто опасность этого становится меньше и меньше.

Все данные за то, что мы будем существовать и будем продолжать начатое дело на зло врагам и на радость пролетариям всех других стран, имеющим возможность, благодаря нашему опыту и нашему существованию на десятки лет, быть может, сократить срок своего обучения.

И все же в большей ли, меньшей ли степени, но всем им придется повторить почти все наши ошибки и наш горький опыт.

Мы старше их на целых пять лет революции и догнать нас сможет лишь тот, кто у себя эту революцию проделает, не резолюцией на бумаге, не из книжки—самой умной—вычитает, а взять ее из самой жизни.

ВЛ. ЗАТОНСКИЙ.

Крушение мелкобуржуазной идеологии

I

БУРЖУАЗНЫЙ ПАТРИОТИЗМ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО 1914—17 гг.

Несмотря на глубокое потрясение общественной мысли в России в Октябре 1917 года, начало пролетарской революции не вызвало никакого существенного видоизменения мелко-буржуазной идеологии. Она полностью сложилась уже раньше и не в состоянии была охватить новых мировых явлений, не усвоила их и не приспособилась к ним.

Двумя большими поворотными моментами в развитии буржуазной мысли были 1914 год—об'явление войны и 1917 год—начало революции. С этого времени можно проследить только формы распада старых воззрений или напряженные усилия установить соответствие между непрерывно и катастрофически меняющейся мировой обстановкой социальных отношений, с одной стороны, и настойчивым стремлением сохранить в полной и абсолютной неприкосновенности установленные раньше принципы.

Таким образом, наблюдение над процессом развития мелко-буржуазной идеологии в течение пяти лет сводится, главным образом, к изучению процессов омертвения и распада. Какие бы внезапные и по внешнему виду своеобразные формы ни принимала идеология, враждебная коммунизму, она в своей основе сохраняет свой смысл умственного рефлекса распадающихся общественных классов, старающихся задержать свой распад.

При всей разнородности и иногда противоречивости воззрений, выработанных и распространявшихся за пять лет общественными группами, враждебными коммунистической партии, основные положения сохраняли свою однородность, свое классовое единство. Пестрота мнений об'яснялась мелко-буржуазным характером идеологий, господствовавших в России до Октября. Крайняя импрессионистская, иногда истерическая неустойчивость, порывистость и неясность мысли, неуравновешенность и непоследовательность в оценке событий, отчетливо выраженное преобладание личного лирического момента, оценка событий с точки зрения чувства, неспособность критиковать понятия, но склонность критиковать факты, господство этических соображений над политическими,—всеми этими чертами старая идеология обязана своей социальной основе, мелкой буржуазии, предпочитавшей говорить от имени народа и интеллигенции.

Крупная буржуазия имела сравнительно мало влияния на ход развития общественной мысли. У нее были свои лозунги: империализм, монархизм,

национализм, капитализм, традиционная религиозность, идеализм. Однако, она предпочитала или проводить их в жизнь при посредстве государственного аппарата, скорей принудительным путем, чем путем агитационного распространения в массах, или приспособляла свои лозунги к идеологии мелкой буржуазии, устанавливая классовые оттенки своих воззрений не в теории, а в контр-революционной практике. В частности, приспособление крупной буржуазии к лозунгу демократии не означало, что она понимает под демократией то же самое, что меньшевики. Лозунг демократии был способом согласовать усилия разных партий в борьбе против рабочего класса, но вовсе не стремлением проводить демократию в жизнь, хотя бы в ее специфической форме, по типу демократии империалистического государства.

Еще совершенно незаметный в годы Русско-Японской войны, но подготовленный промежуточным десятилетием, буржуазный патриотизм проявился в начале мировой войны с огромной идеологической силой. Патриотизм стал основой об'единения всех общественных групп, кроме почти разрушенного в социальном отношении дворянства, с одной стороны, и не имевшего никакого политического рычага для революционного действия пролетариата,—с другой.

Крайние полюсы социальных классов России по разным причинам и в разных формах относились к патриотизму враждебно. Дворянство видело колебание монархического принципа в агитации буржуазии против германского императора, как личного виновника войны, и совершенно справедливо не усматривало никакого различия своих интересов с интересами реакционного прусского агрария. Дворянское германофильство и предательство военных интересов «родины» в жертву мыслимому союзу монархических групп государств Центральной и Восточной Европы с внешней стороны было скрыто официальной патриотической лойяльностью.

Рабочий класс не имел никаких оснований скрывать свою классовую, враждебную патриотизму, позицию, но вместе с тем он не имел никаких способов для проявления себя в действии. Крушение Интернационала, дезорганизация социал-демократии ее правым крылом, могучий аппарат репрессий лишили пролетариат социальных мускулов, но не могли устранить массового стихийного недовольства войной, патриотической политикой и всем вообще существующим государственным и общественным строем. Это недовольство клокотало на всех крупных заводах империи, но почти нигде не выливалось через край. Не было понятых всеми единообразных призывов к действию, и большевизм скрывался под оболочкой радикально-критического, радикально-отрицательного отношения к господствовавшим теориям и господствующим классам.

Большевизм, в его самостоятельном положительном содержании, еще не захватил масс. Он или смешивался с интернационализмом в рядах социал-демократии вообще или означал только крайнюю левую, в градации общественно-враждебного к монархии настроения. Все легальные и нелегальные политические течения разнились между собой главным образом по степени их отрицательного отношения к самодержавию, по резкости критики

несомненных для масс чудовищных государственных преступлений монархии. Разница была только в степени и качестве предлагавшихся реформ. Однако, все другие партии прочно стояли на почве так называемой общественности, то-есть, требовании участия общества вообще, в неопределенном и бессодержательно демократическом смысле этого слова, в государственной организации ведения войны, и только большевизм был известен рабочим массам, как политическая сигнализация двух боевых понятий: пораженчества и полной ликвидации существующего государственного строя.

Крупная буржуазия, с одной стороны, право—социалистические группировки, с другой, идейно связывавшие себя с рабочим классом, но далекие от него по своей психологии и политическому уклону, шли в русле идейных настроений мелкой буржуазии. Господствовавшая публицистика подражала дурным сторонам французского газетного стиля, заменяла понятия настроениями, анализ событий—впечатлениями, лозунги—призывами к чувству.

Среди унылого однообразия и бедности идей под покровом военно-патриотического энтузиазма, искусственно взвинченного до предела истеричности, можно было различить три направления мелко-буржуазной идеологии. Первое имело отчетливо выраженный характер идеологии капитализма. Оно было рассчитано на соблазн общественного богатства России в результате победоносной войны. Прославляя технику крупного частновладельческого производства, пропагандируя бесцветные общественные добродетели трудолюбия и трезвости, это направление обещало огромный промышленный расцвет России, укрепление ее международного влияния, рост производительных сил, развитие внешних сношений через завоеванное для России Черное и отчасти Средиземное море, вытеснение конкурренции германского капитала и соответствующий под'ем благосостояния и культуры.

Эта идеология, рожденная продажным пером апологетов крупного капитализма, фактически выражала настроения лавочника и чиновника.

Прямо противоположно было возрожденное славянофильство. Религиозный мистицизм сошел с неба, чтобы захлебнуться в грязи войны. Политический реализм, к которому приучило буржуазную интеллигенцию былое господство над ее умами марксизма, хотя бы с ним и не все соглашались, заменился религиозно-политической публицистикой, крайне поверхностной, но наряженной в туманно-возвышенную романтическую фразеологию.

Оттенки взглядов, отделявшие Ильина или Бердяева от Эрна, Франка или Е. Трубецкого, были незначительны на общем фоне об'единившего их мистического патриотизма. Он стоит определения не для критики его содержания, а для того, чтобы установить его непосредственную историческую связь с направлением «Смены Вех» уже на исходе, при завершении и ликвидации мелко-буржуазной идеологии.

Основной смысл мистического патриотизма заключался в символическом обозначении целей войны отвлеченными понятиями. Вульгарное стремление к завоеванию Константинополя принимало форму мечты о кресте на «Святой Софии», о союзе всего славянства под руководством великодержавной

России и о вытеснении германцев из всех исторических гнезд славянства. Университетская наука шла навстречу мистицизму, и проф. Егоров доказывал в большой диссертации, что Германия почти полностью стоит на костях вытесненного ею славянства, что вплоть до Берлина немцы занимают старинные славянские земли, что славянство в Германии подавлено, но не истреблено, что завоевание обширных территорий Германии вернет к жизни погребенную под фундаментом ее империи славянскую культуру, что колонизация славянских земель немцами представляет собой великую историческую несправедливость, исправить которую должна мировая война.

Таким образом, воображаемая территория культурного влияния России охватывала Восточную Европу, большую часть Центральной и всю Южную Европу, значительную часть Австро-Венгрии, Турции и все Балканы, включая сюда и Грецию, население которой тоже рассматривалось, как славянское, осложненное позднейшими примесями. Ученые патриоты делали исключение только для Болгарии и только потому, что она вступила в союз с Германией: относительно болгар доказывалось, что они произошли чуть-ли не от гуннов.

Россия, как носительница высшего религиозно-мистического начала, должна была осуществить свое историческое призвание, об'единить мировое славянство и воссоздать католическое средневековье, но в православных формах почти всемирной власти царя и патриарха. Ложно примененный к политическим теориям историзм, помогал об'яснять все современные началу войны события и явления из старой русской истории. В частности, значительно позже это имело своим следствием попытки об'яснять большевизм не из условий развития капитализма, а из старинных начал русской жизни. Среди белогвардейских противников Октябрьской революции и сторонников примирения с нею до сих пор идет спор о том, «чьи дети» большевики, к какой полосе древнего русского прошлого они принадлежат. Эта бесплодная постановка вопроса обязана своим происхождением славянофильству 1914 г.

Главное содержание патриотического славянофильства заключалось в религиозном обосновании духовного смысла войны и именно против капиталистической цивилизации Германии. Борьба велась путем нравственного обвинения Германии в том, что она создала механическую культуру, поглощающую в себе божественное содержание человеческой души, что она стремилась ко всемирной власти для подавления духовных начал, что Германия извратила религиозное сознание, что она на место духовно-великого выдвинула материально-колоссальное.

Обвинение было направлено против всех классов населения Германии, против всех течений политической мысли Запада. Господствующие классы обвинялись так же, как социал-демократия, и тяжесть полемических ударов падала на социал-демократию не за то, что она приняла войну, а за то, что она направляла свою борьбу на социалистические цели истории. Социализм означал для славянофилов всемирное утверждение материального начала в общественной жизни и совершенное поглощение духа и религии.

Разумеется, крайне трудно оправдать, хотя бы религиозными доводами, массовое истребление человечества, и на этой почве развилась та особенность мелко-буржуазной идеологии, которая постоянно проявляется в белой литературе и в настоящее время: человек есть высшая и абсолютная самоцель религии и нравственности, но человек сверхисторический. Люди живущие, страдающие, и умирающие, это—временное и случайное выражение духа. Их жизнь и смерть имеет смысл потому, что они помогают осуществлению мировых культурных задач. Поэтому славянофилы говорили об армиях, как о математических величинах борьбы, а о человеке, как об отвлеченном начале, независимо от его жизненных страданий.

Славянофильская литература имела в себе опасный уклон: все то, что говорилось относительно Германии, могло быть с таким же правом сказано и относительно остальных европейских государств, воевавших в союзе с Россией. Разница в степени демократизма была чрезвычайно незначительна, хотя за нее цеплялись и на ней отчаянно защищали позиции национальной розни сторонники трезво-практического взгляда на необходимость разграбить Германию в пользу остальных государств. Доказательств, что Германия—единственная страна, лишенная демократических начал и зараженная империализмом, было много, но они не выдерживали критики сравнения национального врага России с ее национальными друзьями. В конце концов, точная разница государств—врагов и друзей России замечалась не в их внутреннем строении, а в том, на чьей стороне в данный момент они выступают.

Славянофильство отчетливо сказалось враждой против всякого капиталистического государства, и враждой, основанной не на том, что есть в этих государствах отрицательного, в смысле общественных отношений, а на том, что принес капитализм с собой в историю положительного. Против него выступали, отвергая его высоко развитую технику, огромные производительные силы и механический строй индустриального мира.

Начиная свои выступления борьбой против германского капитализма, славянофильство кончило борьбой против всякого капитализма, но вместе с тем и против всех общественных сил, выросших на почве капиталистического производства, против рабочего класса и культурного содержания его борьбы.

В то время крайне выгодная для господствующих классов по своему идеализму и по своей связи с реакционно-историческими началами старой русской жизни, с народностью, православием и самодержавием, славянофильская критика Германии в частности и социализма вообще вовлекла в свое русло почти всю остальную публицистику.

II

БУРЖУАЗНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ДЕМОКРАТИЗМ

Чрезвычайно тяжелым мелко-буржуазным наследием прошлого осталась ныне переместившаяся за границу и только слегка окрашивающая публицистику внутри Федерации так называемая литературная критика. Так называемая потому, что под литературной критикой в России всегда подразумевалось нравственно-политическое установление боевых тезисов общественного

движения. Политическая публицистика имела внешний характер литературной критики. В целом ряде откровенно буржуазных, народнических и меньшевистских журналов литературная критика означала собой проповедь, так называемых, начал общественности, уважения к личности и здоровых основ прогресса, нравственного и политического.

Усвоенные у старого французского либерализма лозунги буржуазной свободы полностью удовлетворяли потребностям мелкой буржуазии в борьбе против самодержавия, верней сказать, в ее оппозиции темным началам русской жизни. Говорилось о том, что «личность—высшая ценность», о том, что самодержавие боится общественности, то-есть, всякого собрания граждан и что за эту общественность надо бороться. Разоблачение отдельных моментов административного произвола во имя гуманности заменяло собой революцию и совпадало с нею в представлениях мещанства. Были в ходу либеральные выражения: «Идеи на штыки не улавливаются», «На штыках нельзя долго сидеть», «Дайте нам свободу печати, а остальное мы возьмем сами», «В стране, где женщина может всходить на эшафот, она может всходить на парламентскую трибуну», «Россия должна завоевать то, что уже имеется во всех просвещенных и демократических странах», «Народ имеет такое правительство, какого он заслуживает».

Эти мысли проводились в массы, усиленно распространялись, и их авторам казалось, что этим сделано все необходимое для оправдания себя перед народом, через посредство литературной критики. Эта критика сомневалась в будущем, отрицала современность и была влюблена в прошлое, в так называемый героический период русской литературы. Определенный тип публициста-критика-беллетриста был показателен для интеллигентного мещанства этой эпохи. Вл. Короленко был его самым крупным и уважаемым представителем, М. Горький остался до настоящего времени самым воодушевленным выразителем этого рода мещанской «общественности».

Полная неспособность к пониманию классовых отношений, неумение отделить внешний политический характер явлений от их подлинной социальной сущности, романтическая любовь к светочам русской литературы, к школьным авторитетам в школьно-либеральном их толковании, неумение и нежелание понять новые литературные явления, отсутствие научного мышления,—этими чертами отмечена огромная по количеству книг, статей и сборников литература о писателях, о литературе вообще, громадная по об'ему публицистика времени господства мелко-буржуазных интеллигентских течений на поверхности общественных отношений в России.

В эту среду марксизм не имел доступа Если он проникал, то в искаженном и извращенном, в «самобытном» виде. Прочно основанный на традициях второго интернационала, насквозь зараженный или эмпириомонизмом или влияниями вульгарного парламентского марксизма германской социал-демократии, этот марксизм, к тому же разменявшийся на мелкую ходячую монету литературной публицистки, не в состоянии был ни играть серьезной политической роли, ни охватить историческое значение войны и ее следствий.

Меньшевистский марксизм не имел ничего общего с взглядами Маркса и Энгельса, но доктринерски был уверен, что ортодоксально следует научному социализму, поскольку давал пошлый пересказ Каутского.

Меньшевики, в особенности меньшевики легальные, казавшиеся себе единственными монополистами марксизма, в первый же год войны полностью вошли в русло мелко-буржуазного либерализма и отсюда родилось оборончество. В оборончестве не было ничего своего. Оно представляло собой опыт фальсификации марксизма посредством подделки революционных взглядов патриотическим содержанием. Господство национальных задач над классовыми, либерализм вместо революции, союз с буржуазией против какого-то третьего врага, которым пугают меньшевики до сих пор, не умея точно сказать, кто же он, исключительное преобладание традиционной фразеологии, ограниченный круг взглядов и мыслей, крайняя бедность тем обсуждения, но неутомимость в пересказе избитых статейных тем, политическая расслабленность, отсутствие какой бы то ни было связи с пролетариатом, но заявления от его имени, фактическая связанность с мещанским укладом жизни, строя мыслей и идеологического быта, бессилие и в проведении революции и в борьбе против нее,—таким оказался меньшевизм в 1914 году.

Насколько с внешней стороны была неожиданной меньшевистская оборонческая позиция в начале войны, насколько потрясающее впечатление произвел переход Плеханова в ряды патриотов, настолько же невозможной была какая бы то ни было иная позиция меньшевиков. Они были в нее втянуты всем ходом мелко-буржуазных настроений, в потоке которых стояли в течение последнего десятилетия.

Так как меньшевизм монополизировал социал-демократию и марксизм и так как буржуазия прилагала все усилия к широкой пропаганде меньшевизма, чтобы при его посредстве захватить влияние над теми кругами населения, к которым не было иначе доступа ее идеологическому влиянию, то это торжество оборончества казалось многим концом социализма. Даже и не зная в точности позиций большевизма, рабочие массы инстинктивно шли по намеченным им за границей лозунгам в своих заводских листовках и забастовочных резолюциях, главным же образом большевизм совпадал с понятием самой решительной и последовательной критики войны и самодержавия.

Февральская революция была принята мелкой буржуазией, как неожиданный подарок. Партии, группы и течения, впавшие в состояние полной безжизненности вследствие полицейского террора и отсутствия оживляющих токов со стороны пролетарской массы, вышли на поверхность политической деятельности с неприкосновенными политическими понятиями и идеями. В течение первых же драматически пестрых месяцев политической борьбы в революции эти понятия приняли законченную форму и с тех пор никакой перемены в них не произошло. Поэтому в конце 1922 года Керенский считал возможным провозгласить, что никакие перемены невозможны, что надо «остаться у старых маяков, к которым еще вернется Россия».

В водовороте потрясающих перемен выработался невероятный консерватизм политического мышления, и тем более прочный и настойчивый, чем стремительней были эти перемены. Несомненен вывод, что только путем закрепления мысли в полной неприкосновенности на однажды утвердившихся мнениях в состоянии были идеологи мелкой буржуазии приобрести необходимую им умственную политическую устойчивость.

Военно-национальное оборончество—коалиция с буржуазией—борьба с большевизмом—по этим трем ступеням подымалась мелко-буржуазная идеология и, оборвавшись с третьей ступени, проявила способность только к своему внутреннему разложению, свидетелем которого оказался пятый год революции.

Так называемые демократические иллюзии сильнее всего проявились у той политической группы, которая была не самой крайней вправо, но более всего была склонна к консерватизму мышления.

Что представляли собой меньшевики-интернационалисты в течение 1917 года? Фактически они стояли на почве восстановления в Европе всех тех начал, которые имели место до начала войны. Они полагали, что можно и надо восстановить второй интернационал во всей его идейной и организационной старой неприкосновенности. Они думали, что марксизм эпохи расцвета этого интернационала есть подлинный марксизм, как система научного социализма, постепенно развившаяся из взглядов Маркса и Энгельса. Они полагали, что Россия вступает в полосу высшего капиталистического развития и что к ней приложимы без всяких видоизменений и поправок все лозунги, идеи и понятия, выработанные старой германской социал-демократией. Социализм лежал для них в неопределенно отдаленной перспективе. В сущности, они считали революцию законченной уже февралем и рассчитывали на скорое восстановление мирных внешних и внутренних отношений, когда можно будет перейти к организации рабочего класса, чтобы повторить все, пережитое им за последнюю четверть века в Европе.

В противоречии с осуществлением этой иллюзии стояла война. Поэтому интернационалисты выступили, как пацифисты. Они полагали, что война сама собой никогда не окончится, что сопротивление рабочих снимет ненормальную верхушку капитализма, снимет империализм, что интернационал положит конец войне, а вместе с тем и всем бедствиям войны, что раны войны заживут, едва только она окончится, когда возобновится нормальная европейская жизнь в рамках демократического устройства и более или менее быстрого, но доктринерски предопределенного пути к социализму. Неспособные ни к пониманию большевизма, ни к борьбе против него, интернационалисты были самыми верными доктринерами и утопистами февральской революции. Вместе с нею они изжили себя, уступив место более активным иллюзиям мелкой буржуазии, образовавшей боевой и идейный союз против всякой попытки развить революцию за пределы ее мелкобуржуазного идеала.

III

НАРОДНИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА И ЕЕ КРИТИКА

Народническое миросозерцание в течение 1917 года испытало в себе глубочайшие видоизменения. Партия, приспособленная почти исключительно к террористической борьбе против централизованного государства в обстановке и в условиях подполья, пережила ряд сильных внутренних и внешних потрясений. Вышедшая из подполья со своим политическим охвостьем, вроде трудовиков и народных социалистов, стихийно разбухшая от притока мелкой буржуазии, партия социалистов-революционеров расплылась, раскололась и совершенно видоизменила свою идеологию.

При общем своем базисе мелкой буржуазии, правые социалисты-революционеры и меньшевики расходились между собой во второстепенных оттенках, сливаясь во многом основном. Одни подчеркивали марксистской терминологией моменты капиталистической экономики, другие отчасти сохранили старинную народническую фразеологию. В своем целом, это была одна и та же социальная группа, но с разными оттенками взглядов, большей частью чужих ей самой и пестро смешивавших в себе некоторые черты вульгарного марксизма, старого народничества и, в особенности, либерализма.

Отличительная черта меньшевизма—идеологическое бессилие. Меньшевизм ничего не создал в области теории за время революции. Неспособный ни держать власть в своих руках, ни бороться против власти, он не выдвинул из своих рядов ни одного теоретика, ограничиваясь доктринерской критикой новых явлений, с точки зрения сохранения старых традиций, и выявляя в политике эмоцию, чувство, негодование, восторги,—и только.

Идеологические силы народничества ушли в партию левых социалистов-революционеров. Правые разделили—судьбу бесплодия меньшевиков. В политике даже наиболее одаренные из них остались только авантюристами, идущими на полное практическое соглашение с руководящей ими буржуазией, а в идеологии, поскольку они умели не подчиниться полностью гипнозу либерального демократизма, их значение свелось к возрождению заветов, к восстановлению старого народничества.

В своем идеологическом развитии в течение пяти лет правое народничество не могло не испытать определенного разочарования. Русская социалистическая школа, как опыт последовательного суб'ективизма, как искание правды-истины, как этическое направление в социализме, наконец, как борьба за синтез личности и массы, народа и интелигенции, разошлась в двух вариантах, причем ни один, в сущности, не мог удовлетворить потребности правого народничества в обоснованной и прочной социологии. Старое течение, которое основывалось на Лаврове, не могло противиться мнению о том, что Лавров представляет собой одну из разновидностей старого материализма, непосредственно восходящую к антропологической точке зрения Фейербаха. Вместе с Чернышевским, но гораздо менее после-

довательно, Лавров защищал антропологическую философию, достаточно изжитую и превзойденную, чтобы теперь можно было к ней возвращаться. Другое направление народнической социологии привело к вульгарному буржуазно-социологическому течению, находящемуся под сильным влиянием исторического материализма, но неспособному усвоить марксизм и не идущему в своих построениях дальше Дюркгейма.

Идеологическое движение в народничестве проявилось гораздо стремительней в рядах левых социалистов-революционеров. Их расцвет и сильный идеологический под'ем относится к 1918 году, и тогда же намечается отлив его интеллегентского романтизма, скат по наклонной плоскости неумение и неспособность, просто невозможность, выявить из мелко-буржуазной расплывчатости мысли отчетливые контуры революционного миросозерцания, тем более—социалистического и в особенности—совершенно свободного от определяющего русскую социалистическую мысль марксизма.

Революционный романтический утопизм левых социалистов-революционеров выводит нас по ту сторону исторической границы октября 1917 г.

Мелкая буржуазия и ее идеологи ничего не поняли в Октябре и поэтому были только оглушены им, но в их собственном идеологическом развитии Октябрь не образует никакой устойчивой пограничной линии.

Мелко-буржуазные партии имеют право сказать о себе словами Демосфена во время крушения афинской демократии: «Мы погибли бы, если бы мы не погибли». Иначе говоря, если бы большевизм не снял с них ответственности за власть, их банкротство перешло бы в катастрофу. Сняв с себя ответственность, мелко-буржуазные группы заняли позицию, оставшуюся неизменной до настоящего времени: вся ответственность и все проклятие за ход истории,—даже в международном масштабе,—на большевиках. По запоздалым об'яснениям народников и меньшевиков, Россия имела бы в Октябре мир и гарантированную союзниками демократию.

Рассматривая большевизм, как силу, которая переделала и перестроила всю историю, мелко-буржуазные группы в наивном противоречии утверждали, что большевизм равняется группе мимолетных захватчиков власти. Сводя большевизм к ничтожной кучке, а протест против них понимая, как движение 160 миллионов русского народа, создавали еще одно противоречие. Протестуя против диктатуры, но проводя ее на практике в самой грубой форме, создавали новое противоречие. В кругу этих противоречий и целого ряда других вращалась политическая мелко-буржуазная мысль, постоянно упираясь в тупик отвлеченного демократизма.

В основе мелко-буржуазного демократизма лежало несколько мыслей и несколько практических лозунгов, которые сводились к следующему. Во первых, общество рассматривалось, как соединение личностей, руководимых индивидуальным сознанием. Все расчеты строились на том, чтобы политически изолировать личность и обеспечить ей полную свободу высказывания. Каждая личность, образующая общественную единицу, рассматривалась как отвлеченная гражданская величина, совершенно независимо от ее классового положения. Эта точка зрения принадлежит всецело буржуазно-либераль-

Группа товарищей-руководителей революционного движения на Украине в период 1919 г.
(Снята в Чернигове после эвакуации Киева).
Стоят (слева направо): Дробник, Бубнов, Садуль Богуславский;—сидят (слева направо): Ворошилов. Петровский, Раковский, Иоффе, Мануильский.

ному кругу мышления и практики. В противоположность научно-материалистическому взгляду на общество, как единство хозяйственной системы, образующей систему потребностей и возможностей их удовлетворения общественно-хозяйственными способами, общество понималось под углом зрения политического идеализма, изжитого 75 лет тому назад.

В соответствии с этим, предполагалась абстрактно-разумная воля личностей в обществе, проявляющаяся через посредство представительства, действующего вне зависимости от экономических сил в обществе. Поэтому,— и в высшей степени интересно подчеркнуть!—понятие демократии принималось совершенно без всякого анализа, без критики, как абсолютное понятие, само в себе заключающее силу своего государственного воплощения. Отсюда возникла народнически-меньшевистская постановка вопроса: несмотря на то, что демократия страдает всякого рода исторически образовавшимися несовершенствами, несмотря на то, что она повсюду является орудием классового господства буржуазии, несмотря на то, что демократия скомпрометирована ее извращениями, злоупотреблениями и ее использованием в классовых целях, несмотря на то, что нигде власть не принадлежит представительным учреждениям,—надо действовать так, как если бы демократия, даже неосуществимая, была высшей целью и высшим идеалом политической борьбы.

Чрезвычайно легко открыть здесь принцип идеалистической философии: регулирующая сила идеала, неосуществимого, но служащего способом оценки противоречащих ему исторических действий. Влияние неокантианского философско-социологического идеализма привело к тому, что мелко-буржуазные фанатики абсолютного демократизма повсюду оказались орудием в руках международных организаций крупной буржуазии и были ею беспощадно использованы, а потом отброшены.

Левые социалисты-революционеры выработали в 1918 году новые формы культурно-политического, мелко-буржуазного утопизма, свободные от фетишизма демократии, но грешные другими пороками политического недомыслия. Оставляя в стороне неустойчивую тактику левых народников, колеблющуюся в границах между синдикализмом и террором, надо отметить общую черту их мышления: романтический утопизм.

Левые социалисты-революционеры не создали и не были способны создать никакого серьезного политического действия. В ряде катастрофически неудачных и позорных выступлений от московского восстания 1918 г. и до кронштадского бунта 1920 года, лозунг вольных советов был безнадежно скомпрометирован, и социалисты-революционеры снизились до положения группы авантюристов, в худшем случае, и до уровня безответственных романтиков,—в лучшем.

Под впечатлением исполинских и трагических событий революции в 1918 году, левые социалисты-революционеры стихийно-бессознательно выработали особую разновидность мещански-интеллигентской идеологии, которую можно назвать политикой романтического чувства и культа личности. Некоторое время участвуя в революции и имея за собой мелкобуржуазную массу, неспособную к пролетарской организованности, но

достаточно ненавидящую капитализм, левые народники создали теорию непримиримой революции, движимой массой—через посредство партизанской войны,—и личностью—посредством террора. Их взгляды не были устойчивы и не послужили цели выработки сознания устойчивой революционной группы. Политики, поэты и публицисты в их рядах, Штейнберг или Спиридонова, Александр Блок и Иванов-Разумник, вместе вырабатывали эту идеологию романтического чувства. Революция была для них красотой. Они восприняли переворот, как эстетический феномен.

Только чувством великой красоты всемирного восстания движется революция. Обращая внимание на внешние явления восстаний, легко решаясь на них, независимо от их целесообразности и выгодности, чрезвычайно переоценивая значение революционной внешности, сравнительно с революционным содержанием, левые народники воспринимали революцию просто, как мировой пожар, который должен пылать до полного освобождения личности.

Романтика освобожденной личности, чувство буйной и бурной свободы, поэзия мятежа, стихия массового неудержимого движения,—казались народникам высшей эстетической ценностью революции. Если бы не было художественного восторга революции, не было бы и самой революции. Поэтому Ал. Блок говорил о музыке революции, о том, что она представляет собой мировую симфонию бури и что интеллигенция должна влиться в революцию, как ее сознание и совесть.

Для Иванова-Разумника революция означала скифское освобождение личности. На непродолжительное время образовалась литературно-политическая группа скифов, об'единившая в себе совершенно разнородные элементы, потом распавшиеся, когда их перестало связывать чувство революционной романтики. Здесь был мистик А. Белый, романтик-эстет Блок, критик-индивидуалист Иванов-Разумник, так называемые крестьянские поэты Есенин и Клюев.

Очень скоро скифское соединение разложилось. Одни ушли в контрреволюцию, когда оказалось, что пролетарская организация революции несовместима с бунтом личности. А. Белый и А. Блок разочаровались в революции, пошедшей Советскими путями. Есенин выразил в себе настроения группы разложившейся интеллигенции, и разложение вылилось в форму имажинизма, самого гнилостного продукта распада личности в пролетарской революции.

Иванов-Разумник и вместе с ним большая группа революционной народнической интеллигенции остались при убеждении, что революция должна быть романтическим освобождением личности или не должна быть ничем. Основной смысл этого мелко-буржуазного понимания ультра-революционизма заключался в идеалистической оценке революции. Народники были противниками материализма и в отрицании его пошли дальше правых социалистов-революционеров, которые оказались очень чувствительными к вульгарному марксизму, дополненному более сложными антагонизмами, чем классовая борьба и так называемым более углубленным пониманием экономики, чем «ограниченный и исключительно господствующий фактор выгоды и материального интереса».

Не механизм, а организм: так ставили вопрос народники. Человек развивается из материи, общество растет из материальных условий, но именно растет и живет, а не управляется механикой классово-экономических отношений. Общество и личность растут, цветут, развиваются, как цветы, как живые организмы. Социалистическая цель общественных усилий—всесторонний и свободный рост, не ограниченный и не подавленный ничем.

Своеобразно видоизмененные и своеобразно перестроенные мистические взгляды Вл. Соловьева сильно повлияли на народников и привели к тому, что их отношение к революции стало всецело нравственно-эстетическим, а не политическим. Революция—оправдание добра и смысла всемирной истории. Она ведет общество к высшей армонии и к высшему расцвету личности. Интеллигенция, со своим критерием истины-справедливости-красоты, стоит впереди общества. Вернее сказать, идет впереди него, выражая в своих духовных усилиях динамику мирового восстания.

Скифство народников выразилось в попытке своеобразного слияния культурных начал Запада и Востока. Запад умер, сгнил, выродился, он проникнут мертвым началом материальной цивилизации. Восток знает и чувствует все, чем живет Запад, но кроме того он должен возродить великую стихию свободы, озаренную чувством высшей культурности и великой красоты. И когда лицемерный и расчетливый Запад распадется в ужасах мировой войны, с Востока придет свет, «варварская лира» созвет все народы на светлый пир социалистической свободы.

История была, таким образом, подменена историей интеллигентской мысли и интеллигентских настроений. Место реального сознания общественных отношений заняла романтика. Во всем остальном левые народники были гораздо более консервативны, чем они сами казались себе. По существу, они продолжали старую традицию, ту самую традицию литературной критики, смешанной с публицистикой и проповедью общественности, которая проклятием поверхностности и либерализма тяготела над старой интеллигенцией. Иванов-Разумник в особенности много сделал для расценки общественного прошлого, как борьбы личного и безличного начала, добра и зла, красоты и уродства. Связанный мертвой связью с историей именно дворянской интеллигенции, с ее условным благородством и прекраснодушием, Иванов-Разумник возродил в критике-публицистике традиции социалистической фронды русского старого дворянства, старался связать социализм не с будущим, а с прошлым, и выводил социализм от Михайловского так же, как правые народники выводили социализм от Лаврова.

Скифская лево-эсеровская романтика была единственной попыткой создать мелко-буржуазную идеологию, примиренную с пролетарской революцией 1918 год означал, вместе с тем, густые сумерки, надвинувшиеся на буржуазную идеологию и властвовавшие над нею три года.

IV

БОРЬБА МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ С БОЛЬШЕВИЗМОМ

Три года гражданской войны, три года великих событий ожесточенной классовой борьбы, три года, в течение которых Советская республика много раз была на краю катастрофы и каждый раз выпрямлялась с нечеловеческим напряжением коллективной воли, эти три года прошли для мелкой буржуазии, как сплошная ночь, как годы великого голода.

От лишений и страданий, закаливших волю пролетариата, ослабела и выродилась воля мелкой буржуазии. Годы гражданской войны переломили ей становой хребет, и она уже никогда не в состоянии была выпрямиться.

Когда кончилась внешняя поверхностная романтика событий, вместе с нею угас эстетический восторг левых народников. Правые социалисты-революционеры и меньшевики однажды и навсегда выработали себе определенное представление о России, и не считали нужным менять его, как бы ни менялась действительность, которой должен был бы соответствовать этот образ.

Россия—это страна, разоренная большевиками, лежащая в дымящихся и окровавленных развалинах. В России царствует деспотизм и террор, в сравнении с которым ужасы самодержавия кажутся детской шуткой, а его произвол—ребяческим капризом. Все население, умирающее от голода холода и эпидемии, проклинает большевизм, но не в состоянии от него, освободиться. Сами большевики это кучка фанатиков или преступников, в особенности ненавидящих интеллигенцию и старающихся всеми силами ее истребить. Большевики царствуют террором и демагогией. Их власть—историческая случайность, которая неизбежно должна будет смениться царством демократии, разума и социальной всеобщей справедливости.

В течение трех лет эта фантазия успела отчеканиться с убедительностью иллюзии, с силой гипноза и отчетливостью неизменного и независящего от исторических перемен догмата. Фантазия была так же неподвижна, как породивший ее консерватизм мелко-буржуазной мысли. Изображение разрушенной России удовлетворяло потребностям политической пропаганды всех мелко-буржуазных и буржуазных партий, но было между ними существенное различие в понимании воображаемых причин воображаемых общественных явлений.

Идеологи крупной буржуазии подходили к большевизму с псевдо-историческим анализом. По их мнению, большевизм возродил в себе народную стихию бунта пугачевщины и разиновщины. Они не отрицали того факта, что революционное движение в России—пролетарское движение. Они признавали, что оно руководится принципами марксизма. Однако, они полагали, что причина революции в историческом противоречии организующего государственного начала в русской истории и общественной стихии. Государство распалось, не сумело овладеть обществом. Поэтому общество расплылось, дезорганизовалось, потеряло устойчивость и подняло на поверхность крайне политические элементы.

Выводом отсюда была политика диктатуры и террора, политика военной власти, восстанавливающей государственность, беспощадно подавляющей крайние и вообще социалистические элементы, воспитывающая общество к демократии посредством государственной власти и возрождающей производительные силы в рамках нормального, то-есть, капиталистического их развития.

Этот взгляд, руководивший крупной буржуазией в ее попытках контр-революционного переворота был, по крайней мере, отчетливым и ясно выражал классовые интересы его создателей. В совершенно безвыходном положении оказались идеологии мелкой буржуазии, пытавшиеся об'яснить развитие России за время гражданской войны, исходя из тех же самых принципов, на которых строилась политика коммунистической партии, исходя из классовых интересов пролетариата, социализма и марксистской теории. Величайшая внутренняя противоречивость, неустойчивость и непоследовательность теоретических попыток об'яснить политику коммунистической партии ее же принципами, но исходя из прямо противоположных задач, показательна для крушения мелко-буржуазной идеологии, того крушения, под знаком которого проходил последний период революции.

Все сразу становилось загадочным и непонятным. Всякое об'яснение большевизма, как временного и случайного захвата власти, предполагало неизбежность его очень быстрого крушения. Марксистские идеи партии пролетариата, идейное и социальное содержание коммунистической партии, стояли на дороге всякой попытке их об'яснения, противоречили вульгарному об'яснению пятилетнего периода развития России, как времени случайного господства кучки заговорщиков. Теоретики мелкой буржуазии оставались в недоумении перед фактом способности революционного правительства к переменам тактики и применении к одним и тем же целям разных средств борьбы, новая экономическая политика навсегда осталась за пределами их понимания.

Единственное об'яснение, которое претендовало на об'ективность и было воспринято частью несоциалистической буржуазии, как и значительным большинством социалистической мелкой буржуазии, заключалось в следующем: каждая революция неизбежно заканчивается контр-революцией, потому что крайние элементы, поднявшиеся к власти на высшем гребне волны революции, должны уступить место более умеренным группам и партиям. Обычно это совершалось путем насильственного переворота. Во французской революции это произошло 9 термидора. Большевики настолько умны, что понимали неизбежность отлива волны революции. Поэтому они сами пошли назад вместе с отливом волны революции, отступили от всех принципов своей первоначальной программы и вступили в фактическое бытовое соглашение с буржуазией. Вместо внезапного падения с вершины революции стал совершаться спуск на тормазах.

Этот взгляд, как и все остальные способы мелко-буржуазного об'яснения событий революции, страдал крайним идеализмом. Каким образом возможно, чтобы одна и та же классовая сила выполняла разные исторические задачи,

в других революциях выполнявшиеся противоположными классовыми силами? Если террор 1791 г. был совершен якобинцами, то реакция термидора могла исходить только от противоположной классовой группы. Внешность явлений, конечно, имеет совершенно ничтожное значение, сравнительно с их содержанием, а большевистский термидор мог бы быть выполнен только в том случае, если бы в движение вошла совершенно новая общественная группа или если бы большевики перешли на непролетарский социальный базис. Между тем именно так называемый термидор сопровождался двумя основными явлениями: усиленным истреблением непролетарских элементов в пролетарской идеологии и устранением из партии чуждых ей составных частей. Термидор требовал бы обратного,—резкого уклона от марксистских принципов и перехода партии на буржуазную основу, соответствующую потребностям фактической контр-революции.

Однако, теория большевистского термидора, достаточно устраняемая только этим одним соображением, не говоря о множестве фактических доводов против нее, вполне удовлетворяла мелко буржуазному фатализму. подчинения победоносной революции. Раз революция победила, значит это было неизбежно и ей надо покориться, как господствующей силе. Октябрь был исторической неизбежностью и надо его признать. Преклонение перед революцией-победительницей расцвело в Смене Вех, но не остановилось на ней. Значительная часть меньшевиков усвоили тот же самый взгляд, но в еще более фаталистической форме.—От революции никуда не уйти. И если она победила, значит, так надо было и необходимо перед нею склониться.

В последние дни пятого года Октябрьской революции сменовеховство проникло в самые прямолинейные и несгибающиеся политически круги мелко-буржуазных партий. Среди правых социалистов-революционеров началось, и не могло не начаться, движение в сторону пересмотра и переоценки лозунгов февраля и гражданской войны. Это движение началось в виде неопределенного недовольства лозунгами, терпевшими неизменное крушение при каждом соприкосновении с жизнью, и попытки заменить их более активными и боеспособными идеями. Однако, никакой отчетливости в политической программе это движение не приобрело.

Несравненно существенней, хотя гораздо мельче и мелочней по своему идейному содержанию, основное движение в массе мелкой буржуазии, движение, означавшее для революции освобождение от мелко-буржуазной политической опасности, но возникновение несравненно более глубокой—идеологической опасности.

В течение трех лет гражданской войны мелко-буржуазная идеология и теория пролетариата не находились между собой ни в каком соприкосновении. Война клала резкую и непримиримую границу между двумя потоками идей и не допускала их скрещивания и соединения. Но с тех пор, как произошло бытовое примирение мелкой буржуазии с коммунизмом, началось распространение идей мелкой буржуазии, влиятельных именно тем, что они расплывчаты, не налагают обязательства последовательно мыслить и затушевывают все различия и все особенности.

Мелкая буржуазия мыслит на ос[illegible]и не программ, а быта. Ей совершенно безразлично, во имя какой программы совершаются общественным классом его боевые действия. Мелкая буржуазия с самого начала была согласна на коммунизм в идеале. Она всегда утверждала, что цели коммунизма святы и прекрасны. Она не была согласна только с методами и способами проведения коммунизма в жизнь. Поэтому она судила о коммунизме исключительно по его внешним проявлениям и притом с точки зрения своей непосредственной заинтересованности. Она живей всего воспринимала удобства и неудобства жизненного обихода, свободу передвижения и приложения труда, зависимость наличия съестных припасов от ближайших и непосредственно осязаемых и чувствуемых государственных мероприятий, она видела лишь внешние факты революции, вплоть до того, что революция воспринималась, как стрельба на улицах, и только.

Когда изменился быт, мелкая буржуазия поняла его изменение, как конец революции и конец того коммунизма, который вел гражданскую войну в видимых и осязательных для обывателя и мешающих ему жить формах.

Политическая близорукость мелкой буржуазии заставляла ее чувствовать только внешнее и бытовое, не понимая действительной глубины классового соотношения сил революции. Когда просто уменьшилось число атмосфер давления в раскаленном котле революции, мелкая буржуазия снова вернулась к идеологической жизни от своего трехлетнего анабиоза, и вернулась с глубочайшим противоречием в самом существе своих воззрений на жизнь и революцию.

Вследствие огромного и упорного консерватизма своих настроений, она не отказалась ни от чего, но ни на чем не настаивала. Она сохранила до мельчайших подробностей все оттенки своего старого быта и идеологии, но, вместе с тем, сама подверглась глубочайшим психологическим видоизменениям, таким же серьезным, как перемены в ее внешнем быту. Из этого противоречия развились временные, но крайне уродливые формы проявления мелко-буржуазного распада и разложения. Казалось, что возрождается и восстанавливается тот же самый старый быт, тогда как на самом деле ничего не осталось от прошлого.

Следствием сопротивления пролетариата влиянию мелко-буржуазной идеологии была начавшаяся недавно, но имеющая значение длительной схватки эпоха классовой идейной борьбы в обстановке новой экономической политики. Главной особенностью этого возрождения мелко-буржуазной идеологии является возрождение в разных формах и оттенках религиозных настроений и идеализма. Начиная от глубины деревни и кончая интеллигентскими вершинами остатков старой социальной аристократии, религиозность пропитывает собой все мышление мелкой буржуазии и обозначает собой период ее конечного распада. Поэтому приходится говорить не столько о влиянии, сколько о заразе мелко-буржуазной идеологии, о разлагающем ее действии и о возможностях сопротивления ей на основе прочно обоснованного и точно построенного пролетарского марксистского миросозерцания.

Политические мотивы в значительной мере отошли в сторону. Они проявляются,—и только отчасти,—в эмигрантской литературе. Внутри федерации преобладают культурные моменты, элементы так называемой духовной культуры в этой области мелко-буржуазное наступление на пролетарское миросозерцание пошло развернутым фронтом. Наряду с религиозными настроениями,—идеализм, нравственные искания смысла жизни, художественный распад и вырождение старой литературы, мотивы научного идеализма и всеобщий уклон в сторону духовного против материального.

Но все эти настроения не прошли, как бессознательно движущаяся и распространяющаяся стихия. С первого же момента проявления этой стихии отмечены были все ее признаки и выработаны методы борьбы. Мы стоим сейчас в потоке этой борьбы. Можно оценить размеры опасности и определить идейную жизненность противодействия коммунизму именно на фоне растущего коммунизма, а не остановившегося, как думала группа «22-х».

Пять лет революции означают развитие в противоположных направлениях двух основных процессов. С одной стороны и в одном направлении, в сторону развития и усиления, идет рост марксизма. С другой стороны, и в направлении распада и разложения, развивается мелко-буржуазная идеология. Однако, марксизм не был культурным фактом, оторванным от других однотипных течений. В области научного знания совершался такой же процесс развития от идеализма к материализму. Таким образом, основное движение потока идей намечается по линии пролетарской революции марксизма и научного материализма, с одной стороны; по линии мелкобуржуазного распада, религиозности и идеализма, с другой.

V

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОДЛИННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

В течение первых трех лет революции не было самостоятельного и выраженного в отчетливых очертаниях научно-теоретического интереса к марксизму. Но это не значит, что марксизм не развивался. Огромное количество фактов революционного строительства, партийных мнений, тактических линий борьбы, дискуссий между партиями на боевые темы дня, не проходили бесследно для развития пролетарской теории. Укладываясь в строго очерченные рамки марксистской теории, все эти факты повседневной борьбы, строительства и практических проблем коммунистической партии, все эти явления непрерывно сливались в общий идейный поток, о победе которого можно с уверенностью говорить в итоге пятилетнего периода революционного движения.

В марксизме коммунистическая партия нашла свое блестящее теоретическое оправдание. Если бы революционная партия пролетариата обладала теми свойствами, какие ей приписывали ее враги, она чувствовала бы себя вынужденной видоизменять свою теорию или, по крайней мере, было бы отмечено ее несогласие с основными принципами марксизма. Между тем, имело место прямо обратное явление. Уже с 1918 года в европейской

литературе возникает интерес не только к политической практике большевизма, но и к его идейному обоснованию. Этот интерес имел своим следствием образование обширной и богатой литературы о большевизме. В ней наметилось два течения.

Белогвардейские эмигранты, преимущественно меньшевики и кадеты, говорили об азиатском лице большевизма, о том, что большевизм возник из разнузданной стихии русского народа, из его безгосударственности и стихийной бунтарски-анархической общественности. Меньшевик Коссовский, издавший с предисловием швейцарского социал-демократа Грейлиха книжку о русской революции, систематизировал все обвинения против большевизма, и его книга оставляет впечатление, как будто в большевизме мы имеем дело с злостно обдуманной системой государственного рабства. Такую же точку зрения высказал Каутский в книге, которая именно так и называется: «От демократии к государственному рабству». Здесь получила полное теоретическое обоснование вся система меньшевистских возражений против коммунизма, с отчетливым оттенком: критика большевизма удается при условии догматического представления о российской действительности и при отказе от марксистской теории. Если условиться, что Россия превращена в груду дымящихся развалин, если полагать, что в ней нет ничего живого, кроме всенародной и всеобщей ненависти к большевизму, если, далее, полагать, что Маркс ошибался во всех своих революционных выводах, что он в действительности проповедывал мирное строительство и мирную общественную эволюцию, то критика коммунизма приобретает полную силу убедительности для всех, кто стоит на контр-революционной и анти-марксистской точке зрения.

Между тем, огромная, выросшая за пять лет революции, литература о большевизме заняла в международном научно-политическом мышлении центральное место, как спор о марксизме, с точки зрения осуществимости основных его положений. Для европейских научно мыслящих наблюдателей и исследователей большевизм представлял собой, во-первых, огромный опыт, и притом опыт победоносный, применения в государственной жизни начал коммунизма; во-вторых, большевизм был понят, в результате его критического исследования, как возвращение к подлинным воззрениям Маркса и Энгельса.

Хотя субъективно коммунистическая партия в состоянии была уделять теории марксизма только очень незначительное внимание, правда, непрерывно усиливающееся по мере того, как мы подходим к границе пятилетнего периода, но объективно общая деятельность коммунистической партии, особенно в рамках третьего интернационала, означала возрождение революционного марксизма. Европейские буржуазные ученые меньше всего были заинтересованы в этом своем выводе. Для них гораздо более ценно политически было бы доказательство, что большевизм отступает от марксизма и что соглашательский социализм идет в направлении нормального развития марксизма.

Но именно этого сказать было нельзя. Как ни резко критиковался в буржуазных произведениях о большевистской России экстремизм, максимализм, ультимативно-революционный характер большевизма, но полная ответственность за него была возложена на марксизм.

Взаимная идейная ответственность марксизма и большевизма в единой системе международного коммунистического движения имеет для нас огромное значение. Повидимому, бурный и стихийно-стремительный характер революции, происходящей к тому же в стране с преобладающей массой мелко-буржуазного населения, должен был бы отстранить коммунизм от его непосредственных марксистских источников. Этого на самом деле не случилось. Рост революции означает непрерывное освобождение марксизма от мелко-буржуазных примесей, вошедших в него в предшествующую эпоху.

Для этого были две причины. Во-первых, самый факт революции, принимающей в своем развитии ярко определившуюся окраску борьбы за коммунистическое преобразование всего старого общества, действует могущественно оздоровляющим образом. Наслоившаяся на марксизм за годы реакции масса мелко-буржуазных предрассудков, предрасположенностей, ограничений, сгорает в революции. Происходит процесс самоочищения марксизма. С другой стороны, сознательные усилия коммунистической партии направлены на развитие и укрепление большой государственной системы пропаганды научного коммунизма. Партия, которая поставила критерием своей деятельности основные принципы марксизма, партия руководящаяся в своей работе, начиная с дипломатии и кончая строительством семьи и нравственности, идеям научного социализма, должна была бы неизбежно или почувствовать огромное противоречие между своей практикой и теорией или прийти к тому, к чему она действительно пришла, к установлению полного соответствия между программой своей практической деятельности и принципами революционной теории, очищая и практику и теорию от мелко-буржуазных примесей.

В пропаганде марксизма главное значение имели два момента: во-первых, обоснование твердых и прочных положений самого марксизма, во-вторых, их распространение в широких массах, как противодействие мелко-буржуазным идеям, оспаривающим коммунистическое влияние на рабочие и крестьянские массы или извращающим самый марксизм, приспособляя его к интересам, уровню идеологического развития и ко вкусам мелкой буржуазии. Эти две стороны коммунистической пропаганды находятся между собой в прямой зависимости. В пролетарской революции победа верного понимания социализма в теории вместе с тем означала широкое его распространение в народных массах.

Обостренная политическая борьба сталкивала между собой противоречивые мнения в чрезвычайно остром конфликте. В революционные эпохи мысль работает несравненно сильней и напряженней, чем в какую бы то ни было другую эпоху. Кругооборот идей, вытеснение одних, нарождение других, их внутреннее видоизменение и перерождение происходили быстро, и идеи немедленно проверялись и отбрасывались или распространялись.

Обладая могущественным централизованным аппаратом партийной агитации, пропаганды, марксистского просвещения, и все больше переходя к научной организации марксистского знания, коммунистическая партия имела возможность вырабатывать в центре и широко распространять руководящие идеи. Если начиналась смута, то происходила она на местах, где был слишком сырой материал, не всегда способный понять и охватить пред'являемые революцией идейные требования.

Единственный в истории партий и своеобразный партийный коммунистический аппарат сыграл огромную роль в пропаганде марксизма. Требование идейной выдержанности коммунистов, их марксистской убежденности, классовые основы организации, непрерывно устраняющей из своего состава непролетарские и непролетарски мыслящие элементы, в большой степени содействовали тому, что самое строение партии позволяло свободно развиваться в ней последовательно марксистским элементам и вытесняло все несовместимое с пролетариатом.

Даже крайне резкие противники коммунистической партии никогда не в состоянии были отрицать того несомненного факта, что она совершенно последовательно и с полным сознанием вытекающей из этого ответственности для себя ставила свою деятельность и все свои принципы под контроль об'ективной проверки на основании теории марксизма. Таким образом, партия устанавливала для себя теоретические предпосылки научного коммунизма, проверяла ими каждое свое действие и затем распространяла в периферии марксистские взгляды и марксистское просвещение.

Сама по себе огромная литературная производительность партии по самым разнородным вопросам революционной тактики, хозяйственного и советского строительства заложила массивный фундамент, на основе которого стала возможной теоретическая деятельность марксистов и их противодействие мелко-буржуазной идеологии.

Необходимо отметить еще один фактор, имевший большое культурное значение. Не только интересы революции пролетариата и теории марксизма совпадали в деятельности коммунистической партии, но, кроме того, требования научного просвещения в широком смысле этого слова соответствовали тем принципам, какие положила партия в основу своей просветительной деятельности. Вследствие этого произошло разделение внутри академической науки, совершенно сходящееся с классовой линией борьбы в общественных отношениях.

Подобно тому, как в обществе заострилась борьба между полярными антагонистами капиталистического общества, так заострилось противоречие материализма и идеализма в широких кругах профессуры и учительства. С внешней стороны борьба приняла характер спора между материализмом и идеализмом, между наукой и философией. Большинство старой профессуры и вообще ученых сил, связанных своими корнями со старым обществом, стали на сторону философского идеализма. Молодое, прогрессивное в научном смысле слова меньшинство ученых, в силу внутренних научных потребностей

своей работы, главным образом в области культурно-исторических и естественно-научных вопросов, непрерывно и все больше и больше сближается с материализмом, а через его посредство—с марксизмом и, наконец, с коммунизмом.

Лозунг т. Ленина о привлечении к коммунистическому строительству беспартийных материалистов нашел свое полное оправдание. Но все значение этого факта можно оценить и определить только в связи с выяснением противодействия мелко-буржуазной идеологии со стороны марксизма, внутренне освободившегося от мещанских и идеалистических пережитков.

Внутреннее очищение марксизма происходило стихийно и бессознательно на протяжении всего пятилетнего периода и только в последние годы приняло отчетливую форму.

Смысль происшедшего перелома в развитии марксистской теории можно выразить так. Проверяя научно-литературное и партийно-коммунистическое наследие Маркса и Энгельса, теоретики коммунистической партии пришли к следующему заключению: не существует ни одного принципиального личного мнения основателей коммунизма, которое не было бы вместе с тем необходимой основой классовой теории пролетариата. Следовательно, большевизм восстанавливает марксизм, как связь взглядов Маркса и Энгельса, дополненных и углубленных тремя четвертями века развития научного и политического опыта, но ни в чем по существу не измененных, и даже более: освобожденных от всех посторонних примесей промежуточного времени.

VI

КРИТИКА ВУЛЬГАРНОГО МАРКСИЗМА И ЭМПИРИОМОНИЗМА

Факт совпадения тезисов научного коммунизма с научными взглядами и пониманием революции в произведениях Маркса и Энгельса кажется разумеющимся сам по себе, но из него следуют выводы, на которые никогда не могло решиться поколение марксистов, испорченное и развращенное влияниями буржуазной идеологии эпохи мирной парламентской борьбы в рамках учреждений и общественных отношений империалистических государств Европы.

Вульгарный марксизм Каутского и оффициальных руководителей германской социал-демократии охотно называл себя ортодоксальным марксизмом, но его отношение к миросозерцанию Маркса и Энгельса было чисто внешним. Отдельные мысли, отдельные мнения и взгляды Маркса и Энгельса использовывались, истолковывались для оправдания теории и тактики, выросшей из совершенно иных соображений, не имеющих никакого отношения к интересам пролетарской революции.

По существу, вульгарный марксизм развивал мнения, которые не противоречили букве научного коммунизма, фактически и чрезвычайно значительно уклоняясь от содержания пролетарского учения. В таком же положении находилась та теория, которая в течение целого десятилетия

заменяла собой подлинный марксизм в сознании массы партийных работников. Эмпириомонизм сыграл в русских условиях такую же развращающую роль, как неокантианство в Германии.

Ортодоксально-меньшевистский вульгарный марксизм и эмпириомонизм не в состоянии были выдержать испытания революции. Они отвергнуты пролетариатом, вернувшимся к своим старым идейным вождям. Так как внутреннее самоочищение марксизма имело огромное значение для вооружения пролетариата непобедимым оружием в его борьбе с мелко-буржуазной идеологией, то необходимо выяснить в общих понятиях и подчеркнуть примерами, в чем заключался смысл восстановления подлинного марксизма.

Лучше всего это пояснить двумя примерами

Вторжение мелко-буржуазной струи мышления в состав марксизма вполне соответствовало политическому подчинению движения пролетариата парламентскому и профессиональному аппарату традиционной и официальной социал-демократии. Совершенно немыслимо и неправильно предположение, будто можно быть последовательным марксистом в теории и отклоняться от научного социализма на практике революционной борьбы. Теория и практика в марксизме настолько тесно связаны между собой, что колебание в практике не может не отразиться на теории. Если меньшевики, под влиянием мелко-буржуазной массы и выражая ее интересы, видоизменяли революцию в мирно-демократическую эволюцию, то это было неразрывно связано с извращением теории.

Замечательный вывод исследований последних лет в мировой литературе о большевизме и марксизме, вывод о том, что Маркс был прямым и непосредственным предшественником большевизма, что большевики осуществляют на практике то, что Маркс намечал в теоретических положениях, находит полное оправдание в действительной истории марксизма. Маркс времени 1848 года и Маркс 1871 года, двух революций, пережитых им, был противником буржуазной демократии (мы не имеем права говорить о демократии вообще, вне ее классовой зависимости и классового содержания), был сторонником методов непосредственного революционного переворота и государственной (а не правительственной, как утверждает Каутский) формы диктатуры пролетариата.

При всем своем стремлении фальсифицировать Маркса, беря за основу букву, а не сущность марксистской теории, меньшевики никогда не в состоянии были отвергнуть того факта, что Маркс высказался относительно диктатуры пролетариата с абсолютной несомненностью и ясностью. Чрезвычайно сложная и громоздкая теория вульгарных марксистов о способах и формах мирной парламентской деятельности, о возможностях мирного перехода к социализму, называя революцией и классовой борьбой прямо противоречащие этим понятиям явления, вся демократическая система взглядов меньшевиков и германских социал-демократов, сложилась независимо от Маркса и при его противодействии.

Поэтому Каутский об'явил о том, что он не может поддерживать мнения Маркса о диктатуре пролетариата и о революционном превращении

капиталистического общества в коммунистическое. Место этого революционного принципа заняло бессодержательное и вульгарное утверждение о возможности медленного превращения капитализма в социализм на основе такой демократической правительственной формы, которая означает совместное осуществление прав государственной власти пролетарскими и буржуазными партиями.

Отрицание меньшевизма означало возвращение к подлинному Марксу. Не от коммунистов пришедший, но установленный третьей стороной в споре между революционным марксизмом и мелко-буржуазными его извращениями, тезис о том, что нет ни одного мнения и практического действия большевизма, которое не восходило бы к мнениям и программным требованиям, уже высказанным Марксом, выражает действительное положение вещей. Не существует ни одного мнения большевизма, как современного коммунизма, которое бы не восходило в прошлом непосредственно к коммунизму Маркса и Энгельса, минуя все промежуточные инстанции.

Ведь, несомненным остается, что Маркс был по темпераменту непримиримым революционером. Только после его смерти взяло верх в германской социал-демократии то направление, которое привело к созданию страшно тяжелой и опасной традиции отвлеченного демократизма. Эта традиция означала решительное противоречие не только политическим теориям Маркса, но самому духу, самой основе его учения. Согласно Марксу, общество есть хозяйственная система, порождающая из своих производственно-классовых отношений целый ряд феноменов и эпифеноменов. Феноменом общественно-производственных отношений является государственная власть, а эпифеноменом—личность и ее идеология. Для вульгарных марксистов государство заняло место в истории, равное по значению классам и классовой борьбе и сохраняющее все свое значение до тех пор, пока вообще существует общество, даже общество коммунистическое.

С другой стороны, вульгарный марксизм сделал большой шаг назад от Маркса и даже от Гегеля, в прошлое, в направлении к буржуазному либерализму, утверждая, что целью политики является гарантия личности, личной свободы и свободы совокупности личностей, будто бы образующих собой общество. Согласно Марксу, из личностей состояло только гражданское, то-есть, частно-собственническое буржуазное общество. Таким образом, гарантии личной свободы и абсолютно-демократической свободы совокупности личностей совершенно совпадают с интересами частно-собственнического капиталистического строя. Демократия, как народовластие суммы личностей, выражающих свою абстрактную гражданскую волю через посредство избирательного аппарата буржуазной республики, выражает в теории мелко-буржуазную идеологию, защиту интересов которой принял на себя в практике меньшевизм. Отстранение этого извращения марксизма означало возвращение к действительному Марксу, сближение большевизма с подлинными воззрениями Маркса, минуя промежуточную эпоху мелко-буржуазных влияний, уклонов и классово-коалиционных настроений.

Освобождение от эмпириомонизма было вторым значительным шагом этого сближения. Как меньшевизм означает собой политическое соглашательство с буржуазией, так эмпириомонизм означает соглашательство идеологическое.

Самым ярким примером вульгарного толкования марксизма со стороны эмпириомонистов является вопрос о материализме, один из самых боевых и основоположных в теории научного коммунизма. Как известно, по своим личным взглядам, Маркс был совершенно последовательным материалистом, воспитанным на античном материализме, на французском материализме XVIII-го века и на материализме Фейербаха. Совсем не надо прибегать к вымученному толкованию отдельных текстов и отрывков из работ Маркса, чтобы убедиться в этом. Однако, А. Богданов и примыкающая к нему группа публицистов считали возможным совершенно отклонить материализм Маркса и связать марксизм с так называемым физическим феноменализмом, с тем направлением в науке, которое всецело идет навстречу классовым интересам католической буржуазии во Франции и представлено Пуанкарэ, Дюгемом и Бергсоном, а в немецкой философии получило название эмпириокритицизма.

Как известно, вместо с тем, Энгельс крайне отрицательно относился к идеологии вообще, к таким представлениям, которые означают создание идей, не имеющих непосредственной теоретической связи с миром материальной действительности. В противоположность этому, эмпириомонисты в России развили сложную систему идеологических, философских и социологических наук, в которых диалектический и исторический материализм Маркса и Энгельса погребен под грудой идеалистических понятий и определений. Все отвергнутое Энгельсом, все понятия религиозного, философского, эстетического и этического идеализма, ворвались в русский марксизм через широко распахнутые ворота эмпириомонизма.

В настоящее время можно с достаточной точностью установить классово-идеологические источники эмпириомонизма. До революции 1905 года он выражал собой настроения отдельных интеллигентов, пришедших в рабочее движение, но не проникших в его глубину, а оставшихся на партийной верхушке. После крушения революции, в период реакции, эмпириомонизм играл вспомогательную роль установления идеальной связи между пролетариатом и мелко-буржуазной интеллигенцией, не порвавшей с революцией и не вошедшей в рабочую среду. Материальное понятие пролетариата было подменено иллюзией человекобожества. Революция превратилась в богостроительство. Пафос классовой революции заменился патетическим прославлением философско-этической жизнерадостности личности, ничем не связанной с рабочей революцией, кроме эмпириокритических «координаций жизнеразностей».

А. Богданов сам отчетливо обозначил эмпириомонизм, как философию интеллигента, стоящего между пролетариатом и буржуазией, то-есть, мелкобуржуазной промежуточной группы. По его мнению, интеллигент, связанный по своему жизненному положению с техникой крупной промышленности и с естествознанием, в состоянии создать теорию, стоящую на половине пути между пролетарским материализмом и буржуазным идеализмом.

Преодоление этой промежуточной мелко-буржуазной идеологии, порожденной специфическими социальными условиями, в которых находилась интеллигенция в эпоху реакции, представляло одну из самых сложных партийных задач. Тем более осложнялась эта задача, что в начале революции марксистское просвещение поневоле строилось на основании эмпириомонистической литературы и выполнялось усилиями марксистов, воспитавшихся под сильным и определяющим влиянием эмпириомонизма.

VII

МАРКСИСТСКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Повидимому, можно утверждать, что пятилетие революции заканчивается не вполне решенной, но отчетливо поставленной и ясной для всей партии задачей восстановления подлинного марксизма, учения Маркса и Энгельса, совпадающего в основном со всем тем, что они думали, как они высказывали свои революционно-коммунистические убеждения и как стремились осуществить их в практике классовой борьбы пролетариата. Отметая извращения марксизма промежуточной эпохи, мы, однако, не возвращаем его на ту раннюю ступень развития, на которой он стоял три четверти века тому назад. Марксизм возвращается к Марксу и Энгельсу, к подлинному диалектическому и историческому материализму, но обогащенный всеми критическими приобретениями промежуточного времени, исполинским запасом данных, фактического опыта и практических обобщений пятилетней эпохи революции, вооруженный выводами естествознания и культурно-исторических наук, идущих путем материализма.

До сих пор нельзя сказать, чтобы этот марксизм получил свое полное теоретическое оформление, нельзя сказать, что критика марксизма преодолена полностью, что выводы научного знания полностью использованы и введены в систему революционно-материалистического миросозерцания, что опыт революции вполне учтен в теории, но нельзя, вместе с тем, сомневаться в твердо установившемся и не вызывающем сомнений внутрипартийном курсе теоретических исканий.

Вооруженный материализмом, наукой и революционной активностью, свободный от разноголосицы сомнений и колебаний по отдельным идеологическим проблемам, марксизм оказался в состоянии выполнить три основных партийных задачи, поставленных перед условиями пролетарской борьбы. Первая и основная задача—закрепление отчетливого и свободного от мелкобуржуазных пережитков и предрассудков последовательного партийного миросозерцания внутри партии, в широких ее кругах. Вторая задача—привлечение на свою сторону беспартийного просвещения, в лице профессуры, идущей по своей линии, но встречающейся с революционным материализмом, поскольку научная работа выполняется честно и последовательно. Третья задача—преодоление и разрушение частично возродившейся и расплывающейся по фону новой экономической политики, как масло по бумаге, мелко-буржуазной идеологии.

В противоположность германской социал-демократии, которая не спрашивает своих новых членов, откуда они пришли и кто они, коммунистическая партия требует не только однородности идеологии и политической заинтересованности, но и однородности своего социального пролетарского состава. Именно это требование несравненно труднее осуществить в стране с подавляющей массой крестьянского населения и с распыляющимся пролетариатом, чем в Германии, где партия живет и дышет в атмосфере социально-устойчивого фабрично-заводского пролетариата.

Умственная консолидация коммунистической партии, укрепление и распространение марксистского миросозерцания в партийной толще происходило и происходит, как стихийный процесс, далеко еще не законченный. Не закончена даже основная задача: ликвидация элементарной политической безграмотности внутри партии, и иначе быть не могло в стране, где масса учится политической грамотности на опыте ею же проделанной революции. Но внутри партии происходит двухсторонний процесс. Масса рабочей и крестьянской молодежи непрерывно подымается вверх, в партийные школы, и оттуда снова разбрасывается в массах, орошая их плодотворящим потоком марксистских идей, в свою очередь дающих новые и быстро прорастающие побеги научно-партийных знаний.

Партийно-марксистское завоевание пролетарской молодежи дало огромные результаты и огромные культурные ценности. Через кружки, ячейки, союзы молодежи, через рабфаки и партийные школы удалось завоевать для марксизма не только рабоче-крестьянскую, но и мелко-буржуазную молодежь, не окончательно развращенную влиянием старших возрастов своего класса. Вероятно, нигде в мире не было такого богатства аудитории, всегда готовой итти на марксистские лекции, и никогда не устающей слушать их. Повсюду там, где марксизм выступает перед широкой массой слушателей, он может быть заранее уверен в своей победе, в восторженном приеме и в безусловно враждебном отношении к его идейным врагам со стороны всей учащейся и стремящейся к самообразованию массы. Несмотря на то, что новое поколение марксистских лекторов, воспитавшихся для своей работы в самом процессе гражданской войны, можно исчислять тысячами, даже многими тысячами, несмотря на то, что масса лекторов пополняется новыми и новыми выпусками, их никогда не хватает, всегда остается значительная масса необслуженных в своей марксистской любознательности слушателей.

С этой стороны большевизм представляет культурный факт, чудесный и непонятный для его мелко-буржуазных противников. Как было отмечено, вульгарно-меньшевистский либерализм выработал твердую догму о том, что деспотическое правительство боится общественности, то-есть, всякого соединения людей и всякого движения мысли. Меньшевикам в высшей степени было бы понятно, в полной мере соответствовало бы их взглядам, если бы большевики никому не позволяли собраться, а собравшимся не разрешали бы обсуждать какие бы то ни было вопросы и тем менее вопросы марксизма. Между тем, в крайнем противоречии с меньшевистским партийным догматическим пристрастием ни в одной стране в мире нет такого количества

публичных свободных собраний, ни в одной стране в мире нет такого свободного и широкого обсуждения марксизма, и, наконец, ни в одной социалистической партии нет такого стремления выяснить действительный, последовательный и революционно-материалистический марксизм, сделать его доступным и понятным самым широким массам населения.

Единственная в мире свобода мысли дала возможность коммунистической партии провести напряженную пятилетнюю борьбу с реакционными идеологиями. Впрочем, вопрос о свободе мнений требует определенного пояснения. Совершенным буржуазно-демократическим вздором является сведение вопроса о свободе мысли и мнений к бесцветному и абстрактному понятию о свободе говорить все, что угодно. Действительная революционная свобода мнения заключается именно в том, что мысль освобождается от запретов господствующих классов. Свобода мысли в буржуазно-республиканских государствах это фиктивная свобода. Там, где свободу говорить о боге, об идеализме, о государстве и его воспитывающем значении, об авторитетах имеют реакционеры, она означает свободное право закрепощения умов. Между тем, даже либерально-буржуазные теоретики, когда им не надо извращать собственных мнений, чтобы обманывать массы, под свободой подразумевают именно борьбу против авторитетов правящих классов, против идеологии богатства и власти. Даже для них свобода означала собой свободу критики религии, свободу разоблачения идеализма, власти правящих классов, свободу пропаганды материализма. Так и надо условиться. Что такое свобода в точном и ясно определенном своем содержании? Это свобода борьбы против идеологии господствующих классов. Так понимали свободу мысли революционеры-материалисты XVIII века, и ничего иного свобода означать не может. Напротив, свобода пропаганды религии и классовых авторитетов, ведь, это ничто иное как свободное право на порабощение, закрепощение и обскурантизм.

И в этом же смысле можно сказать, что старыми буржуазными либералами, Боклем, Дрэпером, Бюхнером, свобода совершенно правильно понималась, как свобода революционной критики старого общества, общества феодального, свобода разрушения его устоев. Однако, они крайне удивились бы, если бы им сказали, что под свободой надо понимать, во-первых, право разрушать старое общество, а во-вторых и наоборот, право его поддерживать и укреплять. Они сказали бы, что эти две свободы одна другой противоречат, ибо заключают в себе разное классовое содержание, и что свободы «вообще» нет, а есть свобода с точно определенным классовым содержанием. Если бы коммунистическая партия обеспечила за духовенством право на свободное закрепощение умов верующих пропагандой религии в школе, это означало бы полную измену действительной свободе мысли, когда-то проповедывавшейся даже буржуазией в эпоху ее борьбы против старого общества, и забытой, как только свобода пропаганды марксизма, коммунизма, материализма и атеизма стала орудием классовой борьбы пролетариата.

Благодаря великому принципу свободы критики реакционных мнений, свободы разрушения тех авторитетов, которые во всех остальных государствах до сих пор находятся под покровительством государства, вследствие

чего современное классово-буржуазное понятие свободы мнений превращается в собственную противоположность, в право закрепощения умов,—коммунистическая партия сумела выполнить свою вторую задачу, установить согласование идей борьбы за научный материализм с известной группой старой профессуры.

Не по своему социальному положению, а по своей идеологии, старая профессура была воспитана в атмосфере величайшей несвободы мысли. Ее основной академической задачей было противодействие материалистическому освобождению исследований от гнета религиозно-идеалистических пережитков. Поэтому в массе старая профессура и идущее за нею городское и сельское учительство проявили себя, как обломки разбитого и сметенного с исторической сцены господствующего общественного класса. Раскрепощение науки могло произойти путем преодоления этого академического оплота буржуазной идеологии. В этом случае коммунистическая партия применила ту меру, которая встретила со стороны всей так называемой республики ученых в мировом масштабе самое крайнее агитационное противодействие: меру переведения квалифицированной интеллигенции на то же самое положение, на каком находились все трудящиеся.

Буржуазный мир встретил это уничтожение привилегий буржуазной интеллигенции бурной всемирной кампанией защиты интеллигенции от так называемого варварского истребления культуры. Надо отметить, что фактически не только не было истребления культуры, но на пятом году революции старая профессура оказалась неимоверно производительной, но только не в научном, а в идеологически-контр-революционном смысле слова. Получив исключительно привилегированное в материальном смысле слова обеспечение, «республика ученых» в высшей степени мощно использовала свое благополучие для борьбы против марксизма, и иногда эта борьба переходила непосредственно в отчаянное сопротивление советскому строю вообще. По отношению к этой непримиримой части старой реакционной профессуры, в научном отношении совершенно бесплодной, пришлось прибегнуть к мере ультимативного теоррора, к возвращению ее в буржуазный мир, из рамок которого она не могла выйти, то-есть, к высылке за границу Федерации.

Наука идет через головы людей, если они отказываются двигаться в потоке ее общественно и внутренне-необходимого развития. Та часть профессуры, которая в состоянии была по своим суб'ективным условиям продолжать работать в области науки, а не борьбы против коммунизма, в области освобождения, а не закрепощения культурной мысли, пошла по одному пути с коммунистической партией.

Революция пробудила огромную жажду знаний, и знаний именно марксистских и материалистических. Как ни была широко и в международном масштабе поставлена агитация против большевизма, будто бы истребляющего интеллигенцию, но в действительности имели место прямо противоположные явления: все учебные заведения переполнились учащимися свыше государственной возможности обеспечить науку людскими силами и материальными

средствами. Очевидно, это была волна не добровольных мучеников, желавших принять страдальческий венец, ставши интеллигентами, и не сознательных искателей материальной выгоды. Это был поток молодежи разных общественных классов, преимущественно рабочих, поток юного поколения мелкой буржуазии, лишенной отвратительных сторон своего класса, еще мягкой и неустойчивой по возможностям дальнейшего определения своих симпатий, и только в самой ничтожной степени послали свою молодежь в науку представители прежде господствовавших классов. Надо отметить, что умственное бессилие господствующих классов ярко проявилось на заграничных русских, главным образом, балканских университетах. Белое заграничное эмигрантское студенчество не сформировалось и, находясь в относительно лучших условиях, чем студенчество в Федерации, катилось само и катило эмиграцию по пути распада. Во всяком случае, предметом искренного восхищения для заинтересованных наблюдателей стали не белые университеты, а рабфаки внутри страны.

На этих фактах стоило остановиться потому, что, несмотря на активное идейно-политическое сопротивление массы реакционной профессуры, научное просвещение в России выросло, количественно развивалось в короткое время до огромных размеров, а по своему качеству оказалось на том пути, с которого его в течение пятидесятилетия стремилась столкнуть государственная старая власть. Материализм в естественных науках, маркизм в общественных науках, оказались двумя идейными силами, выражающими не только суб'ективную волю коммунистической партии, но и об'ективно необходимые исторические тенденции культурного развития страны.

Коммунизму не пришлось протискиваться во враждебные ему ряды учащейся массы: он, несмотря на свой рост, все менее и менее в состоянии удовлетворить страшно растущий спрос на марксистскую и материалистическую научную литературу, на профессоров и лекторов по вопросам истории, теории и практики коммунизма, по вопросам научного материализма. Жизнь учит,—и значительная часть профессуры, втянутая в этот поток нового просвещения, должна была пойти ему навстречу. Проблемы материализма, в противовес абстрактной философии, проблемы исторического материализма, в противоположность идеалистическому настроению общественных групп, правивших раньше и пытавшихся сохранить идейное главенство в течение революции, стали в центре научного внимания, в центре популяризации знания, в центре просвещения вообще.

VIII

ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕЛКО-БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Воздвигнутые таким образом цитадели марксизма и материализма в состоянии оказались проявить энергичное противодействие той стихии, вопрос о которой заполнял партийное внимание в течение последних двух лет. Так называемая мелко-буржуазная стихия, сопровождаемая мелкобуржуазной идеологией и довольно существенно отличающаяся от явлений,

с которыми приходилось бороться в первые годы революции, стала зловещей угрозой перед культурными и политическими завоеваниями коммунизма.

Мелко-буржуазная идеология последнего периода революционной эпохи чрезвычайно разнится от того, чем она была в первые годы, как ни старается она сама стереть всякую разницу, как ни стремится она вычеркнуть из своей памяти и из жизни вообще следы потрясающего переворота, неизгладимого по своим следствиям.

Можно отметить три периода в развитии мелко-буржуазной идеологии. В первый период революции (1917 год) она поднялась к временной власти, руководимая меньшевиками и эсерами и подхлестываемая крупной буржуазией. Современная германская мелкая буржуазия, руководимая Эбертом и нахлестываемая капиталистическим бичем Штиннеса,—это законченное выражение тех тенденций позора и униженности, к которым двигалась февральская революция, своевременно прерванная Октябрьской революцией.

Первый период,—период расцвета политического идеализма, иллюзий, социального фантасмагоризма, визионерства, ораторского надрывного крика, патетических жестов, драматических сцен и безграничного предательства, сдерживаемого в своем размахе только бессилием политических групп, волновавшихся на поверхности еще не развернувшейся в своем исполинском движении народной стихии.

Второй период (1918—1920)—так называемая ими самими эпоха великого голода и великого молчания. В этот период мелкая буржуазия оказалась под колесами революции. Движение революции и контр-революции в смене фронтов, в потоке переворотов, образования правительств на пространстве исполинской арены социальной битвы, какую представляла собой распадавшаяся и превращавшаяся в Советскую федерацию российская империя,—прошло через головы мелкой буржуазии. Выброшенная из политической жизни, выброшенная за пределы революции, случайно и частичными своими слоями примыкавшая к революции или к контр-революции, терпевшая от всего и не получившая ничего, пассивный материал мобилизаций, реквизиций и конфискаций со стороны обеих враждующих сил, мелкая буржуазия, сбитая с фундамента частной собственности и неспособная освоиться с Советским строем общественных отношений, вышла из водоворота революции униженная, ослабленная и идейно разгромленная.

Третий период—новая экономическая политика. Экономически находясь в промежуточном между капитализмом и социализмом положении, политически совершенно обесцвеченная и потерявшая всякий вкус к политике, мелкая буржуазия тяжелой социальной массой опрокинулась на культурные завоевания революции, отрицая их всем своим существом.

От мелкой буржуазии идет идеологическая контр-революция, уравновешиваемая в своем влиянии или преодолеваемая и изживаемая противовесом коммунистического быта и коммунистического миросозерцания.

Очередные иллюзии меньшевиков, когда они ожидали, будто за экономическими уступками должны последовать уступки политические,

будто открытие базаров должно увенчаться, как своим необходимым следствием, открытием учредительного собрания, еще раз потерпели катастрофу. Неумолимая политика коммунистической партии, не позволившая взять себя на испуг меньшевистских окриков, полная политическая расслабленность и безволие промежуточных классов, не укрепили, а до конца дезорганизовали мелкую буржуазию.

Когда теперь лавочник, владелец магазина, мелкий предприниматель, владелец или организатор кустарно-заводского преприятия, советский работник по хозяйственной специальности, когда они пытаются политически мыслить, перед ними всплывают неясные очертания эпохи февральской революции, они (и это общеизвестный факт!) вспоминают о меньшевиках, как о верных выразителях в политике чувств и настроений этих «интеллигентных предпринимателей», но ни меньшевиков не считают способными к возрождению, ни в себе не видят силы к политическому под'ему, ни вообще не испытывают никакого вкуса к борьбе.

Течения мелко-буржуазной идеологией, надо разделить на две составные части массовых социальных настроений. На первом месте следует поставить то, что называется этическим исканием. Чрезвычайно сильно проявившееся в рядах коммунистической партии в последнее время стремление определить и установить нормы этического поведения в переходную эпоху, означает отображение противоположного явления—массового бытового мещанства. Огромная нервная усталость, неизбежно сопровождающая собой победоносное завершение революции или ее крушение, дает опору реакции и тормозит развитие революции.

Мелкая буржуазия, не отдыхавшая от чуждых ее психологии и непонятных ее уму потрясений в течение восьми лет, считая от начала мировой войны. просто захотела жить. Захотела жить в самом элементарном зоологическом смысле этого слова. Проникнутая по складу своего быта общественно-анархическими настроениями полной личной незаинтересованности во всем, что выходит за пределы блага личности или семьи, мелкая буржуазия стремится наслаждаться всеми элементарными удобствами и наслаждениями, которых она была лишена в течение нескольких лет. Снимая с себя всякую ответственность за судьбу социального целого, не проявляя никакого вкуса и разборчивости в своих эгоистических желаниях, мелкая буржуазия совершенно удовлетворена тем, что к ее услугам имеются рестораны, проститутки, лакеи, художественно-дешевые театры, удобные пути передвижения, возможность, в известных пределах, возрождать свое состояние.

Этот мещанский быт, возрожденный, но лишенный культурного влияния на него со стороны буржуазной и дворянской интеллигентной аристократии, представляет собой только ничтожное обезьянье подражание стилю и бытовому строю жизни крупной буржуазии. Сам по себе неспособный выявиться в создании каких бы то ни было культурных ценностей, политически совершенно аморфный, быт мелкой буржуазии бесчисленным множеством рефлексов отражается в общественной жизни, облегчая развитие и распространение вульгарных форм мелко-буржуазной идеологии.

Достаточно для характеристики остановиться на четырех основных моментах, характеризующих вражебные коммунизму силы или, вернее говоря, мещанское бессилие: на мелко-буржуазной литературе, науке, философии и религии.

IX

КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

Литературные направления мелко-буржуазного стиля, определяя их в самом широком смысле, независимо от театра, публицистики, живописи или беллетристики в отдельности, но беря за общую скобку основные явления, характеризуются крайней нервной развинченностью. Это не контр-революционная и не революционная литература. Это литература вне-революционная. Ей совершенно безразлично, с кем итти, на чьей стороне быть. Это литература тех людей, которые были лойяльны и по отношению к красным и белым, которые, в сущности, совершенно не видели революции, не видели ее внешних событий, не знают ни баррикад, ни окопов, ни смен власти и обо всем узнавали только из газет, по заборным приказам новой власти и по рассказам соседей. Революция проходила для них, как кинематограф событий, сменявшихся в силу непонятных причин и, в конце концов, смешивавшихся в неясном хаосе беспорядочных явлений.

Безвкусный язык, отсутствие последовательной мысли, беспорядочная наблюдательность, интерес к мелочам, неспособность охватить целое, болезненное внимание к ненормальным, уродливым, вообще скрываемым проявлениям личности, к тайным болезням, к половым отношениям, отсутствие мысли, заменяемой хаотическим описанием фактов и настроений,—этими общими монотонными цветами стиля отмечена литература мелко-буржуазного подполья, вылезшего на поверхность литературной жизни. От имажинистов до серапионовых братьев, от «халтурно-революционных» рассказов до искренне-белогвардейских повествований, во всем проглядывает типическая для мелкой буржуазии отчужденность от всякого героизма, от личного и от социального. Литература воплотила в себе расслабленность и психологическую вялость мещанской стихии.

Литература отразила в себе чувственную усталость промежуточных классовых слоев, согретых тусклым солнцем новой экономической политики. Наука мелкой буржуазии отразила в себе умственную усталость этих слоев. Здесь надо разграничить сферы социальных влияний. Насколько наука выразила в себе буржуазную демократию, настолько философия отразила в своих исканиях настроения буржуазной аристократии.

Мелко-буржуазная наука нашла себя в ряде попыток применить идеализм к области точных наук. Идеализм в исторической науке, идеализм в биологии, идеализм в физике: этими тремя направлениями прошло разрушение научного знания, поскольку оно было вовлечено в поток мелко-буржуазного мещанства. Такие историки, как Гревс, Виппер, Зелинский, Кареев, Добиаш-Рождественская, откровенно поставили свою науку на службу возрождающемуся идеализму. Любовь к отвлеченному человеку, любовь к идеалу, любовь

к любви, любовь к мещанскому уровновешенному быту прошлого, идеализация так называемых светлых и идеальных сторон прошлого, а в целом,—фальсификация науки в интересах оправдания мещанского быта, это то, жертвой чего стала академическая историческая наука.

Еще более откровенно проявилась мещанская фальсификация науки в области биологии. Великая научная борьба современности за овладение явлениями жизни выродилась здесь в неопределенную метафизику жизни, как самостоятельного духовного начала, управляющего мертвой материей и стремящегося направить ее к развитию в сторону идеала любви. Жизнь есть сила, владеющая материей и выражающая внутреннюю телеологию высшего смысла, высшей целестремительности всего живого. Таким опредением и его философским развертыванием в отвлеченных псевдо-научных понятиях заменяет Берг или Лосский научную формулировку понятия жизни.

Стремясь создать противодействие потоку материалистического естествознания, реакционеры-ученные, возрождающие идеализм, отошли от материализма так далеко, что теперь их основным авторитетом является французский реакционный философ Анри Бергсон, а через его посредство они идут еще дальше, в область средневековой религиозной науки. Отчасти отрицая материю вообще, отчасти становясь на безразличную позицию эмпириокритицизма, главным образом возрождая аристотелевское учение об энтелехии, мещански, по своей идиологии, настроенные ученые противодействуют материализму псевдо-научными средствами, потому что видят в нем теоретический оплот революционного миросозерцания.

Наряду с мелкой буржуазией сохранились некоторые остатки крупной буржуазии или, по крайней мере, ее идеологов, тоже вошедших в общий поток попыток возвращения к до-революционному быту и до-революционному мышлению. Идеологи чистой буржуазии имеют свою излюбленную теоретическую область, свои руководящие принципы и свой культурный центр. Область знания—философия, основные принципы—любовь и красота, центр—Петербург.

Философский культ любви и красоты с совершенно исключительным устойчивым упорством сосредоточился в Петербурге. Сравнительно небольшая часть реакционных профессоров, публицистов и поэтов рассеялась в эмиграции. Основное ядро этой «духовной аристократии» сохранилось в Петербурге, пережило свои годы «великого голода» и основало довольно прочные, рассчитанные на очень узкий круг влияния, издательства. В этой группе культивируется любовь, как абсолютная самоцель жизни, любовь, соединяющая в себе все оттенки умственной извращенности, начиная с религиозной мистики и кончая половой неврастенией. Культ красоты поддерживается любителями изысканной словесности, современной и старинной, изданием специально-любительских книжек о Пушкине, о старых и новых романтиках, о Блоке, изданием Ахматовой, Кузьмина и других представителей извращенного и развращенного дендизма.

Философские искания, прозрачно контр-революционные, несмотря на свою крайне туманную оболочку отвлеченной терминологии, приняли

совершенно нормальный характер уклона к самому крайнему мистицизму. Философия стала учением о мистических целях жизни, о преодолении всего земного и материального, о каких-то невероятных идеалистических авантюрах мысли, полезность и смысл которых совершенно ускользают от материалистического ума, видящего простой набор фраз и слов там, где фанатики мистики находят какую-то исключительную глубину. Философия современной буржуазии, как она проявляется в своих петербургских представителях, войдет в историю мысли, как пример ярко выраженной культурной патологии.

Из философских культов мистики, красоты и любви мы непосредственно переходим в последнюю и основную область, в которой проявила себя мелко-буржуазная идеология переходного периода. Дело идет о возрождении религии. По существу, все направления мелко-буржуазной идеологии в той или иной форме представляют возрождение религиозности. Кулацко-поповское низинное суеверие деревни, антисемитизм городского мещанства, правое славянофильское направление в рядах сменовеховцев, утонченные любители красоты, в стиле стихов Блока и Анны Ахматовой, мистики-биологи, мистики-физики, идеалисты-историки, вроде Зелинского или Карсавина, философы, типа Введенского или Франка, литературные критики, как Жирмунский или Пяст,—все они в разных форамх выражают один и тот же основной поток мелко-буржуазного вырождения мысли, выражают религиозную реакцию.

Коммунистическая партия совершенно правильно учитывала смысл основной линии мелко-буржуазной идеологической стихии, направив все свои силы на антирелигиозную пропаганду, тесно связанную с материалистически-научной положительной пропагандой, в противовес мистической патологии вырождающихся общественных групп. Действительно, все линии и оттенки мещанской идеологии, от самой темной деревни до петербургской профессуры, представляют собой вариации и деривации общего религиозного потока.

Здесь происходила самая ожесточенная борьба между коммунистически-пролетариатским мировоззрением и идеалистически-буржуазной идеологией.

Основные пути этой борьбы отмечены известного рода закономерной последовательностью. В 1917 году коммунистическая партия не имела настолько большого общественного влияния, чтобы открыто напасть на идеологические фетиши господствующих классов, навязанные бедноте вековым культурным насилием над нею. И,—замечательно!—так называемые марксистские партии меньшевиков или социалистические течения народников не только не вели антирелигиозной пропаганды, но неоднократно и очень ощутительно делали уступки традициям народной массы, уважаемым в силу их древности, народного почтительного отношения к ним и в силу многих других мещанских предрассудков. Но уже в значительной мере восемнадцатый год, а главным образом год девятнадцатый были временем самоотверженного натиска коммунизма на религию. Об этом натиске надо говорить, как о самоотверженном вот почему. Мелко-буржуазные святыни казались непри-

косновенными для всех партий, которые ориентировались на крестьянскую мелкую буржуазию. Под углом зрения соглашательских позиций казалось возможным все, но только не нападение на «народные святыни».

Многие даже весьма радикально настроенные люди, но пропитанные соглашательскими традициями германской социал-демократии, говорили о косвенной борьбе с церковью, но всеми силами избегали борьбы с религией за ширмой того же самого вульгарно-буржуазного понятия о свободе мнений, как о праве свободной проповеди реакционных суеверий, порабощающих умы народных масс. С суеверным ужасом говорили о том, что нельзя тронуть народной веры, ибо народ озлобится и отвергнет политически тех, кто противоречит его религиозности.

Большевики, выражаясь сильным и гневным языком Ф. Меринга, „скандализовали чопорных мандаринов социализма" жестоким ударом в самое сердце суеверий, безжалостной фактической критикой мощей, их вскрытием и разоблачением. Не прослеживая в деталях фактов антирелигиозной борьбы, начавшейся боевой кампанией вскрытия мощей и, как на последнем этапе, сейчас остановившейся на блестяще проведенном из'ятии церковных ценностей, можно только отметить итоги.

Церковь, которая три года назад противостояла коммунизму сплоченным реакционным фронтом, а пять лет назад была неприступной ни для кого цитаделью тысячелетней социальной дикости и культурного мрака, ныне лежит в развалинах. Быстрее, чем этого мог ожидать кто бы то ни было, церковь развалилась на секты, направления, течения, малые и мельчайшие церкви, она распалась по признакам политическим, национальным, вероисповедным. „Сыны церкви" пожирают друг-друга в свирепых склоках. Церковное просвещение рухнуло и не вызывает в крестьянских массах, относящихся к религии с прозаически трезвым практицизмом необходимых треб и служб, никакой потребности в его возрождении.

В народных массах пробудилась с трудом насытимая жажда критики религии. Интерес к лекциям, критикующим религию с научно-исторической и естественно-научной точки зрения, невероятно возрос. Возникла подлинная свобода мысли, требующая для своего насыщения необ'ятного количества литературы, бесконечных лекций. Еврейство и мусульманство, которые держались дольше, вследствие особого предрассудка почтения к религиям угнетенных национальных меньшинств, колеблются и распадаются. Синагога рушится медленней, чем православный храм, но трещины в самом ее фундаменте уже осязательны. Во всяком случае, внутри еврейской общины сейчас имеют место бурные и чисто еврейские по своему национальному составу демонстрации против обрядов и праздников синагоги.

Волна суеверных чудес, в течение двух лет катившаяся через деревню, погашена в социальном протесте бедноты против кулацко-поповских попыток фальсификатами чуда возродить гаснущий дух веры, в широко и почти стихийно проведенной антирелигиозной пропаганде.

До конца церкви и религии еще очень далеко, тем более, что мелко-буржуазная идеология во многом отвоевала от революции завоеванные ею, но

плохо закрепленные, атеистические позиции просвещения. Штурм на церкви и религии бурных лет революции перешел в длительную и планомерную осаду, а подлинная религия из глубины народных масс передвинулась в интеллигентские верхи мелкой буржуазии и кучки сохранившихся идеологов крупной буржуазии, свидетельствуя об их предельном идейном разложении.

Мистическое гнилостное цветение верхушек буржуазной интеллигенции религиозными настроениями показательно для ее идеологического бессилия. В стихах, в научных трактатах, в литературно-критических произведениях, в философских системах, наконец, в мистических статьях, посвященных культу любви, культу красоты, культу самой религии, культивируется религиозность отмирающими верхушками общества, корни которого подрезаны социальной революцией.

Литературная контр-революционная волна, катящаяся на пролетариат из научно-публистических кругов буржуазной реакции и смешивающаяся с водоворотом заграничной белой литературы, окрашена религиозной фосфорической гнилью. Трудно определить ее силу, как идеологической опасности для политически победоносной революции. Мы стоим на пороге шестого года революции, в центральном моменте битвы двух культур. Однако, Октябрь вооружил коммунистическую партию для этой борьбы революционным материализмом подлинного чистого марксизма, и эта борьба означает не трату и не разрушение народных сил, как война гражданская, а накопление их в самом процессе войны. Когда в гражданской войне Красная Армия приходила на место, занятое врагом, она встречала там дымящиеся развалины. В области старой культуры мы находим с самого начала ее разоренное гнездо, заросшее мусорным бурьяном религиозности и заселенное какими-то своеобразными пещерными жителями, молящимися фетишам идеализма, религии, мистики. Самый процесс борьбы заключается в том, что выметая развалины буржуазного мира, выпалывая полынь и бурьян мелкобуржуазной идеологии, мы превращаем культурную пустыню в цветущий сад коммунизма, материализма, атеизма.

В этой борьбе застает пролетарскую революцию шестой Октябрь ее великого пути через пустыни и развалины старого мира к радостному величию коммунистических веков.

ВАЛЕНТИН РОЖИЦЫН.

Украинская интеллигенция и Советская власть

(перевод с украинского)

ИЗ МЫСЛЕЙ УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:

«Украинское движение всегда говорило языком самостийности, даже тогда, когда отрекалось от нее».

Скоровстанський. «Революція на Україні». «Украинская нация состоит из 30 миллионов рабов и горсточки Дон-Кихотов».

Фраза из ненапечатанного письма одного писателя.

«Будемте честными с собой и другими: мы, украинские «социалисты», воспользовались несознательностью, забитостью масс. Не они нас выбирали, а мы им навязали себя. Они слишком темны и несмелы были, чтобы хорошо разбираться в том, что мы им обещали».

В. Винниченко. «Відродження нації».

Интеллигенция, как известно, не является каким-либо особым и цельным классом. Один из типичных представителей украинской национальной интеллигенции М. Шаповал (в настоящей статье мы говорим именно о национальной украинской интеллигенции) совершенно правильно характеризует интеллигенцию таким образом: «у нее имеются признаки и трудового класса, если она продает внаймы свой интеллектуальный труд и получает плату, достаточную только для существования (интеллигентский эксистенц-минимум), подпадая будто бы под железный закон заработной платы; однако, у нее также есть признаки буржуазного класса, если она за свои услуги получает высокую плату (выше эксистенц-минимума), из которой делает «накопление капитала», и вступает в центр собственнической игры и всех переживаний собственника-буржуа. «Именно потому, продолжает М. Шаповал (брошюра из изданий «Нової Доби»—«Інтелігенція і пролетаріят»—Вена, 1920 г. стр. 3—5): «вообще говоря, вся интеллигенция не имеет своего особого классового самосознания, пользуясь самосознанием и идеологией того класса, которому служит. Можно думать, что это сказано об интеллигентской «идеологии»: «На чиїм возі їдеш,—того й пісню співай».

Чьи ж песни пела украинская интеллигенция, на чьем возу ехала? Ответ на это может дать экскурсия в область социальных связей украин-

ской интеллигенции. Те 30 миллионов рабов, из которых составлялась (а не состоит, ибо из рабов они стали господами своей страны) украинская нация, были на 97—98% крестьянами. Ядро украинства, как комплект определенных национальных признаков, кроется в украинском селе и лишь отчасти в городских предместьях. Большой индустриальный город называется украинской интеллигенцией «не нашим». Он давно руссифицирован, и в нем до революции украинскому интеллигенту негде было приложить свой специфический капитал—украинский язык, ибо вся работа в городе велась на русском языке—в государственных учреждениях, на русском и польском—в общественных, на русском и еврейском—в торговых делах. Перед революцией едва не единственными учреждениями, до известной степени пользовавшимися языком украинским, были кооперативные организации. Таким образом, естественные богатства, так сказать, украинской интеллигенции, ее прирожденные знания оставались неиспользованными, лишними, ненужными. Нужно было приобретать другие, переучиваться, приспособляться к работе на ином языке, как главном орудии во всякой интеллектуальной работе. Это переученивание, приспособление требовало определенной затраты сил, а в результате все-ж-таки не давало возможности успешно конкуррировать с интеллигенцией русской, «естественные богатства» которой непосредственно утилизировались, пускались в оборот. С этой же стороны можно пояснить настойчивые стремления украинской интеллигенции к украинизации государственных учреждений и вообще всей культурно-общественной жизни. Она хотела и хочет расширить рынок своего труда—это одна (но, конечно, не единственная) причина таких стремлений.

Шире могли применять свои специфические знания украинские интеллигенты на селе. Тут требования относительно знания русского языка не так остры, переучиваться, приспособляться не нужно, особенно теперь, после революции, когда до 80% школ в селах пользуются украинским языком, как языком преподавания; когда делопроизводство в советских и общественных учреждениях тоже свободно от требований вести его на русском языке; когда украинский интеллигент чувствует себя тут в своей национальной стихии и беспрепятственно находит применение своим способностям. Мы видим из последних статистических данных, что в то время, как процент украинского населения в городах в первые годы революции уменьшается, а города больше интернационализируются (см. напр., статью Смілянського в № 242 «Вістей ВУЦВК» 27/х 22 г. «Населення Харкова»), в то-же время села на Украине «украинизуются», т.-е. процент украинского населения в них увеличивается.

С концом вооруженной гражданской войны, т.-е. с 1920 г. понемногу начинается обратный процесс. Украинское село начинает наступать на город, возвращать ему излишек своей рабочей силы. Голодный 1921 г. погнал тысячами беженцев из пораженных несчастьем районов. Возрождение промышленности открывает двери для новых кадров рабочих. Возвращаются из сел беженцы—пролетарии, идут на село снова те, кто бежал оттуда от

бандитизма и безработицы. Теперь в свою очередь село начинает до известной степени «интернационализироваться» в то время, как в первые годы революции оно стало чуть-ли не сплошь украинским.

Резервуаром, откуда пополняются кадры украинской интеллигенции, как видно из статистических данных, в городах служат предместья и полурабочие, полумещанские районы. Оттуда, из семей заводских мастеров, торговцев и торговок, мелких лавочников, собственников небольших пригородных усадеб, ремесленников и т. д. выходят свежие кадры низших генераций интеллигенции, разных мелких служащих, телеграфистов, железнодорожников, почтовиков, всяких регистраторов и делопроизводителей и т. п. Эта полурабочая, полумещанская масса большего дать своему потомству не может, ее небольших заработков хватает лишь на элементарное образование своим сыновьям и дочерям и на получение начальных профессионально-технических знаний. Но и на меньшее она не соглашается, ибо хозяйства своего в той степени, которая требовала бы большей рабочей силы, не имеет и должна отдавать эту рожденную ею лишнюю рабочую силу куда-то на сторону. Вот и суется она, по старому выражаясь, в «підпанки» или «полупанки». Именно среди этих украинских интеллигентов, связанных социально с кварталами предместий, мы ищем зародышей украинской социал-демократии, которая, с одной стороны, кокетничала пролетарскими лозунгами, а с другой—выказывала неприкрытую симпатию к капитализму, дававшему ей возможность родиться и развиваться. Организовываться она начала с 1901 г, нося тогда название «РУП» («Революційна Українська Партія») и переменив его в 1904 г. На УС.-ДРП).

Поскольку она служила интересам пролетариата, показывает признание лидера ее времен Центральной Рады В. Винниченко («Відродження нації» т. I, стр. 82): «Мы понимали революцию, как буржуазно-демократическую, мы не производили сами никаких покушений на буржуазно-демократический строй». И как им было производить эти покушения, если буржуазно-демократический строй и был ближайшей жизненной целью для тех групп интеллигенции, которые составляли руководящие верхушки укр. соц.-демократии? Он давал возможность сынкам и дочерям верхушек рабочей «аристократии» мещан и ремесленников продвинуться выше, переехать из предместья в самый город «получить должность», выработать свой «экзистенц-минимум»—при определенных, конечно, условиях, о которых речь будет дальше и которые определяются теми же упомянутыми выше социальными связями украинской социал-демократии с предместьями. Одно только заранее констатируем: эти группы украинской интеллигенции, ведущие свое происхождение из города и организующиеся в социал-демократические группировки, являются, если можно так выразиться, более националистическими, чем иные которые связаны с селом и об'единяются в группировки эсеровские. Это кажется на первый взгляд парадоксальным, ибо и город не дает будто бы основ для кристаллизации и чистоты национальных признаков, а социал-демократическая программа что-то лепечет об интернационализме.

Для подтверждения этой мысли позволю себе привести цитату из ненапечатанной еще рукописи одного из лидеров укапизма, выросшего из той же укр. соц.-демократии. Характеризуя в своей работе («Революція на Україні») роль различных классов и партий, стоявших во главе движения, он пишет (стр. 27): «национальные интеллигенты, образованные, как марксисты, делаются вождями укр. соц.-демократии Учение марксизма является для них оружием «национального освобождения» украинского народа, активным фактором которого (освобождения) должен стать пролетариат. Для них марксизм, как теория классовой борьбы, вопрос тактики пролетариата, его экономического и профессионального движения, проблема социальной революции—были безразличны. В пролетариате искали они лишь социальной активности. Для них пролетариат и его интересы были лишь средствами для достижения национальной цели. Поэтому эти «вожди» так легко изменяют пролетариату, когда речь идет о его классовых интересах, расходящихся с «национальными»... Так пишет один из известнейших на Украине «незалежников»—после «укапистов», отличавшийся всегда своими теоретическими статьями в «Робітнич. Газеті», «червон прапорі» і т. д. Пролетарское движение для укр. интеллигенции, об'единенной в соц.-демократию, было не самоцелью, а только средством для какой-то иной ее цели. Сравним эти слова со словами В. Винниченко, поставленными нами эпиграфом к нашей статье: «будемте честными с собой и с другими: мы, украинские «социалисты» (кавычки ставит сам Винниченко, ибо в данном случае он—из категории кающейся интеллигенции, воспользовались несознательностью, забитостью масс. Не они нас выбирали, а мы им навязали себя. Они слишком темны и несмелы были, чтобы хорошо разбираться в том, что мы им обещали».

Винниченко является настолько характерной фигурой для типичной украинской интеллигенции, что только на одном его примере можно было бы построить изложение всей нашей темы, поскольку мы разбираем позицию украинской интеллигенции в ее взаимоотношениях с советской властью. Весь винниченковский революционно-демократический пафос, соединенный с теоретическим неравновесием и тактическим шатанием, его поприщинское (Поприщиным его удачно назвал украинский «доктор черносотенства» Дм. Донцов) бегство через окно, нытье и исповедание своих «грехов» перед собственной «честностью», «народом» и «революцией», жалобы на «братьев» из инонациональной демократии, его организационная неспособность, заискивание перед заграничной буржуазией с целью, мол, «спасать родной народ» и вместе с тем открещивание от всякой «недемократичности» и т. д. и т. д.—все это характерные черты всей вообще украинской интеллигенции, рожденные ее социальными особенностями, ее ролью в общественном движении на Украине. К выяснению этой роли во время революции еще вернемся дальше, а теперь перейдем к характеристике другой наиболее численной группы украинской интеллигенции, социально связанной с крестьянством.

Перед революцией из 32,6 мил. населения Украины (в 9 губерниях) только 15% жило в городах. Теперь эти 85% сельского населения еще увеличились вследствие упадка в эпоху гражданской войны городской промышленности. Наши города только с 1920 г., как мы говорили выше, снова начинают расти за счет внутренней иммиграции села. Возвращаются рабочие, бежавшие туда за хлебом, возвращается тысячами интеллигенция, разбежавшаяся было, страшась преследований со стороны советской власти за помощь контр-революционным выступлениям (это в особенности заметно на Правобережьи, в частности—в Киеве) и тоже в поисках хлеба по селам. Где же она находила этот хлеб? Само собою разумеется—не у незаможного крестьянства, которое само прозябало в нищете. Шла интеллигенция к кулаку, своему ближайшему родственнику,—не только в переносном смысле, как увидим ниже.

Фещенко-Чоповский, украинский буржуазный экономист и бывший Министр Торговли и Промышленности УНР, в своей работе, «Природні багатства України» делит крестьянство на три группы, что приблизительно отвечает нашему разделению на незаможников, середняков и куркулей. Итак, по его подсчету из всего числа крестьянских хозяйств на Украине в 1913 г. было: от 0 до 3 десятин—35%, от 3 до 8 дес—43% и от 8 до 20 и больше—22%. Эти последние 22% и есть основной колыбелью, откуда вырастала молодая украинская интеллигенция на селе. Кулачество—ее родная мать. И правда: если средний баланс украинского середняка-крестьянина составлял каких-нибудь 530 р. ежегодного оборота, он, конечно, не мог оторвать оттуда полторы—две сотни, нужные на содержание детей в специальных или средних школах, чтобы вывести их на путь интеллектуальной работы, сделать интеллигентами. Такая возможность была только у кулака, который имел какой-либо хутор и пользовался наемным трудом, которому не нужна была рабочая сила собственных детей. И он настойчиво «выводил их в люди» и притом не в маленькие люди, ибо быть каким-нибудь регистратором, что-ли, с 10—20 р. месячного жалованья кулацкому сынку было невыгодно—дома он имел бы больше.

Таким образом, из кулацких семей выходили не только сельские учителя, кооператоры, агрономы, техники, врачи, но и известные кадры городской интеллигенции,—типы, подобные выведенным в трилогии Карпенко-Карого «Суєта». Гнало из кулацких хозяйств молодняк (именно—преимущественно младших детей) еще и нежелание кулацкой семьи дробить свое хозяйство, делить его на части. Тут повторялся до известной степени феодальный бытовой обычай: старший сын—помещик, феодал; второй—воин, придворный; третий—духовный, поп и т. д. Немало, кстати, и попов родилось из кулачества, а это, как известно, сплошь да рядом «единственный представитель» «интеллигенции» (тоже, мол, «интеллектуальный» труд) в селе. Если пересмотреть биографии деятелей украинского национального движения, писателей, журналистов, кооператоров, деятелей просвещения и т. д.,—в громадном большинстве найдем фразу «сын крестьянина, на отцовские деньги получил начальное образование, дальше, кое-как переби-

ваясь, пошел выше и вот, наконец, вышел на интеллигентскую дорожку». И завидует он буржуйским и помещичьим детям, получающим все это без особого труда. Жаль и своих товарищей, парней и девушек крестьянских, для которых это является невозможным из-за малых средств своих родителей. Уничтожить бы панские экономии, да нарезать крестьянам земельки— так родяться эсеры с их псевдо-демократизмом, с их нетвердою революционностью—до тех пор, пока есть еще возможность приобресть кой-какую земельку—и мелко-собственнической психологией в действительности. После неудачных попыток организоваться в 1907 и 1909 гг., партия Укр. С.-Р. возникла только в 1912 г., но фактически выступила на политическую арену уже во время революции, в 1917 г., чтобы уже в следующем году разделиться на центральное течение и левых, будущих «боротьбистов», а затем рассыпаться совсем, воочию демонстрируя организационную неспособность крестьянства, как класса, составленного из отдельных, несвязанных между собою индивидуальных хозяев, с полунатуральным хозяйством. Но в начале революции украинские эсеры имели колоссальный успех. Чуть-ли не вся украинская интеллигенция пошла в их ряды, доведя партию едва не до 300 тысяч сторонников (во время выборов в Учредительное Собрание).

Почему это случилось? Ответа ищем снова у самих представителей украинской интеллигенции, до того «честной с собой», что она выбалтывает на бумаге мельчайшие подробности своих переживаний и копается во всяких психологических «нюансах». Эсеры в данном случае бьют рекорды, ибо никогда у них не было твердых критериев, никогда они не представляли себе ясных перспектив социального движения и не умели ориентироваться в нем, ища выходов как-то инстинктивно, ставя себе целью то, чего в данный момент хочется, и не задумываясь о далеком будущем. Поэтому для характеристики их деятельности даем слово упомянутому уже выше укаписту, который, с одной стороны, так же остро воспринимает национальные моменты, но обладает возможностью рассматривать социальные моменты на селе со стороны.

Цитируем (рукопись, стр. 24): «История украинской нации сложилась так, что почти единственным национальным классом осталось крестьянство. Среднее и более состоятельные слои его выделяют ту интеллигенцию, которая становится сознательной выразительницей «национальных идеалов». Поэтому и элементы буржуазной интеллигенции, для которых в самой революции нет ничего привлекательного, смотрят на крестьянство, как на носителя национальной идеи и об'ект их национальной политики. И в революции для достижения своих целей они должны идти в «крестьянскую» партию, каковой и является УПСР. Теперь (еще в начале революции С. П.) каждый «щирый» украинец идет в партию СР, а эта последняя становится не классовой партией крестьянства, а его национальной партией, которая может изменить классовым интересам крестьянства даже в вопросе о земле, за то никогда не изменит своему национальному, мелко-буржуазному существу. Этим об'ясняется, что такой «либерально-мыслящий человек, как М. Грушевский, примыкает к УПСР».

Таким образом, мы видим здесь картину, аналогичную с укр. социал-демократией. Интеллигенция эсеровского лагеря, прячась за революционные лозунги и бросая различные обещания крестьянству, мечтала в действительности о чем-то ином, смотрела на крестьянство, как эсдеки на рабочих, исключительно как на орудие для достижения какой-то своей цели, а в этой цели превалировал как-будто национальный момент, прикрывавший на самом деле определенные социальные требования, требования класса буржуазного, к которому интеллигенция всеми силами стремилась, хотя корень имела в массах трудящихся.

Но, кроме перечисленных групп, так сказать—«демократической» интеллигенции, были известные кадры украинской интеллигенции, буржуазной в полном смысле слова. Это были с одной стороны семьи профессоров, писателей, художников, банковских деятелей, членов правлений различных кооперативных и прочих общественных об'единений, некоторые земцы, публицисты—вроде А. Никовского, С. Ефремова, Мицюка и т. д. Еще перед революцией 1905 г. из них составлялась, так называемая, «Демократично-Радикальна Партія», которая была настолько же «демократической», как и ее русская сестра «конституционно-демократическая» партия, т.-е. кадеты. В период между революциями 1905—1917 г.г. организационным центром для этой либерально-буржуазной интеллигенции был, так называемый «Туп» (Товариство Українських Поступовців—Товарищество Украинских Прогрессистов). Наконец, в дни революции, отдавая дань новым временам, туповцы приняли название социалистов-федералистов, подкрашиваясь под вкус революционных масс. Винниченко так о них пишет («В. Н.», т. I, стр. 250): »туповцы на смех себе самим и другим произвели этот маскарад и все время ходили с красным плащиком, который вовсе не подходил ни к их идеологии, ни к темпераменту, ни к психологии газетных, кабинетных людей. И как не имели они никогда никакого влияния на широкие политические массы, так и с плащиком его не добыли». Правильно подсмеиваясь над социалистическим «плащиком» украинских кадетов, Винниченко, однако, ошибается в оценке их роли среди политических масс. Эсеры никогда не имели непосредственной связи с рабочими и крестьянством, никогда не насчитывали в своих организациях больше десятков членов, но влияние на культурно-национальное движение они имели на Украине огромное—большее, чем все иные организации вместе взятые. Не следует забывать, что это действительно были «кабинетные» люди, вооруженные всеми завоеваниями буржуазной науки. Это из их среды вышел Грушевский, как автор многотомной «Истории Украины-Руси», на которой воспитывалось целое поколение украинской интеллигенции. Это их представитель Сергей Ефремов написал «Історію українського письменства», пропитанную от начала до конца буржуазно-демократической идеологией. Это они в течение долгих лет издавали «Літературно-Науковий Вістник», «Записки Наукового Т-ва імені Шевченка», в Москве на русском языке «Украинскую Жизнь», в Киеве «Раду», «Нову Раду» и т. д. Если понимать интеллигенцию, как кадр работников интеллектуального труда, то, конечно, эсеры, бывшие «туповцы»

и радикалы с их «Українськими Громадами» были наиболее сильными, плодовитыми, влиятельными, а вместе с тем и наиболее вредными для социалистического движения, поскольку они ближе всего стояли к крупной буржуазии и сознательно отстаивали ее интересы, не усаживаясь между двух стульев, как эсдеки или эсеры.

Как активная политическая сила, они пытались, вместе с родственными открыто контр-революционными элементами выступить только один раз. Этот момент мало известен по эту пролетарскую сторону баррикад и вообще мало освещен в истории революции и контр-революции на Украине. Поэтому считаем нужным о нем в кратких чертах напомнить, пользуясь, как и всюду в этой статье, словами представителей различных групп украинской интеллигенции. Это было, так называемое, восстание атамана Оскилко 29 апреля 1919 г. против петлюровского правительства и самого Петлюры. Самое «восстание» кончилось чуть ли не фарсом. Вместо ареста Петлюры был арестован сам Оскилко, а его части разоружены возле Ровна. Но суть не в самом процессе восстания, а в том, что инспирировано оно было правыми украинскими группировками против эсеров и эсдеков, которые тогда составляли большинство петлюровского правительства. Не без «греха» обошлось и с эсерами, хотя непосредственно в заговоре принимали участие, главным образом, различные «хлеборобы», о которых речь еще будет дальше. Эту неудачную попытку захватить власть исключительно в свои руки, оттолкнув «социалистов», один из лидеров последних, украинский эсдек Ис. Мазепа в статье «Три періоди української революції» (сборник «Вільна Україна» № 1—2, Львов 1921 г. стр. 47) характеризует так: «29 апреля останется лишь незначительным эпизодом, который будет напоминать украинской буржуазии, как она в день своего рождения пробовала немощно стать на ноги». Подробнее поясняет суть дела эсдековская «Робітнича газета» вероятно рукою того же Мазепы: «29 апреля (восстание Оскилка) является безусловно днем рождения нашей «родной» украинской буржуазии. Это день, с которого перестал существовать даже формально единый национальный фронт. День, с которого классовые противоречия внутри самого украинского общества, внутри, так называемой, сознательной его части, выявились со всей своей силой, во всей своей непримиримости. Вся суть дела в том, что новое правительство (кабинет Мартоса С. П.) было социалистическим правительством. Вот что принудило об'единиться украинские буржуазные круги, вот что толкнуло их на восстание». Одним словом—в Ровно произошла в конце апреля 1919 г. миниатюрная корниловщина против Петлюры—Украинского Керенского. Главную роль в ней играли «хлеборобские» группировки, к которым мы сейчас и перейдем, еще раз подчеркнув значение этого события, как окончательный разрыв, по словам самих идеологов этого вопроса, так называемого, единого национального фронта, об'единявшего в одно «мы» различные группы украинской интеллигенции в ее борьбе против единого фронта трудящихся, против советской власти с другим «мы», «мы»—пролетарским, коммунистическим, интернациональным. Не тогда, конечно, как то думает Мазепа, это интел-

лигентски-буржуазное «мы» раскололось, не было его фактически никогда и нигде, кроме патетического писанья Винниченко и трескучих деклараций Национального Союза, ибо не может быт единения между конкурентами, представителями различных классовых группировок, хотя бы они были во временном союзе против общего врага. Несмотря ни на какие стремления украинских национальных партий, единый национальный фронт никогда не существовал фактически, затертый, смятый с самого начала революции и ею раздробленный на классовые секторы. Попытка противопоставить формуле пролетариата «буржуи—трудящиеся» формулу «большевики—украинцы», несмотря на все усилия шовинистов, не удалась. Еще до создания Центральной Рады, которая должна была быть живым олицетворением единого национального фронта (но которая также никогда им не была)—среди украинцев были большевики и среди большевиков—украинцы, воочию демонстрируя перед несознательными массами лживость националистических лозунгов.

Найхудшие, найгрязнейшие в цинизме своем эти лозунги выбрасывались четвертой группой украинской интеллигенции, которая связывалась социально с помещичьими кругами. Это были преемники традиций старинного казачьего офицерства (старшины),а то,—и это преимущественно,—«екатерининских дворян» из казачьих семей, пожалованных царским правительством в дворянское достоинство, а еще члены семейств состоятельнейших кулаков, полтавских и слободских хуторян и т. п. С небольшим общим образованием (на что оно, если земелька кормит и так хорошо?), с замашками российского зубра Маркова и «Союза русского народа», эти «интеллигенты» стали основателями партии «социалистов-самостийников», возникшей уже перед гетманством, давший начало вместе с тем разным «хліборобам-державникам», «хліборобам-демократам» и другим группировкам, аналогичным русским «октябристам», монархистам и т. п.

Винниченко (т. I, стр. 250), упоминая о «социалистах»-самостийниках, пишет так: «это был преимущественно военный «атаманский» элемент, без ясной социальной программы, без всякого политического образования, но с ясным националистическим темпераментом, который служил им и программой, и тактикой, и аргументами. Роль этой группы во всем движении незначительна, но временами довольно печальна». Более «теплыми» словами вспоминает о роли самостийников один из первых историографов нашей революции тов. Д. Петровский в своей популярной книге «Революция и контр-революция на Украине» (цитируем по Нью-Йоркскому Украинскому изданию, 1921 г., стр. 3): «рядом с красным знаменем революции развилось желто-блакитное знамя самостийничества. Рядом с червоным казачеством появились и гайдамаки. Рядом с кличем интернационала—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» появился «Катехизм Українця», означавший: «все люди твои братья, только москали, ляхи, мадьяры, румыны и евреи—враги нашего народа». Временами казалось, что эти мертвецы не только задерживают могучее наступление революции, но что они даже возвращают нас к старым, давно отжившим временам. Казалось, что возрождается старая

Запорожская Сечь прошедших веков со всеми ее попутчиками. Но есть закон истории, который победить никому не дано. Он говорит: «все крупные всемирно-исторические события и лица появляются в истории дважды. Первый раз, как трагедия а второй раз—как фарс» (К. Маркс). И бесславные потомки старой Украины были лишь жалкой каррикатурой на своих могучих отцов.

Тут следует указать, что украинские «социалисты», квалифицируя восстание Оскилка как день рождения украинской буржуазии и ее первого активного выступления против единого национального фронта,—выступление хлеборобов-демократов во главе Лубенских и Переяславских кулаков за каррикатурного гетмана Скоропадского, очевидно, разрывом этого пресловутого, уши прожужжавшего фронта, не считают. И, как мы увидим далее, и в самом деле оно таким не было, ибо это ведь было выступление будто бы за «украинскую государственность», а «украинское движение», как мы видели из поставленного к статье эпиграфа—выдержки из предисловия к книге Скоровстанского (укр. эсдека, перешедшего было к коммунистам, а затем снова порвавшего из-за шовинистических уклонов) «Революція на Україні»—«украинское движение всегда говорило языком самостийности, даже тогда, когда отрекалось от нее». При гетмане же на первых порах было не до отречения, а хоть танцуй—Украинское самостийное государство существует,—украинским интеллигентам работы по самое горло. И самостийники ходили среди украинских интеллигентов с видом триумфирующих победителей, вызывая чуть ли не зависть, пока Национальный Союз не увидел, что над его помещением будет развеваться не желтоблакитное, а трехцветное знамя российской буржуазии.

Таковой была печальная роль самостийничества, если не считать «геройских подвигов» гайдамаков и «вільних козаків», организаторами которых были преимущественно интеллигенты именно из этой группы помещичье-буржуазного украинского болота, которые заревами пожаров обагрили все небо, трупами невинно убитых евреев усеяли все города и местечки на Украине. Более всего, повторяем, виновна в погромах, конечно, «атамания», т. е. именно помещичье-буржуазная украинская интеллигенция. Но в этих диких расправах во время гражданской войны виновны не только представители этой зоологической группы (недаром в России их разновидность назвали «зубрами»). Вина падает еще на многих. Приведу крик искреннего возмущения, вырвавшийся у старого киевского работника-партийца тов. Майорова, когда он припоминает в книге своей «Из истории революционной борьбы на Украине 1917—1919» (Киев, 1922, стр. 105) отдельные моменты этой борьбы: «кровь стынет в жилах, когда вспомнишь кошмарную картину расправ над коммунистами. Хочется крикнуть словами историка, рассказывавшего о Парижской Коммуне: «Шапки долой! Я буду говорить об украинских рабочих, замученных в Царском Саду и на Владимирской Горке (это в Киеве в 1918 г. С. П.) Коновальцем, Петлюрой и Винниченко. Революция прощает врагам, переходящим на сторону рабочих, но революция не может забыть об их делах. Пусть Винниченко и пр. когда-нибудь снова вернутся к рабочим,

к революции, но кровавые пятна, оставшиеся на Владимирской Горке, призывают к мести. Трудно забыть лужи крови наших дорогих товарищей...». А это творилось во имя каких-то «идеалов», идеалов украинской интеллигенции ибо она стояла во главе движения против диктатуры пролетариата, против Советской Власти.

Далее мы попытаемся наметить общий контур этих «идеалов», а сейчас, для полноты картины, вспомним еще о двух группах украинской интеллигенции, пошедших в ногу с Советской властью, а, отчасти, и с коммунистической партией, т. е. с индустриальным пролетариатом. Ясное дело, что такими могли быть группы, которые также были связаны социально с пролетарскими массами. И действительно: еще в 1917 г. от украинской социал-демократии отошла левая часть во главе с Нероновичем, Е. Касьяненко и др. и влилась в коммунистическую партию. Далее, как уже указывалось, появились в 1918 г. «незалежні соціял-демократи», вскоре переименовавшиеся в «Українську Комуністичну Партію». Стучалась она было даже в двери Коминтерна, но неизжитый национализм, который не дает «укапистам» возможности смотреть на Украину иначе, как на «Московскую Колонию», (см. любую из общих резолюций УКП), который делает их непрошенными и ненужными защитниками каких-то особых прав украинских рабочих на естественные богатства Украины, т. е. делает патриотами, о которых К. Маркс в книге «18 брюмера Луи Бонапарта» (русск. изд. Львовича 1906 г. стр. 94) сказал: «патриотизм является идеальной формой чувства собственности»,—этот национализм держит двери Коминтерна еще и до сих пор для них закрытыми.

Но, должно быть, и не только поэтому. Один из правых украинских эсеров и отчаяннейших шовинистов Григорьев (по прозванию «наш») читал в Тарнове 19—XI—1921 г., т. е. в эпоху подготовки к генуэзской конференции, когда ожили мечты петлюровцев о возвращении на «родину», реферат для украинской эмиграции на тему «Современные задачи украинского освободительного движения». Этот реферат опубликован в сборнике «Вільна Україна» (ч. I, Львов, октябрь 1921 г. стр. 6), откуда и цитируем. Григорьев говоря о роли украинской интеллигенции в украинском движении, делит ее на три части: буржуазно-демократическую, революционно-социалистическую, и коммунистическую, очевидно, понимая под последней никого иного, как укапистов, ибо украинцев, работающих в рядах настоящих коммунистов-большевиков, иначе, как «московськими запроданцями» этот господин министр (к тому же—просвещения) не называет. И вот читаем: «часть интеллигенции коммунистическая, очутившись под оккупацией Советской Московщины нашла целесообразным использовать ее силы для продолжения на Украине социальной революции, чтобы после этого (выгнав московских и польских помещиков) легче было бы организационной работой среди украинских трудящихся масс создать из них такую силу, которая постепенно сбросила бы с себя и московскую советскую оккупацию».

Так обстоит дело с интеллигенцией, составляющей идеологическую верхушку «укапистов», представителей националистической части украинских рабочих. Под конец следует напомнить еще о судьбе интеллигенции,

связанной с незаможницко-батрацкой частью крестьянства. Эта часть, бывши ранее в одних рядах с эсерами, в эпоху их расслоения выделилась, как в России в 1917 г.—левые эсеры, в группу «боротьбистов», которая постепенно в 1920 г. пришла к слиянию с партией пролетариата и совместно с нею боролась за Советскую власть, принеся однако с собой вместе с запахом села и известные национальные требования. Но эти привкусы так малы и так выветриваются со временем, что группы украинской интеллигенции, разом с рабочими и сельской беднотой вошедшие в коммунистическую партию, уже собственно нельзя и называть украинской интеллигенцией—они вместе с интеллигентами других наций составляют теперь интеллигенцию коммунистическую, интеллигенцию пролетарскую. Это уже действительно в буквальном смысле слова работники интеллектуального труда без того классового буржуазного привкуса, который вкладывается обыкновенно в слово «интеллигент» и потому далее, говоря о взаимоотношениях украинской интеллигенции и Советской власти, мы будем понимать под термином «интеллигенция» ее неопролетаризированные группы, стоящие в стороне от советской власти, где тоже есть интеллигенция, потерявшая свои прежние качества, «поющая коммунистические песни, едучи на пролетарском возу», перефразировывая упомянутую в начале поговорку.

Наконец, приходится еще вспомнить о новых кадрах украинской интеллигенции, которую я назвал бы советской. Двух происхождений они. Одни—это сбитые с предыдущих позиций представители перечисленных выше групп,—те, которые раньше шли за укр. эсерами и эсдеками, в той или иной степени им сочувствуя. Неумолимый ход исторических событий рассеял их мечты, разбил организационные центры, принудил пойти с пути антисоветской работы или саботажа Советской власти—на службу рабоче-крестьянской республике, к примирению с ее лозунгами и тактикой. Особенно развился этот переход на Советский фронт после киевского процесса украинских эсеров, когда были широко опубликованы признания вождей эсеровщины об ошибочности их поведения относительно советской власти, сброшена была маска революционных слов и показана нагота мелко-буржуазных мечтаний с уклонами в сторону всемогущих западных империалистов и выявлена воочию безнадежность этих мечтаний перед лицом победоносной пролетарской революции. Тогда появляется покаянное письмо атамана Мордалевича, приблизительно тогда же опубликовывает мотивы своего перехода на службу советской власти полковник Поплавко. Недавно было еще одно открытое письмо—кооператора из эмигрантов Харченка. Все эти заявления одного порядка: во всех подтверждается ошибочность ориентации на Запад, как ориентации, должной привести к империалистической оккупации Украины каким-либо капиталистическим государством. Вместе с тем доказывается ошибочность ориентации даже «на собственные силы», ибо Украина—плацдарм борьбы не только внутренних сил, но и форпост социалистической революции в ее походе на Запад и обороне от этого Запада, а значит это требует также внешней помощи, каковою является помощь Советской России. Эта помощь обеспечивает украинскому населению мирный труд и

свободное развитие производственных сил, а главное (как об этом писал Григорьев) убивает панство на Украине, а так как это панство на Украине преимущественно инонационально—значит большевики творят Украинское национальное дело, т. е. то же самое, что, по мнению закордонной эмиграции, они якобы разрушают. Такова, в главных чертах, основная мысль в заявлениях Украинских интеллигентов-националистов, своего рода «сменовеховцев», которые, не оставляя своей националистичности, идут работать с Советской властью. «НЭП» с его возрождением городской буржуазии, по происхождению преимущественно русской и еврейской, слегка разочаровывает этих перебежчиков, но количество их тем не менее возрастает.

Другой источник в полном смысле этого слова советской украинской интеллигенции—рабоче-крестьянская молодежь. Выходя из тех же кварталов предместий и из-под соломенных крыш беленьких хаток, она попадает, не в пример ее отцам, уже не в кружки украинских «социалистов», мелкобуржуазные «Просвиты», национальные клубы и т. д., не читает шовинистическую историю министра просвещения Григорьева-Наша и вернигорский «Катехизм Українця», но тысячами идет на рабфаки, в профессионально-технические школы, кружки Комсомола, селянские будынки, читает «Азбуку Коммунизма», знакомится со школьной скамьи с элементами советской конституции, воспитывается в ненависти к капиталистическому строю.

Она не становится сразу коммунистической, пролетарской—для этого нужна долгая, упорная работа (не учителей-коммунистов, ибо коммунисты не «создают» по рецепту Григорьева себе единомышленников, а создает их работа жизни, работа всей среды). И эта советская среда создает новую советскую интеллигенцию, которая должна придти на смену всем отраслям, группам и подгруппам, перечисленным выше. Тогда уже не возникнет проблема «Украинская интеллигенция и Советская власть», ибо это будут понятия одной категории, без внутреннего противоставления, как это имеет еще место и теперь.

К выяснению этого противоставления мы и приступим сейчас, снова напоминая, что под словами «Украинская интеллигенция» будем понимать первые четыре основные группы украинских интеллигентов, которые организационно и идеологически входили или сочувствовали в той или иной степени партиям У. С.-Р., У. С. - Д., У. С. - Ф. и У. С. - С., т. е. партиям Центральной Рады и правительства У. Н. Р. на территории Украины и в его позорной эмиграции, позорной потому, что она была следствием борьбы с трудящимися массами собственного народа, которые добивались мирного сожития с трудящимися иных наций.

Читателю уже ясно, что мы говорим о кадрах интеллигенции, связанной с буржуазией, с антипролетарскими элементами. И знает читатель, как не любит интеллигенция обвинений в буржуазности, как прячется за словом «демократия». М. Шаповал в упомянутой выше брошюре «Інтелігенція і пролетаріят» пишет (стр. 4): «пока не было революции, то довольно трудно было рассеивать интеллигентский обман, ибо жизнь не ставила испытания на «буржуазность» для интеллигенции. Вся жизнь была под

палкой начальства, интеллигенция хитро отвиралась, не принимала на себя ни капли вины и молола, что вот, мол, когда б ее сила и воля, то она бы сразу «для народа» рай создала, все несправедливости и насилия уничтожила. . Верить приходилось на-слово. Теперь революция поставила резко всю интеллигенцию перед экзаменом: кто с народом, кто против народа? И тут выяснились необычайные вещи, сорваны маски, обнажены души и показано, кто чего стоит. Украинская интеллигенция, как «истинно-народная», считавшая своей природной монополией—владеть всеми идеалами, показала свое подлинное лицо! Мы теперь с документами в руках можем говорить о том загадочном щеголе, который ходил и ходит около украинского народа с благами всего мира, замаскированный и загриммированный под идеалиста, социалиста, героя, благодетеля, творца и т. д.».

Тут, кстати будет отметить две характерных черты в развитии классовой борьбы на Украине, составляющих вместе с подобными те «особенности», которые вспоминаются всегда, когда речь идет о политике и тактике классовых групп и партий на украинской территории. Одна из этих особенностей заключается в двояком составе буржуазии на Украине, в ее внутреннем несогласии из-за национальных различий. Запоздалое развитие капитализма на Украине, великодержавная польская, литовская и российская аграрная и финансово-промышленная политика, колонизационное движение в средние века с созданием помещичьих латифундий—феодов, наплыв в новые времена иностранного капитала и т. д.—создало то, что украинская крупная буржуазия в начале революции была только в зародыше,—собственно ее почти совсем не было. Все перечисленные выше четыре социальных группы принадлежали, в большей или меньшей степени, к мелкой буржуазии, любящей именовать себя «демократией».

Опираясь в своей борьбе на революционную активность рабоче-крестьянских масс, чтобы использовать ее в своих целях, укр. мелкая буржуазия вместе с тем спорила с русской мелкой буржуазией на Украине. Эта же последняя, не имея из-за чуже-национального своего состава, большой опоры в массах, естественно, толкалась в об'ятия крупной буржуазии и этот союз обоих буржуазий на Украине обозначается вследствие этого в более резких формах, чем в России. Достаточно вспомнить, что в начале революции Киевский Совет рабочих депутатов (тогда еще соглашательский) сплошь да рядом для выяснения своей тактической линии устраивал совместные заседания с крупно-буржуазным «комитетом общественных организаций», советом коалиционного студенчества и иными об'единениями с не менее характерными названиями. Против этого общего фронта национально-социальных угнетателей, украинская интеллигенция выбрасывала лозунги национально-социального освобождения. Но для кого?

Тут припомним знаменитые слова К. Маркса (из книги «18 брюмера» стр. 31): «Если в обыденной жизни проводят различие между тем, как человек думает и говорит о себе, и тем, чем он есть и что делает в действительности,—то еще более в исторической борьбе следует отличать фразы и иллюзии партий от их действительных интересов, их представ-

ление о себе—от их реальной сущности». И в той же книге (стр. 179) К. Маркс дает полную характеристику этих мелко-буржуазных иллюзий: «мелкая буржуазия всегда верит, что специальные условия ее освобождения являются в то же время теми общими условиями, при которых только и может быть спасено современное общество... Буржуазные демократы, как подлинные представители мелкой буржуазии, т. е. переходного класса, в котором притупляются интересы двух различных классов, представляют себя стоящими выше всяких классовых противоречий. Поэтому им нет никакой надобности исследовать ввиду предстоящей борьбы интересы и позиции разных классов. Им нечего с особой старательностью взвешивать собственные средства. Им достаточно лишь подать сигнал, чтобы народ со всеми своими неисчерпаемыми рессурсами кинулся на угнетателей. Они верят в силу трубных звуков, пред которыми пали некогда стены Иерихона».

В этой яркой характеристике, относящейся ко всем временам и всем народам, кроется и вся кратковременная история Центральной Рады. Созданная мелкой украинской буржуазией во дни могучего движения народных масс против крупной буржуазии, поддерживавшей царизм, она вначале пользовалась популярностью и хвасталась именем представительницы всего украинского народа, выражающей все его мечты, все его желания.

Деятели Центральной Рады совершенно искренно верили, что по их трубному гласу все сотворится по-ихнему, и украинские рабочие и крестьяне станут отстаивать их лозунги. Случилось нечто иное. Тот верноподданный народ, от имени которого Центральная Рада об'являла: отныне сами будем творить свою жизнь» видел, что эта жизнь творится не им и не для него. Винниченко, вспоминая об этом моменте и об'ясняя поражение Ц. Рады, пишет («В. Нації» т. II, стр. 89): «вся причина в том, что украинская власть, что вся руководящая, партийная украинская демократия, разошлась со своими массами, что она была социально непоследовательной, нерешительной, неясной и не социалистической».

Каждый читатель сразу увидит винниченковскую передержку в этой цитате, передержку, поясняющуюся его натурой не политика, а политикана, которую он в данном случае хочет навязать целому классу. Ясно, что несоциалистическая мелкая буржуазия была социально совершенно последовательна, когда не давала рабоче-крестьянским массам удовлетворения тех социальных требований, которые расходились с ее собственными интересами, не давала мира, земли, национализации производства. А народ этого ждал, ждал долго, терпеливо. Что из этого вышло? Об этом прекрасно говорит один из министров Центральной Рады Александр Шульгин в книге «Політика (Державне Будівництво) України і міжнародні справи»—Киев, 1918 г. стр. 14): «Народ ждал чуда. И чудо не пришло. И вот он начал прислушиваться к голосу с севера. Этот голос раздавался все ближе и ближе, как зараза расходились большевики»...

И от этого голоса, добавим мы, действительно упали иерихонские стены буржуазного строя на превеликое удивление оторопелых украинских

интеллигентов. Что произошло: украинцы изменили Украине?—кричали они. Но немного спустя поняли. Ис. Мазепа (там же стр. 45) вспоминает слова начальника штаба действующей петлюровской армии полк. Мельника: «Весь наш трагизм в том, что на фронте по сути идет борьба в лоне самого украинского народа. Борятся левые украинцы против тех, кто находится по эту сторону фронта. Из-за этого, когда мы посылаем на фронт пять тысяч казаков, доходит лишь несколько сотен. Казаки не хотят драться против своих же украинцев. Нужно столковаться с левыми украинцами. Кроме того, нам нужна ясная и определенная демократическая политика. Тогда у нас будет непреодолимая сила против русских большевиков». Это было сказано в разговоре с представителями ЦК УСД в составе С. Викула (теперь коммунист), Ис. Мазепы и Б. Мартоса на ст. Здолбуново 2 апреля 1919 г. Целых два года прошло, пока украинские «демократы»—и то в интимном разговоре—откровенно заявили, что бьются с «левыми украинцами!» Но «повести ясную демократическую политику» они пробовали, защищаясь против коммунизма, гораздо раньше.

Социальный идеал украинской интеллигенции и ее отношение к советской власти были определены в самый момент рождения Советской власти в Петрограде. Приводим известную резолюцию Центральной Рады, осуждающую стремление пролетариата к власти. Вот она: «Признавая, что власть в государстве, как в каждой отдельной стране, должна перейти в руки всей революционной демократии, считая недопустимым переход власти исключительно в руки советов рабочих и солдатских депутатов, которые являются только частью организованной революционной демократии, Украинская Центральная Рада высказывается против восстания в Петрограде».

Таким образом, украинская интеллигенция с первых же дней Советской власти не пошла путем подлинной социал-демократии, каковой были тогда большевики, будущие коммунисты. И тут не лишним будет припомнить формулу К. Каутского («Социальная Революция» стр. 44): «Мелкая буржуазия, поскольку она не присоединяется к социал-демократии, из союзника рабочих, из посредника между пролетариатом и высшими классами, становится жесточайшим врагом пролетариата». Таким врагом пролетарской диктатуры и оказалась в дальнейшем украинская интеллигенция и с теми меньшими исключениями, по скольку она слабо была связана с городом

Но сразу открыто пойти против Советской власти за строительство собственного государства по рецепту «революционной демократии», в которую включалось все, кроме русской, польской и еврейской крупной буржуазии, украинские партии не осмеливались. Об'яснение дает Винниченко в своей речи на 2-м Всеукраинском Войсковом С'езде: «Кое-кто говорит: почему нам сейчас не завести своей республики?... Я скажу откровенно: дорога восстания для нас невозможна. Если бы началось восстание, то наши крупнейшие города не пошли бы за нами. Они будут нашими через 2—3 года. Сейчас мы имели бы силу только на селах

и довели бы страну до резни, до анархии. А этого мы не должны допускать. Лишь для того, чтобы на один год раньше добыть то, что и так получим. Мы этого не сделаем. Если прозеваем, то уже не на один год», Вот один из примеров того, как «Украинское движение говорило всегда языком самостийности, даже тогда, когда отрекалось от нее», как-то сказано в нашем эпиграфе из книги Скоровстанского «Революція на Вкраїні». Добавим к словам Винниченко: не глядя на его (т.-е. УСДеков) предупреждение, они «это», т.-е. нелепое восстание против Совласти сделали и «прозевали» самостийну Украину «уже не на один год».

Для чего была им нужна эта самостийность и каким путем они хотели дойти до нее? О, об этом думали интеллигенты украинские спокон века! Оставляя в стороне стремления казачьего старшины и вспоминая только новые времена, приведем любопытные строки из записок члена Кирилло-Мефодиевского Братства Белозерского (цитируем из «Історії України» М. Грушевского. Киев, 1917 г., стр. 497): «Ясно, что отдельное существование ее (Украины) невозможно; она будет среди нескольких огней, будет под натиском и может узнать горшую судьбу, нежели ту, которую претерпели поляки. Единственный способ для возвращения прав, проникнутый разумом и одобренный сердцем, заключается в об'единении славянских племен в одну семью под защитой закона, любви и свободы». Так-же, как известно, рассуждал М. Драгоманов, первый украинский космополит, отстаивая мысль о федерации народов. Но не так уже писал другой профессор-политик, уже нашего времени, Председатель Центральной Рады М. Грушевский. В программной брошюре, явившейся основным тактическим циркуляром для «украинства» (так всегда Винниченко называет «сознательную» часть украинской «демократии», боясь этого слова—это в эпоху ухаживаний за компартией—не меньше, чем слова «буржуазия»)—в брошюре «Якої нам треба автономії і федерації» Грушевский уже ясно говорит: «через автономию и федерацию к полной независимости, суверенности, самостийности». И Центральная Рада, как известно, последовательно шла этим путем, закончив свое существование вместе с «самостийным» четвертым Универсалом.

Но для чего, снова спрашиваем, нужна была самостийность украинской интеллигенции?

Винниченко от ее имени заявляет (целый отдел в книге «Возродження Нації» под этим заглавием):—«цель—национальность, способ—государственность». А д-р Донцов в своих «Підставах нашої політики» (Вена, 1921, стр. 104) поясняет: «главной целью нашей политики должен быть национально-государственный, а не национально-культурный идеал. Нация, непонимающая этого, обращенная лишь к культурным ценностям—осуждена рано или поздно на гибель». Мы имеем еще одну мысль, высказанную еще в 1911 г. А. Товкачевским в книге «Утопія і дійсність» (стр. 45): «нам нужна своя культура, в противном случае, если мы не будем достойны создать ее, мы умрем для чужой нам, но высшей культуры, хотя бы мы

имели не то, что свои украинские лавки, а даже свое государство». Как видим в результате этих трех основных мыслей, столь близких одна другой, лежит одно: суверенная государственность нужна для свободного развития «национальных сил», а во главе этих сил стоит «сознательная» украинская интеллигенция, которая станет правящей группой населения—ибо кому-же еще стоять во главе в таком случае?

Эти идеи тот-же Товкачевский развивает в такой тираде (стр. 66) из отдела «Егоїзм і альтруїзм»: «Идеалы масс не входили составной частью в мировоззрение интеллигента. Захваченный борьбой во имя личного счастья, интеллигент просто не обращал внимания на массы... Требования этих масс казались ему, интеллигенту, господину этих масс, покушением на его личную свободу, борьба за которую являлась сущностью его жизни. Таким образом интеллигент мог думать о массах только, как о своем личном враге». Кончает свою книгу Товкачевский (припомним, что она писана до революции, когда интеллигенты ходили под «плащиком» народолюбия и демократичности) словами: «Народ есть нечто, что нужно побороть». Эти слова вызывают живое сочувствие у другого интеллигента, известного в искусстве М. Евшана. Он пишет в предисловии к «Утопії і дійсности» (стр. 8): «Вы, Андрей, написали эпохальные для нас вещи... Наше отношение к украинской жизни в целом решительно должно быть иным. Мы должны стать к ней в безусловной оппозиции, решительно протестовать против нее, должны стать сами («сознательные» украинские интеллигенты. С. П.) исходной точкой будущей жизни, как бы нас мало ни было». Припомним теперь вышеприведенную характеристику К. Марксом мелкой буржуазии и увидим, как великий учитель глубоко читал в сердцах интеллигентских, как знал их хлестаковскую натуру, иллюзорность «исходных точек будущей жизни» и их громкую фразеологию.

Вернемся снова к истории. «Исходной точкой» Центральной Раде не удалось быть. Вместо нее возникли подлинные советы пролетарской диктатуры. «Загадочному щеголю», ходившему вокруг народа, этот народ перестал доверять,—особенно после того, как этот «щеголь» возвратился на Украину с немецкой оккупационной армией и вместо создания своей «демократической народной республики» привел страну к дикой гетманщине с «шомполизацией» и расстрелами рабочих и крестьян...

Щеголь снова надевает маску «освободителя», но свою обычную формулу «Власть революционной демократии» заменяет на более соблазнительное для народа слово «Трудовые рады». Во время процесса украинских эсеров автору этой статьи («Ошибка—ли?») в «Коммунисте» приходилось вспоминать о разговоре в Виннице с Винниченком на заседании представителей партий и организаций Национального Союза по поводу трудовых рад. Винниченко ответил на вопрос: «являются ли рады самоцелью?»—«они не самоцель, они техническое средство». Понималось: техническое средство, чтобы вырвать из рук большевиков соблазнительный советский лозунг. Украинская интеллигенция фальсифицировала советскую власть провокационно пытаясь ее свергнуть.

И. Мазепа (упомянутая выше статья «Три періоди», стр. 39), поясняет это достаточно откровенным признанием: «переход к трудовому принципу был естественной реакцией украинской революционной демократии на гетманщину и вызванную ею в массах острую ненависть к буржуазии. Украинские социалисты приспособлялись к настроению масс, чтобы на сей раз захватить в свои руки обновленное революционное движение на Украине». По сути, как известно, эти трудовые рады и трудовой конгресс, который должен был их окончательно провести в жизнь, были своеобразной формой мелко-буржуазного парламентаризма и только названием напоминали о настоящем советском строе. Снова обращаясь к Товкачевскому, находим у него (стр. 95) достаточно энергичное выражение против парламентаризма (за диктатуру буржуазной интеллигенции): «идеал интеллигента в сфере общественной жизни—политическая свобода в западно-европейском понимании, каковая является своего рода рукоблудием—выше этого интеллигентская мысль не может подняться». А. М. Шаповал эту любовь к парламентским формам поясняет не менее «изящными» словами (Інт. і пролет. (стр. 28): «для интеллигента достаточно равенства в парламенте, а не в жизни, где буржуазия и пролетариат существуют в атмосфере грозного противоречия классовых интересов. Для интеллигента достаточно этических категорий, ибо у него нет определенных классовых интересов, он междуклассовый гермафродит, носящий в себе признаки и буржуазии и пролетариата. Он сам—социальный компромисс, а потому может выявиться лишь в политическом компромиссе классовых врагов—парламентаризме».

Не вышло ничего, как известно, и из «трудового» компромисса украинской интеллигенции. Победила снова подлинная, не подтасованная Советская власть, вместо неопределенной формулы трудовых рад: «крестьянство, рабочие и трудовая интеллигенция», где рабочие фактически были ограничены до минимума, крестьянство принимало участие в лице состоятельных слоев, а интеллигенции даровались права проходить через различные общественные организации, армия вовсе лишалась гражданских прав. А в будущем, в декларации по поводу созыва Трудового Конгресса, Директория, оправдываясь за «несовершенную форму выборов» обещала... созвать Учредительное Собрание, т. е. обратиться к «полному демократизму». Как видим, шаповаловские «этические категории» вели непосредственно к буржуазной республике. Номер не удался. Вместо Киева, украинская «сознательная» интеллигенция оказалась за пределами Украины. Тут, по словам Григорьева, в упомянутом в начале статье-реферате (стр. 6) началось более глубокое расслоение классовых группировок. Каждая ищет своих путей: «значительная часть украинской интеллигенции, принимавшая участие в «освободительном» движении,—пишет Григорьев,—буржуазно-демократическая, позволила себя обмануть обещаниями европейского капитала. Она мечтала, что с помощью Европы свергнет на Украине господство Советской Московщины, как национального угнетателя, и

создаст независимую Украинскую Державу, в которой укр. трудовые массы в условиях государственно-национальной свободы будут иметь возможность процессом внутреннего развития добыть себе свободу социальную».

«Третья часть укр. интеллигенции—революционно-социалистическая, опираясь на народные стремления, не соглашалась с политикой ни первых, ни вторых (вторые—это интеллигенция «коммунистическая»,—укаписты, о которых речь выше. С. П.). Она выступала как против сотрудничества с европейским капиталом, что несло социальное порабощение, так и с московскими коммунистами, возродившими государственно-национальное порабощение Украины»—т.-е. выгнали—скажем мы—из нее буржуазию всех оттенков и дали возможность свободного социального и культурно-национального развития украинским рабочим и крестьянам,—скажем мы, не «московские коммунисты», а коммунисты Украины.

Чего ж хотели и хотят эти «революционные» социалисты-интеллигенты? (К буржуазным «демократам» мы еще возвратимся).

Они еще раз—уже издалека—строят планы обмана украинских рабочих и крестьян. Еще раз подркашиваются под Советскую власть. Они знают, что трудящиеся уже прекрасно понимают суть Советской власти, понимают слово «диктатура». И «революционные социалисты» уверяют себя и прочих эмигрантов, что совсем не страшно и не так трудно об'явить (если-бы пришлось как-нибудь возвратиться на Украину) «диктатуру трудящихся масс»—новую пародию на Соввласть.

Суть этой «диктатуры» рассказывает тот же Григорьев (стр. 17): «Еще Драгоманов сказал—крестьянству никто не поможет, кроме него самого... Сам украинский народ должен устроить своего судьбу, как ему нужно, сбросив с себя всякое панство... Сила каждой нации заключается в ее крестьянстве, а потому, вполне понятно, что освобождение Украины должно быть делом крестьянских рук... Мы должны дать отпор всякому, кто собирается хозяйничать на нашей земле не только во вред крестьянству, но и не зная его, не спрашивая его или игнорируя его». К этой демагогически-мужицкой «программе» собственно добавлять нечего. Как и в начале революции интеллигенция кулацкого происхождения мечтает на крестьянской спине выехать на свою «исходную точку» и править мужицким царством, ибо это и есть «основная сила каждой нации». Революция Григорьевых ничему не научила. Не знают они аксиомы Маркса, что («Революция и контр-революция в Германии», стр. 281): «сельско-хозяйственное население никогда не может успешно начать самостоятельное движение. Слишком оно уж распылено на обширных просторах, и потому трудно было бы об'единить значительную его часть для совместных действий. Крестьянство нуждается в инициативе и толчке со стороны более сконцентрированного, просвещенного и подвижного населения городов».

Но, если этого не знают «революционные социалисты» из кулацких хат, то, должно быть, следовало б знать об этом первой, по классификации Григорьева, части украинской интеллигенции—буржуазно-демократической. Она ведь буржуазна, словно бы городская, просвещенная, «культурная».

Но ничего подобного! Образцом такой «высококультурной» украинской интеллигенции берем упомянутого уже доктора Дмитра Донцова. Излагает он свои последние планы в книге «Підстави нашої політики» (Вена, 1921). Каковы-ж эти основы? А вот (стр. 87): «Той силой, о которую мы должны опираться, является так наз. империализм европейских государств... Те или иные государства могут быть «импералистическими» или «реакционными»,— это нас нисколько не беспокоит. Это исторический факт: ни одна нация не освобождалась лишь собственными силами». Цинизм этого заявления после того, как Донцов был в гетманском секретариате, прислуживал немецким генералам, и одновременно писал, что немцы—опаснейший враг Украины, ибо они когда-нибудь могут столковаться с Советской Россией, а тогда. мол, этот союз будет непобедимым и приведет ко всемирной революции—равен цинизму псевдо-мужицкого Григорьева с его «диктатурой трудящихся масс». Но в этом последнем оба представителя буржуазно-демократического и революционно-социалистического течения украинской интеллигенции вполне сходятся. Прочтем о внутренней политике по программе Донцова (стр. 123): «в социальной жизни—закрепление завоеваний крестьянства и решительная борьба с диктаторским социализмом—так выглядит на практике поставленный выше принцип «вестернизации» (об этом ниже. С. П.) нашей внутренней жизни. В церковной жизни этот принцип требует освобождения нашей церкви из оков российского православия, возвращения к тем временам, когда церковь на Украине была греческой, но и католической». «Революционные социалисты» до церкви не договариваются в своих «программах», но на практике, как известно, много украинских эсдеков и эсеров напялили автокефальные рясы и пропагандируют свой «социализм» с амвона Софиевского Собора. Так сошлись буржуазные демократы с революционно-социалистической интеллигенцией. Одинаково непримиримо относятся они к рабочим. Григорьев, соглашаясь на слово «советы» (рады)—ибо как иначе и подойти к трудящимся?—изобретает планы, как бы ограничить участие рабочих во власти, Он пишет (стр. 23): «чтобы заводские и городские Советы не проводили антиукраинской (читай—антибуржуазной. С. П.) политики, их можно влить как секции, в уездные и гобернские советы, где большинство будет принадлежать коренному крестьянскому населению Украины».

Что же касается Донцова, то этот «вестернизатор» (он желает все на Украине организовать на западно-европейский образец «озападить», вестер—запад) пишет просто (стр. 119): «значит, крестьянская мелко-буржуазная республика. Таков наш идеал».

Эта последняя ничем не прикрытая, не замаскированная «народными» республиками, «трудовыми» радами и т. д. формула и является действительно, как видим из всего вышеизложенного, основной целью украинской интеллигенции, ее подлинным идеалом—крестьянская мелко-буржуазная республика, из-за которого выглядывает капитализм.

С. ПИЛИПЕНКО.

Церковное контр-революционное движение на Украине

1. ЭКЗАРХИСТЫ

На всероссийском церковном православном соборе 1917 г. были представлены гибнущие помещики и предприниматели, предчувствующие национализацию фабрик и заводов, купцы, с трепетом ожидающие национализации торговли, беспочвенно мятущаяся черносотенная и соглашательская интеллигенция, прилаживавшаяся в свое время к прогрессивным, либеральным группам. После октябрьской революции 1917 г. был избран для управления церковью патриарх Тихон, ставленник контр-революционеров. В политических контр-революционных организациях церковью хотели воспользоваться, чтобы об'единиться под «аполитичным» религиозным флагом, и в надлежащий момент, когда подскажут это обстоятельства, выступить против рабоче-крестьянской власти. Для противодействия власти рабочих и крестьян и для борьбы с нею был избран патриарх Тихон, как бы возглавлявший единую православную церковь «единой и неделимой» России. В своих посланиях 1918 года патриарх выполнил тот мандат, который вручили ему контр-революционеры. Он проклинал большевиков, он противодействовал заключению Брест-Литовского договора, он натравлял верующих против власти рабочих и крестьян.

Выполнителями воли Тихона на Украине были известные черносотенцы: бывший епископ Евлогий, известный своими выступлениями в государственной думе и соперник Тихона на занятие патриаршей кафедры Антоний Храповицкий, бывший архиепископом харьковским, а в 1918 г. митрополитом киевским.

Деятельность митрополита Антония в 1918 г. при гетмане Скоропадском общеизвестна. Киевская газета «Пролетарская Правда»—опубликовала в мае 1922 года переписку между митрополитом Антонием и гетманом Скоропадским. Митрополит Антоний предлагал гетману свои черносотенные услуги, а равно услуги подчиненного ему духовенства, для борьбы с революцией, для произнесения соответствующего рода проповедей и для ведения контр-революционной агитации и пропаганды.

Епископ Евлогий и митрополит Антоний скрылись вместе с белыми за границу, хотя и разновременно. Позже митрополит Антоний в 1922 г., после отречения патриарха Тихона, созвал собор православного духовенства и представителей мирян, в гор. Карловицах, в Сербии. На соборе была вынесена соответствующая резолюция, согласно которой был намечен

кандидат в «императоры на русский престол», и Антоний провозгласил себя заместителем патриарха Тихона для того, чтобы поддержать гибнущую контр-революцию.

В 1918 году при гетмане Скоропадском был созван всеукраинский церковный православный собор, на котором имели перевес исключительно черносотенцы, возглавившие контр-революцию и придавшие густо-черную окраску постановлениям этого собора.

Контр-революционная православная иерархия, «князья церкви» из черного духовенства открыто выступили против авто-кефалистов и задушили на соборе украинскую авто-кефальную церковь.

Хотя при гетмане Скоропадском все делопроизводство должно было вестись на украинском языке, однако, украинская авто-кефальная церковь не могла завоевать себе признание при господстве митрополита Антония, епископа Евлогия и их ближайших последователей. Эти черносотенцы откровенно настаивали на необходимости господствующей православной церкви, не признавали никакой авто-кефальной украинской церкви и создали для высшего управления церковью собор епископов «всея Украины», при митрополите в г. Киеве. Не только какая либо церковная реформа, но и просто правильная живая мысль среди духовенства при таких руководителях церкви, как митрополит Антоний и епископ Евлогий, не могли иметь места. Они относились в высшей степени отрицательно ко всем обновлениям в церкви, они душили всякую новую мысль среди православного духовенства, они заставляли веровать по указке. Они были явными врагами отделения церкви от государства. Они следовали за патриархом Тихоном и усматривали в отделении церкви от государства гонение на веру, на православных христиан.

В 1919 г., при кратковременном пребывании Сов. власти на Украине до начала сентября 1919 г., православная церковь несколько свободнее вздохнула. Был опубликован 22 января 1919 г. декрет Рабоче-Крестьянского Правительства Украины об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот декрет был провозглашением свободы совести, был уничтожением привилегий какой бы то ни было церкви, был уничтожением господствующей церкви и бюджета культов, был предписанием отобрать у церквей и монастырей их нетрудовые доходы, а именно: денежные капиталы, магазины, земли, леса, подворья, гостиницы и доходные дома, мельницы, фабрики и рыбные ловли и прочие предприятия, приносившие достаточно крупный доход черному и белому духовенству.

При Советской власти авто-кефальная церковь ожила. Ей удалось добиться постановления киевского Губисполкома в 1919 г. о передаче авто-кефалистам киевского Софийского собора. Советская власть, провозгласив отделение церкви от государства и проводя его в жизнь, действительно не оказывала никому никаких привилегий, но и не притесняла никакого вероисповедания. Недостатком украинского декрета об отделении церкви от государства было то, что он не воспользовался дословно русским декретом об отделении церкви от государства, а именно: в 12-ой статье

украинского декрета была пропущена часть русского декрета о лишении религиозных обществ прав юридического лица. Упущением воспользовались представители культа и стали присваивать себе эти права. Отделы Управления утверждали уставы религиозных обществ, в которых религиозные общины присваивали себе права юридических лиц, т.-е. право заключать тот или иной договор, право выступать истцом или ответчиком на суде и пр.

Ошибка Советской власти на Украине состояла также в том, что декрет об отделении церкви от государства был издан в январе 1919 года, а специального органа, проводящего это отделение, не было ни в центре, ни на местах. В России с самого начала в Наркомюсте организовали Ликвидационный Отдел (по отделению церкви от государства) и Ликвидационные Подотделы—на местах. На Украине отделение церкви от государства было беспризорным до 31-го мая 1921 года, т.-е. до дня, когда был организован в Наркомюсте Отдел по отделению церкви от государства. Духовенство всех вероисповеданий ловко воспользовалось отсутствием специального органа Советской власти по отделению церкви от государства.

Наступает Деникин. Красная армия отходит с территории Украины. Начинаются неистовства и зверства деникинских банд. Черносотенное духовенство воспрянуло духом. Архиепископы и епископы приказывают подчиненным им епархиальным управлениям рассылать указы для подчиненного духовенства и монастырей—собирать точные сведения «о зверствах большевиков» и «о гонениях на веру православную» и в кратчайший же срок представить эти сведения в епархиальное управление. Монастыри, у которых отбирались земли, поместья и проч. статьи нетрудового дохода, обрадовались возможности свести счеты с ненавистной для них Советской властью. Они со злорадством описывали в своих донесениях в епархиальное управление «зверства большевиков»—так называли черносотенцы разные мероприятия Советской власти по отделению церкви от государства. Например, отобрание земли Земельными Отделами для наделения крестьян, помещений под общеполезные учреждения, предприятий, лавок, доходных домов и проч. Так, например, Святогорский монастырь, Славянского уезда, Донецкой губернии, принадлежавший Харьковской епархии, не замедлил прислать огромное описание зверств большевиков с точным исчислением убытков, понесенных монастырем в 1918-1919 г. г.

В то же время православное духовенство внушило своим епархиальным управлениям—разослать по всем епархиям указы о предоставлении православным духовенством 10% всех капиталов монастырей и церквей в пользу добровольческой армии. Чтобы поддержать сражающихся против рабочих и крестьян, поддержать Деникина и добровольческую армию, контр-революционное духовенство не остановилось ни перед чем. Оно предоставило Деникину, мечтавшему короноваться в Кремле, не только свои молитвы, но и церковные и монастырские капиталы. Когда же рабоче-крестьянская власть в 1922 г., на основании декрета об отделении церкви от государства, постановила из'ять церковные ценности

для передачи их в фонд помощи голодающим, контр-революционные «князья церкви» отвернулись от рабочих и крестьян, и, выполняя волю патриарха Тихона, запретили добровольно отдавать эти ценности. Когда нужно было помогать помещикам и капиталистам, буржуазной эксплоатации и угнетению рабочих и крестьян, когда нужны были деньги, чтобы поддержать добровольческую армию, тогда в 1919 году у церквей и монастырей находилось достаточно средств для этого. Они не забыли десятину первых христиан. Они дали десятину всех церковных капиталов, а равно монастырских капиталов в пользу добровольческой армии. Не о нуждах порабощенных думали они, а о нуждах поработителей, о нуждах эксплоататоров.

Недолго продолжалась власть Деникина на Украине. Уже в октябре наметился перелом военного счастья. Из-под стен Тулы деникинские войска были отброшены на Украину. Советские войска стали вытеснять их и гнать дальше к Черному морю. Духовенство заскрежетало зубами, поняв, что снова появится на территории Украины рабоче-крестьянская власть, что снова она начнет работу по отделению церкви от государства, что снова она лишит церкви и монастыри источников нетрудового дохода. Посылая проклятия рабочим и крестьянам, вознося свои жаркие молитвы о даровании победы добровольческой армии, представители контр-революционного духовенства решили вывезти драгоценные вещи из многих монастырей (в Харьковском, Покровском, в Куряжанском и пр.). Во исполнение этого, они часть ценных предметов богослужебного характера укладывали и вывозили из разных местностей Украины за-границу. Вместе с церковными ценностями бегут и наиболее ревностные защитники «самодержавия, православия и народности». Бежит за деникинскими войсками харьковский архиепископ. Бегут вместе с ним другие епископы Украины. Украинская церковь очищается от большого числа контр-революционеров в рясах: и от епископов, и от священников.

Наступает 1920 год. Водворяется повсеместно Советская власть. Проводится декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Но контр-революционеры в рясах, оставшиеся на Украине, решают не подчиниться этому декрету. Они делают вид, что они не понимают и не сознают его точных предписаний. Они не подчиняются этому декрету. Оставляют предметы культа на вокзалах, в школах, больницах и др. публичных местах. Они продолжают вести акты гражданского состояния, продолжают вести книги записей рождения, смерти и бракосочетания, несмотря на то, что 8-я статья декрета об отделении церкви от государства предписывает ведение актов гражданского состояния передать исключительно гражданским властям.

Несмотря на категорические предписания 9-й статьи декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, представители культа стремятся сохранить преподавание закона божьего детям и подросткам, не достигшим 18-ти летнего возраста. Духовенство преподает закон божий на дому или открывает подпольные школы и проч.

В 1920 году укрепляется украинская авто-кефальная церковь. Она постепенно собирается с силами и вступает в ожесточенную борьбу с православной церковью. Она об'являет себя «революционной», стремится воздействовать на незаможных селян и при благосклонном попустительстве местных властей, хотя бы, например, киевских, проводит в августе 1920 г. на киевском уездном с'езде незаможных селян не только резолюцию о земле, но и резолюцию о переводе богослужения с церковно-славянского языка на украинский. 1921 год был годом ожесточенной борьбы православных за совершение богослужения на церковно-славянском языке с украинскими автокефалистами.

После того, как 28-го декабря 1920 года был заключен договор УССР с РСФСР, которым была признана независимость УССР, украинскому духовенству, неудобно было считать себя подчиненным непосредственно патриарху Тихону. Поэтому, на Украину командируется экзарх, для борьбы с украинскими автокефалистами.

Строение политической власти оказало большое влияние и на строение церковной власти. Военно-хозяйственный братский договор УССР и РСФСР нашел себе отражение и в создании украинского экзархата. Оружия для борьбы с авто-кефальной церковью у православных христиан на Украине не было. Борьба контр-революционного православного духовенства с реформой церкви, а именно борьба с автокефалистами оказалась трудной и непосильной для экзархистов Украины. Автокефалисты захватывают все более и более прочные позиции. Они распространяются по всем губерниям Украины, они об'единяют часть массы, говорящей по-украински и таким образом пускают корни среди украинской части населения. Экзархисты сосредотачивают свое влияние в крупных губернских городах, а также в таких губерниях, как напр. Донецкая, население которой в большинстве случаев говорит по русски. В 1921 г., несмотря на неоднократные циркуляры Наркомвнудела, духовенство продолжало присваивать себе права Советской власти, продолжало совершать разводы с соблюдением старых консисторских правил, вести акты записи гражданского состояния, и преподавать закон божий лицам, не достигшим 18-летнего возраста. После организации Ликвидационного Отдела (по отделению церкви от государства) в Наркомюсте 31-го мая 1921 г.—началась планомерная, упорная, непрестанная и непреклонная борьба со всеми захватчиками прав Советской власти, со всеми неподчиняющимися декретам рабоче-крестьянского правительства по отделению церкви от государства и школы от церкви

Когда было предложено со стороны Наркомюста прекратить преподавание закона божьего всем служителям культа, раздался резкий протест со стороны верующих, напр., в г. Николаеве. Дело кончилось тем, что контр-революционерам в рясах пришлось подчиниться. Пришлось соблюдать законы Советской власти. 1922 г. был бурным годом в жизни контр-революционного духовенства. 8-го марта 1922 г. был принят ВУЦИК'ом декрет о передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим. Патриарх Тихон разослал послания с призывом к верующим отказаться от добровольной сдачи

ценностей в пользу голодающих и угрожал верующим отлучением от церкви и лишением причастия, а священнослужителям—лишением мест. Священники и монахи постарались исполнить этот наказ, данный им патриархом Тихоном, и во многих местах Украины уклонились от сдачи церковных ценностей, в других же скрыли или похитили церковные ценности. Вот некоторые факты:

В Христиновской волости, Овручского уезда, Волынской губ. благочинный на с'езде духовенства, созванном представителем Христиновского вол. исполкома, призывал духовенство к тому, чтобы оно не оказывало содействия при сдаче ценностей и добровольно их не выдавало.

Когда раздался голос нескольких, наиболее чутких, представителей духовенства о том, что нет греха в передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим, благочинный Данилевич настаивал на своем С'езд духовенства вынес резолюцию, которую желал благочинный. В уездной сессии военное отделение Волынского Губ. Революционного Трибунала приговорило благочинного Данилевича к пяти годам общественных принудительных работ.

Монахи Рыхловского монастыря, Кролевецкого уезда, Черниговской губ., получив предписание Советской власти представить опись ценного имущества Рыхловского монастыря, составили новую опись, скрыли старую, заявив, что ее, равно как и инвентарные книги, похитили какие-то банды в 1919 г. Они скрыли от Советской власти серебряную дарохранительницу, весом в 5 пудов. Когда явилась в монастырь комиссия по из'ятию церковных ценностей, монахи созвали толпу крестьян, распустив нелепые слухи о том, что явилась какая-то банда в монастырь похищать ценности. Немедленно около монастыря собралась толпа из крестьян местных деревень, вооруженная вилами, кольями и даже топорами. На члена комиссии по из'ятию церковных ценностей в пользу голодающих раз'яренные крестьяне замахивались топором. Пришлось выстрелить в воздух в целях самозащиты. После этого толпа отпрянула, но часть толпы пришлось арестовать, чтобы избежать пролития крови. В то время благочинный монастыря, разославший монахов за крестьянами, трусливо скрылся в лесу, под предлогом рубки дров. Когда пошли к церкви, двери ее оказались запертыми, а ризничий, по предварительному сговору с иеромонахом, прячет ключи от монастырской церкви в дровах. Комиссии по из'ятию ценностей приходится силою ломать замок, что еще более возбуждающе действует на толпу. Когда архимандриту монастыря комиссия по из'ятию ценностей предлагает успокоительно воздействовать на толпу, он отказывается, говоря, что ничего не может с ними сделать. Монахи Рыхловского монастыря не приняли никаких мер, чтобы оказать помощь голодающим.

Архимандрит и благочинный Рыхловского монастыря были приговорены к расстрелу, а остальные к лишению свободы от одного года до пяти лет. Рыхловский монастырь был закрыт. В Святогорском монастыре, Славянского уезда, Донецкой губ., монахи скрыли золотой ковчежец, в котором хранили «мощи», и несколько пудов церковной серебряной утвари.

Когда в Святогорский монастырь прибыла комиссия по из'ятию ценностей, они не пред'явили старых инвентарных книг, не сдали спрятанных денег, и ценных вещей. Когда приехал особый народный следователь Губернского Революционного Трибунала для предварительного следствия, он обнаружил много серебряных монастырских вещей, спрятанных в самых потайных местах, проникнуть в которые было довольно трудно. Тайники эти были и на колокольне, и под полом, и в старой, заваленной дровами башне, вход в которую был только чрез окно, и в нескольких местах вне Святогорского монастыря. За то комиссия по из'ятию церковных ценностей «из'яла» женщину из запертой кельи иеромонаха Дезидерия, торговавшего в монастырской лавке. При обыске у этой женщины на дому, оказалось монашеское белье, подрясник и различные предметы из монастырской лавки. Точно также женские вещи оказались в кельях других монахов, что свидетельствует об образе жизни монахов Святогорского монастыря.

Монахи Святогорского монастыря клялись, что больше у них нет никаких церковных ценностей. И через пять минут после их клятвы следователь находил в потайных местах спрятанные церковные ценности. Архимандрит и причастные к сокрытию ценностей монахи были лишены свободы: приговорены к принудительным работам на разные сроки. Святогорский монастырь закрыт.

Сопротивлялось из'ятию церковных ценностей и много белого духовенства, священников и проч.

В Елисаветграде, Николаевской губ., дело дошло до того, что под влиянием контр-революционных священников был избит председатель Уездного Исполнительного Комитета, явившийся в местный собор для из'ятия ценностей.

Одним из наиболее характерных для Украины дел о сопротивлении из'ятию церковных ценностей является дело об убийстве незаможной селянки Бармашовой в селе Заселье, Херсонского у., Николаевской губ.

1-го мая 1922 г. в село Заселье приехала комиссия по из'ятию церковных ценностей. Раз'яренная толпа женщин, принадлежавших, главным образом, к кулацкому элементу, зверски убила члена Президиума 2-го Всеукраинского С'езда Незаможных Селян, 60 летнюю старуху, тов. Бармашеву.

Выступление ее на 2-м Всеукраинском С'езде Незаможных Селян в Харькове в феврале 1922 года и неоднократная агитация ее за из'ятие ценностей в пользу голодающих возбудили против нее кулаков и местные «власти», деятельность которых разоблачала Бармашева. Судебное следствие установило, что недоразумения Бармашевой с местными властями начались с того момента, когда дом местного священника был занят под приют, а священник был выселен. Обострявшиеся все более и более отношения между Бармашевой и местными властями, недовольными последней за ее разоблачения, довели 1 мая 1922 года до убийства Бармашевой.

Цинизм местного священника села Заселья дошел до того, что даже после убийства т. Бармашевой, он получил деньги из

фонда Посевкома в присутствии местных властей волости и на народные деньги купил серебро, для того, чтобы заменить им изымаемые церковные ценности.

Как непосредственные физические убийцы т. Бармашевой, так и укрыватели ее убийц и содействовавшие сопротивлению из'ятию церковных ценностей в с. Заселье были приговорены к высшей мере наказания—к расстрелу, а менее виновные обвиняемые—к общественно-принудительным работам на разные сроки.

Из'ятие церковных ценностей повлекло за собой раскол православной церкви как в России, так и на Украине. Наиболее прогрессивная часть духовенства не могла примириться с тем, что князья церкви запрещали помогать голодающим крестьянам и спасать их от смерти. Несмотря на то, что раскол церкви в России заставил события на Украине развиваться быстрее и охватил широкие массы духовенства и мирян, все же на Украине церковно-обновленческое движение шло сравнительно очень медленно. Лишь после того, как в русской церкви начали сдавать позиции и власть «князья церкви», лишь после того расшевелилось украинское духовенство, началось движение в пользу обновленческой церкви, организовались обновленческие комитеты в гор. Екатеринославе, Чернигове, Харькове, Киеве. Некоторые епископы, напр. Черниговский, Звенигородский уже перешли на сторону обновленченской «живой» церкви. Предчувствуя гибель Тихона, во главе обновленческого движения на Украине стал епископ Алексей, как более молодой и более энергичный среди другого духовенства. Экзарх Михаил не пошел по стопам патриарха Тихона и в апреле 1922 года выпустил воззвание к православным, в котором призывает верующих сдавать церковные ценности в помощь голодающим. В том же духе было постановление киевской епархиальной канцелярии, под которым подписался епископ Алексей и др.

Следовательно, на Украине контр-революция в церкви не проявилась так открыто и резко, как она проявилась в России. Во многих местах епархиальное духовенство не пошло по стопам Тихона, не распространяло воззрений его среди верующих, не противодействовало из'ятию церковных ценностей. В некоторых местах выступили было наиболее черносотенные представители духовенства, например, Павлоградский епископ Серафим открыто противодействовал из'ятию церковных ценностей, за что и понес заслуженное им судебное наказание.

«Обновленческое движение» на Украине не имеет своею целью раскрепостить мирян от духовного плена. Обновленческое движение признает открыто советскую власть, высказывается за планомерность, законность и целесообразность социальной революции, отказывается от борьбы с Советской властью, от проведения антисоветской политики в церкви, от открытых выступлений против Советской власти.

На августовском с'езде 1922 года в Москве местные представители «живой церкви» постановили закрыть все монастыри, как гнезда контр-революции. Такое же постановление должно быть осуще-

ствлено на Украине. Но эта мера «живой церкви», предпринятая обновленческой ее группой, не в состоянии духовно раскрепостить пролетариат. Для этого необходима планомерная и постоянная анти-религиозная пропаганда.

Контр-революционная деятельность белого духовенства во многих местах проявилась в так наз. «обновлениях» икон. Эпидемия обновления икон вспыхнула на Украине в голодный 1921—1922 год. Меры репрессии быстро ослабили вспыхнувшую эксплоатацию невежества верующих в Екатеринославе, Харькове, Чернигове, Николаеве и в прочих местах Украины. Постоянными судебными репрессиями удалось положить конец этому религиозному шантажу.

2. АВТО-КЕФАЛИСТЫ.

Корни украинской авто-кефальной церкви—несомненно—политические. В программе различных украинских партий, напр. украинской народной партии, а равно в программе партии украинских землеробов-демократов, (защитников земельной собственности) значится «незалежная» (авто-кефальная) украинская церковь.

Представители партии украинских демократов-хлеборобов, например, Сергей Шемет—в Венском издании 1922 года вполне определенно указывает, что в программе У.П.Д.Х. значится авто-кефальная украинская церковь, ее полная независимость, незалежность. Таким образом, авто-кефальная украинская церковь значится в программе мелкой и средней украинской буржуазии, а равно в программе социал-соглашательской украинской народной партии, продающей интересы рабочих и незаможного селянства. В последнее время петлюровцы сплотились под флагом украинской авто-кефальной церкви и нашли себе там довольно надежный оплот. Под флагом религии занимаются политикой такие «бывшие» люди, как, например, бывший председатель украинской народной республики В. М. Чеховский. Он прикрылся вполне легальным флагом религии для того, чтобы собрать силы против украинских рабочих и незаможного селянства. Чеховский, оказавшийся «марксистом» на процессе украинских эс-эров, Голубовича и др. в 1921 г., в том же 1921 году был председателем 1-го Всеукраинского церковно-православного собора авто-кефалистов в октябре месяце в Киеве, а сейчас, наконец, обрел покой в качестве товарища председателя всеукраинской церковной православной рады.

Такие руководители религиозного движения на Украине, как Чеховский, существуют для того, чтобы скрыть свою политическую деятельность, направленную против Сов. власти легальным флагом религии. К чему же сводится их деятельность в украинском автокефальном движении? Стоит только посмотреть на постановления майского 1921 г. собора автокефалистов Киевщины, чтобы увидеть, что религия есть только прикрытие для контр-революционеров. Сколько незакономерных постановлений было вынесено на первом украинском православном соборе автокефалистов Киевщины 22-го мая 1921 г. Там было вынесено постановление об украинизации

приходов Киевщины (ст. 4), об обязательном введении общенародных церковных песнопений в каждом приходе (ст. 15), об открытии средних церковных школ (п. 2-й, ст. 16), об организации низших катехизаторских школ (п. 3-й ст. 6), об основании всеукраинского церковного музея для собирания всех исторических и современных материалов по истории украинской церкви (п. 5, ст. 16), об организации общественной богословской библиотеки под заведыванием В. Ц. П. Р., об из'ятии тенденциозной литературы (п. 6, ст. 16), о передаче всеукраинскому православному церковному совету комиссией по распределению книг Всеиздата всех книг богословского содержания (п. 7, ст. 16), о церковных разводах (п. 1, ст. 18), о записи рождений, смертей и браков (п. 2, ст. 18), о закрытии всех российских церквей на Киевщине (п. 2, ст. 19), об управлении автокефальной церковью делами и имуществом в каждом приходе (п. 4, ст. 19), о немедленном отправлении богослужения на украинском языке во всех приходах (п. 11, ст. 19), о передаче всех монастырей и относящегося к ним имущества в распоряжение украинской церковной православной рады (ст. 28).

Означенные постановления собора автокефалистов Киевщины были направлены исключительно на захват прав Советской власти.

Собор отрицал гражданскую метрикацию и стремился завести церковную метрикацию для того, чтобы иметь тот или иной источник дохода. Он отрицал гражданский развод, вынес постановление о передаче развода в руки церкви, заведомо зная, что церковный развод воспрещен Украинской Социалистической Советской Республикой. Он знал, что школа отделена от церкви, а между тем автокефалисты преподают детям и подросткам до 18-ти лет закон божий. Автокефальные юристы знали, что ни одна религиозная община не имеет прав юридического лица,—следовательно, ни одна религиозная община не имеет прав открывать какие бы то ни было богословские курсы или школы, как низшие, так и средние, для подготовки священников автокефальной церкви.

Однако, незакономерные постановления автокефалистов встретили должный отпор.

На соборе, состоявшемся с 14-го по 30-е октября 1921 г., автокефалисты, хотя бы высшие, отказались от прежних постановлений. Они обсуждали вопрос о православной вере, о канонах, о всеукраинском православном церковном соборе, о взаимоотношениях между церковью и государством, о жизни приходских церквей, о монастырях, о совершении богослужения в украинской церкви, об организации автокефального церковного управления, положении священнослужителей православной автокефальной церкви, приходских церквах и приходских церковных об'единениях, уездных церковных радах, губернских церковных радах, о всеукраинском православном церковном соборе, митрополите Киевском и всеукраинском, о православной церковной раде, с подразделением ее па пленум («велики сбори») и малую раду (президиум), о высшем церковном суде при В.П.Ц.Р., уездном епископе, уездных церковных собраниях, уездной церковной раде; волостном церковном собрании и волостной церковной раде.

Во всех этих постановлениях тщательно устранялись ошибки постановлений майского собора 1921 г. Не наблюдается того разгула шовинизма, который отличал постановления майского собора 1921 г. Автокефальному юристу Чеховскому была дана работа. Он ее выполнил в том смысле, что предупредил открытые столкновения автокефалистов с Сов. властью. Как майский, так и октябрьский собор 1922 г., приветствовал Сов. власть за издание закона об отделении церкви от государства. Автокефалисты приветствовали этот декрет потому, что он обеспечивает свободу веры в УССР, что он дает населению возможность управлять своими церковными и религиозными делами, таким образом, каким население само желает.

Можно полагать, что автокефалисты вполне искренно приветствовали в данном случае Советскую власть, так как только она одна дала им возможность свободно существовать, так как только она одна действительно обеспечивает свободу совести. Только при полном невмешательстве Сов. власти во внутренние дела церкви автокефалисты могли успешно бороться с раньше господствовавшей «московской» православной церковью.

Однако, Сов. власть не верит никаким приветствиям, если они не сопровождаются соответствующими действиями и соответствующим поведением. Поведение же автокефалистов и отношение их к Сов. власти не дало ей возможности на деле убедиться в их искренности. Это наглядно проявилось во время из'ятия церковных ценностей. В то время, как белоцерковский епископ Володимир в своем воззвании призывал автокефалистов сдавать церковные ценности, называл провокаторами всех тех, кто будет противодействовать декрету об их из'ятии в помощь голодающим, в то самое время в Одессе нашелся автокефалист, окончивший духовную семинарию, который, состоя в должности старосты Одесской автокефальной церкви, составил неправильную опись ценного церковного имущества, находившегося в церкви автокефалистов. Он подменил серебряную утварь и сделал попытку утаить часть церковных ценностей.

Комиссия по из'ятию церковных ценностей раскрыла проделку церковного старосты автокефалиста Андрея Навроцкого и возбудила против него уголовное преследование. Характерно, что в богатой Одессе автокефалисты за несколько месяцев собрали путем кружечного сбора во всех церквах лишь 400.000 руб. Эта сумма при цене хлеба в Одессе в 250.000 р. составляет стоимость полутора фунта хлеба. Так добровольно автокефалисты Одессы, называющие себя «революционерами», в церкви собрали для голодающих за несколько месяцев ровно на полтора фунта хлеба.

Различные социальные группы, об'единенные одним флагом автокефалистов, в настоящее время близки к расколу. В июне в Киеве состоялось заседание «великих зборів» всеукраинской церковной православной рады, ее пленума, на котором присутствовало около 99 членов.

На этом пленуме вполне определилась демократически-настроенная группа со свящ. Самсоном Задорожным. Она фактически откололась от

стоящих на правом фланге автокефального движения Чеховского, митрополита Василия Липковского, Шараевского и др. деятелей автокефального движения.

На июньском пленуме рады 1922 г. страсти разгорелись до того, что епископ Ярощенко предложил группе, примыкавшей к свящ. Задорожному, покинуть залу заседания. Раскол автокефалистов начался. В среде автокефалистов началось бурное движение против верхушки, стоящей во главе всеукраинской церковной православной рады. Среди украинских автокефалистов назревает раскол, подобный тому, который произошел в православной церкви.

Автокефалисты называют себя «революционерами в церкви» и думают, что они совершили «революцию». В октябре 1921 г. они провозгласили, что они борятся за освобождение украинского народа от угнетения «князей церкви». Однако, они сами, как и представители всех других буржуазных классов, не думают об освобождении пролетариата и беднейшего селянства от экономического и духовного гнета.

3. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Католическая церковь на территории УССР неоднократно пыталась открыто игнорировать советский декрет об отделении церкви от государства. Ксендзы во многих губерниях Украины не хотели признавать этого декрета, не хотели допускать своих прихожан к заключению договора с Советской властью о бесрочном и бесплатном пользовании католическими костелами. Ксендзы не хотели примириться с той мыслью, что их владычеству пришел конец. Они настаивали на том, чтобы к лицам католического вероисповедания применялись на территории УССР польские законы. Подобные—унизительные для УССР—притязания католиков решительно отвергнуты Сов. властью. Сов. власть категорически пред'явила требования ко всем католикам подчиниться декретам Советской власти, поскольку они живут на территории УССР.

На основании 14-й статьи декрета об отделении церкви от государства все имущество существовавших на Украине церковных религиозных обществ было признано народным достоянием с 22 января 1919 г. Между тем, католические ксендзы не хотели расставаться со своими бывшими костельными домами. Они требовали, чтобы костельные дома находились в их бесконтрольном и безотчетном пользовании. С этим Советская власть согласиться не могла, так как это означает предоставить католической религии привиллегии во исключение из декрета об отделении церкви от государства и наделять только одну католическую религию такими льготами и преимуществами, которых не имеет ни одна из религий на территории УССР.

Контр-революционность католических ксендзов наглядно проявилась при из'ятии церковных ценностей. Они ссылались на 7-ю статью Рижского договора для доказательства того, что будто бы церковные ценности не подлежат из'ятию в фонд помощи голодающим. Они, после получения повестки о вызове их к назначенному комиссией сроку, уходили

совершенно из своих домов, забравши с собою ключи костелов. Если они и присутствовали при из'ятии церковных ценностей, они не оказывали никакого содействия делу из'ятия. Наконец, в некоторых местностях они выказывали явное противодействие, доходившее до сокрытия костельных ценностей и до преступной агитации против Сов. власти среди верующих.

Во многих местах, пограничных с польскими местностями, сильно чувствовалось влияние польских ксендзов. Ксендзы держали себя по отношению к представителям Сов. власти при из'ятии церковных ценностей в высшей степени вызывающе, чувствуя, что недалеко за кордоном имеются их соотечественники, им сочувствующие и подстрекающие их к агитации против Сов. власти и против исполнения декрета об из'ятии церковных ценностей. Тем не менее, сопротивление представителей католической церкви, которые противодействовали из'ятию церковных ценностей, было сломлено: ценности из костелов были из'яты; не отдававшие их, или сопротивлявшиеся из'ятию, или агитировавшие против из'ятия были преданы суду и понесли заслуженное ими наказание. Контр-революционность ни в одной церкви не проявилась так открыто и так безудержно, как именно в католической церкви.

4. ИУДЕЙСКАЯ РЕЛИГИЯ.

На протяжении пяти лет, с 1917 по 1922 г., еврейские раввины тщательно уклонялись от исполнения декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Они не подчиняются этому декрету, они стремятся сохранить преподавание зак. божия под предлогом преподавания древне-еврейского языка. В хедерах еврейский язык преподавали по библии; другими словами, преподавали не древне-еврейский язык, а библию. В то время, как в 9-й статье декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви говорится о том, что школы отделяются от церкви, в 10-й статье того же декрета вполне естественно запрещено преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы гражданам, не достигшим 18-ти летнего возраста. Гражданам, достигшим 18-ти летнего возраста, предоставляется обучаться религии частным образом. Тем не менее, раввины и преподаватели древне-еврейского языка продолжают преподавать библию на древне-еврейском языке в хедерах и эшиботах. Они не считались с декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Наконец, в 1922 г., было дано категорическое предписание, исходящее от Ликвидационного Отдела Нарком'юста (по отделению церкви от государства) о закрытии хедеров и эшиботов. Сов. власть нисколько не стесняет евреев в изучении древне-еврейского языка, нисколько не притесняет преподавание еврейского языка, не запрещает преподавание в школах на каком угодно национальном языке, не угнетает ни одного национального меньшинства. Но в то же время Сов. власть недопускает никаких привиллегий в области религии только потому, что данное лицо принадлежало к составу

т. н. национального меньшинства. Хедера и эшиботы должны быть закрыты повсеместно именно потому, что они являются рассадником контр-революции. В них калечат умы еврейских детей и подростков, в них распространяют идею о необходимости религии, идею смирения, требование покорности, отучают выступать в борьбу за свои пролетарские интересы, приучают к смирению пред буржуазией. Такого рода национальные школы религиозного характера нужны были только буржуазии. Они совершенно не нужны пролетариату; они вредны для него. Поэтому принимаются все меры, чтобы хедера и эшиботы были немедленно закрыты, а сопротивляющиеся закрытию хедеров и эшиботов были привлечены к судебной ответственности за нарушение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви и за неподчинение декретам Сов. власти. Еврейская контр-революция на религиозной почве проявилась и в другом виде, а именно при из'ятии церковных ценностей. В некоторых местах духовные раввины позволяли себе оскорблять членов Губ. Комиссий по из'ятию церковных ценностей в фонд помощи голодающим. Например, известный своим черносотенством Одесский духовный раввин Гуревич позволил себе оскорбить представителя Губ. Одесской Комиссии по из'ятию церковных ценностей.

5 ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ и БАПТИСТЫ.

Евангельские христиане, баптисты, малеванцы и др. открыто выявили свою буржуазную сущность при применении декрета об отделении церкви от государства. Дело доходило до того, что евангельские христиане и баптисты отказывались от своего вероучения, которое они оффициально изложили в 1906 году. Тогда, в изданиях 1906 года, они открыто признавали обязательность для себя военной службы, только некоторые отдельные члены их общины не признавали военной службы. Теперь они отказываются от своих прежних воззрений 1906 года. После опубликования 22-го января 1919 года декрета Временного Рабоче-Крестьянского Правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви, евангельские христиане и баптисты стали поголовно отказываться от воинской повинности, ссылаясь на то, что, будто-бы, этого требует их оффициальное постоянное вероучение. Подобного рода ренегатство от собственных оффициальных воззрений, высказанных ими в 1906 году в их бесцензурных изданиях, является неопровержимым доказательством того, что представители мелкой и средней буржуазии открыто отказываются защищать Советскую власть с оружием в руках. И евангельские христиане, и баптисты, как представители буржуазии, собственников, владельцев воспользовались декретом об отделении церкви от государства только для того, чтобы создать себе льготы, которыми не пользуются представители прочих религий. Они хотят, чтобы Советская власть освободила их от воинской повинности поголовно. Они требуют отмены соответствующих решений, ссылаясь на то, что будто бы Советская власть стесняет их религиозные убеждения, между тем, как никто их религиозных убеждений не стесняет, не касается,

Участники Октябрьского переворота в Харькове

Силявкин, Гаврилин, Волков, Поко, Буздалин, Киркиш, Магидов, Гулый, Кин, Холмская, Кабаненко, Бушев, Миняйленко, Попков, Савцов, Пирог, Потаскаев, Молчанов, Кубасов, Гвоздев, Кустелян, Сычов, Лебедев С., Белоусов, Данилевский, Сербиченко

а их заставляют только отбыть соответствующее количество лет в заразных госпиталях или избирать другие виды работ, по степени тяжести и опасности не уступающих военной службе. Последователи Кондратия Малеванного в Киевской губ. дошли до отказа от уплаты продналога. Когда же они отказываются платить продналог, ссылаясь на свои религиозные убеждения, Советская власть согласиться с этим не может, т. к. анархистам, не признающим современной власти, хотя бы даже рабоче-крестьянской, всегда можно предложить выселиться, организовать самостоятельные, анархистские общины, там, где они признают это для себя нужным и полезным. Отказ малеванцев от уплаты продналога в голодные годы свидетельствует только о том, что они принадлежат к состоятельным крестьянам, которые при Советской власти наотрез отказываются исполнить даже общегосударственные повинности.

6. МЕННОНИТЫ НА УКРАИНЕ.

В 16-м веке многие меннониты выселились из Голландии, вследствие того, что они не желали состоять на военной службе, как этого требовало голландское правительство. Они искали возможности поселиться в тех странах, которые освободят их от обязательного отбывания воинской повинности. Екатерина 2-я, «заселяя» Украину и Новороссию, выписала и голландских меннонитов (в 1789 году, для заселения Хартицкого округа, Екатеринославского уезда и губернии и др.), предоставив им различные льготы, в частности освобождение от военной службы. В конце 18-го века и в первые три четверти 19-го века жившие на Украине меннониты, выходцы из Голландии, были освобождаемы русским правительством от военной службы (меннониты отрицали судебные тяжбы, присягу и военную службу). Когда в 1874 г. вводили всеобщую воинскую повинность, возник вопрос и о меннонитах, проживавших в различных местностях России того времени. Устав о воинской повинности 1874 г. (ст. 157) освобождал меннонитов от ношения оружия: меннониты не назначались в войска, сделаны были льготы для тех групп меннонитов, которые присоединились к меннонитам или прибыли из-за границы в Россию на жительство до 1 января 1874 года, в смысле предоставления им возможности служить в подвижных командах лесного ведомства, в пожарных командах, в мастерских морского ведомства, вместо военной службы. Русское правительство остальных меннонитов, переселившихся в Россию впоследствии, лишило льгот по отбыванию воинской повинности и призвало наряду с другими гражданами к отбыванию всеобщей воинской повинности. Так дело продолжалось до издания декрета Советской власти об отделении церкви от государства. Около трети меннонитов переселилось в Америку после введения всеобщей воинской повинности. Из этих исторических фактов можно было бы заключить, что меннониты не приемлют оружия, не могут служить на военной службе.

Однако, факты гласят следующее: когда деникинские банды вторглись на Украину и заняли Александровскую губернию (Запорожскую), в добровольческую армию немедленно пошли в качестве добровольцев много

меннонитов. Они, постоянно об'являвшие себя «не приемлющими оружие», отвергающими пролитие человеческой крови по своим вековым религиозным убеждениям, настолько увлеклись кровавым спортом, что и не подумали сдаться Красной армии, даже после того, как полный разгром деникинской армии вполне выяснился. Вместе с остатками деникинских войск добровольцы из меннонитов выселились за границу. Так обстояло дело в 1919—1920 гг.

А как вели себя те же меннониты за год перед тем, в 1918 году? Меннониты в 1918 г. принимали активное участие в вооруженной самоохране против Советской власти. Когда Красная армия оказалась победительницей, меннониты стали распускать слухи, что меннонитская самоохрана была создана ими с целью борьбы против Махно, а не против Советской власти. Последующим заверениям меннонитов о самоохране против Махно верить нельзя, по той простой причине, что автор «Христианского семейного календаря на 1919 г.», изданного на немецком языке в Гальбштадте, помимо своей воли дает наиболее веские улики против меннонитов: «как раз немцы (т.-е. меннониты) на Украине особенно надосадили большевикам»—заявляет он.

После этого меннониты уже не имеют права заявлять, что их вооруженная самоохрана не была направлена против Советской власти.

Чем же об'яснить изменение вековых традиций меннонитов, а именно —признание ими военной службы?

В лице Деникина они видели своего покровителя и защитника. Деникин восстанавливал власть крепкого крестьянства, к которому принадлежат меннониты. Поэтому, сознавая свои классовые интересы, украинские меннониты пошли добровольцами в деникинскую армию для защиты своих поместий.

Когда в январе 1919 года был издан Советской властью декрет об отделении церкви от государства, меннониты, на основании ст. 6-й декрета, стали подавать прошения в Народный Суд с просьбой об освобождении их от военной службы по религиозным убеждениям. На суде они ссылались на исторические данные, начиная с 16 века, в доказательство того, что меннониты не могут носить оружие, так как они не признают военной службы по своим религиозным убеждениям. Во многих местностях Нарсуды освобождали меннонитов от военной службы и в 1920, и в 1921 г.г., пока не стало ясно их двурушничество.

Вот «интересные цифры», доказывающие «евангельскую кротость» меннонитов. Чрезвычайная Тройка по из'ятию оружия в конце 1921 года из'яла у населения Больше-Токмакского уезда Запорожской губ. нижеследующее количество оружия:

	В 5 волостях Б.-Токмакского у.	В 2 волостях, населенных меннонитами
Винтовок	728	332
Отрезов	170	30
Револьверов	171	85
Бомб	228	87
Шашек	278	162
Патронов	40849	24540

Другими словами, более половины из'ятого в 5-ти волостях Больше-Токмакского уезда Запорожской губ. оружие было отобрано у меннонитов, веками не признававших употребления оружия,—у лиц, которым, по их словам, запрещает носить оружие и проливать кровь христианское вероучение.

ДУХОБОРЫ

Духоборы, в отличие от части меннонитов, стремящихся покинуть Украину, желают переселиться на территорию УССР, зная, что при условии невыступления против Советской власти и соблюдения декретов Советской власти, они смогут свободно исповедывать свое вероучение.

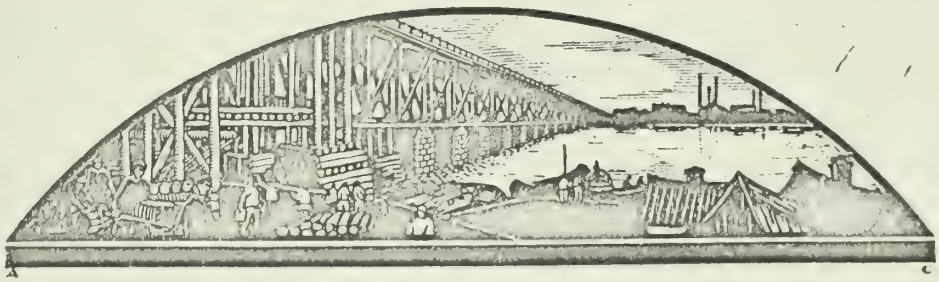
Ни в одном из буржуазных государств, ни в одной из т.-наз. «демократических» республик не существует такая свобода совести, как в Сов. Республиках. Это будет признано всеми теми, кто только сравнит законодательство Р.С.Ф.С.Р. и У.С.С.Р. по отделению церкви от государства с соответствующими законодательствами государств западной Европы и иных стран. И наглядным доказательством этого служит факт, что две тысячи духоборов, выселившихся со времени конца 19-го века в Канаду, ходатайствуют в 1922 году об обратном приеме их на Украину. Они вошли в сношение по настоящему вопросу с правительством У.С.С.Р. Если бы они считали, что в У.С.С.Р. нет свободы совести, они бы никогда не возбуждали подобного рода ходатайства и не думали переселиться обратно на Украину из Канады, где им жилось довольно привольно.

Духоборы знают, что они не получат здесь столько земли, сколько они имеют в Америке Если они стремятся переселиться в У.С.С.Р., то это стремление об'ясняется их сознанием, что содействие в организации коллективного сельского хозяйства они получат только со стороны Советской яласти. Они знают, что только Советская власть стремится к коммунистической организации сельско-хозяйственного производства.

Ходатайство о разрешении 2.000 духоборов переселиться из Канады в У.С С.Р. опровергает все нападения на Советскую власть со стороны представителей буржуазии, опровергает все выдумки о притеснениях какой либо религии на территории У.С.С.Р.

ИВАН СУХОПЛЮЕВ.

Советское строительство



Пять лет борьбы за признание Советской Власти

ОСЛЕ того, как украинские рабочие и крестьяне, пять лет тому назад подняли знамя пролетарской революции, об'явили землю и фабрики собственностью всего трудового народа и установили у себя Советскую рабоче-крестьянскую власть,— иностранные капиталистические государства не только отказались признать за ними права на свободное независимое существование и на управление своей страной, но, больше того, опираясь на отдельные контр-революционные группы украинских помещиков, буржуазии и кулачества, начали против Советской власти вооруженную борьбу, которая кончилась победой рабоче-крестьянской Красной Армии лишь в конце 1920 года.

И только тогда, когда западно-европейские державы, равно как и наши ближайшие соседи, убедились в тщетности их попыток вооруженной рукой задушить Советскую власть, они стали вступать с ней в частные экономические и дипломатические сношения и заключать отдельные договоры. Но безопасность дальнейшего независимого существования Советской Республики требовала не только фактического, но и юридического признания ее со стороны великих держав, являвшихся до сих пор главными факторами в международных сношениях...

Однако, западно-европейские правительства, лелеющие еще остатки надежд на недолговечность советского строя, отказывались признать советскую власть де-юре. И только Генуэзская конференция (в апреле—мае т. г.), на которой впервые встретились делегаты Советской Федерации с делегатами всех государств Антанты, открыла фактически новую фазу в международном положении Советских Республик и в частности Украины.

I

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (ОКТЯБРЬ 1917—ОКТЯБРЬ 1920 г.).

Советская Власть на Украине, созданная руками рабочих и крестьян в октябре 1917 г., сорганизовалась в декабре того же года на первом Всеукраинском С'езде Советов, собравшемся в Харькове после раскола на Киевском С'езде. Этот С'езд избрал Центральный Исполнительный Комитет, выделивший из себя Народный Секретариат, председателем которого и Народным Секретарем по международным делам был избран тов. Скрыпник.

Харьков, таким образом, стал центром Советской Власти на Украине. Но Всеукраинское Правительство пробыло в Харькове не долго. В это время в Киеве еще заседала Центральная Рада, во главе с Петлюрой и Винниченко. В начале революции Рада высказывалась за Советскую Власть, но в действительности она все время вела двусмысленную политику и, в конце-концов, изменила открыто делу революции и стала ориентироваться на антанту. В результате такой позиции Рады, между петлюровцами с одной стороны и рабочими с восставшими полками, идущими за Советскую власть, с другой—начались кровопролитные бои. В неравной борьбе героические отряды Киевских рабочих потерпели сначала неудачу и петлюровцы начали было свою жестокую расправу с восставшими рабочими. Но уже в конце декабря Советские войска перешли в наступление в Киевском направлении. После занятия Сум и Полтавы 26 января 1918 г. они подоспели к Киеву и 2 февраля Петлюра со всем своим штабом был вынужден бежать из города. Но не успели еще Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Секретарей расположиться в Киеве, как тот же Петлюра, этот «ярый поклонник» союзников, 9 февраля заключил мирный договор с немцами и австрийцами и, после разрыва Брест-Литовских переговоров, повел совместное с ними наступление. Слабые красноармейские отряды не могли устоять против этого напора, и Киев в средине февраля пал.

Таким образом, рабоче-крестьянской власти не удалось в это время об'единить под собой всю Украину. Рассчитывать на помощь Советской России нельзя было; она сама под ударами немцев вынуждена была 3 марта подписать мир в Бресте. Задача, которая в первую очередь стояла перед Украинским правительством, состояла в том, чтобы задержать продвижение оккупантов на восток. С этой целью нужно было использовать все местные силы и средства, поднять на ноги весь трудовой народ. Создание единого центрального государственного управления этим самым отодвинулось на второй план.

В результате такого положения вещей с декабря 1917 г. образуется на Украине три Советских правительства. Кроме вышеуказанного Центрального Правительства, в целях самозащиты, как путем вооруженного отпора иноземным войскам и гайдамакам Петлюры, так и путем дипломатического действия, создаются еще два областных правительства, а именно: правительство, так называемого, Румчерода (Комитет Румынского фронта,

Черноморского флота и Одесской области), охватывающее весь юг Украины и Бессарабию и правительство Донецко-Криворожской Республики, состоящей из Харьковской, Екатеринославской губ. и части Донецкой области.

Донецко-Криворожская Республика образовалась в январе 1918 г. Создавшие ее советы участвовали еще в первом Всеукраинском С'езде (в декабре). Когда, после Киева и Полтавы, Центральное Украинское Правительство переехало в Екатеринослав и созвало здесь 18 марта Второй С'езд Советов,—в этом С'езде принимали участие и представители от Донецко-Криворожской Республики,—в частности председатель ее Совнаркома—покойный тов. Артем.

Из области иностранной политики, единственный, достойный быть отмеченным, акт со стороны правительства Донецко-Криворожской Республики, состоял в обращении в марте м-це с нотой к Германии, в которой заявлялось, что Донецко-Криворожская Республика существует отдельно от Украины и предлагалось немецко-австрийским частям не переходить границу Республики.

Что касается «Румчерода», то таковой был создан еще при Керенском, на первом С'езде армий Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области, 10 мая 1917 г. и проводил все время техническую фронтовую работу в соглашательском духе. Событая, развивавшиеся после октября, и, в первую очередь, иностранное румынское и австро-германское вмешательство, заставили его взять в свои руки революционную власть на юге Украины. Второй С'езд Румчерода в декабре стал решительно за лозунги октябрьской революции. Председателем его был тов. Юровский, который затем был избран также председателем Одесского Военно-Революционного Комитета. 14 января «Румчерод» без боя стал фактически властью в Одессе. Происходившая после того, в течение нескольких дней, борьба с гайдамаками Центральной Рады, обеспечила полную победу за одесским пролетариатом. Как вся Одесская область, так и Бессарабия, определенно стали на сторону Румчерода. В феврале образовался Совнарком Одесской области под председательством тов. Старожина. Румчерод оставил за собою, главным образом, военную защиту области и внешнюю политику, практическую и внутреннюю работу передав Совнаркому. Иностранная политика была сосредоточена, по преимуществу, в руках Верховной Автономной Коллегии по борьбе с контрреволюцией в Румынии и на Украине, под председательством т. Раковского, полномочного органа Совнаркома РСФСР, куда входили и члены Румчерода. Благодаря этой Коллегии был положен конец колебаниям и соглашательству иностранной секции Румчерода. Последний повел новую решительную политику, которая не замедлила дать свои результаты. Она началась прежде всего арестом румынских шпионов и румынских парламентеров в Одессе и необходимыми военными подготовлениями против Румынии. Румынское правительство пошло тогда на переговоры об освобождении членов революционных Комитетов, которые томились в румынских тюрьмах, за исключением тов. Рошаля, подло убитого румынским генеральным штабом. Во-вторых, Румынское правительство должно было пойти на максимальные по тому времени уступки и подписать в марте 1918 г. мирный договор

об очищении Бессарабии. Этот договор был подписан за 5 дней до занятия Одессы австро-германскими войсками, которым Румчерод, понятно, не был в состоянии противопоставить достаточного сопротивления. 13 марта немцы вступили в Одессу, и Румчерод должен был эвакуироваться.

Переходя к иностранной политике Центрального правительства за этот первый период пребывания Советской власти на Украине, можно отметить наиболее существенные мероприятия Народного Секретариата по международным делам, которые определялись неотложными задачами, стоявшими перед молодой республикой, в связи с ее чрезвычайно тяжелым внутренним и международным положением. Когда в Брест-Литовске собралась мирная конференция, на которой представители кайзера диктовали Советской Федерации кабальные условия мира и поддерживали Генеральный Секретариат Центральной Рады, — рабоче-крестьянское правительство Украины в конце декабря послало в Брест свою делегацию в составе председателя ЦИКУК тов. Медведева и Народных Секретарей т.т. Затонского и Шахрая, дабы от имени трудящихся Украины заявить, что никакие обязательства, принятые на себя самочинным правительством Центральной Рады, не будут признаны ни Советским правительством, ни Украинским народом. Украинская советская делегация в Бресте вошла в состав единой Всероссийской делегации.

Когда, затем, 9-го февраля 1918 года Центральная Рада подписала с немцами и австрийцами мирный договор и призвала их на помощь для борьбы с Советской властью, Украинское правительство, со своей стороны, в ноте Германскому правительству, выразило согласие признать этот договор, гарантирующий независимость Украины, но только с условием невмешательства четверного согласия (Германии, Австрии, Болгарии и Турции) в украинские дела и с условием немедленного увода его войск.

С возобновлением прерванных в Бресте переговоров, Украинское правительство, 24 февраля, делегировало на конференцию Народных Секретарей тов. Затонского и тов. Терлецкого, члена ЦИКУК тов. Руденко и члена ЦИК Киевского Совета тов. Мироновича. Эта делегация, однако, не имела возможности принять участие в работах конференции, так как она не была допущена германскими военными властями, против чего был заявлен соответствующий протест.

О всех вышеизложенных фактах Народным Секретариатом доводилось по радио до сведения правительств и трудящихся всех стран. Было также сообщено о созыве и о работах первого, а затем второго Всеукраинских С'ездов Советов. Были заявлены протесты против вступления на территорию Украины германо-австрийских войск, против чинимых ими жестокостей над мирным населением, равно как против признания правительства Центральной Рады. Была издана декларация о непризнании за Румынией права на оккупацию Бессарабии и т. д. и т. п. Кроме того, в целях урегулирования взаимоотношений с отдельными областями Украинской Республики и с другими частями Федерации, велись переговоры о заключении военного союза Советских Республик с Румчеродом, с Донецко-Криворож-

ской Республикой и Крымской Республикой и было отправлено посольство, под председательством тов. Скрыпника в РСФСР, каковая безоговорочно признала самостоятельность Украинской Республики.

И, наконец, вынужденное под напором немецких оккупантов временно покинуть пределы Украины, Правительство издало 19 апреля из места своей стоянки в Таганроге манифест к рабочим и крестьянам Украины, в котором последние призываются к свержению гайдамацко-германского гнета. Украинские трудящиеся массы услышали этот зов,—по всей стране начались восстания, которые еще более усилились, когда два месяца спустя, в начале мая, при помощи той же германской монархии, Петлюра вместе с другими радовцами был свергнут и воцарился Павло Скоропадский.

Неслыханное порабощение украинских рабочих и крестьян со стороны правительства гетмана Скоропадского, вызвало ожесточенную борьбу против поработителей, которая одновременно с германской революцией привела к образованию в ноябре 1918 года Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины.

В связи с освобождением все большей части Украинской территории от неприятеля, и с увеличением функций по управлению страной, к концу января 1919 года Временное Рабоче-Крестьянское правительство реорганизовалось, и 28 января председателем Совнаркома и Народным Комиссаром Иностранных Дел тов. Раковским была отправлена всем правительствам нота с декларацией Советского правительства в его полном составе. В этой декларации Советское правительство заявляет решимость рабочих и крестьян Украины жить в мире и дружбе со всеми народами и призывает правительства всех стран установить нормальные дипломатические сношения с Украинской Республикой, а правительства всех Советских Республик к заключению с последней оборонительного союза против всяких попыток, с какой стороны они бы не исходили, низвергнуть Советский строй.

Несмотря на эту ноту, союзные войска под верховным французским командованием, продолжали занимать Одессу, Николаев и все остальное Черноморское побережье Украины, поддерживаемые ничтожной кучкой контр-революционеров на юге и, образованной из прежней Центральной Рады, директорией, которая занимала еще Киев. Войска государств согласия проявляли невероятные зверства по отношению к мирному, беззащитному украинскому населению. Но к началу февраля советские войска заняли Киев, и когда, таким образом, почти вся Украина была возвращена под управление рабочих и крестьян, Народный Комиссариат по Иностранным Делам, начиная с 6 февраля, в целом ряде нот правительствам Антанты протестовал против присутствия на украинской территории союзных войск и против чинимых последними насилий и грабежей, в оккупированных ими местностях. Когда лишенная территории и оставленная всеми политическими партиями директория пожелала спасать себя за счет Украины и с этой целью заключила с французским командованием соглашение, которое должно было на 50 лет превратить страну во французскую колонию, Наркоминдел, от имени Украинского правительства, в ноте 26 февраля,

адресованной французскому министру Пишону, протестовал против захватной политики французского правительства и разоблачал сущность фиктивного правительственного образования, именуемого директорией.

Все более существенные дипломатические выступления Наркоминдела за этот второй период пребывания Советской власти на Украине, каковой продолжался до сентября 1919 года, шли по двум направлениям: с одной стороны мы протестовали против политики захвата и насилий империалистических правительств, как по отношению к Украине, так и к другим порабощенным странам, а с другой стороны, мы закрепляли узы дружбы и братства с другими народами, призывая их к совместной борьбе за общее дело освобождения трудящихся и приветствуя их с одержанными уже победами; нота протеста от 5 апреля против захвата Францией военных судов и транспортов в Одессе; переговоры в апреле с французским командованием об уводе французских войск и флота; приветственная телеграмма пролетариату и беднейшим крестьянам всего мира от 14 марта с сообщением о работах III С'езда Советов; обращение ВУЦИК к трудящимся массам Галиции с призывом последовать примеру украинских рабочих и крестьян; обращение к Венгерской и Словацкой Советским Республикам; протест против Версальского мира, берущего в кабалу трудящихся Германии; обмен нотами с Германским правительством по вопросу об освобождении из тюрьмы Карла Радека, назначенного УССР представителем в Берлине и т. д. и т. п.

Когда напор поддерживаемого Антантой Деникина был отражен, Советская власть, возвращаясь после трехмесячного отсутствия на Украину, организуется сначала в виде Всеукраинского Революционного Комитета, и только с марта 1920 года восстанавливается на Украине Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров. Однако, предстоял еще период чрезвычайно тяжелой и кровопролитной борьбы. Союзные державы, разуверившись в Деникине, обратили свои взоры опять на Петлюру, который, после разгрома директории, образовал т. н. Правительство Украинской Народной Республики, и на соседнюю с нами Польшу. В начале мая начинается общее наступление поляков и белогвардейцев, первых с запада, вторых с юга, между тем как в тылу действовали банды Петлюры и Махно. Как до, так и во время войны, Украинское Советское Правительство отдельно или вместе с Российским Советским Правительством отправило Польскому правительству ряд нот, в которых точно определялось, на ком лежит ответственность за войну. Эти ноты имели целью открыть глаза рабочим и крестьянам Польши и через них воздействовать на Польское правительство. Однако, последнее сочло возможным самые существенные из этих нот скрыть от ведома не только широких масс польского народа, но даже от ведома Учредительного Сейма. Таким образом, военные операции поляков развиваются все сильнее и в мае месяце польская армия, поддержанная петлюровскими отрядами, занимает большую часть Правобережья, а затем и самый Киев. В течение целого месяца занятые поляками и петлюровцами губернии Правобережья становятся театром всякого рода

насилий над украинским населением, против чего Наркоминдел Украины совместно с Наркоминделом России заявляют свои протесты, предлагая державам антанты оказывать давление на поляков и прекратить кровопролитную войну. Тогда же Наркоминдел Украины посылает свою ноту-протест правительству Чехо-Словакии против поддержки, оказываемой им Польше в виде разрешения формировать в Чехо-Словакии Петлюровские воинские части и пропускать для Польши военные материалы. В том же духе, в ноте от 3 июля НКИД протестует против признания Петлюры Финляндией.

Выдерживая одновременно натиск со стороны белогвардейских войск Врангеля, выступившего из Крыма и занявшего Мелитопольский район, Украинское Советское Правительство применяло и в этой борьбе, помимо силы оружия, также и меры дипломатического воздействия, выраженного в ряде протестных нот, адресованных в конце апреля и в начале мая правительствам Болгарии, Чехо-Словакии и Англии по поводу явной поддержки, оказывавшейся ими Врангелю и его армии. Начавшееся в это время наступление Красной Армии как на польском, так и на южном фронте, развивается все больше и больше до размеров крупной победы и к концу лета ставит на очередь вопрос о прекращении войны с Польшей и заключении мирного договора.

Первоначальная попытка прекращения военных действий между Польшей и Советской Федерацией выразилась в открытии в августе переговоров в Минске. Минские переговоры были фактически сорваны с начала нашего отступления из-под Варшавы, и вторично вопрос о мире был поставлен уже в сентябре, на основе, предложенной Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, подтвержденной Украинским Советским Правительством. Местом для переговоров был избран город Рига. Эти переговоры привели к подписанию 12 октября 1920 года договоров о прелиминарных условиях мира и о перемирии.

Заключение прелиминарного договора с Польшей и окончательное поражение Врангеля закрывают первый героический период в истории Советской Власти на Украине и в деятельности Народного Комиссариата по Иностранным Делам.

II

ВТОРОЙ ПЕРИОД,—ОТ ОКТЯБРЯ 1920 Г. ДО АПРЕЛЯ 1922 Г.

Еще в апреле, июне и июле 1920 г. были заключены частичные соглашения с Англией, Францией, Италией, Австрией, Бельгией и другими странами об обмене гражданских и военно-пленных, в коих Украина выступала одновременно с Россией. Но заключение этих соглашений с точки зрения противной стороны являлось лишь известной технической необходимостью. С осени же и зимы 1920 г., по примеру Польши и в результате проявленной за весь этот период решительной инициативы Украинского Правительства, эта техническая необходимость переходит, в сознании наших контр-агентов, в необходимость политического характера. На Украину как

будто перестали смотреть, как на лакомый кусок или выгодную колонию и вынуждены были фактически с нею считаться, как с политической и экономической силой и вступать в договорные сношения.

В свете изменившейся, таким образом, международной обстановки становятся понятными предложения, с одной стороны, стран, входивших некогда в состав Российской Империи, как-то—Литвы, Эстонии, Латвии и Грузии, а с другой—государств побежденных или сильно ослабленных мировой войной: Италии, отчасти Германии и Австрии,—заключить с Украиной общеполитические и экономические соглашения или договоры. Этот второй период в международном положении Украины открывается предложением Грузинского правительства от 26 ноября 1920 г. вступить с УССР в переговоры о заключении политического и экономического договоров. Это предложение было принято и местом переговоров была избрана Москва. Переговоры привели к подписанию, 31 января 1921 года общего договора с Грузией.

Еще 13 декабря, когда обменом телеграмм с полномочным представителем Грузии в Москве были уговорены окончательно основы ведения вышеуказанных переговоров, Наркоминдел Украины посылает радио-ноту правительствам всех стран с предложением последовать примеру Польши и Грузии. Результатом этой ноты явились ответные предложения и предварительные сношения с Литвой, Эстонией и Латвией об открытии переговоров в той же Москве.

Переговоры с Литвой привели к подписанию в Москве 14 февраля 1921 года мирного договора. Однако, ратификация основного мирного договора с Литвой значительно затянулась. Со стороны Украины договор был ратифицирован. Литовский же Сейм потребовал внесения дополнений в части, касающейся реэвакуации имуществ литовских граждан и разных частных обществ, эвакуированных во время войны 1914—1917 г.г. равно как вывезенных из пределов Л. Д. Р. на Украину судебных и правительственных дел, архивов, библиотек, музеев и т. д., а также включения отдельной статьи, предусматривающей порядок возмещения убытков литовским гражданам на Украине, пострадавшим от незаконно совершенных реквизиций. Вследствие этого в Харькове 5 апреля с. г. был подписан дополнительный договор. Основной и дополнительный договоры были ратифицированы Литовским Учредительным Сеймом. Ввиду того, однако, что ст. 4 дополнительного договора, которая говорит о возмещении убытков литовским гражданам за реквизиции, произведенные у них вопреки существующим в УССР законоположениям и революционной законности, возлагает обязанность определения установления момента революционой законности на смешанные украинско-литовские комиссии, что находилось бы в противоречии с действующими внутри Республики юридическими нормами,—вторая сессия ВУЦИК 6 созыва этого договора не утвердила. Поэтому обменом нот между Замнаркоминделом тов. Яковлевым и Поверенным в делах Литовской Республики гр. Мошинским было установлено, что Литовское Правительство согласно считать сроком установления револю-

ционной законности на Украине 26 июля 1922 года, т. е. момент, соответствующий постановлению ВУЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых УССР, охраняемых ее законами и защищаемых судами УССР». Благодаря этому соглашению, дополнительный договор мог быть представлен на рассмотрение 3-й сессии ВУЦИК, которая таковой утвердила.

Договор с Литвой носит определенно политический характер; по существу, он заключает в себе взаимное юридическое признание независимости и суверенности договаривающихся государств, декретирует отказ обоих сторон от поддержки каких бы то ни было военных сил, направленных против другой стороны и предусматривает непосредственное установление нормальных дипломатических и консульских сношений.

Аналогичные договоры, тоже в Москве, были заключены с Латвией,—3-го августа 1921 г. и с Эстонией—25 ноября 1921 г. Точно также, как литовский основной договор нуждался в дополнительном договоре, и эти последние требовали составления дополнительных протоколов с целью внесения ясности в некоторые статьи, причем Украинское Правительство естественно настаивало на том, чтобы дополнительные протоколы составляли нераздельную часть самых договоров. Со стороны Латвии, несмотря на далеко идущие уступки Украинского Правительства, согласия не последовало, ввиду чего производившаяся в течение уже продолжительного времени репатриация латвийских граждан была временно приостановлена. Тем не менее происходящие ныне в Москве переговоры между Полпредом УССР тов. Полозом и Латвийским посланником г. Фельдманом, при посредничестве Российского Правительства, привели к благоприятному результату, ибо противная сторона, по примеру Литовского правительства, согласилась по вопросу о возмещении убытков латвийским гражданам на Украине, пострадавшим от незаконно-совершенных реквизиций—признать сроком установления революционной законности на Украине тоже 26 июля 1922 г.

Что же касается сношений с Эстонией, то следует отметить, что дополнительный протокол к основному договору уже подписан обоими сторонами в Москве 27 мая 1922 г. В настоящее время в Харькове пребывает Эстонская репатриационная Комиссия во главе с гр. Тамманом. Договор с Эстонией пока еще не ратифицирован.

Установление тех или иных сношений и заключение договоров с целым рядом других стран относится еще к периоду 1921 г. Этот период, как известно, характеризуется тем, что Антанта, которая отказалась от политики открытой интервенции, вступила на путь использования для борьбы с Советскими Республиками своих вассалов—Польши, Румынии и др. мелких государств. Украине, по ее географическому положению, пришлось принимать на себя значительную часть нажима со стороны этих стран.

Это обстоятельство особенно давало себя чувствовать в сношениях с Польшей. 28 марта 1921 г. был заключен в Риге основной мирный договор. По этому договору Советские Республики, стремясь к установлению

мирного хозяйственного строительства, делают Польше ряд экономических и территориальных уступок, но обязуют Польшу прекратить всякое вмешательство во внутренние дела Республики, будь это в явном или в скрытом виде.

Польша, заключив с УССР мир, не могла уже с оружием в руках выступать против нас, но она открыто поддерживала и организовывала на своей территории белогвардейские банды, возглавляемые Петлюрой, Савинковым, Булак-Балаховичем и др., предназначенные на вооруженную борьбу с Советской Властью. Дипломатическая работа УССР заключалась в том, чтобы разоблачить эти провокационные интриги и поставить Польскую Республику перед необходимостью либо честно исполнять принятые на себя обязательства, либо открыто заявить о своем отказе от соглашения в Риге. В течение всей весны и лета 1921 года продолжалась нотная переписка с польским министерством Иностранных Дел. Наиболее драматическим моментом в ходе этой дипломатической борьбы было пред'явление Польским Представителем в Москве Наркоминделу РСФСР ультиматум 18 сентября. В ультиматуме этом, совершенно игнорируя все законные требования, которые пред'явлены были Польше Советскими Республиками, польское правительство, ссылаясь на мирный договор, выдвигает свои требования, с обязательством выполнения их к 1 октября, в противном же случае угрожает разрывом дипломатических сношений. В ответ на этот ультиматум Наркоминделы РСФСР и УССР категорически заявили, что выполнение обязательств Рижского трактата возможно лишь на началах взаимности, и подчеркнули серьезность по своим последствиям предпринятого польским правительством шага—разрыв дипломатических сношений. В результате этих нот польское правительство фактически сняло свой ультиматум.

В начале сентября произошел обмен между УССР и Польшей дипломатическими миссиями. Представителем УССР в Польше был назначен тов. Шумский, Советником Посольства тов. Хургин, Представителем Польши в УССР был принят г. Пулавский, Советником—г. Беренсон. В настоящее время исполняющим обязанности Поверенного в делах Польской Республики на Украине является г. Харват.

Но в то же время произошел ряд фактов, свидетельствующих о том, что в Польше не было еще изжито течение, ставящее себе целью сорвать Рижский договор. В конце октября в местностях, прилегающих к польской границе, появились банды, пытавшиеся, под предводительством Тютюника широко развить свои действия. Было установлено, что участвовавшие в нападении на территорию Украины банды были стянуты и в большом количестве перевезены польскими железными дорогами не только с ведома, но и при полном участии польских военных властей. Общий смысл политики польского правительства в это время сводился к тому, чтобы не дать окрепнуть Советской власти на Украине и всячески ослаблять ее налаживающееся хозяйство, дабы впоследствие насадить здесь угодную себе петлюровскую власть и, таким образом, создать из Украины, находящейся под польским протекторатом, буферштат между Польшей и Россией. В ноте от 30 октября УССР выразила против действий польских властей энергичный

протест. Польское правительство неизменно уклонявшееся от прямого ответа на пред'являемые ему обвинения, ограничилось голословным отрицанием фактов. Тем не менее, благодаря полному провалу петлюровской затеи, можно считать, что с концом 1921 года наступает определенное охлаждение в агрессивных настроениях польских кругов и, что с того момента принято было решение на более продолжительное время воздержаться от прямой поддержки вооруженных нападений на нашу территорию.

И, действительно, с началом 1922 года мы как будто бы вступаем в полосу мирных добрососедских отношений с Польшей. В развитие Рижского договора, между УССР и Польшей заключается целый ряд конвенций, регулирующих взаимоотношения между обоими сторонами. Впредь до подписания общей железнодорожной конвенции, заключены временные соглашения о железнодорожном движении на участке Здолбуново—Шепетовка и на участке Волочиск—Подволочиск. Кроме того было приступлено в Варшаве к переговорам по заключению общего торгового договора между УССР и Польшей. В апреле между РСФСР, УССР и БССР, с одной стороны, и Польской Республикой, с другой, заключена санитарная конвенция.

Между тем и в течение 1922 г., с Польской стороны, нарушения Рижского трактата, хотя и в несколько иных, чем раньше формах, не прекращались. С ведома и при поддержке польских властей, интернированные в польских лагерях петлюровцы сохраняют свою военную организацию и не прекращают вести контр-революционную деятельность против Советской Украины. Так, например, правительство Украинской Народной Республики в Тарнове не только не ликвидировано, но ему оказывается польским генеральным штабом финансовая и всякая другая поддержка. Многократные протесты по этому поводу со стороны НКИД и нашего Полпредства в Варшаве не дали до сих пор желанных результатов. Кроме того, по отношению к желающим возвратиться на родину интернированным, применяются со стороны петлюровского командования, при участии польских властей, неслыханные издевательства и пытки, против чего были заявлены протесты. Мало того, на территории Украинской Республики появилась целая сеть польских разведывательных организаций, ведущих анти-государственную шпионскую работу с участием сотрудников польских делегаций в УССР. Против этого недопустимого явления был сделан решительный протест в ноте от 18 августа с. г. члена Коллегии НКИД тов. Канарского. Установлению дружеских добрососедских отношений с Польшей мешала также политика польского правительства, выражавшаяся в дипломатическом вмешательстве в наши внутренние дела и во всевозможных придирках по разным мелким вопросам. Не мог также повлиять на улучшение отношений между Украинским и Польским правительствами тот факт, что последним нам было отказано в выдаче интернированного в Польше Нестора Махно, который за свои бесчисленные уголовные преступления разыскивается украинскими судебными властями, причем этот отказ был мотивирован исключительно формальными соображениями, а именно отсутствием экстрадиционного договора. Необходимо, однако, отметить, что в последнее время,

особенно в связи с намечающейся переменой в отношениях Франции к Советским Республикам, видна со стороны Польского правительства тенденция к устранению препятствий, мешавших до сих пор упрочению добрососедских отношений между обоими странами.

В одинаковой степени с Польшей и Румыния, имеющая территориальное соприкосновение с УССР, представляла собой плацдарм, на котором международная контр-революция разворачивала свои силы. Положение осложнялось еще больше, благодаря тому, что между Советскими Республиками и Румынией никаких международных соглашений не существовало, если не считать обязательства, которое приняла на себя Румыния о возвращении Бессарабии и которое она, кстати, старательно забывает.

В целом ряде нот, обращенных к Румынскому правительству, тов. Раковский, ссылаясь на документальные данные и факты, указывал на подготовлявшиеся в Румынии военные действия против Украины, на вооруженные нападения отдельных румынских частей на наши пограничные пункты и т. д. Румынское правительство неизменно отрицало, либо оспаривало эти факты и неизменно уверяло Украинское правительство в своем миролюбии.

На неоднократные предложения Советского правительства о вступлении в переговоры в целях создания устойчивости в дипломатических отношениях, Румынское правительство отвечало, что оно не считает себя на положении войны с Украиной и что, следовательно, обе стороны не нуждаются в таком договоре и в то же время—продолжало поддерживать и создавать на своей территории белогвардейские и петлюровские банды, непрерывно нападавшие на красноармейские части, причем, сплошь да рядом, в этих нападениях принимали участие и румынские войска. Непрекращающиеся стычки в пограничных местностях и в Днепровском Лимане заставили Советские правительства поставить перед Румынией ребром вопрос об установлении определенного режима на Лимане. Румынское правительство, под давлением общественного мнения своей страны, принуждено было принять это предложение. Таким образом, была созвана в июле 1921 года конференция в Днепровском Лимане по вопросам о порядке судоходства в этом Лимане, рыболовстве и др. Переговоры со стороны УССР и РСФСР велись сначала тов. Яковлевым. В дальнейшем они были перенесены в Варшаву, где представители Советских Республик и Румынии подошли к обсуждению отношений между первыми и последней во всем их об'еме. Однако, переговоры эти не привели ни к каким положительным результатам, ввиду того, что противная сторона в основу их клала признание за Румынией захвата Бессарабии.

И в дальнейшем поддержка вооруженных отрядов Врангеля и Петлюры на территории Румынии не прекращалась, вызвавшая протест со стороны НКИД УССР. В целом ряде инцидентов Румыния проявила свое недоброжелательное отношение к Украине. Так, например, ею был принят Махно со своим штабом, бежавший от преследования Красной Армии. На наше требование о выдаче его Румыния уклончиво ответила, что у нее нет данных об уголовной деятельности Махно, что дало последнему возможность

выиграть время и скрыться в Польше. Когда в августе сего года два наших летчика сбились с пути и случайно спустились в Бендерах, они были румынскими властями интернированы и, несмотря на наше требование о их выдаче, таковое до сих пор еще не последовало. Вообще в отношении Украины политика Румынии все время солидаризировалась с политикой Польши и была направлена к максимальному расстройству, при посредстве организации врангелевских и петлюровских банд, нашего народного хозяйства, дабы впоследствии ослабленную Украину заставить войти в союз черноморских государств, под протекторатом Румынии и Польши.

Таким образом, с Румынией нормальные дипломатические сношения еще не установлены.

После заключения договоров с Прибалтийскими странами, очередь пришла за нашей восточной соседкой—Турцией. Начало договорных сношений Украины с Турцией Великого Национального Собрания относится к сентябрю 1921 года, когда в Москве представителем УССР тов. Коцюбинским и чрезвычайным посланником Ангоры Али-Фуад-Пашей была подписана конвенция о репатриации турецких военно-пленных и интернированных граждан.

Но Украинское правительство, движимое желанием установить более близкие и более тесные взаимоотношения с революционной Турцией, а также создать возможность закрепления наших торговых и экономических связей, отправило в Ангору 5 ноября п. г. чрезвычайное посольство, во главе с товарищем Фрунзе. Горячий прием и искреннее радушие, которые были оказаны нашей делегации не только со стороны Ангорского правительства, но и со стороны всего населения, являлись выражением чувств и настроений революционного турецкого народа по отношению к Советской Украине. Созванная в Ангоре конференция представителей обоих стран, заключила 21 января подписанный с нашей стороны тов. Фрунзе договор дружбы и братства, каковой затем был ратифицирован единогласно экстренной сессией ВУЦИК 23 марта, точно также, как он единогласно был утвержден Великим Национальным Собранием. Обмен ратификационными грамотами произошел в июне с. г. в Харькове, когда чрезвычайная миссия Ангоры во главе с Риза-Нур-Беем посетила Украину. Это посещение еще в большей мере сблизило оба братских народа.

Украино-турецкий договор, аналогичный с заключенным еще раньше в 1921 году в Москве, российско-турецким договором устанавливает союз Советской Республики с Революционной Турцией. Этот союз выдержал уже достаточное испытание, как в Генуе, где делегация Советской Федерации требовала участия в конференции представителей Ангорского правительства, так и во время Ближне-восточного кризиса, когда Советские правительства в своих нотах Великим державам отстаивали неоспоримые права турецкого народа на собственную территорию и на проливы и когда, с другой стороны, правительство Ангоры требовало нашего участия в мирной конференции. Остается только выразить уверенность в том, что правительство победоносного турецкого народа, армия которого стоит у ворот Констан-

тирополя, останется и впредь верным своей теперешней политике и, вопреки интригам держав, не позволит себя прельстить временными искушениями помятуя, что дружба с империалистами обозначала бы для молодого турецкого народа не что иное, как экономическую кабалу—сначала—и политическое порабощение—впоследствии.

С Чехо-Словакией с весны 1921 года велись переговоры о заключении репатриационного и торгового договоров. С этого же времени, несмотря на то, что таковые договоры еще не были заключены, в Праге находятся наши репатриационная и торговая миссии.

Такие же миссии были присланы правительством Чехо-Словакии в Харьков. Репатриация чехословацких граждан на родину проводится уже в течение продолжительного времени. С середины текущего года началась также организованная репатриация украинских граждан из Чехо-Словакии. Вообще, Чехо-Словацкое правительство, которое раньше занимало враждебную по отношению к Советской Украине позицию и оказывало активную поддержку как контр-революционным организациям, находящимся на территории Чехо-Словакии, так и их вооруженным бандам, совершавшим налеты на Украину, —это правительство в последнее время—особенно же после Генуэзской конференции,—изменило свою точку зрения и стало способствовать экономическому и дипломатическому сближению между обоими странами. Шестого июня сего года в Праге главой репатриационной миссии, Левицким, был подписан временный договор между УССР и ЧСР. Этот договор хотя и временный, оставляющий открытым вопрос о признании УССР де-юре представляет представительствам договаривающихся сторон все права и преимущества дипломатического корпуса и рассматривает их как единственные представительства подлежащего государства в другой стране. Таким образом этим договором закрепляется фактическое признание Советской власти, от которого переход к юридическому признанию будет лишь простой формальностью. Неменьшее значение договора заключается в тех экономических выгодах, которые он должен дать обоим странам. Являясь прежде всего торговым договором, он вовлекает в круг торговли с нами такую промышленную страну, как Чехо-Словакия. Последняя же, благодаря этому договору, получает возможность облегчить тяжелое положение своей индустрии, положительно задыхающейся без рынков сбыта. Поэтому договор этот и встретил полное одобрение в Чехо-Словацком обществе и в частности в его промышленных и торговых органах.

5-го июля 1920 года был заключен в Копенгагене между правительствами Украинской и Российской Республик и правительством Австрийской Республики договор о репатриации военнопленных и гражданских интернированных обоих сторон. В целях проведения этой репатриации в соответствующих странах были установлены пользующиеся правом экстерриториальности представительства.

Сношения наши с Австрией сводились по преимуществу к техническому проведению репатриации на основе вышеуказанного договора. Но с ликвидацией наших фронтов и по мере расширения торговых связей Украины

с Западом появилась необходимость уточнить и углубить дипломатические и экономические взаимоотношения между обоими странами. С этой целью 7 декабря 1921 года в Вене был заключен между УССР и РСФСР с одной стороны, и Австрийской Республикой с другой, договор, который приравнивает представительства обеих сторон к дипломатическим миссиям.

Для поддержания экономических отношений между договаривающимися сторонами, при дипломатических миссиях учреждаются торговые представительства. Этот договор носит, кроме того, еще определенный политический характер, ибо представительства Советской Украины и Советской России, аккредитованные при Австрийском Правительстве, должны рассматриваться, как единственные представительства этих стран в Австрии. Таким образом, должна была быть вырвана всякая почва из-под ног орудующих в Вене представителей Петлюры и других контр-революционных организаций.

Наши договорные сношения с Германией начались в апреле 1921 г., когда был подписан в Берлине договор о возвращении на родину военнопленных и интернированных граждан. На основании этого договора были учреждены Репатриационные Комиссии, в Берлине и в Харькове.

За весь второй период деятельности Наркоминдела УССР отношение к Советским Республикам Германского правительства, ориентировавшегося на Антанту, не способствовало укреплению дипломатических и экономических сношений между обеими Республиками. И только накануне Генуэзской конференции, в апреле т. г., наблюдается поворот в этой политике. Протоколом от 8 апреля, устанавливаются, в целях экономического сближения обеих стран, торговые представительства в Харькове и Берлине. Однако, торговый договор между обеими странами еще не заключен и находится в стадии подготовки. Вместе с тем ведутся переговоры о распространении на Украину заключенного во время Генуэзской конференции Раппальского Договора между РСФСР и Германией.

Возобновление торговых и дипломатических сношений Украины с Германией ставит вопрос о выдаче Германией Украине 400 миллионов германских марок золотом, история которых такова: во времена гетмана Скоропадского последний заключил с Германским правительством договор о поставке Германии огромных партий продовольствия. Деньги за это продовольствие вносились германским правительством на текущий счет в Германский Банк. Поставка была выполнена, но к тому времени, когда следовало получить деньги, правительство Скоропадского пало, а затем пала сменившая его Директория и власть перешла к Украинскому Советскому Правительству. Эмигрировавшее за границу бывшее Украинское правительство стало обращаться к Германскому правительству с требованием о выдаче им суммы 400 миллионов германских марок и почти добилось своей цели. 10 октября 1920 года в «Дейче Альгемейне Цайтунг» был опубликован текст ноты, отправленной Германским Министерством Иностранных Дел на имя Представителя Петлюры в Берлине, Порша, в которой Германское Министерство принципиально признавало законность претензий и выражало готовность выплатить причитающиеся с него 400 миллионов германских

золотых марок, но только фактическому Правительству Украины, каковым конечно, нельзя было признать Правительство Петлюры, благополучно пребывавшее за границей. Тов. Раковский обратился к германскому правительству с оффициальным протестом против намерения выплатить эти деньги кому бы то ни было, кроме законного Советского правительства. Вопрос повис в воздухе. В настоящее время, когда Правительство Украины находится уже фактически в торговых сношениях с Германией, а вопрос о признании его де-юре остается лишь простой формальностью, Украинское правительство снова возбудило вопрос о получении 400 миллионов марок, не имеющих никакого отношения к государственным вопросам и являющихся совершенно частной сделкой. Со своей стороны Украинское правительство выразило готовность, в порядке зачета, удовлетворить аналогичное требование, поступившее от германских кооперативов об уплате, за поставленные ими на Украину товары в сумме 50 миллионов марок золотом.

С Болгарией у нас не было ни дипломатических, ни торговых сношений. Почти до самого последнего времени Болгария оставалась местом организации русских, белогвардейских сил. Так, в Тырнове находился штаб генерала Кутепова, в Орехове и его окрестностях был расквартирован Марковский полк, в Софии и окрестностях военные училища; русские белогвардейские части снабжались болгарским интендантством и, кроме того, среди русских беженцев производилась, по приказу генерала Кутепова, регистрация добровольцев для пополненая отдельных частей.

Нота НКИД от 3/IV т. г. указывает на недопустимость подобного рода, явлений и предупреждает, что нападение на Украину каких либо военных частей, сформированных или снаряженных Болгарией, будет рассматриваться, как непосредственные военные действия Болгарского правительства против Украинской Республики. Ответная нота, содержить заверение, что Болгарское правительство твердо решило не допускать на своей территории никакой организации враждебной Украине и что оно приняло меры, чтобы парализовать действия, направленные УСР, против которые могли бы быт подготовлены в среде русских беженцев в Болгарии. В последнее времяь устанавливаются с Болгарией довольно оживленные торговые сношения, равно как обмен граждан.

Из Великих держав первая заключила договор с Украиной—Италия.

Итало-Украинское прелиминарное соглашение, подписанное в Риме 26 декабря 1921 года, предусматривает немедленное возобновление мирных торговых сношений между обеими странами. Договор предусматривает воздержание каждой стороны от действий или инициативы, враждебных другой стороне, а также от прямой или косвенной пропаганды вне собственных границ. Кроме того, обе стороны соглашаются не вводить и не поддерживать ни в какой форме блока против другой стороны; соглашаются по отношению к товарам, которые могут законно экспортироваться или импортироваться, устранить все затруднения, препятствовавшие до сих пор возобновлению торговли между Италией и Украиной; не подвергать эту торговлю никаким условиям менее благоприятным, чем по отношению

к какому либо другому иностранному государству; не препятствовать банковским кредитным и финансовым операциям, имеющим отношение к этой торговле, но применять законы этих стран. Итальянское представительство будет иметь свои консульские отделения в Харькове, Одессе и Киеве. Прелиминарное соглашение предусматривает заключение в течение 6 месяцев торгового договора, а затем генерального трактата, который дожен будет заменить все временные соглашения и договоры. Однако, торговый договор все еще находится в стадии подготовки.

Этим заканчивается обзор стран, с которыми мы вступили в те или иные дипломатические сношения в течение первого и второго периода деятельности Наркоминдела УССР. Что касается остальных великих держав, то таковые сношения с ними начинаются лишь с Генуэзской конференции.

III

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (ПОСЛЕ ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Из вышеприведенного краткого обзора наших сношений с иностранными державами явствует, что международное положение Советской Федерации, неразрывной частью которой является Советская Украина, за период времени 1920—1921 г. г., значительно окрепло. Между тем на Западе и во всем мире экономический кризис, созданный империалистической войной и усугубленный дальнейшей политикой буржуазных правительств по отношению к Республике Советов и стран-победительниц к странам побежденным,— этот кризис все больше и больше обостряется. Одной из основных причин этого явления нужно считать тот факт, что вышеуказанная политика с момента Октябрьской Революции, выбросила из сферы мирового хозяйственного оборота как раз ту страну, которая до войны играла для западноевропейской промышленности роль главного поставщика продовольствия и сырья, равно как крупнейшего рынка сбыта предметов производства этой промышленности. Без участия этой страны, без регулярных торговых связей с нею, индустриальные капиталистические государства не в состоянии восстановить свое разрушенное хозяйство, побороть грозный промышленый и финансовый кризис и хоть сколько нибудь ослабить остроту происходящей внутри каждого из них социальной борьбы.

В связи с таким положением вещей правительства Антанты предстали перед необходимостью приглашеиия на международную конференцию советских правительств для того, чтобы урегулировать отношения буржуазных государств к советским и изыскать средства к восстановлению хозяйства Европы.

С другой стороны, Советские Республики, верные своей политике, направленной к мирному экономическому сотрудничеству с другими народами и сами нуждаясь, для восстановления народного хозяйства, в таком сотрудничестве, конечно, немогли отказаться от участия в международной

конференции. Конференция эта была созвана в Генуе. Ее работы продолжались от 10 апреля до 19 мая. На конференции все союзные Республики, согласно постановлению ВЦИК от 27-го января и представителей союзных Республик от 22-го февраля, были представлены единой Российской Делегацией. От Украины в состав делегации вошел тов. Раковский. Перед нашей делегацией стоял вопрос величайшей важности: привлечение к нам иностранных капиталов и способствование установлению такой атмосферы мирного сотрудничества народов, при которой возможно было бы нормальное развитие производительных сил Советских Республик. Программа мира и хозяйственного сотрудничества народов была изложена в известной речи председателя Делегации т. Чичерина на первом пленарном заседании Генуэзской кнференции от 10 апреля. Программа мира, предложенная Российской Делегацией сводилась к всеобщему сокращению вооружений. Наша Делегация также представила сведения о мерах, принимаемых Федерацией для восстановления земледелия, промышленности, транспорта, финансов, а также указала сумму тех кредитов, которые правительство хотело бы получить от Европы для указанной цели, точно начертив вместе с тем, вопрос о гарантиях, которые Федерация готова предложить своим будущим кредиторам. Требования союзников о безусловном признании долгов довоенного и военного времени, и о возврате национализированного имущества бывшим его владельцам без предварительной компенсации в виде предоставления нам кредитов, сделали Генуэзскюу конференцию бесплодной.

Точно также положительных результатов не дала созванная по инициативе Англии международная экономическая конференция экспертов в Гааге, где окончательно должен был быть разрешен т. н. «русский вопрос».

Тем не менее, благодаря этим конференциям, международное положение Советских Республик чрезвычайно усилилось и их престиж в глазах всего буржуазного мира возрос с небывалой до ныне силой. Что касается, в частности, Украины, то ее участие в всеобщей конференции государств обозначает фактическое признание ее со стороны тех из них, которые раньше отказались устанавливать с нею регулярные сношения, а именно со стороны держав антанты. В настоящее время не только Англия, но и Франция начинает проявлять живой интерес к экономическим и дипломатическим сношениям с Советскими Республиками.

И, таким образом, в результате пятилетнего развития ее международных сношений, Украинская Республика и украинский народ могут смело и спокойно смотреть будушему в глаза. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что окончательное и безоговорочное юридическое признание Советской Власти со стороны буржуазного мира еще не наступило. А поэтому союз Социалистических Советских Республик остается и впредь единственной опорой для каждой из входящих в его состав Республик ее международных сношениях. И только на этот союз может и будет ориентироваться Украинская Республика.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМИ РЕСПУБЛИКАМИ.

Составление настоящего отчета совпадает как раз с моментом принятия 3-ей Сессией ВУЦИК в заседании от 16 октября с. г. постановления, согласно которого Украинскому правительству поручается «войти в переговоры с Правительствами Советских Республик об оформлении союзных законодательных и исполнительных органов и в частности органов, руководящих внешней, как общей, так и торговой политикой». В связи с этой инициативой, выдвинутой Всеукраинским Ц. И. К., необходимо, в заключении, остановиться на наших взаимоотношениях с братскими Советскими Республиками.

Характерной чертой этих взаимоотношений за весь период вооруженных столкновений на многочисленных фронтах Республики было то, что они регулировались не столько писанными законами и договорами, сколько повседневной практикой совместной защиты, как в области военной, так и хозяйственной, от нажима со стороны капиталистических государств.

Правда, еще в 1919 году было заключено соглашение от 1-го июня с РСФСР. Соглашение это устанавливало общий принцип взаимоотношений союзных Республик. Но только с ликвидацией фронтов обе Республики приступили к более детальному юридическому оформлению своих взаимоотношений, установившихся в ходе общего строительства и общей борьбы рабочих и крестьян всей федерации. Таким образом, 28-го декабря 1920 года был подписан в Москве договор между Украинской и Российской Советскими Республиками. Договор этот был принят 8-м С'ездом Советов Российской Советской Республики и 5-м С'ездом Советов Украины.

Договор предусматривает установление военного и хозяйственного союза между Россией и Украиной, причем этот союз выражается в форме об'единения 7-ми центральных ведомств обеих Республик: военного и морского, Высшего Совета Народного Хозяйства, Внешней Торговли, Финансов, Труда, Путей Сообщений, Почт и Телеграфов. По этим ведомствам Правительство РСФСР посылает на Украину своих Уполномоченных, которые входят в состав Совета Народных Комиссаров Украины. Общее наблюдение и контроль над об'единенными Комиссариатами осуществляется через всеукраинские с'езды Советов и Центральный Исполнительный Комитет, куда Украина посылает своих представителей. Этим путем установлено соподчинение Уполномоченных Наркоматов РСФСР на Украине органам Верховной Федеративной Власти.

Однако, практика двух последних лет показала, что такая федеративная система страдает существенными недостатками. С одной стороны—отсутствие Верховного Федеративного Правительства (Ц. И. К. и С. Н. К.), составленного из представителей всех входящих в Федерацию Республик, порождает ложное представление о их подчинении РСФСР, а с другой стороны—отсутствие единого сплошного выступления в вопросах внешней

политики, как равно недостаточная координация обще-федеративной хозяйственной политики осложняет политическую борьбу Федерации Советских Республик и их экономическое возрождение в условиях капиталистического окружения.

Вот эти то недостатки и заставили Ц. И. К. Украины выступить с предложением о создании Союза Социалистических Советских Республик. Принимая во внимание, что это предложение отвечает наиболее жизненным интересам нашей Федерации, можно надеяться, что и другие Советские Республики отнесутся к нему доброжелательно. Но тогда открывается новая эра в международной деятельности Украинского Правительства.

Сельское хозяйство на Украине за годы революции

I

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗА ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

В ряду изменений происшедших за время революции в сельском хозяйстве одно из первых мест занимает уничтожение нетрудового землевладения и исчезновение вместе с этим помещичьего хозяйства с арены сельско-хозяйственного производства. Размеры и значение этих фактов видны из следующих данных:

По статистике землевладения 1905 года в девяти губерниях (Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Екатеринославской и Таврической), вошедших затем полностью или большей своей частью в состав Украинской Социалистической Советской республики, распределение земельной собственности было таково:

	Тыс. дес.	%
Частно-владельческие земли	20604,7	46,7
Надельные земли	20127,5	45,6
Земли государства, церкви и учреждений	3374,8	7,7
Итого	44107,0	100,0

Из частно-владельческих земель значительная их часть (5613,7 тыс. дес. или 27,2%) ко времени первой революции уже перешла к крестьянам на праве частной собственности. В последующие годы (до начала европейской войны) переход нетрудовых земель к крестьянам происходил еще более ускоренным темпом и крестьянское землевладение увеличивалось ежегодно на 200—220 тыс. дес. К 1917 году во владении крестьян в тех-же девяти губерниях находилось, как можно думать, уже свыше 28 милл. десятин или 64% всей земельной площади. Остальные 16 мил. дес. или 36% всей земли оставались в нетрудовом владении [1]). Пользуясь только что установленными процентными отношениями и рядом других данных, мы можем составить следующий приблизительный расчет.

[1]) Крестьянское землевладение мы условно отождествляем с трудовым, а земли всех прочих владельцев относим к нетрудовым. Более точное разграничение трудового землевладения от нетрудового слишком затруднительно по свойствам имеющихся материалов.

Земельная площадь УССР в ее теперешних границах равна 41.539 тыс. дес. Из этого числа к началу революции 1917 года должно было находиться во владении крестьян 26.585 тыс. дес. (64%) и прочих владельцев— 14.954 тыс. дес. (36%). Из этой последней земли отошло:

В государственный лесной фонд	3049	тыс. дес.
Под советские хозяйства	327,8	„ „
В государственный луговой фонд не менее . . .	113,5	„ „
Городам не менее	68,2	„ „
Сахарным и винокуренным заводам не менее . .	270,4	„ „
Рудникам и горным заводам не менее	33,8	„ „
Прочим учреждениям не менее	283,7	„ „
Итого	4147,4	тыс. дес.

Таким образом к крестьянам могло отойти не более 10.807 тыс. дес., что по отношению к земельной площади, находившейся до революции в их владении, составляет 40%.

Нетрудовые земли далеко не все эксплоатировались их владельцами или крупными арендаторами. В значительной своей части они сдавались по мелочам крестьянам и таким путем уже до революции входили в состав крестьянских хозяйств. Поэтому данные о размерах трудового и нетрудового землевладения еще не позволяют судить о сравнительной роли, какую играли предпринимательские и трудовые хозяйства в земледельческом производстве Украины. Некоторое представление об этом могут дать сведения о размерах посевной площади, какой располагали те и другие хозяйства. По сельско-хозяйственной переписи 1916 г. в девяти украинских губерниях из посевной площади принадлежало: хозяйствам крестьянского типа 81,4%, хозяйствам частновладельческим 18,6%.

Но восполнить весь недосев помещичьих хозяйств крестьянские хозяйства оказались все таки не в состоянии и в общем итоге посевная площадь уменьшилась на 20%.

Окончательная ликвидация помещичьего хозяйства, происшедшая в результате революции, должна была сказаться уменьшением посевной площади против 1916 года на 18,6%. Правда, эта ликвидация открывала возможность для трудовых хозяйств расширить свою запашку. Но украинское крестьянство, к сожалению, до сих пор далеко не вполне использовало эту возможность.

В 1916 году посевная площадь Украины (в ее нынешних границах) равнялось 19264 тыс. дес., а в 1921 году всего только 16288 тыс. дес., т. е. была меньше на 15,4%. Отсюда следует, что к 1921 году крестьянство не только удержало свою посевную площадь в пределах 1916 года, но и несколько увеличило ее за счет помещичьей запашки. Но последняя была далеко не вся использована крестьянами. По отдельным районам расширение крестьянских посевов было далеко не равномерным; оно наблюдалось только в северных губерниях; в большинстве южных губерний произошло сокращение посева и на крестьянских землях.

И до революции крестьянские хозяйства были не в состоянии сразу-же подхватить всю ускользавшую из помещичьих рук посевную площадь и таким образом поддерживать земледельческое производство края в прежних размерах. Они могли это делать лишь постепенно, и это понятно: чтобы освоить новую землю и ввести ее в круг своих хозяйств, крестьянам необходимо было в той или иной мере перестраивать их и для этого, конечно, нужно было время.

В результате революции больше всего помещичьих земель должно было перейти к крестьянам, как мы видели, в правобережных и южных губерниях Украины. Между тем эти именно губернии дольше всего оставались театром военных действий. Вследствие этого не только в 1920 году, но и в 1921, (о 1922 годе, как исключительном, мы пока не говорим), значительные площади помещичьих земель в правобережных губерниях не были еще освоены крестьянами и оставались незасеянными. Этим, как можно думать, и об'ясняется, прежде всего, значительное уменьшение посевной площади в Правобережьи сравнительно с 1916 годом. Та-же причина до известной степени действовала и в южных губерниях. Но здесь крестьянам помешали быстро расширить запашку за счет помещичьих земель и даже сохранить имевшуюся у них раньше и другие обстоятельства. Не малую роль в этом отношении, как можно думать, сыграли процессы, происходившие в последние годы в среде самого крестьянства.

II

Кроме уничтожения нетрудового землевладения и помещичьего хозяйства, революция произвела существенные изменения также в распределении земли и других средств производства в среде самого крестьянства. Данные относящиеся к отдельным и притом разнообразным местностям, не оставляют сомнения, что революция в сильной степени нивеллировала крестьянские хозяйства и привела большинство их в каждой местности приблизительно к одному и тому же уровню.

Так в 1917 году посевная площадь многоземельных хозяйств в полтавской губернии превосходила посевную площадь безземельных в 332 раза по расчету на одно хозяйство и в 151 раз по расчету на душу, а в 1920 г. первая превосходила последнюю всего лишь в $3^1/_2$ раза по расчету на хозяйство и менее чем в три раза по расчету на душу.

Такого же характера изменения произошли и в обеспеченности хозяйств различных групп скотом. У хозяйств, которые в 1917 году были безземельными или малоземельными, количество скота значительно увеличилось, у многоземельных—уменьшилось. В средних же группах оно изменилось сравнительно мало.

Одновременно мы также наблюдаем, что особенно сильно сократилось число многосеющих хозяйств,—так, по Шостенскому уезду Черниг. губ. процент хозяйств с посевом от 6 до 8 дес. уменшились почти в три раза, с посевом от 8 до 10 десятин—в 4 раза слишком, а сеющих свыше

10 дес.—в 8 раз слишком. Таже картина—сокращение крайних групп и увеличение средних наблюдалось и в южных губерниях. Все эти данные относятся к 1920 г. Между тем такой же процесс, несомненно, продолжался и дальше, при чем в некоторых местностях в конце 1920 года и начале 1921 г. он происходил, как можно думать, усиленным темпом.

В 26 уездах, по которым были подсчитаны продналоговые списки, 1921 г., хозяйств, имеющих свыше трех дес. на едока не нашлось и 1%. Более детальное изучение тех же списков обнаружило, что хозяйства высших продналоговых групп отличаются наименьшим семейным составом, (чуть не в двое меньше среднего). Эти хозяйства, таким образом, при малом семейном составе, сосредоточивают в своих руках сравнительно немного земли и по общим своим размерам но очень сильно выдаются над средними хозяйствами. Это дает право думать, что кулацких хозяйств, приближающихся по своим размерам к помещичьим, ко времени составления продналоговых списков 1921 года на Украине почти не оставалось—во всяком случае, они были крайне немногочисленными.

III

Следующими по своему значению факторами, мимо которых нельзя пройти, характеризуя условия сельского хозяйства, были изменение рыночных условий и расстройство промышленности. С началом империалистической войны почти совершенно прекратился вывоз нашего зерна за границу. Это особенно тяжело отозвалось на сельском хозяйстве южных экспортирующих губерний,—в частности, на рыночные культуры (озимая и яровая пшеница, ячмень).

Одновременно, с разгаром гражданской войны транспортная связь была почти совершенно порвана. Сельское хозяйство каждого уезда было предоставлено самому себе. В результате в сельском хозяйстве стали замечаться натурально-потребительские тенденции, Они усилились еще более в связи с промышленной разрухой, Расстройство отраслей промышленности которые непосредственно обслуживали хозяйственные нужды земледельческого населения, в значительной мере, если не целиком, обусловило оскудение крестьянских хозяйств мертвым инвентарем.

Но разрушение городской промышленности тяжело отозвалось на крестьянском сельском хозяйстве и с другой стороны. Слабая связь города с деревней под влиянием разрушения промышленности и понижения покупательной способности городского населения,—порвалась почти совершенно, Деревня стала жить самостоятельной жизнью. Все это повело к тому, что крестьянское хозяйство полунатуральное и в довоенное время, в последние годы целиком замкнулось в круг своих натурально-потребительских интересов. В разультате—колоссальное сокращение, или вернее, полное уничтожение ценнейших рыночных культур (табак, хмель, сахарная свекла и в меньшей мере—картофель) и значительное расширение площади продовольственных хлебов.

По всей Украины посев отдельных культур в 1921 г. по сравнению с 1916 годом изменился следующим образом:—(уменьшение,+увеличение озимые—21,6%, ранние яровые—15,3%, поздние яровые+12,4, масличные+38,0, сахарная свекла—88,7 [1]) прочие—27,4.

Уменшились и притом особенно значительно среднее количество десятин посева на одно хозяйство. В Одесской—с 10,72 д. в 1917 г. до 5,98 д. в 1920 г.—в Николаевской за тот же период с 12,44 д. до 7,58д., Киевской—с 2,11 д. до 1,89, Кременчугской—с 4,96 до 1,89 дес.

Отметим, причиной этого прежде всего, усиленные семейные раздели, какие повсеместно происходили в крестьянской среде в последние годы. По возвращении солдат с фронта процесс дробления крестьянских хозяйств пошел усиленным темпом. В общем же в деле ослабления крестьянских хозяйств и понижения их среднего уровня виднейшую роль сыграла далее и гражданская война, с реквизициями, неуверенностью в прочности своего положения и бандитизмом, продолжавшимся местами почти в течение всего 1921 года и наконец и продразверстка соединенная с воспрещением частно-хозяйственного оборота.

Неурожай 1921 года, поразивший юг Украины, отозвался значительно тяжелее на сельском хозяйстве, чем все вышеперечисленные неблагоприятные факторы. Сравнительно небольшое сокращение посевной площади, наблюдавшееся до 1921 г., в 1922 г. принимает катастрофический характер, причем наибольший недосев наблюдается в южных губерниях и значительно меньший—в частично пораженных неурожаем (Полтавская, Харьковская, Кременчугская):

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ

	в 1921 г.	в 1922 г.	УМЕНЬШЕНИЕ	
			в тыс. дес.	в %%
Урожайные губ. . . .	4.440 т. д.	4.702 т. д.	+ 262 т. д.	+ 5,9%
Среди неурож. губ .	3.993 » »	3.732 » »	— 261 » »	— 6,8%
Неурож. губ.	7.855 » »	5.498 » »	—2357 » »	—30,0%
По Украине.	16.288 » »	13.932 » »	—2356 » »	—14,5%

Одновремено и число высших сеющих групп (от 6,1 дес.) сокращается в 2 раза и за их счет увеличивается количество нисших сеющих групп.

Явившееся в результате войны обнищание народных масс, наблюдаемое не только у нас, но и в Западной Европе, вызвав усиленное потребление продуктов с меньшей калорийной ценой явилось причиной, изменившей расценки продуктов полеводства и животноводства, оказавшейся очень неблагоприятной для последних. Довольно высокая расценка животноводственных продуктов, установившаяся под влиянием целого ряда причин во время войны,—с ее окончанием претерпевает резкие изменения.

[1]) Без Киевской и Подольской губ., где сахарная свекла вошла в графу «прочие».

Это отзывается падением животноводства. Падает в первую очередь промышленное животноводство. Проследить это можно на том факте, что средняя обеспеченность земледельческих хозяйств скотом сильнее всего понизилась там, где она была выше всего и где число хозяйств, особо богатых скотом, как можно думать, было наиболее велико. В Киевской губ., где среднее количество скота, приходившееся на хозяйство, составляло в 1917 г. менее 5 голов, оно уменьшилось к 1920 г. всего лишь на 7%, а в Одесской губ. с 9,66 голов оно упало до 6,90, т.-е. уменьшилось на 29%.

Главнейшие измененея в животноводстве степной полосы за время революции (1916—20—21) гг. таковы: количество всех лошадей упало с 2288,6 тысяч до 1880,8 тысяч, т.-е. мы потеряли 407 тыс. лошадей; по отношению к 1916 году остаток их в 1920 году составляет всего 82,2%. Из общей прибыли конского состава на долю лошадей рабочего возраста приходится 314:700 и процент сокращения их еще более значителен.

Картина изменений численности крупного рогатого скота несколько иная. В губерниях Донецкой и Одесской наблюдается небольшое увеличение на 10—12%, а в остальных губерниях—наоборот—незначительные уменьшения. Число коров во всех губерниях увеличилось. Увеличилось и число волов, в особенности в тех районах, где убыль лошадей за эти годы была особенно велика. Наоборот, количество молодняка старше 1 года почти во всей степной полосе заметно уменьшилось.

Обращаясь к численности овец, следует сказать, что абсолютное количество их в общем в крестьянских хозяйствах несколько увеличилось. Свиней в 1916 году числилось в степном районе 1.570.800, а в 1920 г.— 1.655.400, увеличение на 84,6 тысяч, т. е. свиноводство увеличилось за революционный период на 5,4%. Что же касается состояния и развития животноводства за период 1916—20 гг в остальной части Украины, то имеем возможность проследить изменение животноводства за истекший период только по 4 губерниям (из семи губерний отсутствуют материалы по 3 губерниям). Здесь количество лошадей уменьшилось почти по всем губерниям, причем больший процент убыли падает на категорию рабочих лошадей. Количество рабочих волов за эти годы во всех этих губерниях значительно увеличилось. Количество коров везде почти значительно увеличилось, тогда как число голов молодняка особенно в возрасте старше одного года сократилось.

Свиноводство увеличилось в губерниях: Киевской и Полтавской в среднем на 23.9%. Значительно пострадало свиноводство в Черниговской губернии, дающая процент сокращения в 16,6% и менее значительно в Подольской губернии (—4,0%). 1920/21 сельско-хозяйственный год существенных изменений в состояние скотоводства не внес.

Нанес сокрушающий удар животноводству степной полосы голод 1921—22 года; лошади в голодных губерниях пострадали больше, чем на 50%, а овцы на 40%; несколько лучше сохранился крупный рогатый скот) %% убыли не больше 30%), а потери в свиноводстве колоссальные —% убыли по району больше 85%. Одновременно понизилось и число хозяйств голодающих губерний, обладающих лошадьми.

В Екатеринославской губ. число хозяйств с лошадьми уменьшается с весны 1921 г. до весны 1922 г. с 76% до 49,6, а безлошадных увеличивается с 24% до 50,4%. В Запорожской за тот же период процент хозяйств с лошадьми падает с 83,7% до 52,9%, а безлошадных возрастает с 16,3% до 47,1%.

Наконец, отметим, что за последние годы понизилась и средняя обеспеченность крестьянских хозяйств мертвым инвентарем. В 1917 г. на 100 хозяйств приходилось в Киевской губ. 33 плуга, 1,1 сеялки и 0,7 жнейки, по Одесской соответственно—55; 9,4; 27,9. В 1920 г. мы имеем по Киевской губ. плугов—26, сеялок—0,6; жнеек—0,5, а по Одесской соответственно—51; 7,2; 20,2.

Расстройство сельского хозяйства, явившееся результатом отмеченных выше неблагоприятных условий последних лет, в особенности же потери, понесенные крестьянским хозяйством в южных губерниях,—поставили перед Наркомземом, как основную задачу—восстановление сельского хозяйства Украины до его нормальных размеров.

ВЕСЕННЯЯ И ОСЕННЯЯ ПОСЕВКАМПАНИИ 1922 ГОДА

Наркомзем к началу осенней посевкампании 1921—22 года оставил за собою функции планирующего и направляющего органа. Функции же снабжения полеводства были переданы: Акционерному Обществу «Село-Техника» (мертвый инвентарь) и Акционерному Обществу «Село-Помощь» (посевной материал).

Для проведения весенней посевкампании 1922 года Наркомзем в первой половине декабря 1921 года организовал Посевное Управление; на местах были организованы Губ. и Упосевкомы.

Задание площади ярового посева, по сравнению с 1916 г., в 1921 г. было определено: из 12.786 т. д., засеянных в 1917 г. и из 11.305 т. д. засеянных в 1920/21 г., в 1922 г. засеяли 11.258 т. д.

Самой первой и неотложной задачей посевкампании явилась необходимость снабжения неурожайных губерний посевматериалом.

Получили они посевматериала—2.644.065 пудов, что превысило урезанный план УЭС, в размере 2.500.000 пудов. Однако, эта государственная помощь неурожайным губерниям, путем внегубернской переброски, не покрывала их потребностей в посевматериале. Дополнительно было получено из фонда КНС 1.474.207 пудов.

Далее, когда выяснился полный неурожай 1921 года в ряде губерний, было приступлено к заготовке засухоустойчивых, максимально урожайных и дешевых культур.

Наибольшее внимание было уделено кукурузе.

Ее было распределено 2.367.000 пудов. Прочего посевматериала (ячмень, фасоль, просо, селекционные огородные и полевые семена) из-за границы было доставлено 263.830 пудов, из коих ячменя 231.570 пудов.

По первоначальному плану снабжения предполагалось из всего наличия посевматериала 40% отпустить в продажу, а 60% в ссуду. Но в дальнейшем чрезвычайно ослабевшая покупательная способность населения вызвала значительное увеличение ссудной части.

Практика работ по снабжению населения зерном, путем госпереброски, показала, что указанная работа трудно выполнима, так как требуется много расходов, отнимает много энергии и времени. В силу этого обстоятельства Наркомзем предложил Губземотделам выделить 25-ти десятинные волостные участки, подлежащие засеву весной 1922 г. Они и должны были явиться первоначальными источниками постоянного бронированного семенного фонда.

Обращаясь к учету фактического результата весенней посевкампании, мы должны констатировать, что задача, поставленная Республикой, выполнена далеко не в полной мере. Посевная площадь яровых в 1922 году понизилась, по сравнению с площадью 1921 г., почти на 30%. Правда, в общем, за немногим исключением, вся потребность в посевматериале степных губерний была удовлетворена и она могла бы, при наличии прочих равных условий, поддержать площадь ярового клина на уровне 1921 года. Если же этого не случилось, то исключительно потому, что 1) посевматериал был получен настолько изголодавшимся населением, что последнее вынуждено было на него посмотреть в первую очередь, как на предмет продовольствия для себя и скота и 2) часть посевматериала не могла быть использована населением ввиду его фактического истощения и отсутствия надлежащего количества живого инвентаря.

К посеву озимых осенью 1921 года сложились крайне тяжелые условия. В самый разгар сева установилась очень сухая погода почти по всей Украине. Зима также была неблагоприятной для озимых, особенно в южных губерниях. Снежный покров не отличался особенной толщиной и плотностью. В феврале же и первой половине марта имели место сильные колебания температуры; оттепель с туманностями чередовались с большими морозами, доходящими до 20°. Весна была дождливая, но в июне же месяце наступил засушливый период, который присадил все хлебные культуры, дружно пошедшие в рост с весны.

В отношении вредителей сельского хозяйства необходимо отметить, что громадная площадь недосева, отсутствие культурных способов обработки земли, крайняя засоренность полей, создали весьма благоприятную почву для беспрепятственного размножения разнороднейших вредителей поля, сада и огорода. Отсутствие планомерной борьбы с вредителями в течение 7-ми лет превратило сады, леса, огороды и поля в настоящие рассадники разнороднейших вредителей с.-х. культур. В результате часть полевых культур совершенно погибала от вредителей. К началу 1922 г. в некоторых губерниях численный состав работников по защите растений от вредителей было увеличено, но стремления Губземотделов к сокращению не самоокупающихся учреждений, свело работу по борьбе с вредителями на нет. Расчеты же на самодеятельность населения не оправдались. Отсутствие ядов и аппаратов борьбы также сильно сказалось на работах.

Касаясь урожайности полеводства в 1922 году, мы должны отметить, что более благоприятные метеорологические условия нынешнего года, сравнительно с прошлым, повлияли на высоту урожайности в благоприятном для нее смысле. Средний урожай восьми главных хлебов Украины в 1921 г. достиг 54,6 пуд. в то время, как в прошлом году он достигал только 20,2 пуд. В общем урожайность одной десятины текущего года почти приближается к довоенному времени.

Какова урожайность главнейших восьми хлебов Украины в 1922 году сравнительно с 1921 г., видно из следующего:

Рожь в 1921 г.—35,5 м. пуд.; в 1922 г.—60,1 м. пуд.; озим. пшеница—12,3 и 45,1; яров. пшеница—11,0 и 46,5; ячмень—10,5 и 61,5; овес—33,2 и 65,4; просо—27,2 и 42,2; гречиха—23,4 и 44,9; кукуруза—21,8 и 50,8.

Валовой же сбор в текущем году (655006,6 т. п.) также выше валового сбора 1921 г. (298.495,1 т. п.), но все же он далеко не достигает величины нормального валового сбора в 955.655,7 т. п.

В отношении снабжения сельского населения мертвым инвентарем 1922 год надо рассматривать годом искания таких организационных форм развития этого дела, при которых возможно было бы удовлетворить и нужды сельского хозяйства, и двинуть дело развития отечественного машиностроения. До 1922 г. государственное снабжение мертвым инвентарем производилось бесплатно. В связи же с переходом к новой экономической политике государство оставило за собою бесплатное снабжение только опытных учреждений, с.-х. и учебных заведений.

Значительная часть инвентаря ушла из ведения Наркомзема: часть в Акц. О-во «Село-Техника», часть—в кооперацию. Специальный фонд, оставшийся у Наркомзема, был распределен по губерниям для организаций, оставленных на госснабжении. Причем около 60% этого количества пошло для агробаз и около 40% для опытных учреждений.

Сельско-хозяйственное население, как известно, снабжалось не единолично, а через снабжение прокатных пунктов, откуда оно могло пользоваться сначала бесплатно. Всего по Украине этих пунктов было—2994. Крайне слабо обеспеченными прокатными пунктами оказались наиболее пострадавшие от неурожая губернии. Если к этому прибавить слабую снабженность их инвентарем (в некоторых губерниях по 1 плугу на пункт) и то, что значительная часть инвентаря находится в неисправности, то и станет ясным небольшое значение этих пунктов.

В основу плана осенней посевной кампании было положено то соображение, что увеличение озимого клина возможно довести до размеров уменьшения половины недосева, образовавшегося по сравнению 1921 года с 1916 годом. Считаясь со значительным размером озимого фонда и разоренностью крестьянского хозяйства в неурожайных губерниях, отпуск озимого подлежал выдаче в размере 60% с ссуды на один год и 40% предназначалось для продажи.

В первую очередь посевное зерно в ссуду подлежит отпуску хозяйствам, имеющим подготовленную для озимого землю, но не имеющим

собственного озимого посева. Во вторую очередь ссуду получают семьи красноармейцев и незаможные селяне, не имеющие собственного озимого посева.

Фонд озимой посевной кампании 1922 г. составлялся из следующих цифр: 1) от РСФСР через НКПр.—3.200.000 пуд., 2) из возврата ссуд 21 г. по 7 губ.—294.000 пуд., 3) заготовки «Село-Помощи»—893.000 пуд. Всего—4.387.000 пуд.

Операция переброски должна была начаться 15 августа и закончиться 15 сентября. В действительности она началась значительно позже и закончилась не ранее срока губерниями Полтавской, Киевской, Харьковской и Одесской, и очень отстала Кременчугская губ.

III

ЖИВОТНОВОДСТВО

Перед сельским хозяйством Украины в области животноводства в настоящее время, стоят две основные задачи: количественное восстановление животноводства и качественное его улучшение.

В отношении первой задачи роль НКЗ, по существу дела, сводится к созданию предпосылок, стимулирующих развитие этой отрасли сельского хозяйства. Задачу же непосредственного увеличения животноводства страны—НКЗ поставил себе только в отношении степной полосы пораженной недородом. По плану должно быть в первую очередь закуплено для неурожайных мест 2000 жеребцов и 4000 быков. Задача возложена на «Село-помощь».

До отчетного периода заготовлено в Одесской, Николаевской и Запорожской губ. свыше 3.000 голов. Лошадей до настоящего момента закуплено в Киевской и Волынской губ. всего до 400 для нужд, в первую очередь Николаевской и Запорожской губ.

В области качественного улучшения животноводства в первую очередь было обращено внимание на насыщение страны племенным материалом, понесшего большие потери за время войны. Из числящихся на Украине 884 конных заводов и 6-ти заводских конюшень, насчитывавших 36.489 производителей к 1921 году значилось всего 8 конзаводов и 3 заводских конюшни при 360 лошадях. И если до 1914 года одна кровная лошадь приходилась на 118 лошадей, то теперь одна кровная лошадь приходится на 33.799 лошадей.

В настоящее время в ведении Управления Государственными конными заводами находятся 4 конных беловодских завода (число лошадей—115 при 34.000 дес. земли), затем Харьковская заводская конюшня (46 дес. земли и 56 лошадей).

Приняты далее в ведение НКЗ: Абазовский завод (Полтавский уезд) лошадей 40 шт. (рассадник английских чистокровных лошадей), Дубровский (Полтавской губ.) рассадник Орловского рысака и Горного Ардена)—147 лош.

Хорошевский (Полтавской губ.)—37 лошадей (рысистая упряжная лошадь) и Степное (Одесской губ., Вознесенского уезда) лошадей—69. Укргосконза-

водами, в соответствии с потребностями страны, дано каждому заводу задание на разведение определенного типа лошадей. Закупку лошадей предположено начать с 1923 года и закончить в 1926 году, к каковому времени заводы должны располагать 3500 производителями. Открытие заводских конюшен на местах начнется в 1923 году.

От племенного скотоводства Украины за годы гражданской войны почти ничего не осталось. Недород 1921 года окончательно доконал и те, сравнительно небольшие, остатки плем-скота, которые были собраны усилиями земорганов. В этом году были выделены 9 племенных хозяйств, с общей площадью земли в 9445 дес. Один из рассадников «Антонина» представляет из себя специально рыбоводственное хозяйство, с общей площадью под водой в 2309 дес.

По 9 племрассадникам имеется: 306 шт. племенного рогатого скота, и племенных свиней—106. На очереди дальнейшее укомплектование рассадников. Затем предположено при каждом Госплемрассаднике создать небольшие (около 50 семей) промышленно-показательные пасеки, с оборудованием при них мастерских пчеловодных принадлежностей и специальных рассадников белой свиньи и птичников.

В настоящее время, хотя за отсутствием средств для покупки новых производителей и огромной недостачи зоотехнического персонала, дело восстановления случных пунков подвигается медленно, хотя большинство Губземотделов и уделяет им большое внимание. По Украине, по имеющимся данным, насчитывается 369 случных пунктов с количеством производителей: 765 жеребцов, 681 бугая, 217 хряков и 420 баранов.

Регистрация племенных животных в крестьянских хозяйствах дало по 7 губерниям крупного племенного животного (лошадей и рогатого скота)—45.000 голов.

МЕРОПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Среди мероприятий культурно-просветительного характера следует отметить работу по организации Высших Курсов для подготовки специалистов по животноводству.

ВЕТЕРИНАРНОЕ ДЕЛО

Ветеринарное дело на Украине преследует следующие основные задания: охрана животноводства от эпизоотий, а также предупреждение и лечение болезней животных и охрана народного здравия путем предупреждения и прекращения заразных болезней животных, переходящих на людей.

Украина в настоящее время располагает чрезвычайно ограниченным ветеринарным персоналом. Всего по Украине числится 682 врача и 1362 фельдшера. Для обслуживания же одних только имеющихся в настоящее время 600 участков, из коих только 161 имеют лечебницы, а остальные только амбулатории, и 384 фельдшерских пунктов, административных единиц Губветотделов и Уветотделов, бактериологических и противочумных станций необходимо иметь 798 врачей и 1612 фельдшеров. А кроме того

имеется, ведь, еще сеть боен, скотопригонных пунктов и прочих учреждений. Но даже и эта недостаточная сеть организована крайне неудовлетворительно. Для примера из 600 участков только 153 или 25,5% находятся в собственных оборудованных помещениях, остальные 447 или 74,5% в наемных, и только частично приспособленных.

Чума—к началу 1921 года хотя несколько и ослабела, сравнительно с 1920 годом, но тем не менее захватывала почти все пространство Украины. К началу 1922 года, благодаря предпринятым мерам борьбы, осталось только 7 „чумных" губерний с общим числом чумных пунктов 209 и 1.297 заболеваний. В Запорожской, Кременчугской, Волынской и Полтавской губ. чума была ликвидирована.

К 1-му же сентября чума была ликвидирована во всей Украине. Тем не менее, несмотря на достигнутое относительное благополучие, нельзя быть уверенным, что чума ликвидирована окончательно. Опыт прошлого дает нам определенные указания, что чума через более или менее длительный период, после наступившего затишья, может давать неожиданные вспышки. Поэтому, как мера предохранения, по линии Днепра и Десны, для контроля за пригоняемым скотом устанавливаются пропускные пункты количеством до 52.

Эпизоотия сапа на Украине после чумы рогатого скота занимает доминирующее положение. В то время, как чумой болело в 1921 году 32.586 гол., сапом заболело 13.120 гол. Процент выздоравливания при чуме довольно большой (в 1921 году выздоровело около половины болевших), а при сапе отход почти равен 100% убитыми и павшими. В 1921 году зарегистрировано 9.463 случая сапа. Первое полугодие 1922 года дает общее число зарегистрированных случаев эпизоотии 2.862.

Чесоткой в 1921 году болело 90.700, а в 1-м полугодии 1922 года—свыше 49.000 животных. Такое положение показывает, что меры борьбы с чесоткой являются недостаточными.

Сибирской язвой за 1921 г. заболело 6.344 живот., пало 3.633, в 1-ой половине 1922 г. заболело 2460 и пало 1421 животных. Как программу-минимум признано необходимым наметить прививку до 10% всего скота; она должна быть выполнена осенью 1922 года и весною 1923 года.

На Украине в течение 1-го полугодия 1922 года ветперсоналом была оказана помощь 712.878 животным при 875.568 случаях пользования их. На первом месте по ветлечебной деятельности стоит Харьковская губерния, а на последнем—Волынская губерния. 93% всего приема животных падает на долю крупного скота. Из ветлабораторий в настоящее время на территории Украины работает 8 лабораторий, одна станция вырабатывает сыворотку против чумы рогатого скота и 2 против чумы свиней. Тяжелое положение, в которое были поставлены лаборатории предшествующими годами, еще не изжито, хотя оно постепенно улучшается. Совершенно заглохла Волынская лаборатория. За 1-ое полугодие 1922 года, производство вакцин и культур возросло, но за то производство сыворотки стало меньше. Об'ясняется это сокращением количества сывороточных животных, вследствие необеспеченности фуражем.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ

На общем фоне нашего зернового хозяйства для некоторых районов Украины имели и, несомненно, будут иметь довольно видное значение специальные культуры.

Огородничество на Украине, как в довоенное время, так и в настоящее, развивалось в двух направлениях: огородничество трудовое, обслуживающее, главным образом, натурально-потребительские нужды хозяйства, и огородничество промышленное, находящееся в руках профессионалов-предпринимателей.

Относительно первой формы огородничества, обслуживающего, по преимуществу, потребительские нужды самого производящего населения, говорить не приходится. Что же касается чисто промышленного огородничества, то последнее было в довоенное время развито, главным образом, в местностях, примыкающих к таким крупным городским центрам, кка Одесса, Николаев, Харьков, Киев, а отчасти наблюдалось и по некоторым речным долинам. Война, вызвавшая большие затруднения в продовольственном вопросе, заставила обратить на огородничество особо серьезное внимание, что и вызвало значительное расширение огородной площади. Однако, данные об огородной кампании 1921 г. определенно подчеркивают потребительское назначение огородов, размер площадей которых колеблется около 60 кв. саж. на 1 душу.

Говоря об огородничестве, нельзя обойти молчанием появления, в связи с продовольственными затруднениями, потребительских огородов при городских и фабрично-заводских центрах. В сторону всемерного укрепления этой формы огородничества и была направлена вся работа Земорганов в 1920—21 году.

Степень удовлетворения потребностей в семенах этих огородов выразилась: для Екатеринославской губернии в 60%, Киевской—80% и Харьковской—90,5%.

В 1922 г., в связи с частичным восстановлением транспорта и частной мелко-капиталистической промышленности, вновь появились промышленно-полукапиталистические огороды, с другой—крестьянское промышленное трудовое огородничество получило импульс для своего восстановления и развития. В связи с означенными переменами в общей хозяйственной кон'юнктуре и работа Наркомзема в 1922 г. получила новое направление. Центр тяжести из области снабжения был перенесен в сторону содействия правильной постановке крестьянского огородничества путем устройства показательных огородов и введения улучшенных сортов, устройства показательных пунктов по переработке и пр.

Естественно, исторические условия Украины являются чрезвычайно благоприятными для широкого развития садоводства.

В 1887 году, общая площадь садов в 9 украинских губерниях равнялась 210,5 тысяч дес. В настоящее время садоводство в сильной степени подорвано. Существовавшая раньше, сеть плодовых питомников, площадью около

1.150 дес. снабжавших ранее население исходным посадочным материалом, пришли к полному упадку. Поэтому, НКЗ и было уделено должное внимание вопросу воспитания дичкового материала.

Положительные результаты этой работы уже оказываются, и все губернии можно считать полностью насыщенными дичковым материалом. По имеющимся сведениям, в питомниках Земорганов по 4-м губерниям: Екатеринославской, Киевской, Кременчугской и Черниговской к осени сего года уже имеется посадочного материала, годного к отпуску населению в количестве до 120.000 саженцев. Из других мероприятий необходимо отметить устройство лекций, бесед, чтений, специальных курсов среди населения и показательных садов.

Виноградарство в 1914 г. охватывало на Украине около 33.000 дес., дававших $3^1/_2$ миллионов ведер вина. Сейчас культура винограда сократилась на 70%. В этом году было создано Управление виноградарства и виноделия на Украине, которому передан ряд винодельческих совхозов и виноградных питомников. Сейчас НКЗ занят созданием питомников для снабжения в достаточной мере населения лозой на филоксерно-стойчивых подвоях.

Культура хмеля получила свое широкое развитие в Волынской губ. Она с 140 дес. в 1887 г. к концу 1913 г. возросла до 6000 дес., что давало возможность вывоза хмеля за-границу на сумму до 7.000.000 руб. золотом. Уже к 1915 году, в Волынской губ. было под хмельниками только 4,490 дес. В последние же годы, площадь хмеля сократилась на 95%.

Ввиду большого значения культуры хмеля в Волынской губернии Наркомземом было проведено постановление, закрепляющее земельные участки, занятые под культурой хмеля, за трудовым населением. В районе культуры хмеля имеется специальный персонал, ведущий работу по восстановлению хмелеводства.

Украинское табаководство в свое время занимало 23.282 дес. или $^1/_8$ всей площади под этой культурой в РСФСР, а по производству табачного сырья немного меньше половины.

Наркомзем, в целях поощрения этой культуры среди трудового населения, провел постановление о наделении трудовых хозяйств, ведущих культуру табака, сверх общей засеянной нормы по $^1/_5$ десятины на хозяйство. На опытных же станциях ведется работа по изучению культуры табака и распространению среди населения знаний по этой культуре.

АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

Истекший год прошел в предварительной работе по собиранию агрономических сил, в области же агрономической помощи населению—он не дал значительных достижений. Об'яснение этому явлению надо искать, прежде всего, в перенесении центра тяжести работы на восстановление пострадавших от неурожая местностей, землеустройство и другие насущные стороны работы земорганов. Наряду с этим шла также работа по распространению с.-х. знаний, пропаганде разного рода улучшений, введению в сельское хозяйство новых культур кукурузы на юге и кормовых культур в северных

и западных губерниях, пропаганда мер борьбы с засухой, как путем ознакомления населения с засухо-устойчивыми растениями, так и путем пропаганды более целесообразных севооборотов, нежели практикующиеся населением приемы накопления влаги в почве—пары и зяблевая вспашка.

Пропаганда велась как устным путем устройства лекций, бесед, курсов, так и печатным—путем издания и распространения брошюр, листовок, плакатов и т. п. В этом году по стране проведено впервые большое количество с.-х., по преимуществу, мелкорайонных выставок, которые дали и дадут материал для предстоящей в 1923 году Всероссийской сельскохозяйственной выставки.

Всего по Украине на 2-е полугодие 1922 года имелось агроперсонала 2135 чел. при 707 агрономических участках. В среднем агроному приходится обслуживать от 75—100 населенных пунктов. Это одно говорит о состоянии нашего агрономического аппарата. Центр тяжести вопроса об удовлетворительной постановке агропомощи заключается в недостатке высоко квалифицированного персонала агрономов-организаторов. Среди агроперсонала: лиц с высшим с.-х. образованием—16%, с средним—31%, с нисшим—46%, без с.-х. образования—7%.

Наркомзем обратил внимание на соответствующую дополнительную подготовку наличного агроперсонала путем устройства повторительных курсов для агрономов, и курсов по отдельным специальностям. Коренное же решение вопроса о подготовке агроперсонала, как в качественном, так и в количественном отношении, дается пока Главпрофобром.

В заключение нельзя не указать на плохое материальное положение агроперсонала и отсутствие операционных средств (передвижения, литературы и т. д.), вредно отражающихся на работе агрономов.

Что касается опытных станций и полей, то их по Украине насчитывается всего 46 с 5.000 дес. земли. Опытные учреждения Украины, возникшие в большинстве своем перед войной, не успели обзавестись достаточно, материально окрепнуть. В дальнейшем же, в 1920 и 1921 г.г. опытные учреждения сильно пострадали от засухи. А посему, в последние годы жизнь опытных учреждений, к сожалению, протекает в изыскании финансово-материальных средств для своего существования и поддержание непрерывности научно-опытной работы.

В результате бандитизма разрушены Плотянская опытная станция (Одесской губ.) и, чрезвычайно ценная для степной Украины, Сватовская опытная станция (Харьковской губ.), многократно ограблена бандитами Млиевская садовоогородная опытная станция Кременчугской губ.; ограблена бандитами Аджамская опытная станция Николаевской губ. Погибли от руки бандитов: Помощник Заведывающего Сватовской станцией агроном Д. И. Гундобин и агроном В. Н. Спесивцев, Заведывающий Подставской опытной станцией.

Слабая финансовая поддержка опытных учреждений со стороны государства жестоко отразилась и отражается на их деятельности.

Отсутствие финансовых средств приводит к тому, что вместо развития и укрепления, все дело ослабляется и разрушается. Накопленный за эти годы научный материал, в большинстве, без средств, не увидит света, а без этого ценность работы опытных учреждений пропадает совершенно.

Несмотря на эти тяжелые условия, опытные с.-х. учреждения дали целый ряд весьма ценных выводов, указывающих способы повышения урожая наших полей и способы борьбы с засухами и сорняками. Найдены кормовые растения, дающие богатые корма. Изучены детально культуры сахарной свеклы, кукурузы, проса и картофеля. Найдены способы культуры таких малопроизводительных земель, как пески, болота, солонцы. Выведены новые сорта хлебов, дающие высокие и устойчивые урожаи. Найдены меры борьбы с головней и другими вредителями и т. д. и т. д.

Селекционные Отделы станциии успели вывести ряд чистых линий и проверить их преимущества в сортоиспытании. Они выпускают на рынок в текущем году до 30.000 пудов чистосортного и улучшенного семенного материала, который закуплен Совхозтрестом, Сахаротрестом, с.-х. кооперацией и другими для дальнейшей репродукции. Особо шла и будет вестись работа по акклиматизации и сортоиспытанию заграничной кукурузы, селекции и репродукции семян сахарной свеклы. Качество материала способно выдержать конкурренцию с лучшими заграничными семенами.

Силами, главным образом, специалистов опытных учреждений были произведены краткосрочные с.-х. курсы для инструкторов и для крестьян. Число проведенных курсов 152, слушателей—4755 человек.

Как новое явление, следует отметить Клубы сельской молодежи при Носовской Опытной Станции, имеющие большой успех.

ТРЕСТИРОВАННЫЕ СОВЕТСКИЕ ХОЗЯЙСТВА

Постанояением Особкома от 27 сентября пр. года в деле организации совхозов был введен принцип самоокупаемости и хозяйственного расчета, а охрана совхозов ставится в зависимость от соответствия общим планам строительства и способности данного совхоза к дальнейшему развитию. Всего к тому времени по Украине насчитывалось 826 совхозов с площадью в 386.316 дес. Из них культурных хозяйств 48 с 57.530 дес., мощных совхозов 298 с 117.326 дес., менее сильных 156 с 88.151 дес. и слабых, намеченных к сдаче в аренду, 324 с 123.309 дес. В них волов 3074 и рабочих лошадей 5033, служащих—2076, рабочих—11,489. Анализ материалов обследования показывает, что состояние совхозов во второй половине 21 года является неустойчивым. Состояние это еще больше ухудшается вследствие необычайной засухи, поразившей пять южных губерний Украины.

26 мая 1922 года УЭС утверждается положение «об об'единении совхозов» в «Укрсовхозтрест». Целью об'единения совхозов, согласно положения, является развитие на Украине крупных форм государственного

сельско-хозяйственного производства, а также способствование развитию и улучшению мелкого крестьянского хозяйства, путем снабжения его улучшенным сельхозматериалом. Укрсовхозтрест, согласно положения, является самостоятельным предприятием и осуществляет свои задачи под общим наблюдением Наркомзема. Трестирование было формально закончено лишь в августе пр. года. На 1 мая с. г. трестировано было из 728 совхозов 323 с земельной площадью в 137.340 дес. Волов—1977, раб. лошадей—2357, орудий для обработки почвы и посева—7537 (локомоб.—91), по уборке урожая—2317. Племенного скота—4756 рогатого скота и 875 лошадей. Администрации—4146 чел., рабочих—4210. Результаты трестирования в общем таковы Средний размер хозяйства повысился с 467 до 602 дес. Соответственным образом возросло и имущественное повышение среднего трестированных совхозов. В 1921—2 с.-х. году было посеяно озимых—11472 дес., яровых—22720 дес., пропашных—6907 дес., трав—1496 дес., сейчас ведется заготовка рабочего скота для трестированных совхозов Николаевского, Одесского, Донецкого, Запорожского, Харьковского и Киевского районов, в количестве до 1200 голов и приобретены производители крупного рогатого скота.

Для улучшения хозяйственной техники в области полеводства даны задания на обработку паров, зябловую вспашку и озимые посевы в текущем году. Обращено внимание на расширение культуры корне-клубо-плодов и постановку полевого травосеяния. Идет снабжение районов необходимыми для производства материалами, и сбыт и переработка продукции—в частности, заготовка овощей, хлеба для голодающих губерний, реализуются фрукты, перерабатывается виноград (до 30.000 ведер) и т. д.

I

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА

Цифровых материалов о состоянии коллективного движения и положения коллективных хозяйств очень мало. В настоящий момент земельными органами учтено 3033 с.-х. коллектива, об'единяющих 218.773 душ населения, из которых 66.172 души трудоспособных. Наибольшее число колхозов дает Одесская губ.—559 и наименьшее Кременчугская (62) и Подольская (50).

Однако, 3033 с.-х. коллектива—цифра далеко не охватывающая фактического развития коллективных хозяйств, ибо довольно значительное число колхозов находится вне поля зрения земорганов. В среднем на 1 колхоз приходится 21,8 работников и 72,1 едоков, т. е. на 1 работника приходится 3 с лишним едока, между тем в 1918—19 г.г. отношение едоков к работникам было значительно менее благоприятным: до 4—6 нетрудоспособных едоков на 1 работника.

В отношении социального состава с.-х. коллективов сведения еще более скудны.

В отчетный период социальный состав и имущественное положение 2.707 коллективов был такой:

ГУБЕРНИИ	Социальный состав в %%			Имуществен. состав	
	Крестьяне	Рабочие	Интеллиг.	Не имеющ. жив. инвен.	Не имеющ. мертв. инвентаря
Полтавская	82,8	7,5	9,7	6,2	10,9
Екатеринославская.	82,4	6,9	10,7	21,7	25,7
Одесская	78,1	17,5	4,4	нет сведен.	39,3
Харьковская.	53,6	5,6	40,7	69,0	69,7
Донецкая	77,0	16,3	6,7	42,5	63,7

В общем преобладают незаможные крестьяне, но не везде. На юге Запорожской, Одесской и Николаевской губерний и середняки и бывшие кулаки. Кроме того в Донецкой губернии заметную роль играют крестьяне-шахтеры (16,3%), а в Одесской губернии безработные грузчики (17,5%). В Харьковской губернии добрую долю составляют интеллигенты (40,7%).

Обращаясь к условиям, в которых протекает коллективное движение, остановимся прежде всего на землеустройстве. Здесь не все обстояло благополучно. Выяснилось, что во многих местах земля коллективам не была отведена в один отруб. Где пахать, где сеять—не всегда знает коллектив. Это одно. Другое—еще более опасное—заключается в том, что при утверждении устава и регистрации того или иного коллектива и после подачи таковыми заявления об отводе земли в одном куске, члены коллектива немедленно исключаются в своей волости из старых наделов. Фактически же отвод земель производится с убийственной медлительностью.

Обращаясь к площади колхозов надо отметить, что сведения о ней являются наименее достоверными. Это связано, прежде всего, с условиями землеустройства колхозов, затрудняющими учет их земель.

Поэтому посемейно-имущественные списки дают сведения лишь о той земле, которая им фактически отведена в постоянное пользование.

Всего по 9-ти губерниям—исключая правобережные—площадь колхозов равна 221.909 дес. В среднем, на 1 колхоз приходится до 70 дес., а работников приходится на колхоз 22, т.-е. на одного работника, оказывается, приходится 3,1 дес. Норма очень мала для украинского хозяйства и не соответствует средней норме на едока.

Состояние хозяйства коллективов крайне разнообразно,—в зависимости от социального их состава. Недород и бескормица сильно подорвали колхозы, но все же они устояли в этой борьбе и продолжают стремиться к улучшению своего хозяйства. Некоторые колхозы испытывали крайнюю нужду в инвентаре (рабочие и интеллигентские). Типичные крестьянские колхозы юга испытывали острую нужду в семенном материале. По 9 губерниям (исключая правобережные) имелось в колхозах 27.055 лош., 5644 волов, 20370 коров, 7196 плугов, 2364 буккеров, 2549 сеялок и 894 жаток

В наиболее организованной Одесской губернии на 1 колхоз приходится 5 лошадей и 6 коров, тогда как в 1921 году средняя цифра была 10—12 лошадей. Убыль скота сказалась и на размерах посевов в колхозах. Семенную помощь от государства коллективы получили в размере 15% озимого клина. В весеннюю посевную кампанию колхозы снабжались семенной ссудой в размере 25% ярового клина.

Агрономическая помощь коллективам хорошо поставлена в Одесской, Екатеринославской и Николаевской губерниях. Агрономические новшества вообще не пугают коллективы; наоборот, имеются основания утверждать, что коллективы быстро перейдут к улучшенным системам обработки земли, если создадуться необходимые для этого условия.

Союзы колхозов стали возникать во второй половине отчетного года. Строятся они по кооперативному принципу, но в основу своей деятельности ставят взаимопомощь. Оборотных рессурсов союзы не имели. Операции производили на паевые взносы и целевые вклады. Крепки союзы были в Одесской, Николаевской и Запорожской губерниях. В смысле самопомощи коллективы сделали много, но дальше не пошли,—не было оборотных капиталов.

В дальнейшем самостоятельное существование союзов колхозов не оправдывало себя. Встал практический вопрос об'единить коллективы с кооперативами, уже имеющими аппарат, созданный руками государства, вернее сказать, его средствами. Теперь стоит реальная задача—помочь колллективам создать в кооперат-союзах хозяйственно-об'единяющие центры и через аппарат кооперат-союзов укрепить хозяйственную мощь коллективов.

В деле помощи колхозам отводится известная роль обществам «Село-Техника» и «Село-Помощь»—колхозы становятся пайщиками их.

Одно из видных мест в деле возрождения колхозов будет, несомненно, принадлежать с.-х. кооперации, но формы связи с последней еще не ясны. С момента предоставления губерниям возможности снабдить коллективы посевматериалом как будто бы началось оживление работы по коллективному строительству села—особенно со стороны незаможных. За ними забронировано 300.000 пуд. посевматериала для выдачи в ссуду коллективам из незаможных.

Далее, на Госбанк возложена обязанность предоставить долгосрочный кредит на восстановление сельского хозяйства в коллективах. Действительно предоставление Госбанком кредита коллективам из незаможных будет одной из реальных мер по ускорению вхождения коллективов в Райсельсоюзы и завоевания в них соответствующего влияния.

В заключение, несколько слов о сельско-хозяйственной кооперации Не останавливаясь на организационной работе отдела с.-хоз. кооперации НКЗ укажем, на следующие черты развития ее за последний год. Размах ее работы значительно сужен из-за обнищания крестьянского хозяйства, на которое она опирается. Незначительны и размеры ее кредитования. Что касается направления деятельности сельхозкооперации, то она дает заметный уклон, в отличие от прошлого, в сторону производства. Сбытовые

операции перестали играть первенствующую роль. Сельско-хозяйственная кооперация кредитует плантаторов, организует свои рассадники, племенные хозяйства и т. д

По данным на 1 апреля 1922 г. по Украине имелось кооперативных организаций: универсальных—2163, мелочных и маслодельных—95, скотоводных—4, пчеловодных—64, свекло-сахарных—273, семеноводных—18, садо- и огородоводных—71, плодоводных—11, табаководных—13, кредитных—12, виноградарных—8. Со включением других весьма немногочисленных кооператорганизаций всего—2745.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО НА УКРАИНЕ

До октябрьской революции общая площадь лесов 8-ми Украинских губерний составляла около 4.447.501 дес. На долю частно-владельческих лесов приходилось около 70% всей площади лесов. Леса казенные и удельные составляли 21% общей площади лесов, леса крестьянские около 8% и церковные около 1%. Наиболее рационально велось лесное хозяйство на Украине в лесах казенных и удельных. В лесах частно-владельческих, за небольшим исключением, велось хищническое хозяйство. Еще в худшем состоянии были леса крестьянские.

Чрезвычайная бедность Украины лесами и неравномерность их распределения по территории страны являются обще-известными фактами. Несомненно и отрицательное же влияние отсутствия лесов на климат и сельское хозяйство страны. В пределах Украины всегда наблюдается резкая разница в отношении подверженности засухам и неурожаям юго-восточной и южной части Украины—почти совершенно безлесных, по сравнению с лесистой северо-западной и западной частью.

Поэтому, поскольку будущее Украины заключается в развитии сельского хозяйства и промышленности, развитие лесного хозяйства на Украине будет одним из фактов, служащих прогрессу основных отраслей народного хозяйства. И в прежнее время на лесоводство на Украине смотрели именно с этой стороны, не стремясь сделать его об'ектом эксплоатации.

Еще в 1912 г., при общей сумме обыкновенных доходов казны в 3.105.917.000 рублей, лесной доход составлял 87.879.000 рублей. В то же время расходы на лесные культуры составляли по 8-ми Украинским губерниям 38% всех расходов на лесные культуры по Европейской России.

Предварительные статистические сведения о лесах Украины, их производственных рессурсах и государственном лесном хозяйстве таковы: общая площадь лесистости на Украине в настоящее время равна около 3 217.507 дес., что составляет около 7,5% лесистости. (Близка к Голландии (8%) и Дании (6%), средняя лесистость Европы—30%!) Распределение общей площади лесов по отдельным губерниям чрезвычайно неравномерно. Процент лесистости отдельных губерний колеблется от 22%, по Волынской губ., до 2,3%, по Екатеринославской губернии.

Сейчас, в первую очередь, во всей остроте становится вопрос о немедленном облесении огромной площади вырубок и невозобновившихся лесосек

явившихся в результате чрезмерных рубок за последние годы и отсутствия работ по лесовозобновлению. В настоящее время непокрытая лесом лесная почва составляет приблизительно 870.527 десятин, т. е. около 32% от всей удобной лесной площади. Необходимо отметить, что молодые насаждения в лесах Украины занимают около 44%, средневозрастные 31% и спелые всего лишь 25%. Общая площадь государственных лесов сейчас занимает 2.878.000 дес., т. е. 89,5% общей площади лесов Украины.

По плану Наркомзема устройство всех лесов Украины на площади 3.217.507 дес. должно быть закончено в ближайшие пять лет.

АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Охрана лесов сейчас укомплектована достаточно: средний обход лесника равен 289 дес., а средний об'езд об'ездчика равен 1.612 дес. Для сравнения укажем, что до войны на Украине в казенных лесах (данные 1912 года) средний обход был равен 341 дес., а средний об'езд 1.929 дес.

Лесоустроительные работы постепенно разворачиваются. Пройдено около 50.060 дес. леса, с'емка произведена на 95.000 дес.

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В 1921/2 ГОДУ

К началу отчетного года по всем губерниям было учтено земли 23.034.837 дес. и населения 22.117.528 чел. Наиболее сложным, вследствие отсутствия материалов о трудовом землепользовании в 1917 году, являлся вопрос о выработке, так называемых, едоцких норм.

В Кременчугской, Николаевской, Одесской и Черниговской была выработана одна потребительно-трудовая норма, в остальных же губерниях две-норма наделения (потребительно-трудовая) и норма оставления (трудовая). Размер первой колеблется по республике от 0,5 до 3 дес., второй—от 3—до 21 дес.

Замельное обеспечение населения Украины изменилась с начала революции до настоящего времени следующим образом: на едока приходилось: в Волынской губ. до революции 1,31 дес.—сейчас 6,55 д.; Донецкой—соответственно—1,56 и 7,8; Екетеринославской—2,06 и 10,3; Запорожской—2,03 и 10,15; Киевской—1,56 и 7,8; Кременчугской—1,2 и 6; Николаевской—2,69 и 13,45; Одесской—1,81 и 9,45; Подольской—1,17 и 5,85, Полтавской—1,33 и 6,65; Харьковской—1,08 и 5,4; Черниговской—1,8 и 9,4.

В зависимости от наличия сил и средств темп и характер работ по учету и отводу земель не везде был одинаков: в Одесской и Николаевской губерниях к началу 1922 года были закончены учет земли и населения и большая часть селенных отводов, между тем, как в Харьковской, Полтавской и Черниговской к тому же сроку учетные работы едва превышают 1%, а к производству селенных отводов первые две губернии совсем не приступали. Все же земорганам удалось проделать крупную работу, произведя волостные и селенные отводы на площади 8.200,765 дес. хотя эта площадь и не исчерпывала всей сельско-хозяйственной территории Республики.

В ожидании окончательного землеустройства, крестьянин не склонен был затрачивать свой труд и капитал в земельный участок, не будучи уверен, что этот участок сохранится за ним и на будущее время. В связи с этим Всеукраинский с'езд Советов, для «поддержания у трудовых земледельцев хозяйственно-производственного интереса» издал 2/III—21 года закон о закреплении за трудовыми хозяйствами землепользования на 9 лет. Согласно этому закону, а также изданной в его развитие инструкци 2/IV—21 г. закрепление земельных участков обусловливалось окончанием отобрания излишков у кулаков и отводов земель культсовхозам, сахзаводам и для других государственных нужд. В соответствии с этим Земорганам в самый разгар летнего периода пришлось изменить составленный в начале года план работ и главное внимание уделить землеустройству учреждений и предприятий.

В течение 1921 года Земорганами для нужд учреждений и предприятий, а также для нужд сах—и вин—промышленности было отведено 2.404.925 дес. В то же время летний период и краткость срока не дали Комитетам Незаможных Селян закончить отобрание излишков, благодаря чему подвешенное состояние землепользования крестьянства осталось неустраненным к началу отчетного года.

1922 год является годом перелома в области землеустройства. План работ в этом году предусматривал: 1) отвод земли сольско-хозяйственным об'единениям на площади в 12.576.535 дес., в том числе коллективам—51.147 дес., 2) отвод земли для нужд промышленности и государственных учреждений и предприятий—1.319.557 дес.; 3) отграничение гослугфонда и землеустройство запасного фонда для целей заселения и концессий—1.357.018 дес.; 4) закрепление землепользования на площади 125,274 дес. 5) внутриселенное землеустройство—на 308.699 дес.; 6) учетные работы на площади 1.100.996 дес. Всего землеустройство должно было охватить площадь в 16.783.179 дес. В данный момент еще преждевременно подводить итоги проделанной на местах работы, полная картина—выявится только по окончании полевого периода, т. е. после 1-го ноября. Тем не менее из неполных сведений, полученных с мест, вырисовывается общий ход и характер землеустройства на I/X. Прежде всего необходимо отметить, что центр тяжести работ на землях трудового пользования под давлением населения был перенесен на внутриселенное землеустройство. Из кратких сообщений с мест, видно, что предпочтение отдается коллективной и отрубной формам землепользования, причем тяга к первой из них наблюдается, главным образом, среди незаможных. Большое внимание уделяют общества, с общинной формой землепользования, установлению многопольного севооборота, а большие селения—образованию выселок и поселков в целях устранения дальноземелия и вклинивания. В общем внутринадельное землеустройство охватило площадь в 1.055.424 дес., из них 590.646 законченных, остальные находятся в стадии исполнения.

На 1 октября волостные и селенные отводы были произведены на площади в 2.459.074 дес. в стадии исполнения.—2.258.173 дес. всего же

волостным и селенным землеустройством занята площадь в 4.717.247 дес., что составляет около 37%. задания благодаря финансированию, успешно протекали работы по отводу земель госучреждениям и сах—и вин-промышленности. Предположено было землеустроить 1.319.557 дес., выполнено 940.143 дес., в стадии исполнения—380,206—100%. задания. Но землеустройство сахарных заводов охватило только 60% всей площади. Есть уверенность, что к концу полевого периода работы будут закончены полностью.

Чрезвычайно слабо развивались работы по отграничению гослугфонда и землеустройства запасного для целей колонизации и концессии. Из общей площади 153.680 дес. отграничено всего 66.049 дес. Для нужд колонизации намечено 1646 участков с 883.624 дес.—из них в Николаевской—414.507 дес. и Одесской 313.392 дес. Предложены к сдаче на концессионных началах 78 ун. с 348.069 дес.

Значительно подвинуты работы по закреплению землепользования, достигнув площади 1.804.126 дес. и превысив задания более, чем на 1000%. Отобрание излишков в текущем году производилось в двух губерниях Полтавской и Черниговской, где было из'ято 695.104 дес. Итого в течение 1921—22 г. было отобрано у кулаков 1,001.678 дес.

По общему количеству исполненных землеустроительных работ всех видов впереди идет Одесская губ., затем Волынская, Донецкая и Екатеринославская, сильно понизились работы в Николаевской губ. и по прежнему слабо обстоит дело в Черниговской и Полтавской и чрезвычайно неблагополучно в Харьковской, за исключением работ по землеустройству сахзаводов.

Несколько особо стоит деятельность Наркомзема по переселению, расселению и устройству беженцев голода. Всего через регистрационные пункты Наркомзема в г. Харькове исключая «самотек» прошло 4778 семей и 20357 едоков.

Обратно прошло к местам выхода 637 семейств и 2896 едоков. Остальная масса переселенцев осела на Украине, и было устроено на государственном запасном фонде 7013 сем. и 36051 едоков, приписалось к обществам 2181 сем. и 11582 едоков. Поступило в Совхозы и учреждения рабочими 218 сем. и 1088 едок., неустроенными остались более 16100 едок. Малоземелие некоторых губерний Украины остро ставит вопрос о переселении в губернии с большей земельной обеспеченностью. В Наркомзем сделаны заявки Черниговской губ. и Киевской губ., из последней уже направились ходоки, главным образом, в Одесскую губернию. Намечается также и внутри губернское расселение, но точных сведений о размерах его до сих пор не поступило. Можно думать, что в будущем оно значительно разовьется.

Чтобы подвести прочный правовой фундамент под новый земельный строй, был издан ВУЦИК 27/V 1922 года Основной Закон о Трудовом Землепользовании. Сущность его сводится к следующим трем основным положениям: 1) Закрепление за волостями и селениями в постоянное пользование всего законно предоставленного количества земли, находящегося

в их фактическом пользовании, 2) неот'емлемость права трудового землепользования на землю и лишение его лишь в случаях, прямо в законе указанных и 3) установление свободы выбора способов землепользования и предоставления права каждому выдела из общества причитающейся на его долю земли. Для обеспечения устойчивости поземельных отношений и ограждении прав каждого на землю от посягательства со стороны, закон ВУЦИК от 13/IX 1922 года, предусматривает образование особых волостных, уездных и губернских земельных комиссий, на которые и возлагается рассмотрение спорных земельных дел. Оба эти акта не исчерпывают еще всех сторон земельного права и нуждаются в больших дополнениях. Они не разрешают вопроса о земельном обществе, не затрагивают основной ячейки земельных отношений деревни двора, ничего не говорят о переделах и семейных разделах, о городских и государственных землях. Все это и составляет содержание кодекса законов о земле, внесенного Наркомземом на рассмотрение Законодательных установлений.

С изданием основного закона о трудовом землепользовании, землеустройство получает новый смысл и значение. Раньше государство ставило своей задачей распределить всю землю между селянами по уровнительному принципу в обязательном для населения порядке. В соответствии с этим и землеустройство носило сплошной и обязательный характер. С момента закрепления за селянами фактического землепользования, по ст. 32 закона, разграничение земли между селениями с целью поравнения земли—отпадает, прекращается таким образом и сплошное и обязательное землеустройство. Землеустроительные работы производятся только для создания населению наибольших удобств в землепользовании, путем устранения черезполосицы, дальноземелья и проч и выполняются по инициативе и на средства заинтересованного населения. Государство же оставляет за собою право производства обязательных землеустроительных работ на землях трудового пользования в двух случаях: 1) когда имеется на лицо межволостная и межселенная черезполосица, вредная в хозяйственном отношении и 2) когда отводами земель для нужд промышленности затронуто землепользование окружающих селений.

D041042621
Duke University Libraries